

ДИАНА ГЭБЛДОН

Дыхание
снега и пепла

История, ставшая
культовым сериалом
«Чужестранка»

Чужестранка в одном томе (новое оформление)

Диана Гэблдон

Дыхание снега и пепла

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Дыхание снега и пепла / Д. Гэблдон — «Эксмо»,
2005 — (Чужестранка в одном томе (новое оформление))

ISBN 978-5-04-178951-0

1773 год. Улицы Бостона заполнены протестующими, а в лесной глуши Северной Каролины горят хижины одиноких поселенцев – первые тревожные вестники приближающейся Американской революции. В этом хаосе губернатор призывает Джейми Фрэзера объединить людей для защиты английской колонии и сохранения власти короля. От своей жены Клэр Джейми знает, что через два года случится непоправимое, и тот, кто останется верен королю, будет либо мертв, либо отправлен в изгнание. Несмотря ни на что, Клэр с Джейми вновь надеются, что их семья, которая не знает границ времени, сможет изменить будущее.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-178951-0

© Гэблдон Д., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Книга 1	7
Пролог	7
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	53
Часть 2	60
Глава 8	60
Глава 9	61
Глава 10	76
Глава 11	78
Глава 12	80
Глава 13	83
Глава 14	85
Глава 15	90
Часть 3	99
Глава 16	99
Глава 17	102
Глава 18	105
Глава 19	107
Глава 20	115
Глава 21	129
Глава 22	140
Глава 23	142
Глава 24	153
Глава 25	161
Часть 4	170
Глава 26	170
Глава 27	174
Глава 28	190
Конец ознакомительного фрагмента.	200

Диана Гэблдон

Дыхание снега и пепла

*Книга посвящается
Чарльзу Диккенсу
Роберту Льюису Стивенсону
Дороти Сэйерс
Джону Данну Макдональду
и
П. Г. Вудхаусу*

Diana Gabaldon
A BREATH OF SNOW AND ASHES
Copyright © 2005 by Diana Gabaldon

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского А. Черташ (части 1–9),
Г. Бабуровой, О. Бельшиевой, Ю. Рышковой (части 10–12)

© А. Черташ, перевод на русский язык, 2022

© Г. Бабурова, О. Бельшева, Ю. Рышкова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Книга 1

Накануне войны

Пролог

Время. Люди говорят о времени множество вещей, которые они говорят о Боге. Здесь всегда есть некое предсуществование и нет конца. В этом слове звучит безграничное могущество – ибо ничто не может противостоять времени. Ни горы, ни армии.

И конечно, время лечит. Дайте чему угодно достаточно времени, и время обо всем позаботится: боль утихнет, невзгоды исчезнут, потери уйдут в прошлое.

Земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не уйдешь в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься.

И если Время – это Бог, то, полагаю, Память не что иное, как Дьявол.

Часть 1 Слухи о войне

Глава 1 Прерванный разговор

Собака почуяла их первой. Было темно, поэтому Йен Мюррей скорее почувствовал, чем увидел, как Ролло внезапно поднял голову возле его бедра и наострил уши. Мужчина положил руку на шею псу и ощутил, как собачья шерсть от напряжения встала дыбом. Они с Ролло хорошо знали друг друга, поэтому Йен, даже не произнося «люди», опустил вторую руку на нож у пояса и остался неподвижно лежать. Он прислушивался.

В лесу было спокойно. До рассвета оставалось несколько часов, и воздух был неподвижен, как в церкви. От земли, будто дым от ладана, медленно поднимался влажный туман. Йен устроился на ночлег на стволе поваленного желтого тополя, предпочтя компанию мокриц просачивающейся повсюду земной сырости. В ожидании он по-прежнему держал собаку за шею.

Ролло зарычал, это был низкий непрекращающийся утробный гул, который Йен почти не слышал, но легко чувствовал – вибрация поднималась вверх по руке, натягивая каждый нерв до предела. До этого Йен не спал – теперь он редко спал по ночам, – он тихо смотрел на купол неба, поглощенный своим всегдашним спором с Богом. Тишина исчезла, когда Ролло зашевелился. Мужчина медленно приподнялся и свесил ноги со сгнившего наполовину ствола, сердце забилось быстрее.

Поведение Ролло не изменилось, но он повернул свою крупную голову, следя за чем-то невидимым. Ночь была безлунной, Йен мог разглядеть только неясные силуэты деревьев и движущиеся ночные тени, но больше не видел ничего. А потом он услышал их, услышал, как они идут. Звук был довольно далеким, но быстро приближался. Йен поднялся и мягко ступил в густую темноту под пихтой. Щелчок языком, и Ролло, прекратив рычать, последовал за хозяином – беззвучно, как его волк-отец.

С места, где Йен остановился на ночлег, была видна звериная тропа, но люди, которые по ней шли, не были охотниками. Белые мужчины. Это было странно и даже чуть более, чем просто странно. Он не видел их, но в этом не было необходимости: звуки, которые они производили, нельзя было ни с чем спутать. Индейцы в пути были беззвучными, а многие шотландские горцы, среди которых он жил, могли передвигаться по лесу подобно призракам, однако он не сомневался в источнике шума. Металл, вот что это было. Он улавливал звон сбруи, звяканье пряжек и пуговиц и, главное, стук пороховых бочек.

Людей было много. И они были близко, так близко, что он почувствовал их запах. Йен наклонился чуть вперед и глубоко вдохнул, чтобы использовать все подсказки.

Они несли с собой шкуры: он разобрал запах засохшей крови и меха, который, по всей вероятности, и насторожил Ролло. Однако эти люди не были теми, кто расставлял силки, – их слишком много. Звероловы же обычно передвигались в одиночку или по двое.

Бедные люди, грязные люди. Не охотники. Найти добычу в это время года было легко, но они пахли голодом. А их пот отдавал плохой выпивкой.

Теперь они шли совсем рядом, может, в десяти футах от того места, где он стоял. Ролло издал тихий ворчащий рык, и Йен снова сжал его загривок, но люди производили слишком много шума, чтобы что-то услышать. Он считал шаги, прислушивался к стуку повозок и коробок с боеприпасами, различал ворчание из-за стоптанных ног и вздохи усталости.

Двадцать три человека, заключил он, и еще мул – нет, два мула: он разобрал скрип нагруженных корзин с припасами и жалобное тяжелое дыхание на грани истощения, какое обычно издает навьюченное животное.

Люди никогда не заметили бы его, но какое-то движение воздуха донесло до мулов запах Ролло. Оглушительный рев сотряс темноту, и лес перед Йеном взорвался треском веток и удивленными криками. Когда позади раздались выстрелы, Йен уже бежал.

– О Дхиа! – вскрикнул он на гэльском, когда что-то ударило его сзади по голове, и он во весь рост растянулся на земле. Его убили? Нет, Ролло терся мокрым носом о его ухо. Голова гудела, будто улей, перед глазами плясали белые огоньки.

– Беги! Руит! – задыхаясь, шептал он, толкая собаку. – Убегай! Сейчас!

Пес нерешительно стоял рядом, жалобно и низко скуля. Он то бросался вперед, то возвращался назад, не в силах покинуть хозяина.

– Руит!

Мужчина поднялся на колени и уперся руками в землю, продолжая отталкивать пса. Ролло наконец подчинился и побежал, как его учили. Даже если бы Йен смог встать на ноги, самому ему уже не удалось бы скрыться. Он упал лицом вниз, погрузив ноги и руки как можно глубже в палую листву, и начал бешено извиваться, пытаясь целиком укрыться в ней. Нога преследователя опустилась прямо между его лопаток, но сырые листья заглушили резкий вздох. Это не важно, все равно слишком много шума. Кто бы ни наступил на него, человек этого не заметил. Раздался звук скользящего удара, когда незнакомец в панике споткнулся, очевидно, приняв его за часть сгнившего дерева.

Стрельба стихла, но крики продолжались, однако слов было не разобрать. Йен знал, что лежит ничком в лесу, ощущал холодную влагу на щеках, чувствовал в носу острый запах гнилых листьев. Ему казалось, что он очень пьян, окружающий мир медленно вращался вокруг. После первого сильного удара он почти не чувствовал боли, но почему-то не мог поднять голову. Он смутно подумал, что, если умрет здесь, никто об этом не узнает. Его мать расстроится, если не будет знать, что с ним случилось.

Голоса стали тише, спокойнее. Кто-то все еще кричал, но это было больше похоже на команды. Они уходили. Откуда-то издалека пришла мысль о том, что он мог бы позвать на помощь. Если бы они узнали, что он белый, то могли бы помочь. Или нет.

Он остался лежать беззвучно и неподвижно. Либо он умирает, либо нет. Если первое, то его нельзя спасти. Если же второе, то помощь и не требуется.

«Что ж... Ведь я просил, так? – подумал он спокойно, возобновляя свою беседу с Богом, как если бы по-прежнему отдыхал на стволе желтого тополя, глядя в бесконечное небо над головой. – Знак, сказал я. Но я не ожидал, что Ты пошлешь мне его так скоро».

Глава 2

Голландская хижина

Март 1773 года

Никто не знал, что там была хижина, пока Кенни Линдси не заметил огни по пути к Риджу.

– Я ничего не увидел бы, – сказал он, наверное, в шестой раз, – если бы не сумерки. Будь это день, никогда бы не узнал об этом. Никогда. – Парень вытер лицо дрожащей рукой, не в силах отвести взгляд от ряда тел, что лежали на опушке леса. – Это были дикари, Мас Dubh?¹ Скальпы не сняты, но, может...

¹ Мас Dubh (*шотл. гэльск.*) – прозвище Джейми, «Сын Черного».

– Нет. – Джейми накрыл посиневшее лицо маленькой девочки измазанным в саже платком. – Никто из них не ранен. Ты уверен, что больше ничего не видел, когда вытаскивал тела наружу?

Прикрыв глаза, Линдси покачал головой, его была заметная дрожь. Это был послеобеденный час прохладного весеннего дня, но пот струился по телу.

– Я не смотрел, – ответил он просто.

Мои руки были холодны как лед – такие же онемевшие и бесчувственные, как резино-подобная плоть мертвой женщины, которую я осматривала. Они были мертвы дольше суток: трупное окочение уже прошло, сделав плоть холодной и обмякшей. Весной в горах было морозно, и это на время уберегло тела от более неприятных признаков разложения. И все же я дышала часто и неглубоко, в воздухе висел запах пожарища. От почерневшего остова крошечной хижины то и дело поднимались струйки дыма. Краем глаза я заметила, как Роджер пнул лежащее рядом бревно, а потом наклонился и поднял то, что лежало под ним.

Кенни постучался в дверь задолго до рассвета, вынудив нас покинуть теплую постель. Мы добирались в спешке, хотя знали, что уже ничем не сможем помочь этим людям. Некоторые жители с ферм на Ридже Фрэзера присоединились к нам: Юэн, брат Кенни, стоял рядом с Фергусом и Ронни Синклером. Они приглушенно переговаривались на гэльском под деревьями.

– Знаешь, что с ними произошло? – Джейми присел рядом со мной с озабоченным видом. – Я имею в виду всех остальных? Что случилось с этой бедной женщиной, и так ясно. – Он кивнул на лежащий перед ним труп.

Ветер трепал края юбки погибшей, слегка обнажая длинные изящные ноги, обутые в кожаные башмаки. Пара таких же длинных рук неподвижно лежала по бокам. Она была высокой, но не выше Брианны. Подумав об этом, я инстинктивно посмотрела в сторону опушки, где среди ветвей мелькали яркие волосы моей дочери. Я сняла с тела передник и накрыла им голову и торс. Руки погибшей были красными, с огрубевшими от работы костяшками пальцев, с мозолистыми ладонями, однако, судя по упругости бедер и стройности силуэта, ей было не больше тридцати – скорее всего, она была даже моложе. Никто не смог бы теперь сказать, была ли она красивой.

Я покачала головой в ответ на замечание Джейми.

– Не думаю, что огонь стал причиной ее смерти. Посмотри, ноги целиком остались нетронутыми. Возможно, она упала в очаг. Волосы загорелись, а потом пламя перекинулось на платье. Она должна была лежать очень близко к дымоходу, чтобы искры попали на нее. Пламя занялось, и через некоторое время горела уже вся эта чертова хижина.

Джейми медленно кивнул, не отводя глаз от мертвой.

– Да, похоже на правду. Но тогда что их убило? Другие чуть опалены, но никто не обгорел, как она. Однако все, видимо, были мертвы еще до того, как хижина загорелась, иначе попытались бы выбраться наружу. Может, это была какая-то смертельная болезнь?

– Не думаю. Дай-ка мне еще раз взглянуть на остальных.

Я медленно прошла вдоль ряда неподвижных тел, останавливаясь возле каждого, чтобы заглянуть под сделанные на скорую руку саваны, что скрывали их лица. Существовало бесконечное число болезней, которые в эти времена могли очень быстро повлечь за собой смертельный исход. Отсутствие антибиотиков и возможности ввести в организм жидкость другими способами, кроме орального и ректального, делали свое дело: обычная диарея могла убить за сутки.

Мне приходилось видеть такие вещи довольно часто, их было легко распознать. Любой доктор справится с диагнозом, а у меня за плечами было более двадцати лет практики. Я то и дело сталкивалась в этом веке со случаями, которых не встречала в своем времени, – в особенности это касалось ужасных паразитарных заболеваний, которые в Новый Свет приносили

рабы, привезенные из тропиков. Однако не было такого паразита или известных мне инфекций, которые могли бы оставить подобные следы на жертвах.

Все тела – сгоревшая женщина, старуха и трое детей – были найдены внутри пылающей хижины. Кенни вытащил их наружу буквально за секунды до того, как обрушилась крыша, а потом сразу отправился за помощью. Все были мертвы до того, как начался пожар; несчастные, по-видимому, скончались примерно в одно и то же время, поскольку, надо полагать, огонь перекинулся на дом вскоре после того, как женщина заперто упала в очаг.

Погибших аккуратно уложили рядом друг с другом под ветвями огромной красной ели, мужчины уже начали копать могилу неподалеку. Брианна стояла возле тела девочки, склонив голову. Я подошла и присела на колени возле маленькой жертвы, она опустила около нее с другой стороны.

– Что это было? – спросила она тихо. – Яд?

Я удивленно посмотрела на нее.

– Думаю, что так. Как ты догадалась?

Брианна кивнула на посиневшее лицо ребенка и попыталась прикрыть ему глаза, но они вылезли из орбит, и веки не опускались, придавая мертвому взгляду выражение ужаса. Приятные детские черты были искажены предсмертной агонией, в уголках рта остались следы рвоты.

– Справочник герлскаута, – ответила Брианна. Она обернулась на мужчин, но все они были слишком далеко, чтобы услышать наш разговор. Уголок ее рта дернулся в горькой усмешке, и она отвела взгляд от тела, вытянув перед собой раскрытую ладонь. – «Никогда не ешьте странных грибов. Существует множество ядовитых видов, распознать которые может только специалист», – процитировала дочь. – Роджер нашел небольшую грибницу рядом с тем бревном.

Влажные, мясистые шляпки, бледно-коричневые с небольшими белесыми наростами, открытые тонкие пластинки со спорами, хрупкие ножки – такие бледные, что в густой еловой тени кажутся почти флуоресцентными. Их уютная, спокойная землистость скрывала затаившуюся внутри смертельную опасность.

– Пантерный мухомор, – сказала я скорее себе, чем ей, и осторожно взяла один гриб с ее ладони. – Или *Agaricus pantherinus*, как он будет называться, когда у кого-нибудь дойдут руки до того, чтобы их классифицировать. «Пантеринус», потому что они убивают быстро, как эта большая кошка.

Я увидела, как мурашки побежали по руке Брианны, поднимая дыбом золотисто-рыжие волоски. Она развернула ладонь вниз и высыпала смертельные грибы на землю.

– Кто в здравом уме станет есть мухоморы? – спросила она, вытирая руку об юбку с легким содроганием.

– Люди, которые не знают, что они ядовиты. Или люди, которые голодают, – ответила я мягко.

Я подняла руку ребенка и провела по тонким костям предплечья. Маленький живот выдавал признаки вздутия, но нельзя было сказать наверняка, чем оно вызвано – недоеданием или посмертными изменениями. Ключицы, однако, выдавались вперед и были заострены, как лезвия серпа. Все тела были худыми, но не до состояния истощенности.

Я посмотрела вверх, на глубокие синие тени гор, возвышающихся над хижинной. Слишком рано для урожаев, но в лесу полно еды для тех, кто знает, где искать.

Джейми подошел и присел рядом со мной, ласково положив руку мне на спину. Несмотря на холод, струйка пота бежала по его шее, а густые медные волосы потемнели от влаги на висках.

– Могилка готова, – сказал он приглушенно, как будто боялся потревожить ребенка. – Это то, что убило девочку? – Джейми кивнул на разбросанные рядом грибы.

– Думаю, что да. Ее и всех остальных. Вы осмотрели окрестности? Кто-нибудь знает, кто они такие?

Он покачал головой.

– Точно не англичане: не та одежда. Немцы наверняка ушли бы в Салем: они любят общины и не склонны оседать поодиночке. Они могли быть голландцами. – Он кивком указал на резные деревянные башмаки, в которые была обута старая женщина, потрескавшиеся и затертые от долгого использования. – Не осталось ни книг, ни записей, если они вообще были. Ничего, что могло бы подсказать нам их имена. Но...

– Они прожили здесь недолго.

Низкий, надтреснутый голос заставил меня посмотреть вверх. Это был Роджер, он присел рядом с Брианной и указывал в сторону обгоревших останков хижины. Рядом был размечен небольшой участок под огород, но несколько растений, которые виднелись там, едва проклюнулись из земли, нежные листочки уже завяли и почернели от поздних морозов. Здесь не было ни хозяйственных построек, ни скота.

– Новые эмигранты, – сказал Роджер мягко. – Они приехали сюда не по контракту, это была семья. Они также не привыкли к тяжелому труду на свежем воздухе, у женщин руки в шрамах и свежих мозолях.

Его собственная широкая ладонь опустилась на колено, и он полубессознательно потер домотканую материю, из которой были сшиты брюки. Руки Роджера были сейчас такими же огрубевшими, как руки Джейми, но когда-то он обладал нежной кожей книжника и школяра. Мужчина знал, с какой болью приходит закалка.

– Интересно, остался ли у них кто-нибудь в Европе, – пробормотала Брианна. Она откинула светлые волосы со лба девочки и снова накрыла ее лицо тканью. Я видела, как дернулось ее горло, когда она сглотнула. – Они никогда не узнают, что с ними случилось.

– Не узнают. – Джейми резко поднялся. – Говорят, Бог любит дураков, но, думаю, даже Всемогущий время от времени теряет терпение. – Он отвернулся и пошел к Линдсею и Синклеру.

– Ищите мужчину, – сказал он Синклеру.

Все головы повернулись в его сторону.

– Мужчину? – переспросил Роджер, а затем вдруг начал внимательно рассматривать обгоревшие останки хижины, лицо его осветилось догадкой. – Конечно – того, кто построил для них жилище.

– Женщины могли сами это сделать, – заметила Брианна, выпятив подбородок.

– Ты могла, это да, – сказал он, бросив косой взгляд на жену, и губы его изогнулись в лукавой усмешке.

Брианна походила на Джейми не только цветом волос, даже без обуви рост девушки достигал шести футов, и она была так же стройно и крепко сложена, как и отец.

– Может, они и могли, но не сделали этого, – коротко резюмировал Джейми. Он кивнул на обнажившееся нутро хижины, где несколько предметов мебели все еще удерживали свои хрупкие формы. Пока я смотрела туда, с гор подул вечерний ветер, омывая руины, и черный силуэт стула беззвучно рассыпался в пыль, клубы сажи и пепла призрачно взорвались над самой землей.

– Что ты хочешь этим сказать? – Я поднялась на ноги и задвигалась рядом с ним, разглядывая дом. Внутри не осталось почти ничего, хотя дымоход по-прежнему удерживал свои позиции, искореженные огнем остатки стен стояли на месте. Бревна, из которых они были сложены, местами обвалились, напоминая обугленных идолов.

– Здесь нет металла, – сказал Джейми, указывая на почерневший очаг, где лежал изувеченный, расколовшийся надвое от высокой температуры котел, чье содержимое давно испарилось. – Никакой крупной посуды, кроме этого – а эта штука слишком тяжелая, чтобы

можно было унести с собой. Ни инструментов, ни ножа, ни топора. Понимаете, у того, кто это построил, не могло не быть этих вещей.

Он был прав: бревна не были обструганы, но отрубы и пазы явно были вырублены при помощи топора.

Нахмурившись, Роджер подобрал длинную еловую ветку и принялся ворошить кучи пепла и обгоревших обломков, чтобы убедиться в правильности предположения Джейми. Кенни Линдси и Синклер не стали беспокоиться на этот счет: Джейми сказал искать мужчину, и они без колебаний отправились исполнять поручение, бесшумно исчезнув в вечернем лесу. Фергус отправился с ними. Юэн Линдсей, его брат Мурдо и Макгилливреи уже начали собирать камни для каирна² – тягостная повинность.

– Если здесь был мужчина, значит, он их бросил? – тихо пробормотала Брианна в мою сторону, переводя взгляд с отца на ряд лежащих тел. – Может, эта женщина решила, что они не выживут в одиночку? И потому лишила жизни себя и остальных – чтобы избежать мучительной и долгой смерти от холода и голода?

– Бросил их и забрал с собой все инструменты? Боже, надеюсь, это не так. – При этой мысли я перекрестилась, однако засомневалась в правдоподобности такой гипотезы. – Тогда они пошли бы искать помощь, разве нет? Даже с детьми... Снег почти сошел.

Только высокие горные перевалы были по-прежнему покрыты снежными шапками, и хотя склоны и тропы пока что оставались грязными и слякотными из-за таяния, ими можно было пользоваться уже по меньшей мере месяц.

– Я нашел мужчину, – сказал Роджер, прерывая цепь моих рассуждений. Он говорил очень спокойно, но остановился, чтобы прочистить горло. – Здесь... Прямо здесь.

Дневной свет уже начал меркнуть, но я увидела, как он побледнел. Ничего удивительного: скрюченная фигура, которую он обнаружил под обугленными останками обрушившейся стены, выглядела достаточно жутко, чтобы запнул любую. Тело обгорело до черноты, руки были подняты, как у боксера, – типичная поза для тех, кто погиб в огне. Было трудно сказать с полной уверенностью, был ли это мужчина, хотя, судя по тому, что я видела, это был именно он. Наши версии по поводу нового тела были прерваны криком с опушки.

– Мы нашли их, милорд!

Все подняли головы от нового трупа и увидели Фергуса, который махал рукой у кромки леса.

«Их», воистину. Двое мужчин на этот раз. Распростерты на земле, в тени деревьев, их нашли не вместе, но недалеко друг от друга, в паре сотен метров от дома. И оба, насколько я могла судить, умерли от отравления грибами.

– Это не голландец, – повторил Синклер уже, наверное, в четвертый раз, мотая головой над одним из тел.

– Может, он из Индии? Non?³ – отозвался Фергус с некоторым сомнением в голосе. Он почесал нос кончиком крюка, который заменял ему левую руку.

В самом деле, одно из тел принадлежало чернокожему человеку. Другой был белым. Оба – в рубашках и брюках – поношенная одежда без всяких отличий из простой домотканой материи. Несмотря на холод, они были без курток и босые.

– Нет. – Джейми покачал головой, бессознательно вытирая ладонь о брюки, как будто хотел избавиться от прикосновения смерти. – У голландцев есть рабы с Барбадоса, это так, но эти двое явно лучше ели, чем люди из хижины. – Он приподнял подбородок, указывая в сторону безмолвно лежащих рядом женщин и детей. – Они здесь не жили. К тому же...

² Искусственное сооружение в виде груды камней, часто конической формы, которым отмечали места захоронений.

³ Нет (*фр.*).

Я увидела, как его взгляд застыл на босых ногах мертвецов. Стопы были немного запачканными вокруг щиколоток и сильно огрубевшими, но в целом чистыми. Подошвы чернокожего мужчины светились желтовато-розовым, на них не было следов грязи, между пальцев не застряли кусочки опавшей листвы. Погибшие не бродили по весеннему лесу босыми, это можно было утверждать наверняка.

– Выходит, мужчин было больше? Когда эти люди умерли, их компаньоны сняли с них обувь и забрали все ценное, – прагматично рассуждал Фергус, указывая сначала на сгоревшую хижину, а потом на тела перед собой. – А потом ушли.

– Может, и так. – Джейми сжал губы и внимательно обводил взглядом землю вокруг, однако почва была буквально взбита тяжелыми шагами, повсюду валялись комки вырванной с корнем травы, садик возле хижины был засыпан пеплом и кусками обугленного дерева. Складывалось впечатление, что здесь побывал бешеный гиппопотам.

– Хотел бы я, чтобы с нами был молодой Йен. Он превосходный следопыт и мог бы по крайней мере рассказать, что произошло там. – Мой муж кивнул в сторону леса, где нашли мужчин. – Сколько их там было и, может, в какую сторону они пошли.

Джейми и сам был неплохим следопытом. Но свет убывал быстро: даже к опушке, где стояла хижина, подобно морскому прибору, подбиралась темнота: образовывала глубокие тени вокруг деревьев, маслянисто кралась по разоренной земле.

Он обратил взгляд к горизонту, где по мере того, как солнце опускалось ниже, перистые полотна облаков начинали светиться золотым и розовым. Джейми потряс головой.

– Похороните их. И уходим.

Однако на нашу долю выпало еще одно мрачное открытие. Сгоревший человек, единственный из всех, умер не от огня и не от яда. Когда мужчины подняли обугленный труп, чтобы перенести его в могилу, что-то выпало из его тела и с коротким и резким глухим стуком ударилось о землю. Брианна подобрала этот предмет и потеряла его краем передника.

– Кажется, они проглядели это, – заметила она почти без выражения и вытянула руку вперед.

Это был нож или то, что от него осталось. Деревянная рукоятка сгорела без следа, а само лезвие почернело от жара. Стараясь не замечать густой, едкой вони горелой плоти и жира, я склонилась над трупом, осторожно прощупывая его торс. Пламя способно уничтожить почти все, но иногда сохраняет странные вещи. Рана треугольной формы была хорошо заметна, глубоко выжженная в истлевшей плоти между ребер.

– Его закололи, – сказала я и вытерла вспотевшие руки о передник.

– Они убили его, – продолжила Бри, глядя мне в лицо, – а потом его жену. – Она посмотрела на молодую женщину, лежащую на земле с фартуком, скрывающим ее обезображенное лицо. – Она приготовила суп из грибов, и они все его поели. Вместе с детьми.

На опушке стояла тишина, единственным звуком были далекие крики птиц в горах. Я чувствовала, как болезненно бьется сердце в груди. Мечь или жестокое отчаяние?

– Да, может быть, – сказал Джейми тихо. Он наклонился, чтобы взяться за край парусины, из которой они сделали носилки для сгоревшего. – Будем считать, что это трагическая случайность.

Голландца с семьей положили в одну могилу, двух мужчин – в другую.

Солнце село, подул сильный ветер. Когда они поднимали молодую женщину, фартук под напором холодного воздуха соскользнул с ее лица. Синклер при виде этого зрелища издал сдавленный крик и едва не уронил покойную. Не было ни лица, ни волос, узкая талия резко переходила в обугленную руину женского тела. Плоть на голове сгорела целиком, оставив после себя на удивление крошечный черный череп, скалившийся в неуместной улыбке.

Они спешно опустили ее в неглубокую могилу, уложив рядом детей и мать, и оставили нас с Брианной сооружать над ними небольшой каирн, какие издревле ставили над могилами в

Шотландии, – чтобы отметить место погребения и защитить тела от диких животных. Тем временем мужчины занимались второй ямой, попроще, предназначенной для двух босых мужчин.

Работа наконец была завершена, и все встали вокруг двух свежих насыпей – бледные и безмолвные. Я увидела, как Роджер подошел поближе к Брианне и обнял за талию, как бы защищая. Небольшая дрожь пробежала по ее телу, которая, я знала, не имеет никакого отношения к холоду. Их сын Джемми был, наверное, лишь годом младше самой маленькой девочки.

– Скажешь что-нибудь, Мас Dubh? – Кенни Линдси вопросительно посмотрел на Джейми, одновременно поглубже натягивая берет на голову в попытке защитить уши от ночного холода.

Сумерки уже стусились, и никто не хотел медлить. Нам придется разбить лагерь довольно далеко, чтобы не чувствовать запах гари, в темноте сделать это будет довольно сложно. Но Кенни был прав: мы не могли уйти, не попрощавшись с этими незнакомцами, не устроив для них хотя бы символические похороны.

Джейми покачал головой.

– Нет, пусть Роджер говорит. Раз они были голландцами, то наверняка были и протестантами.

Хотя было совсем темно, я заметила, как Брианна бросила резкий взгляд на отца. Роджер действительно принадлежал к пресвитерианской церкви, но к ней принадлежал и Том Кристи, мужчина гораздо старше Роджера, чье суровое лицо отразило его мнение о происходящем. Разумеется, вопрос религии был не более чем предлогом, и все об этом знали, включая Роджера.

Роджер прочистил горло и издал звук рвущейся ткани. Этот звук всегда был болезненным, но сейчас к нему примешивалась еще и злость. Он не стал оспаривать принятое решение и открыто встретил взгляд Джейми, вставая в изголовье могилы. Я думала, он просто прочтет Отче наш или какой-нибудь псалом. Однако к нему пришли другие слова.

– Вот, я кричу: обида! и никто не слушает; вопию, и нет суда. Он преградил мне дорогу, и не могу пройти, и на стези мои положил тьму⁴.

Голос Роджера когда-то был сильным и очень красивым. Теперь он стал глухим, будто засоренным. Его хрип звучал печальным напоминанием о былой красоте. Но осязаемая сила присутствовала в той страсти, с которой он говорил, – так что все, кто его слушал, скорбно склонили головы, скрывая лица в тени.

– Совлек с меня славу мою и снял венец с головы моей. Кругом разорил меня, и я отхожу; и, как дерево, Он исторг надежду мою. – Лицо Роджера было суровым и неподвижным, но на краткий миг его глаза остановились на обугленном пне, который служил голландской семье колодой для рубки дров. – Братьев моих Он удалил от меня, и знающие меня чуждаются меня. Покинули меня близкие мои, и знакомые мои забыли меня.

Я увидела, как трое братьев Линдси обменялись взглядами и подвинулись ближе друг к другу, защищаясь от ветра.

– Помилуйте меня, помилуйте меня вы, друзья мои, ибо рука Божия коснулась меня. – Теперь он заговорил мягче, и его голос стал едва слышен за стонами деревьев.

Брианна сбоку от него совершила еле заметное движение, и он снова прочистил горло – на этот раз особенно яростно, сильно вытянув шею, так что я заметила на ней уродливый шрам от веревки.

– О, если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в книге резцом железным с оловом, – на вечное время на камне вырезаны были!

Роджер медленно оглядел всех вокруг без всякого выражения, останавливаясь на каждом лице по очереди, затем глубоко вздохнул и продолжил, хрипя и каркая:

⁴ Здесь и далее: Книга Иова 19:7—29.

– А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. – Брианна судорожно поежилась и отвела взгляд от влажной земли над могилами. – Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его.

Он замолчал, и послышался короткий дружный вздох – люди бессознательно задерживали дыхание. Однако Роджер еще не закончил. Он несколько рассеянно дотянулся до ладони Бри, взял ее в свою и крепко сжал. Эти последние слова он говорил скорее себе самому, не думая о своих слушателях:

– Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд.

По телу пробежала дрожь, и я почувствовала, как рука Джейми сплелась с моей – холодная, но сильная. Он посмотрел на меня, а я – на него. Я знала, о чем он думал. Он думал, как и я, не о настоящем, а о будущем – о маленькой заметке, которая появится три года спустя на страницах номера «Уилмингтон Газет» от семнадцатого февраля тысяча семьсот семьдесят шестого года.

«С прискорбием сообщаем, что в результате пожара погибли Джеймс Маккензи Фрэзер и его жена, Клэр Фрэзер. Их дом на Фрэзер-Ридж целиком сгорел в сильном огне в ночь на двадцать первое января сего года. Мистер Фрэзер, племянник покойного Гектора Кэмерона с плантации Ривер Ран, родился в деревне Брех Туарах, в Шотландии. Он был широко известным и уважаемым человеком в общине. Супруги не оставили после себя детей».

Пока что было легко не думать об этом слишком много. Это событие лежало далеко в будущем, которое, разумеется, был шанс изменить. Предупрежден значит вооружен, так ведь?

Я бросила взгляд на круглый невысокий каирн, и меня снова пробрала дрожь – на этот раз сильнее. Я прижалась к Джейми и положила вторую ладонь на его предплечье. Он накрыл мою руку своей и крепко сжал.

– Нет, – сказал он очень тихо. – Нет, я не позволю этому случиться.

Когда мы покидали пустынную поляну, я никак не могла избавиться от навязчивой картинки в голове. Это была не сгоревшая хижина, не внушающие ужас тела погибших, не беспомощный мертвый садик возле дома. То, что преследовало меня, я увидела несколько лет назад – это был надгробный камень около руин монастыря в Бьюли, высоко в Хайленде. Под ним покоилась знатная дама, чье имя сопровождалось вырезанным в камне изображением скалящегося черепа – так похожего на тот, который скрывал передник голландки. Под черепом был девиз «*Hodie mihi cras tibi – sic transit gloria mundi*». «Сегодня мой черед, завтра твой – так проходит мирская слава».

Глава 3

Держи друзей близко

Мы вернулись на Фрэзер-Ридж на следующий день перед закатом и обнаружили гостя. Майор Дональд Макдональд, служивший в армии Его Величества, а с недавнего времени – в личном полку конной гвардии губернатора Триона, сидел на нашем крыльце с моим котом на коленях и кувшином пива в руках.

– Миссис Фрэзер! Ваш покорный слуга, мэм! – сердечно крикнул он, увидев меня. Он попытался встать, но вдруг сдавленно охнул: Адсо, протестуя против потери своего теплого гнездышка, запустил когти в ноги майора.

– Сидите, майор, – сказала я, поспешно махнув ему рукой. Он опустился назад на деревянную ступень с гримасой боли, но благородно удержался от того, чтобы швырнуть Адсо в ближайšie кусты. Я поднялась на крыльцо и со вздохом облегчения присела рядом.

– Мой муж проверяет лошадей, он скоро будет здесь. Вижу, кто-то вас уже встретил? – Я кивнула на пиво, которое он немедленно предложил мне галантным жестом, вытерев краешек кувшина рукавом.

– Ах да, мэм, – заверил он меня. – Миссис Баг была весьма озабочена моим благополучием.

Чтобы не показаться невежливой, я приняла пиво, которое, нужно сказать, оказалось очень кстати. Джейми спешил вернуться домой, поэтому мы с самого рассвета были в седлах, сделав лишь короткую передышку в полдень, чтобы перекусить.

– Превосходный напиток, – сказал майор улыбаясь, когда я, утолив жажду, вздохнула, блаженно прикрыв глаза. – Должно быть, вы сами варите?

Я покачала головой и сделала еще глоток перед тем, как вернуть ему пинту.

– Нет, это Лиззи. Лиззи Уэмисс.

– Ваша служанка, ну конечно. Передадите мои похвалы?

– Разве она не здесь? – Я посмотрела в сторону открытой двери за нами, удивленная таким поворотом. В это время дня Лиззи обычно была на кухне и готовила ужин, но наверняка услышала бы, что мы вернулись, и вышла нас встретить. Только теперь я заметила, что едой не пахнет. Разумеется, она не знала, когда нас ждать, однако...

– Мм, нет. Она... – Майор сдвинул брови в попытке вспомнить что-то, и я задумалась о том, насколько полон был кувшин, когда он за него принялся. Теперь внутри осталось жидкости только на пару дюймов. – Ах да, кажется, она вместе с отцом отправилась к Макгилли-врем – так миссис Баг мне сказала. Должно быть, навестить своего жениха?

– Да, она помолвлена с Манфредом Макгилли-вреем. Но миссис Баг...

– В кладовой над родником⁵, – сказал он, кивнув в сторону небольшого сарая выше на холме. – Полагаю, все дело в сыре, она его упоминала. На ужин мне был любезно предложен омлет.

– Ах, вот как. – Я немного расслабилась, пыль, поднятая во время длинного путешествия, опускалась во мне вместе с пивом. Как замечательно было вернуться домой! Моя умиротворенность, однако, была шаткой: она то и дело сменялась воспоминаниями о сгоревшей хижине.

Я полагала, что миссис Баг сообщила ему о причине нашей отлучки, но он ничего не сказал об этом, как и о том, что привело его на Ридж. Конечно, нет. Все серьезные разговоры подождут до прихода Джейми. Будучи женщиной, я могла рассчитывать лишь на учтивость с его стороны и немного местных сплетен, пока он ждет. Я могла бы посплетничать с ним, но мне нужно было подготовиться, у меня не было к этому природного таланта.

– О, я вижу ваши отношения с котом теплеют на глазах, – осмелилась я наконец начать. Я невольно посмотрела на его голову, однако парик майора был в идеальном состоянии.

– Таковы общеизвестные законы политики, я полагаю, – ответил он, поглаживая пальцами густую серебристую шерсть на животе Адсо. – Держи друзей близко, а врагов еще ближе⁶.

– Очень разумно, – согласилась я. – Ээ... Надеюсь, вам не пришлось ждать слишком долго?

Он пожал плечами, показывая, что ожидание не имеет для него большого значения, – в целом такой подход был верным. У гор свое время, и мудрый человек не станет их торопить. Макдональд был опытным солдатом, и ему пришлось много путешествовать, но он родился в Питлохри, близко к вершинам Хайленда⁷ – он знал дух гор.

– Я приехал этим утром, – сказал он. – Из Нью-Берна.

⁵ Кладовка у родника для хранения скоропортящихся продуктов.

⁶ Высказывание принадлежит Никколо Макиавелли.

⁷ Самая большая из областей Шотландии.

Это был тревожный звоночек. Путешествие из Нью-Берна должно было занять у него не меньше десяти дней, если он ехал напрямик, – и, судя по его измятой, в пятнах грязи форме, так оно и было.

Нью-Берн был городом, где устроил свою резиденцию новый губернатор колонии Джосайя Мартин. Для меня тот факт, что Макдональд сказал о Нью-Берне, не упоминая никаких промежуточных остановок, означал: какое бы дело ни привело его сюда, оно пришло из столицы. Я опасалась губернаторов.

Я посмотрела на тропинку, которая вела к конюшне, но Джейми пока что не было видно. Из кладовой появилась миссис Баг. Я помахала ей, и она в ответ тоже энергично меня поприветствовала, несмотря на то, что в одной руке несла бадью молока, в другой – корзину с яйцами, под мышкой – крынку с маслом, а под подбородком у нее был зажат большой кусок сыра. Она успешно преодолела крутой спуск и скрылась за домом, где располагалась кухня.

– Похоже, мы пообедемся оmlетом, – заметила я, поворачиваясь к майору. – Вы случайно не проезжали через Кросс-Крик?

– Именно через него, мэм. Тетушка вашего мужа передала вам свои наилучшие пожелания, а также множество книг и газет, которые я привез с собой.

Я с опаской относилась и к газетам в эти дни, хотя к тому моменту, как они попадали к нам в руки, описываемые в них события имели срок давности несколько недель или месяцев. Как бы там ни было, я благодарно и восторженно помычала, желая лишь одного – чтобы Джейми поскорее вернулся и я могла оставить их одних. Мои волосы пахли дымом пожарища, а руки все еще помнили прикосновение холодной плоти – мне очень хотелось от всего этого отмыться.

– Прошу прощения? – Я прослушала что-то из того, что рассказывал Макдональд.

Он учтиво наклонился поближе ко мне, чтобы повторить сказанное, но внезапно дернулся и выпучил глаза.

– Чертов кот!

Адсо, который только что мастерски изображал безвольную тряпку, вдруг с горящими глазами подскочил на коленях у майора, распушил хвост и зашипел, будто кипящий чайник, одновременно глубоко запустив когти в бедного Макдональда. Я не успела понять, что происходит, пока кот с невероятной скоростью не перебрался через плечо мужчины, разодрав манжет и сбив парик, и не юркнул в открытое окно моего хирургического кабинета.

Макдональд без остановки сыпал проклятиями, но я его уже не слышала. По тропинке к дому шел Ролло, зловещий в сумерках, как настоящий волк, но он вел себя так странно, что я была на ногах, прежде чем могла понять или предположить, что произошло.

Пес сделал несколько шагов в сторону дома, покружился на месте, как будто не в силах решить, что делать дальше, побежал назад в лес, а затем снова развернулся к дому. Все это время Ролло беспокойно скулил, помахивая опущенным хвостом.

– Иисус твою Рузвельт Христос, – сказала я. – Чертов Тимми упал в колодец!⁸

Я сбежала по ступенькам и бросилась по тропинке в лес, едва замечая, как за моей спиной чертыхается майор. Я нашла Йена приблизительно в сотне ярдов от дома, в сознании, но как будто пьяного. Он сидел на земле с закрытыми глазами и обеими руками держался за голову, как будто пытаясь удержать кости черепа вместе. Когда я упала рядом с ним на колени, он приоткрыл глаза и неуверенно улыбнулся.

– Тетя, – сказал он хрипло. Казалось, он хочет сказать что-то еще, но не может решить, что именно. Его рот приоткрылся и остался в этом положении, язык задумчиво двигался вперед и назад.

⁸ «Тимми упал в колодец» – крылатая цитата из американского сериала «Лесси» о мальчике Тимми и его собаке. С Тимми вечно случаются неприятности, из которых его выручает Лесси. Примечательно, что в колодец он так ни разу и не упал.

– Посмотри на меня, Йен, – попросила я, насколько могла, спокойно.

Он послушно выполнил мою просьбу – хороший знак. Было слишком темно, чтобы разглядеть, расширены ли его зрачки, но даже в сгущающихся сумерках в тени сосен, которые росли вдоль тропы, я заметила его нездоровую бледность и темные следы крови на рубашке. Ниже послышались торопливые шаги – это был Джейми в сопровождении Макдональда.

– Ты как, парень?

Джейми схватил его за руку, и Йен, медленно клонясь в его сторону, опустил руки, закрыл глаза и со вздохом обмяк в объятиях дяди.

– Все плохо? – беспокоило спросил он через плечо Йена, поддерживая его, пока я осматривала парня. Рубашка на спине была залита кровью – но она успела высохнуть. Собранные на затылке волосы тоже были ею пропитаны и потому затвердели. Я быстро нашла рану на голове.

– Не думаю. Что-то ударило его сзади по голове и содрало изрядный кусок скальпа, но...

– Думаете, это был томагавк?

Макдональд склонился над нами, пристально вглядываясь.

– Нет, – вяло отозвался Йен, его голос был приглушен рубашкой Джейми. – Пуля.

– Иди отсюда, пес, – коротко бросил Джейми в сторону Ролло, который сунул нос в ухо Йену, вызвав у пациента громкие вскрики и невольное подергивание плеч.

– Я посмотрю при свете, но ранение не должно быть слишком опасным. Он же как-то смог пройти часть пути. Давайте перенесем его в дом.

Мужчины сумели поднять его вверх по тропе, перекинув руки Йена себе на плечи, и через пару минут он уже лежал на операционном столе. Здесь он несколько отрывисто рассказал нам о своих приключениях, периодически вскрикивая, пока я чистила рану, срезала слипшиеся волосы и накладывала швы на его скальп.

– Я думал, что умер, – сказал Йен и шумно втянул воздух через сжатые зубы: я стягивала ниткой края рваной раны. – Боже, тетя Клэр! Но утром я проснулся, и оказалось, что я не мертвый – хотя мне казалось, что в голове у меня дыра и оттуда вытекают мозги прямо на шею.

– Почти так оно и было, – пробормотала я, сосредотачиваясь на работе. – Правда, не думаю, что это была пуля.

Мое утверждение привлекло всеобщее внимание.

– Меня не подстрелили? – Голос Йена звучал несколько возмущенно. Большая рука поднялась, пытаясь нашарить рану на затылке, и я мягко хлопнула по ней.

– Лежи тихо. Нет, тебя не подстрелили, верить тебе нельзя. В ране было много грязи, кусков дерева и коры. Предполагаю, что один из выстрелов сбил сухую ветку с дерева и она, падая, ударила тебя по голове.

– Вы точно уверены, что это был не томагавк, а? – Майор тоже казался обескураженным моей версией.

Я сделала финальный стежок и отрезала нитку, качая головой.

– Не думаю, что когда-нибудь видела раны, причиненные томагавком, но это вряд ли. Видите, какие неровные края? Скальп сильно порван, но кость не задета.

– Парень говорит, вокруг была кромешная тьма, – рассудительно вставил Джейми. – Никто в здравом уме не станет метать томагавк в ночном лесу, не видя цели. Он держал на весу масляную лампу, чтобы я могла работать, Джейми подвинул ее ближе, и мы увидели не только неровную линию стежков, но и расплзающийся вокруг них синяк, до этого скрытый волосами, что я срезала.

– Вот, видите? – Джейми осторожно провел пальцем по ежику оставшихся волос, показывая несколько глубоких царапин, которые пересекали огромный синяк. – Твоя тетя права, Йен: на тебя напало дерево.

Йен едва приоткрыл один глаз.

– Кто-нибудь говорил тебе, дядя Джейми, какой ты отменный шутник?

– Нет.

Йен закрыл глаз.

– Должно быть, потому что шутник из тебя так себе.

Джейми улыбнулся и сжал плечо Йена.

– Значит, уже чувствуешь себя получше, да?

– Нет.

– Что ж, штука в том, – вклинился майор Макдональд, – что парень встретил каких-то бандитов, так? Есть причины думать, что это были индейцы?

– Нет, – снова сказал Йен, на этот раз открыв глаз целиком. Он был абсолютно красный.

– Это были не индейцы.

Макдональд, кажется, не был доволен таким ответом.

– Как ты можешь быть уверен, парень? – спросил он довольно резко. – Ты ведь сказал, там было темно.

Я увидела, как Джейми озадаченно посмотрел на майора, но не стал его перебивать. Йен издал тихий стон, тяжело вздохнул и ответил:

– Я чувствовал их запах, – выдавил он и почти сразу добавил: – Кажется, меня сейчас вырвет.

Он приподнялся на локте и тут же совершил обещанное. Этот факт быстро положил конец всем дальнейшим расспросам. Джейми увел майора Макдональда на кухню, предоставив мне разбираться с беспорядком и укладывать больного.

– Можешь открыть оба глаза? – спросила я, когда он уже лежал на боку в чистой одежде и с подушкой под головой.

Он послушно исполнил, о чем я просила, заморгав от яркого света. Голубоватое пламя масляной лампы дважды отражалось в глубине его глаз, но зрачки сразу сузились – причем синхронно.

– Хорошо, – резюмировала я и поставила лампу на стол. – Не трогай, пес, – сказала я Ролло, который принимался к необычному запаху лампы, – ее топливо представляло собой смесь слабого бренди и скипидара. – Сожми мои пальцы, Йен.

Я протянула ему большие пальцы обеих рук, и он медленно обхватил их широкими мосластыми ладонями. Я провела стандартные тесты на наличие нарушений нервной системы, заставляя его сжимать, тянуть и толкать их, и завершила осмотр, послушав его сердце, которое билось обнадеживающе ровно.

– Небольшое сотрясение, – заключила я, выпрямляясь и улыбаясь ему.

– Ммм, да? – уточнил он, неуверенно косясь на меня.

– Это значит, что у тебя поболит голова и тебя будет мутить. Но через пару дней все пройдет.

– Это я и сам мог тебе сказать, – пробормотал он, укладываясь обратно.

– Ты мог, – согласилась я. – Но ведь «сотрясение» звучит гораздо серьезнее и важнее, чем «раскалывается голова», не так ли?

Он не засмеялся, но все же слабо улыбнулся в ответ.

– Ты покормишь Ролло, тетя? Он меня не оставит одного и скоро проголодается.

Ролло наострил уши при звуке своего имени и ткнулся мордой в ищущую руку Йена, тихонько поскуливая.

– Он в порядке, – заверила я животное. – Не о чем беспокоиться. И да, – сказала я уже Йену, – принесу ему что-нибудь. А ты сам сможешь одолеть хотя бы хлеб с молоком?

– Нет, – отозвался он уверенно. – Может, глоток виски?

– Нет, – ответила я так же уверенно и задула спиртовку.

– Тетя, – позвал Йен, когда я повернулась к двери.

– Да?

Я оставила возле него горящую свечу, и он выглядел очень юным и бледным в ее неверном желтом мерцании.

– Как думаешь, почему майор Макдональд хочет, чтобы те, кого я встретил в лесу, оказались индейцами?

– Не знаю. Но предполагаю, что Джейми знает. Или скоро узнает.

Глава 4 Змей в эдеме

Брианна открыла дверь и напряженно прислушалась – не стучат ли по полу чьи-то коготки, не скользит ли, сухо шелестя, змеиная кожа. Однажды она вошла внутрь в темноте и оказалась в нескольких дюймах от небольшой гремучей змеи. Несмотря на то, что змея оказалась не менее ошарашена встречей, чем девушка, и в испуге поспешила укрыться в камнях очага, Брианна усвоила урок.

На сей раз не было никаких признаков спасающихся бегством мышей, однако нечто большего размера гостило здесь и ушло через промасленную кожу, которая была натянута на окно. Солнце еще только начало садиться, и было достаточно светло, чтобы Брианна могла разглядеть скинутую с полки на пол плетеную корзину, в которой она хранила жареный арахис. Орехи были расколоты и съедены, скорлупки усеивали пол.

До нее внезапно донесся громкий шуршащий звук, и она мгновенно замерла, прислушиваясь. Звук повторился, на сей раз сопровождаемый гулким звоном, – что-то упало на пол с другой стороны стены.

– Ах ты, мелкий ублюдок! – возмутилась женщина. – Ты в моей кладовой!

Пылая праведным гневом, она схватила метлу и ворвалась в кладовку, голося не хуже банши. Огромный енот, до этого невозмутимо грызущий копченого лосося, при виде ее уронил добычу, стремительно пронесся между ног Брианны и, взволнованно фырча, исчез – не хуже банкира, что скрывается, едва заметив кредиторов.

Адреналин все еще бежал по венам, когда она, отставив метлу в сторону и чертыхаясь, присела, чтобы попытаться спасти то, что еще можно было спасти. У енотов были менее разрушительные привычки, чем, например, у белок, которые бездумно жевали и портили все, что попадалось на глаза, однако еноты были крупнее и ели больше.

Одному богу известно, сколько времени он здесь провел, подумала она. Достаточно долго, чтобы вылизать все масло из масленки и стянуть связку копченой рыбы, висящей на балках. Откуда у настолько толстого создания взялись акробатические навыки, необходимые для такой задачи? К счастью, медовые соты хранились в трех разных горшочках, и лишь один из них был вскрыт. Зато корнеплоды были разбросаны по полу, головка свежего сыра почти целиком съедена, а драгоценная баночка кленового сиропа перевернута – содержимое разлилось по полу липкой лужицей и смешалось с грязью. Вид этой утраты воспламенил утихшую было ярость, и Брианна с такой силой сжала в руке поднятую с пола картофелину, что ногти проткнули толстую кожуру.

– Проклятая чертова, чертова, чертова тварь!

– Кто? – неожиданно спросил голос позади нее. В испуге она крутанулась на месте и швырнула картофелину в незваного гостя, которым оказался Роджер. Овощ попал ему прямо в лоб, он пошатнулся и схватился за дверной косяк.

– Ай! Господи! Ай! Какого черта здесь происходит?

– Енот, – коротко объяснила она и отступила в сторону, чтобы лучи заходящего солнца, падающие из дверного прохода, осветили беспорядок внутри.

– Он добрался до кленового сиропа? Сволочь! Ты поймала ублюдка?

С рукой, прижатой ко лбу, Роджер протиснулся в маленькую пристройку, оглядываясь вокруг в поисках пушистого трупа. Тот факт, что муж разделяет ее приоритеты и гнев, немного утешил Брианну.

– Нет, – ответила она. – Он сбежал. У тебя кровь? И где Джем?

– Вроде бы нет, – сказал Роджер, осторожно отнимая руку ото лба и глядя на нее. – Ух, у тебя тяжелая рука, женщина. Джем у Макгилливреев. Лиззи и мистер Уэмис взяли его с собой на праздник в честь помолвки Сенги.

– Серьезно? Кого же она выбрала?

И гнев, и сожаление мгновенно уступили место любопытству. Уте Макгилливрей, с ее немецкой педантичностью, выбирала супругов для сына и трех дочерей очень скрупулезно – согласно собственным критериям и приоритетам: первыми пунктами значились земля, деньги и респектабельность кандидата; возраст же, внешность и личное обаяние шли в самом конце. У детей, разумеется, на этот счет было свое мнение – и все же авторитет фрау Уте был так силен, что и Инга, и Хильда вышли замуж за мужчин, которые получили ее одобрение.

Сенга, однако, была дочерью своей матери – в том смысле, что она выросла настолько же категоричной во взглядах и ей так же недоставало сдержанности, как и родительнице. Долгие месяцы она не могла выбрать между двумя претендентами на ее сердце: Хайнрихом Штрассе, видным, но бедным парнем (к тому же лютеранином!) из Бетании и Ронни Синклером, бочаром. По меркам Риджа, он считался зажиточным человеком, а разница с невестой в тридцать лет для Уте не была камнем преткновения.

Последние несколько месяцев замужество Сенги Макгилливрей было предметом бурных обсуждений, и Брианна знала о нескольких серьезных пари, заключенных по этому поводу.

– Ну так кто же счастливчик? – повторила она свой вопрос.

– Миссис Баг не знает, и это сводит ее с ума, – ответил Роджер, расплываясь в улыбке.

– Манфред Макгилливрей пришел, чтобы забрать их вчера утром, но миссис Баг в это время еще не было в главном доме, поэтому Лиззи оставила записку на двери о том, куда они ушли. Однако не упомянула в ней, кто стал счастливым женихом.

Брианна посмотрела на заходящее солнце: само светило уже укатилось за горизонт, но яркий розоватый свет все еще лился сквозь ветви каштанов, освещая палисадник и делая весеннюю траву, что росла в нем, мягче и гуще – будто превращая ее в изумрудный бархат.

– Видимо, нам придется подождать до завтра, чтобы узнать правду, – сказала она с некоторым сожалением.

До дома Макгилливреев было добрых пять миль. Пока они доберутся, станет совсем темно. А в горах по ночам лучше не блуждать без веского повода, даже если снег уже сошел. По крайней мере, нужно иметь причину получше, чем любопытство.

– Ай. Хочешь пойти поужинать в большом доме? Майор Макдональд приехал.

– Ах, он.

Несколько секунд Брианна раздумывала. Хотелось бы услышать, что за новости привез майор, – а новости, несомненно, были, раз миссис Баг готовила ужин. С другой стороны, после трех мрачных дней, долгой дороги и разорения собственной кладовой она была совершенно не в настроении с кем-то общаться.

Она заметила, что Роджер выразительно молчал, не высказывая своего мнения. Опершись одной рукой о полку, где был разложен значительно уменьшившийся запас зимних яблок, он лениво поглаживал один из плодов, указательным пальцем лаская его круглый желтый бочок. От супруга исходили легкие знакомые вибрации, которые без слов говорили, что у вечера, проведенного дома – без родителей, без друзей и даже без ребенка, – есть свои преимущества.

Она улыбнулась мужу.

– Как твоя несчастная голова?

Он окинул ее быстрым взглядом. Убывающий свет заката высветил силуэт его носа, а в зеленых глазах заиграли солнечные искры. Роджер прочистил горло.

– Думаю, ты можешь ее поцеловать. Если хочешь.

Она послушно привстала на цыпочки, откинула назад непослушные темные волосы и нежно поцеловала его лоб. На месте удара была заметная шишка, но синяк пока не появился.

– Так лучше?

– Пока что нет. Может, попробуешь немного ниже?

Его руки опустились на округлость ее бедер и притянули ближе. Брианна была почти одного роста с Роджером: она и раньше замечала преимущества этого совпадения, но сейчас оно поразило ее, будто она узнала об этом впервые. Она слегка выгнулась, наслаждаясь близостью. Роджер судорожно и хрипло вздохнул в ответ.

– Не так низко, – ответил он. – Во всяком случае, пока.

– Какой ты капризный, – сказала она терпеливо и поцеловала его в губы. Они были мягкими, но все еще хранили, как и ее собственные, привкус горького пепла и влажной земли. Ее охватила легкая дрожь, и она отстранилась.

Роджер, удерживая руку на ее спине, наклонился чуть вперед за ее плечо и провел пальцем по краю полки, на которой лежала перевернутая банка из-под кленового сиропа. Он по очереди провел им по ее, а затем и по своей нижней губе. Следующий поцелуй принес обоим сладость.

* * *

– Не могу вспомнить, когда я в последний раз видел тебя голой.

Она прикрыла один глаз и скептически посмотрела на него.

– Три дня назад. Видимо, он не очень тебе запомнился.

Избавиться от одежды, которая была на ней последние трое суток, стало огромным облегчением. Но даже будучи голой и после водных процедур на скорую руку она все еще ощущала пепел в волосах и сажу, ввевшуюся между пальцев ног.

– Это не совсем то, что я имел в виду. Я хотел сказать, что мы очень давно не занимались любовью при дневном свете. – Он лежал на боку, лицом к ней и улыбался, водя рукой по изгибу ее талии и аппетитной припухлости ягодиц. – Ты даже не представляешь, как соблазнительно выглядишь, абсолютно голая, освещенная солнцем. Вся сияешь, будто тебя окунули в золото.

Он сощурил один глаз, будто ее вид слепил его. Она чуть подвинулась, и солнце осветило его лицо, заставив открытый глаз на секунду сверкнуть, подобно изумруду, перед тем как он зажмурился.

– Ммм. – Она лениво вытянула руку и притянула к себе его голову, чтобы поцеловать.

Брианна знала, что муж имел в виду. Это казалось странным, почти распутным – в хорошем смысле. Чаще всего они занимались любовью ночью, когда Джем спал, перешептываясь в отсветах горящего очага, ища друг друга под шуршащими слоями одеял и ночных рубашек. И хотя сын спал как убитый, они всегда помнили о присутствии маленького, ровно дышащего тела под стеганным одеялом в колыбельке рядом.

И сейчас, когда Джема не было рядом, она странным образом ощущала его присутствие. Было непривычно находиться далеко от сына, не знать постоянно, где он, не ощущать его тело, как маленькую, самостоятельную часть ее самой. Свобода опьяняла, но в то же время приносила тревогу, будто что-то очень ценное оказалось не на своем месте по ее вине.

Они оставили дверь открытой, чтобы насладиться прикосновением света и воздуха к обнаженной коже. Солнце уже почти село, и, хотя мир еще полнился его мерцанием, подобно тягучему меду, в нем ощущалось обещание ночного холода.

Внезапный порыв ветра хлопнул шкурой, натянутой на окно, и возникший сквозняк резко захлопнул дверь, неожиданно оставив их в полной темноте. Брианна охнула от испуга, Роджер издал удивленный возглас и прыгнул с кровати, чтобы открыть дверь. Он широко распахнул ее, и девушка благодарно глотнула свежего воздуха и солнечного света, только теперь понимая, что, когда дверь закрылась, она бессознательно задержала дыхание, ощущая себя погребенной заживо.

Роджер, кажется, чувствовал то же самое. Он стоял в проходе, опираясь на дверную раму, и позволял ветру шевелить темную вьющуюся растительность на теле. Его волосы все еще были собраны в хвост, он не озаботился тем, чтобы распустить их, и Брианна ощутила внезапное желание подойти к нему сзади, развязать кожаный ремешок и запустить пальцы в их мягкую и гладкую угольную черноту, наследие какого-то древнего испанского моряка, что потерпел крушение у кельтских берегов. Не успела она обдумать такую перспективу, как обнаружила себя рядом с ним вытаскивающей веточки и крошечные желтые сережки из его локонов. От ветра или от ее прикосновений он задрожал, но его тело оставалось теплым.

– У тебя загар фермера, – сказала она, приподнимая волосы с шеи и целуя там, где начался затылок.

– Что ж, разве я не фермер?

Кожа под ее губами чуть дернулась, как на спине у лошади. Его лицо, шея и предплечья побледнели за зиму, но были по-прежнему темнее, чем спина и плечи. Возле талии все еще виднелась линия, отделяющая торс цвета мягкой оленьей шкуры от неожиданной бледности ягодиц. Она накрыла их ладонями, наслаждаясь крепостью и полнотой мышц. В ответ он глубоко вдохнул и откинулся назад, так что ее грудь прижалась к его спине, а подбородок опустился к нему на плечо, чуть выдаваясь вперед.

Солнечный свет едва теплился. Последние длинные лучи прорывались между каштановых деревьев, и нежная весенняя зелень их листья вспыхивала холодным огнем над удлиняющимися вечерними тенями. Весна брала свое: птицы сидели в кронах, стрекоца и переговариваясь. Пересмешник заливался в соседнем лесу, это было попури из трелей, плавных переливов и странных завываний, которым, как ей подумалось, он наверняка научился у кота ее матери.

Воздух становился холоднее, и ее руки и ноги покрылись мурашками, но тело Роджера, к которому она прижималась, по-прежнему было теплым. Она обвила руками его талию и стала играть пальцами с густыми завитками, что начинались чуть ниже живота.

– На что ты смотришь? – спросила она мягко. Роджер не отрывал глаз от дальнего края заднего двора, где из леса выбегала тропинка. Ее начало было уже укрыто сумерками и тенями высоких елей, но на ней никого не было.

– Жду, не появится ли змей с яблоками, – ответил он, засмеялся и прочистил горло. – Ты голодна, Ева?

Он опустил руку, и их ладони сплелись.

– Немного. А ты?

Он должен был умирать от голода, в последний раз они только немного подкрепились в полдень.

– Да, но... – Он оборвал предложение, как будто смутившись, и крепче сжал ее пальцы. – Ты подумаешь, что я сошел с ума, но... Ты не против, если я пойду и заберу маленького Джема сегодня вечером, вместо того чтобы ждать утра? Просто мне спокойнее, когда он с нами.

Она сжала его пальцы в ответ, сердце подпрыгнуло в груди.

– Мы пойдем вместе. Отличная идея.

– Может, и так, но до Макгилливреев целых пять миль ходу. Стемнеет еще до того, как мы туда доберемся. – Говоря это, он улыбался, его тело коснулось ее груди, когда он поворачивался к Брианне лицом.

Что-то шевельнулось прямо у нее перед носом, и она резко отпрянула назад. Крошечная гусеница, зеленая, как листья, которыми она питалась, и заметная на фоне темных волос Роджера, приподнялась и изогнулась у него на голове в поисках убежища.

– Что? – Роджер скосил глаза, пытаясь разглядеть то, на что смотрела жена.

– Нашла твоего змея. Думаю, он тоже в поисках яблок.

Она подцепила маленького червячка на палец, вышла наружу и присела на корточки, чтобы опустить его на травинку, такую же зеленую, как он сам. Но трава уже потемнела. Солнечный свет наконец погас, и лес растерял все краски жизни. Она уловила запах дыма: это разожгли огонь в камине большого дома. Внезапно ее тревога усилилась. День погас, наступала ночь. Пересмешник умолк, и лес казался полным загадок и угроз. Она поднялась на ноги и нервно провела рукой по волосам.

– Тогда в путь.

– Ты не хочешь сначала поужинать? – Роджер озадаченно смотрел на нее, держа брюки в руках.

Брианна покачала головой и ощутила, как холод пополз по ногам.

– Нет. Пойдем так.

Все казалось неважным, кроме того чтобы забрать Джема и снова стать семьей.

– Ладно, – спокойно согласился Роджер, внимательно глядя на нее. – Правда, мне кажется, что будет разумнее надеть фиговый листок на тот случай, если мы встретим ангела с пылающим мечом.

Глава 5

Тени, отбрасываемые огнем

Я оставила Йена и Ролло на попечение безжалостно заботливой миссис Баг – пусть Йен только попытается сказать, что не хочет молока и хлеба, – и села за собственный поздний ужин. Это был горячий свежий омлет с сыром, сдобренный кусочками соленого бекона, спаржей и лесными грибами и посыпанный сверху зеленым луком.

Джейми и майор уже давно закончили свою трапезу и теперь сидели у огня в облаках табачного дыма, которые извергала глиняная трубка Макдональда. По всей видимости, Джейми только что закончил рассказывать майору об ужасной трагедии, потому что мужчина хмурился и сочувственно качал головой.

– Бедные глупцы! – сказал он. – Думаешь, это были те же самые люди, что напали на твоего племянника?

– Думаю, что так, – ответил Джейми. – Вряд ли по горам бродят сразу две такие банды. – Он бросил взгляд на окна, закрытые на ночь ставнями, и я внезапно заметила, что снял охотничье ружье со стены над камином и теперь рассеянно начищает безупречно гладкий ствол промасленной тряпкой. – Я правильно понимаю, а charaid⁹, что до тебя и прежде доходили слухи о подобных вещах.

– Еще три случая. По меньшей мере три.

Трубка майора грозила потухнуть, и он сделал глубокую затяжку, отчего табак внутри затрещал и вспыхнул красным.

Легкий приступ дурноты заставил меня замереть с кусочком теплого гриба во рту. Мысль о том, что загадочная банда вооруженных мужчин свободно бродит где-то в округе, нападая на случайные поселки, до этого момента не приходила мне в голову. Зато, очевидно, приходила в голову Джейми. Он поднялся и повесил ружье обратно на крюки и на всякий случай провел рукой по винтовке, которая висела над ним. После этого он подошел к буфету, где хранились

⁹ Друг (гэльск.).

пистолеты, включая изящную дуэльную пару в специальном футляре. Выдувая облака мягкого голубоватого дыма, Макдональд с одобрением наблюдал, как Джейми методично извлекает на свет оружие, мешочки для пуль, пулелейки, шомпола и прочую амуницию из личного арсенала.

– Ммфм, – промычал Макдональд. – Очень милая вещица, полковник. – Он кивнул на один из пистолетов – элегантный, с длинным стволом, фигурными рожками на рукоятке и серебряными вставками, покрытыми золотом.

Джейми сузил глаза, услышав обращение «полковник», но ответил достаточно спокойно.

– Да, красивая штукавина. Правда, целиться из нее на расстоянии дальше двух шагов бессмысленно. Выиграл на скачках, – добавил он, смущенно кивнув в сторону пистолета, чтобы Макдональд не подумал, будто он выложил приличную сумму за такую вещь.

Тем не менее он проверил кремень, заменил его и отложил пистолет в сторону.

– Где? – как бы невзначай спросил Джейми, потянувшись за пулелейкой.

Я продолжила жевать, вопросительно глядя на майора.

– Имей в виду, это только слухи, – предупредил Макдональд, на секунду вытаскивая трубку изо рта и тут же торопливо вставляя обратно для следующей затяжки. – Ферма недалеко от Салема, сожжена дотла. Люди по фамилии Цинцер, немцы. – Он опять затянулся, втянув щеки. – Это случилось в конце февраля. Через три недели паром на реке Ядкин, к северу от Уорамс-Лэндинг. Дом ограблен, паромщик убит. Третий случай... – Он вдруг умолк, энергично затягиваясь, и покосился сначала на меня, а затем на Джейми.

– Говори, друг, – попросил Джейми на гэльском, смиренно глядя в мою сторону. – Она повидала больше страшных вещей, чем ты сам.

Я кивнула и подцепила вилкой кусок яйца. Майор кашлянул.

– М-да. Так вот, не при вас будет сказано, мэм, мне случилось побывать в одном... эммм... заведении в Эдентоне...

– В борделе? – вставила я. – Да, несомненно. Продолжайте, майор.

Он поспешно исполнил мою просьбу, одновременно густо багровея под париком.

– Ну да, конечно... В общем, видите ли, одна из девушек, которые там... работают, сказала мне, что ее украли из родного дома разбойники, внезапно нагрянувшие в один прекрасный день. У нее никого не было, кроме бабушки, с которой она жила. Девушка сказала, те люди убили старую женщину и сожгли дом вместе с телом.

– И кто же, по ее словам, это сделал?

Джейми развернул стул к огню и плавил в ковшике кусочки свинца для пуль.

– Ммфм. – Румянец на лице Макдональда стал гуще, и он так яростно курил трубку, что за клубами дыма я едва различала его силуэт.

После долгого кашля и блужданий вокруг да около выяснилось, что тогда майор не поверил девушке или был слишком увлечен ее прелестями, чтобы уделить этим фактам достаточно внимания. Сочтя историю выдумкой, какие любят рассказывать шлюхи в надежде на сочувствие и лишний стакан джина, он не удосужился выяснить подробности.

– Но когда позже я услышал о других поджогах... Видите ли, я удостоился чести от губернатора, он лично поручил мне держать ухо востро и следить за тем, что происходит на окраинах, докладывать о возможных волнениях. И я начинаю думать, эти происшествя не так случайны, как может показаться поначалу.

Мы с Джейми обменялись взглядами, его глаза светились торжеством, я же смотрела на мужа со смирением. Он поспорил со мной, что Макдональд – кавалерийский офицер на половинном окладе, который долгое время выживал за счет временных заработков, – не только переживет отставку губернатора Триона, но займет хорошее положение при новом режиме – ведь теперь Трион получил повышение и стал губернатором Нью-Йорка. «Он джентльмен удачи, наш Дональд», – сказал мне Джейми.

Воинственный запах горячего свинца начал заполнять комнату, соревнуясь с табачным дымом, который производила трубка майора, и перебивая приятные домашние ароматы поднимающегося хлеба, готовки, сушеных трав, хвоща и хозяйственного мыла, которые обычно царствовали на кухне.

Свинец плавится внезапно: еще мгновение назад искореженная пуля или погнутая пуговица лежала нетронутой на дне ковшика, а в следующее ее там уже нет, только тускло мерцает крошечная лужица расплавленного металла. Джейми аккуратно вылил свинец в пулелейку, отвернув лицо чуть в сторону, чтобы избежать паров.

– Почему индейцы?

– Ну, так сказала эта шлюха из Эдентона. Она сказала, что некоторые из тех мужчин, которые убили бабушку и украли ее саму, были индейцами. Но я уже говорил, что в то время я не очень-то ее слушал.

Джейми издал типичный шотландский звук, означающий, что он понял майора, но воспринял его мнение со скепсисом.

– А когда вы встретили эту девушку, Дональд, и слышали ее историю?

– Под Рождество. – Майор потыкал перепачканным пеплом пальцем в чашу своей трубки, не поднимая глаз. – Вы имеете в виду, когда на ее дом напали? Она не говорила, но я думаю... незадолго до нашей встречи. Она была все еще... довольно, так скажем, свежа. – Он кашлянул, поймал мой взгляд, нервно вздохнул, закашлялся сильнее и снова покраснел.

Джейми сжал губы и посмотрел вниз, открывая форму для пуль. Новенький снаряд упал рядом с очагом. Я опустила вилку: остатки аппетита окончательно улетучились.

– Как? – довольно резко спросила я. – Как эта молодая женщина оказалась в борделе?

– Ну, они ее продали, мэм. – Румянец все еще рдел на щеках Макдональда, но он уже вернул себе самообладание и смог посмотреть на меня. – Разбойники. Они продали ее речному торговцу через пару дней после того, как похитили – так она сказала. Некоторое время мужчина держал ее на своей лодке, а потом однажды вечером к нему по делам пришел человек, девушка ему приглянулась, и он купил ее. Он довез несчастную до самого побережья, а потом, сдастся мне, он от нее устал и... – Его слова оборвались, он снова сунул трубку в рот и глубоко затянулся.

– Понятно, – сказала я, ощущая, как съеденный омлет встает колом у меня в желудке.

«Все еще довольно свежа». Я задавалась вопросом, сколько же все это длилось? Как долго может протянуть женщина, которая переходит из рук в руки, – с разбитой палубы речной посуды на продавленный матрас съемной комнаты, которой дают ровно столько, чтобы она не умерла от голода? Скорее всего, к тому моменту, когда она очутилась в борделе Эдентона, он показался ей раем. Этот факт, однако, не заставил ее почувствовать симпатию по отношению к Макдональду.

– Вы по меньшей мере запомнили ее имя, майор? – спросила я с ледяной вежливостью.

Краешком глаза я заметила, как едва заметно ухмыльнулся Джейми, но я не оторвала взгляд от Макдональда.

Он извлек трубку изо рта, выпустил длинный столб дыма и прямо посмотрел мне в лицо своими голубыми глазами.

– Сказать по правде, мэм, – сказал он, – я всех их зову Полли. Так проще, знаете ли.

От ответа – а то и чего похуже – меня спасла вернувшаяся миссис Баг, в руках она несла пустую тарелку.

– Паренек поел и теперь уснет, – объявила женщина. Острый взгляд перескочил от меня к моей наполовину полной тарелке. Нахмурившись, она уже было открыла рот, но затем глянула на Джейми и, уловив какой-то безмолвный приказ, снова его закрыла. Посуду она забрала с неопределенным «мфм».

– Миссис Баг, не могли бы вы сейчас найти Арча и попросить его прийти ко мне? И, если вас это не очень затруднит, сказать то же Роджеру Маку?

Ее маленькие темные глаза округлились, а потом сузились, остановившись на Макдональде. Очевидно, она решила, что если что-то и затевается, то виной тому он.

– Хорошо, – ответила она, сокрушенно покачала головой в мою сторону, порицая меня за отсутствие аппетита, опустила тарелки и вышла, заперев дверь на задвижку.

– Уорамс-Лэндинг, – сказал Джейми Макдональду, возобновляя разговор, как будто их не прерывали. – И Салем. И если это те же самые люди, Йен встретил их в лесу, в дне пути к западу отсюда. Это довольно близко.

– Довольно близко, чтобы они оказались теми же людьми? Ну да, так оно и есть.

– Сейчас ранняя весна. – Джейми бросил взгляд на окно: уже стемнело, и ставни были закрыты, но холодный ветер пробирался внутрь и шевелил нитки, на которые я нанизала сушиться грибы, их темные сморщенные силуэты приплясывали, будто крошечные застывшие танцоры, на фоне бледного дерева.

Я знала, что он имел в виду. Зимой горы были непроходимы, сейчас высокие перевалы все еще занесены снегом, нижние склоны начали зеленеть лишь пару недель назад. Если это была организованная банда мародеров, то они только сейчас начали двигаться вглубь – после зимы, проведенной в предгорье.

– Это так, – согласился Макдональд. – Пожалуй, предупредить людей сейчас будет достаточно своевременно. Но до того, как придут ваши люди, сэр, возможно, нам удастся поговорить о том, что привело меня сюда?

– Да? – сказал Джейми и, сощурившись, вылил в форму мерцающий ручеек свинца. – Конечно, Дональд. Надо думать, какое-то серьезное дело заставило вас отправиться так далеко. Что это?

Макдональд по-акульки улыбнулся. Что ж, вот мы и дошли до дела.

– Вы отлично здесь все устроили, полковник. Сколько семей живут на вашей земле?

– Тридцать четыре, – ответил Джейми. Он не поднял глаз, вытряхивая в угли еще одну пулю.

– Может, найдется место еще для парочки? – Макдональд по-прежнему улыбался.

Мы были окружены дикой природой на мили вокруг. Горстку домов и ферм на Фрэзер-Ридж едва ли можно было назвать цивилизацией, они могли исчезнуть без следа, как дым. Я тут же вспомнила о голландской хижине и поежилась, несмотря на горящий очаг. Я все еще чувствовала навязчивый горький запах сторовшей плоти, он комом стоял в горле, скрываясь за легким вкусом омлета.

– Может, – в тон ему ответил Джейми, – новые эмигранты из Шотландии, так? Из окрестностей Терсо?

Мы с майором молча уставились на него.

– Откуда, черт подери, вы знаете об этом? – удивленно спросил Макдональд. – Я сам услышал про это только десять дней назад.

– Вчера на мельнице я встретил человека, – ответил Джейми, снова беря в руки ковшик. – Джентльмена из Филадельфии, который пришел в горы, чтобы собирать растения. Он добирался через Кросс-Крик и видел их. – У его рта дернулся мускул. – Судя по всему, они надедали шума в Брунсвике и почувствовали себя не очень желанными гостями, поэтому отправились на плоскодонках вверх по реке.

– Наделали шума? Что они натворили? – спросила я.

– Видите ли, мэм, – начал объяснять майор, – множество людей приплывают сюда в последнее время напрямиком из Хайленда¹⁰. Они целыми деревнями набиваются в трюмы, а

¹⁰ Самая большая из 32 областей Шотландии. Располагается на территории Северо-Шотландского нагорья.

когда высаживаются на берег, выглядят так, будто их обгадили. На побережье им нечего ловить, к тому же горожане тыкают в них пальцами и подсмеиваются над их нелепыми нарядами. Чаще всего они сразу садятся на баржу или плоскодонку и плывут вверх по реке Кейп-Фир. В Кэмпбелтоне и Кросс-Крик живет народ, который хотя бы говорит с ними на одном языке. – Он улыбнулся мне, отряхивая грязь с полы мундира. – Люди в Брансуике не очень привыкли к таким горцам, они видели только цивилизованных шотландцев, таких, как ваш муж и его тетка. – Он кивнул в сторону Джейми, который отвесил ему в ответ шуточный поклон.

– Ну, относительно цивилизованных, – пробормотала я. Я пока еще не была готова простить майору шлюху из Эдентона. – Но...

– Они едва говорят на английском, как я слышал, – поспешил продолжить майор. Фаркуард Кэмпбелл отправился поговорить с ними и увез их на север – в Кэмпбелтон. Иначе сейчас, я не сомневаюсь, они слонялись бы по берегу, не имея представления о том, куда идти и что делать.

– Что с ними сделал Кэмпбелл? – спросил Джейми.

– Разместил у своих знакомых в Кэмпбелтоне, но, как вы понимаете, это решает проблему только на время. – Макдональд пожал плечами.

Кэмпбелтон был небольшим поселением возле Кросс-Крика, расстроившимся вокруг процветающего предприятия Фаркуарда Кэмпбелла. Земля вокруг была целиком заселена – в основном самими же Кэмпбелами. У Фаркуарда было восемь детей, многие из них уже женились и оказались такими же плодовитыми, как их отец.

– Конечно, – осторожно отозвался Джейми. – Но они с северного побережья. Они рыбаки, Дональд, не фермеры.

– Да, но они ведь хотели перемен, так? – Макдональд махнул рукой в сторону двери и леса за ней. – В Шотландии у них ничего не осталось. Они приехали сюда и теперь должны действовать исходя из ситуации. Человек ведь может научиться вести хозяйство?

Джейми, судя по всему, не был в этом уверен, но Макдональд уже горел энтузиазмом.

– Я видел множество рыбаков и земледельцев, которые становились солдатами, как и вы сам, осмелюсь предположить. Уж фермерство наверняка не сложнее военной службы.

На это замечание Джейми слегка улыбнулся: в возрасте девятнадцати лет он оставил фермерство и отправился во Францию в качестве наемного солдата.

– Может, и так, Дональд. Но штука в том, что солдату с утра до ночи говорят, что делать. А кто расскажет этим несчастным дурачкам, с какой стороны доить корову?

– Думаю, это будешь ты, – сказала ему я и потянулась, расслабляя спину, занемевшую от долгой дороги, посмотрев на Макдональда. – Осмелюсь предположить, что именно к этому вы клоните, майор.

– Ваше обаяние уступает лишь вашей сообразительности, мэм, – отозвался Макдональд, галантно кланяясь в мою сторону. – Да, в этом вся соль. Все ваши люди – горцы, сэр, и земледельцы: они говорят с новоприбывшими на одном языке, могут им показать и рассказать все, что нужно – помогут им освоиться.

– В колонии немало других людей, которые говорят по-гэльски, – возразил Джейми. – И большинство из них живут гораздо ближе к Кэмпбелтону.

– Ай, но у вас есть земля, которую надо возделывать, а у них нет.

Чувствуя, что выиграл спор, майор, очень довольный собой, откинулся на кресле и взял в руки забытую кружку с пивом.

Приподняв одну бровь, Джейми взглянул на меня. У нас действительно была свободная земля – больше десяти тысяч акров, из которых возделывалось самое большее двадцать. Правдой было и то, что в колонии не хватало рабочих рук, особенно в горах, где земля не подходила для выращивания риса или табака – культур, неразрывно связанных с рабским трудом. И тем не менее в то же время...

– Проблема в том, Дональд, как их устроить. – Джейми наклонился, чтобы вытряхнуть очередную пулю в угли, и распрямился, заправляя за ухо непослушную медную прядь. – У меня есть земля, да. Но кроме этого... Почти ничего. Нельзя просто выбросить в дикую природу людей, только что приехавших из Шотландии, и рассчитывать на то, что они с легкостью ко всему приспособятся. У меня нет даже пары ботинок и одежды, какие дают рабам, не говоря уже об инструментах. Да и кормить их всех вместе с женами и детьми всю зиму? Защищать их? – В доказательство он приподнял котелок, покачал головой и кинул в него еще кусок свинца.

– Ах, защита. Что ж, раз уж вы упомянули об этом, позвольте мне перейти к еще одному небольшому дельцу. – Макдональд наклонился вперед и заговорщицки понизил голос, хотя рядом не было никого, кто мог бы его ненароком услышать: – Я ведь сказал, что я человек губернатора, так? Он наказал мне объезжать западную часть колонии и держать ухо востро. Есть еще непомилованные регуляторы, и... – Он воровато огляделся по сторонам, будто ожидая, что один из них вдруг выскочит из камина. – Вы знаете о комитетах безопасности?

– Кое-что.

– Но у вас, на окраинах, такого пока нет, верно?

– По крайней мере, я не слышал.

У Джейми закончился свинец для плавки, и он склонился к очагу, чтобы собрать лежащие в золе новенькие пули, мягкий свет от огня сиял красным над его макушкой. Я присела на скамью рядом с ним и взяла в руки мешочек для пуль, чтобы ему удобней было их складывать.

– Ага, – сказал Макдональд, довольный услышанным. – Значит, я приехал как раз вовремя.

В разгар волнений, которые сопутствовали войне регуляторов годом раньше, группы людей начали объединяться в такие неофициальные комитеты, вдохновленные примером других колоний. Они считали, что, раз Корона больше не может обеспечить их безопасность, они должны взять это в свои руки.

Шерифам больше не доверяли, скандалы, которые спровоцировали движение регуляторов, доказали их неспособность контролировать ситуацию. Трудность заключалась в том, что эти комитеты были самопровозглашенными, и у людей было не больше причин доверять им, чем шерифам. Были и другие комитеты. Например, Корреспондентские комитеты, свободные ассоциации людей, состоявших в активной переписке, распространявших новости и сплетни между колониями. Именно из этих многочисленных комитетов взойдут побеги мятежа – они набирали силу уже сейчас, где-то в этой холодной весенней ночи.

По привычке, к которой я теперь возвращалась гораздо чаще, я посчитала, сколько времени еще оставалось. Сейчас на дворе стоял апрель тысяча семьсот семьдесят третьего года. И как изящно отметил Лонгфелло, «то было в семьдесят пятом году, в восемнадцатый день апреля...»¹¹

Два года. Но у войны длинный фитиль, и разгорается он медленно. Этот загли в Аламансе, и яркие жгучие линии ползущего огня в Северной Каролине были уже видны тем, кто знал, куда смотреть.

Свинцовые пули в мешочке, который я держала, перекатывались и позвякивали. Пальцы крепко сомкнулись на коже. Джейми заметил это и коснулся моего колена быстрым и легким движением, как бы успокаивая, а затем забрал мешочек, свернул его и уложил в ящик с боеприпасами.

– Как раз вовремя, – повторил он, глядя на Макдональда. – Что вы имеете в виду, Дональд?

¹¹ Стихотворение Г. Лонгфелло «Скачка Поля Ревира» из цикла «Рассказы придорожной гостиницы» в пер. М. Зенкевича.

– Как же! Кому еще возглавлять такой комитет, как не вам, полковник? Я так и сказал губернатору.

Макдональд пытался держаться непринужденно, произнося это, но потерпел неудачу.

– Очень любезно с вашей стороны, майор, – сухо отозвался Джейми. Глядя на меня, муж приподнял бровь. Положение колониальных властей было, по всей видимости, даже хуже, чем он предполагал – губернатор Мартин не просто смирился с существованием комитетов, но тайно поощрял их деятельность.

Протяжный звук собачьего зевка долетел до меня из холла, и я покинула мужчин, чтобы посмотреть, как там Йен. Я размышляла о том, имеет ли губернатор Мартин представление о том, что именно теряет. Я склонялась к мысли, что знает и хочет извлечь хоть какие-то плюсы из сложившейся ситуации, пытаясь взять под контроль хотя бы некоторые комитеты безопасности, поставив во главе людей, которые оставались на стороне короны во время войны регуляторов. Однако проблема была в том, что он не мог контролировать – или даже знать – многие из таких комитетов. Колония начинала бурлить и шипеть, будто кипящий чайник на огне, а у Мартина под началом не было даже постоянной армии, только наемники вроде Макдональда да еще милиция.

Именно поэтому Макдональд называл Джейми полковником. Предыдущий губернатор Уильям Трион назначил Джейми – в общем-то против его воли – полковником милиции в местности, что начиналась над рекой Ядкин.

«Хм...» – сказала я сама себе. Ни Макдональд, ни Мартин не были дураками. Они понимали, что Джейми, став основателем комитета, позовет с собой тех же людей, что служили под его началом в милиции, – однако в этом случае правительство не было обязано ни платить им, ни обеспечивать обмундированием и оружием, губернатор к тому же не нес никакой ответственности за их действия, поскольку комитеты безопасности не были официальным органом власти.

В то же время для Джейми – и всех нас – принятие подобного предложения сулило значительные опасности.

В холле было темно, только из кухни позади меня падало немного света да огонек единственной свечи подрагивал в операционной. Йен спал, но спал беспокойно, между бровей на мягкой юношеской коже залегла складка волнения. Ролло приподнял голову, пушистый хвост застучал по полу в приветствии.

Йен не ответил, когда я позвала его по имени и даже когда положила руку ему на плечо. Я легонько потрясла его, потом сильнее. Я видела, как он борется с чем-то в недрах своего подсознания, как человек, угодивший в стремнину и уже покорившийся манящей глубине, вдруг подцепленный на рыболовный крючок, – судорога боли в онемевшей плоти.

Его глаза открылись внезапно – темные и потерянные. Он посмотрел на меня, не узнавая.

– Привет, – сказала я мягко, ощущая облегчение от того, что он в сознании. – Как тебя зовут?

Я увидела, что он не понимает вопроса, и терпеливо повторила его. Осознание блеснуло где-то в глубине его расширенных зрачков.

– Кто я такой? – произнес он на гэльском. Он сказал что-то еще очень неразборчиво на мохавке¹², и его веки затрепетали, снова закрываясь.

– Проснись, Йен, – сказала я резче, продолжая расталкивать его. – Скажи мне, кто ты такой.

Его глаза снова открылись, и он недоуменно сощурился, глядя на меня.

¹² Могаукский язык (могаук, мохок, мохаук, мохавк) – индейский язык Северной Америки, один из северных ирокезских языков. Распространен у народности могаук, проживающей в США и Канаде.

– Попробуем что-нибудь попроще, – предложила я, выставляя перед ним два пальца. – Сколько пальцев ты видишь?

Искра узнавания промелькнула в его глазах.

– Гляди, чтобы Арч Баг не увидел, что ты такое показываешь, тетушка, – сказал он сонно, слабая улыбка осветила его лицо. – Это очень грубо, знаешь ли.

Что ж, по крайней мере он узнал меня, как и жест, который я показала¹³. И он должен был знать, кто он такой, раз назвал меня тетушкой.

– Назови свое полное имя, – попросила я снова.

– Йен Фицгиббонс Фрэзер Мюррей, – ответил он немного раздраженно. – Почему ты спрашиваешь, как меня зовут?

– Фицгиббонс? – отозвалась я. – Это еще откуда?

Он застонал и прижал два пальца к векам, легонько нажимая на них и при этом морщась.

– Идея дяди Джейми – вини его, – ответил он. – Это в честь его крестного отца, так он сказал. Его звали Мурга Фицгиббонс Фрэзер, но моя мама не хотела называть меня Муртой. Мне кажется, меня сейчас снова стошнит, – добавил он, убирая руки от лица.

После этого парень немного покряхтел над тазом, но его так и не вырвало, что было хорошим знаком. Я помогла ему улечься назад, на бок, бледному и липкому от пота. Ролло встал на задние лапы, оперевшись передними на операционный стол, и стал облизывать Йену лицо, что заставило последнего хихикать и стенать по очереди, пока он не начал слабо отталкивать пса.

– Theirig dhachaigh, Okwaho, – сказал он.

«Theirig dhachaigh» значило на гэльском «иди домой», а Okwaho было, очевидно, именем Ролло на мохавке. Йен, похоже, испытывал некоторые трудности с выбором языка, но, несмотря на это, явно был в здравом уме. После того как он ответил еще на несколько невыносимо глупых вопросов, я протерла ему лицо влажным полотенцем, дала разбавленного вина, чтобы он прополоскал рот, и снова укутала одеялом.

– Тетушка, – сонно позвал он, когда я уже подошла к двери, – как думаешь, я когда-нибудь еще увижу маму?

Я остановилась, не зная, как ответить на этот вопрос. Но нужда отпала сама собой – Йен уже провалился в сон с быстротой, какую часто демонстрируют пациенты с сотрясением, и глубоко задышал еще до того, как я успела подыскать слова.

Глава 6 Засада

Йен проснулся внезапно и сразу схватился за томагавк. Точнее, за то, что должно было быть томагавком, но оказалось сжатыми в кулак штанами. Он не сразу понял, где находится, и резко сел на постели, пытаясь разобрать силуэты предметов в темноте.

Боль прошла голову, будто молния, заставив беззвучно выдохнуть и схватиться за нее. Где-то позади в темноте Ролло коротко и удивленно тявкнул.

Господи. Навязчивые запахи тетиной операционной ударили ему в нос: спирт, прогоревший фитиль, сушеные лекарственные растения и это мерзкое варево, которое она называла пенициллином. Он закрыл глаза, опустил лоб на подобранные колени и медленно задышал через рот.

Что ему снилось? Что-то про опасность, что-то жестокое – но никакой четкой картинки в голове не было, только ощущение погони, будто кто-то преследует его в лесу. Нужно было пописать, и срочно. Он неуверенно нащупал край операционного стола, на котором лежал, и медленно сел, свесив ноги и морщась от вспышек боли в голове.

¹³ Жест «V» из двух пальцев в Англии, Шотландии и Ирландии является эквивалентом поднятому среднему пальцу.

Миссис Баг, он вспомнил, говорила, что оставила в комнате ночной горшок, но свеча догорела, а у него не было сил ползать по полу в надежде его найти. Слабый свет указал, где была дверь. Тетя оставила ее приоткрытой, и отсветы от горящего очага в кухне проникали в помещение. Используя это как ориентир, он добрался до окна, открыл его, на ощупь откинул задвижку на ставнях и оказался в потоке ночного весеннего воздуха. Глаза у него были блаженно закрыты, пока он опорожнял переполненный мочевой пузырь.

Так было гораздо лучше, но вместе с облегчением пришли забытые было тошнота и болезненная пульсация в голове. Он опустился на пол, подтянул колени к груди и положил на них сложенные руки и голову, дожидаясь, пока перестанет мутить.

Из кухни доносились голоса, теперь, когда он мог сосредоточить внимание на чем-то еще, он слышал их очень четко. Там были дядя Джейми, этот Макдональд, старый Арч Баг и тетя Клэр, которая то и дело вставляла словечко в разговор. Английский выговор звучал резко по сравнению с ворчащим бормотанием шотландцев и гэльским языком.

– Затруднило бы вас, скажем, стать индейским агентом? – спрашивал Макдональд.

О чем это он? – подумалось Йену. Ну да, конечно: Корона нанимала людей, чтобы они приходили в племена, предлагали им подарки, табак, ножи и все такое. Они должны были рассказывать всякие глупости, вроде той о немце Джорди¹⁴ – будто бы король собирается приехать и сесть прямо здесь, у костра, на совете на следующую Заячью луну и говорить с мужчинами на равных.

При этой мысли он мрачно улыбнулся. Намерение было прозрачным – заставить индейцев воевать на стороне англичан, когда возникнет нужда. Но почему они думают, что сейчас это необходимо? Французы проиграли и отступили к своим северным укреплениям в Канаде.

Ах да. Он смутно припоминал, что Брианна рассказывала ему что-то о новой войне. Он не знал, стоило ли ей верить – может, она была права, однако в этом случае... он не хотел об этом думать. Вообще о чем-либо думать.

Ролло подошел, сел рядом и привалился к Йену. Тот в ответ откинулся немного назад и положил голову на густую собачью шерсть.

Когда он жил в Снейктауне, туда однажды приходил индейский агент. Маленький толстый человечек с бегающими глазами и дрожащим голосом. Похоже, что мужчина... Боже, как же его звали? Могавки называли его Дурной Пот, и это имя ему подходило – он вонял так, будто был смертельно болен. Так вот, похоже, он был незнаком с ганьенгэха¹⁵ – не знал их языка и откровенно ожидал, что они вот-вот снимут с него скальп. Им это казалось уморительным, и, если бы Тевактенюх не сказала относиться к нему с уважением, один или двое попытались бы сделать это просто ради шутки. Йен был вынужден стать переводчиком, но эту работу он выполнял без всякого удовольствия. Он скорее предпочел бы считать себя могавкой, чем признать любое родство с Дурным Потом.

Вот дядя Джейми... он бы справился с таким делом куда лучше, это уж точно. Возьмется ли он за это? Йен прислушивался к голосам несколько рассеянно, но было и так ясно, что дядю Джейми не удастся ни к чему принудить. С тем же успехом Макдональд мог попытаться удерживать в ладонях лягушку весной, подумал Йен, попутно улавливая слова дяди, умело уклонявшегося от любых обещаний.

Он вздохнул, обхватил Ролло за шею и перенес больше веса на пса. Он чувствовал себя ужасно. Йен подумал бы, что умирает, если бы тетюшка Клэр не сказала, что он пару дней будет чувствовать себя паршиво. Он был уверен, что, будь он при смерти, она бы ни за что не ушла, оставив его в компании одного только Ролло. Ставни были по-прежнему открыты, и холодный

¹⁴ Немец Джорди (German Geordie) – прозвище, данное якобитами четырем королям Георгам из Ганноверской династии, которые один за другим правили Великобританией. Более всего оно относилось к Георгу Первому, в данном случае речь идет о Третьем.

¹⁵ Ганьенгэха – «Народ кремня», так себя называли сами могавки.

ветерок обволакивал его, бодрящий и в то же время мягкий, воздух весенней ночи. Он почувствовал, как Ролло приподнял морду, принюхиваясь, а затем издал низкий нетерпеливый рык. Должно быть, опоссум или енот.

– Тогда иди, – сказал Йен, выпрямляясь и легонько толкая пса. – Со мной все нормально.

Собака обнюхала его с подозрением и попыталась лизнуть затылок, где были швы, но отпрянула, когда парень вскрикнул от боли и прикрыл рану руками.

– Иди, я сказал. – Он слабо стукнул пса, и Ролло фыркнул, разок крутанулся на месте, а затем прыгнул через его голову в открытое окно и приземлился с отчетливым глухим ударом. Испуганный визг прорезал ночную тишину, послышался звук скребущих лап и крупных тел, продирающихся сквозь кусты.

Голоса на кухне зазвучали удивленно, и он услышал, как дядя Джейми выходит в коридор за секунду до того, как открылась дверь операционной.

– Йен, – позвал он мягко. – Где ты, парень? Что стряслось?

Он встал, но белая слепящая пелена вдруг накрыла его глаза, и он пошатнулся. Дядя Джейми поймал его за руку и усадил на стул.

– В чем дело, парень?

Зрение постепенно прояснялось, он уже мог различить силуэт дяди в падающем из дверного проема свете, в руке у него была винтовка, лицо выглядело встревоженным, но в то же время веселым, когда он перевел взгляд на открытое окно. Он втянул воздух.

– Полагаю, это не скунс.

– Думаю, это одно из двух, – ответил Йен, осторожно дотрагиваясь до головы. – Либо Ролло охотится на пуму, либо загнал на дерево тетушкиного кота.

– Ай. На его месте я бы выбрал пуму. – Дядя отложил винтовку в сторону и пошел к окну. – Закрывать ставни или тебе нужен воздух, парень? Вид у тебя неважный.

– Я и чувствую себя неважно, – признал Йен. – Если можно, оставь так, дядя.

– Будешь отдыхать, Йен?

Он замялся. Его по-прежнему довольно сильно мутило, и очень хотелось снова лечь, но операционная делала его беспокойным – с ее сильными запахами, поблескивающими крохотными лезвиями и другими загадочными предметами, похожими на орудия пыток. Дядя Джейми, казалось, угадал причину неуверенности, потому что наклонился и взял Йена под локоть.

– Пойдем, парень. Ты можешь спать в нормальной постели наверху, если не возражаешь против компании майора Макдональда в соседней кровати.

– Я не возражаю, – ответил Йен, – но, думаю, что лучше мне остаться тут. – Он указал на окно рукой, не желая снова тревожить голову. – Ролло, скорее всего, быстро вернется.

Джейми не стал спорить, за что Йен был благодарен. Женщины всегда суетятся, мужчины же просто делают свое дело.

Дядя, не особенно церемонясь, уложил его обратно в постель, укрыл одеялом, а затем начал искать в темноте винтовку, которую он отложил. Йен подумал, что он вполне мог бы справиться сейчас с толикой женской суеты.

– Можешь дать мне стакан воды, дядя Джейми?

– А? Ах да, конечно.

Тетя Клэр оставила кувшин воды рядом с кроватью. Послышался умиротворяющий звук льющейся жидкости, а потом он ощутил край глиняной чашки возле рта, дядя прижал ладонь к его спине, чтобы помочь приподняться. Ему вообще-то не нужна была помощь, но он не стал возражать – прикосновение было теплым и успокаивающим. Он только сейчас осознал, как озяб от холодного ночного воздуха, и почувствовал, как волна дрожи прокатилась по телу.

– Все нормально, парень? – пробормотал дядя Джейми, рука его чуть сжалась на предплечье Йена.

– Все хорошо. Дядя Джейми?

– Мхм?

– Тетя Клэр рассказывала тебе о... о войне? О той, что будет, я имею в виду. О войне с Англией.

На какой-то момент повисла тишина, крупный дядин силуэт застыл, черный на фоне проникающего сквозь проем света.

– Рассказывала, – ответил он и убрал руку. – Тебе тоже рассказывала?

– Нет, кузина Брианна рассказывала. – Он осторожно улегся на бок, чтобы не потревожить покалеченную голову. – Ты им веришь?

На этот раз он ответил не раздумывая:

– Верю.

Это было сказано в сухой дядиной манере, но от его слов волосы у Йена на затылке встали дыбом.

– А. Ну ладно.

Подушка, набитая гусиными перьями, на которой он лежал, была мягкая и пахла лавандой. Дядя коснулся его головы и убрал с лица непослушные пряди.

– Не тревожься об этом, Йен, – сказал он мягко. – Время еще есть.

Джейми поднял винтовку и вышел. С места, где он лежал, Йену был виден двор, деревья, уходящие вниз на окраине Риджа, склон Черной горы, а за ним темное небо, густо усеянное звездами.

Он услышал, как открылась задняя дверь, а потом до него донесся голос миссис Баг, перекрывающий все прочие.

– Их там нет, сэр, – говорила она, задыхаясь. – Дом темный, огонь в очаге не горит. Куда они могли отправиться в такую темень?

Йен полубессознательно размышлял, о ком это она говорит, но, казалось, это было не так важно. Если появилась какая-то проблема, дядя Джейми с ней разберется. Мысль была умиротворяющей. Он ощущал себя маленьким мальчиком, лежащим в безопасности в своей постели, пока отец снаружи говорит с кем-то из арендаторов в холодной темноте хайлендского рассвета.

Тепло медленно обволокло его под одеялом, и он провалился в сон.

* * *

Луна уже начала подниматься, когда они отправились в путь. И это хорошо, подумала Брианна. Даже с этим большим кривобоком золотым светилом, выплывающим из звездной колыбели и одаривающим небо своим взятым взаймы светом, тропинка у них под ногами оставалась неразличимой. Невидимыми были даже их собственные ноги, утонувшие в абсолютной темноте ночного леса.

Здесь было темно, но не тихо. Огромные деревья шелестели над головой, крошечные создания попискивали и шуршали во тьме. Время от времени совсем рядом слышался мягкий шелест пролетающей мимо летучей мыши, и она пугалась, как будто часть ночи вдруг оживала и касалась ее черным крылом.

– Кошка священника¹⁶ – пугливая кошка? – сказал Роджер, когда Брианна вздрогнула и схватилась за него, в очередной раз услышав хлопанье кожистых крыльев совсем близко.

– Кошка священника... признательная кошка, – ответила она, сжимая его руку. – Спасибо.

¹⁶ «Кошка священника» – домашняя английская игра, в которой участники должны по очереди давать кошке определение, начинающееся с одной и той же буквы алфавита.

Вероятнее всего, их предприятие кончится тем, что им придется спать в плащах перед очагом Макгилливреев вместо собственной уютной постели. Но по крайней мере Джемми будет с ними.

Роджер сжал ее руку в ответ, его ладонь была больше и сильнее, чем у жены. Этот жест придал Брианне уверенности во тьме.

– Все хорошо. Я тоже хочу, чтобы он был рядом. Это такая ночь, когда вся семья должна быть вместе, в безопасности.

Она издала негромкий звук, выражающий согласие и благодарность, но ей хотелось продолжить разговор и сохранить это ощущение внутренней связи, которое позволяло сдерживать наступление тьмы.

– Кошка священника была очень красноречивой кошкой, – осторожно добавила она. – Я имею в виду на похоронах. То, что ты говорил об этих несчастных.

Роджер усмехнулся, она увидела облачко пара от его дыхания, белое в ночном воздухе.

– Кошка священника была до крайности конфузливой кошкой, – отозвался он. – Твой отец!

Она знала, что он ее не видит, и улыбнулась.

– Ты отлично справился, – сказала Брианна нежно.

– Хм, – ответил он, снова усмехнувшись. – Что до красноречия... Если оно там и было, то это не моя заслуга. Я просто цитировал какой-то из псалмов, даже не знаю, какой именно.

– Это не важно. Почему ты выбрал именно эти строчки? – спросила она с любопытством. – Я думала, ты прочтешь Отче наш или двадцать третий псалом – его все знают.

– Я думал, что так и поступлю, – признался Роджер. – Я собирался. Но когда пришло время говорить... – Он замялся, и Брианна вдруг будто снова увидела сырые холодные могилы и ощутила запах пожарища. Роджер сильнее сжал ее руку и притянул ближе, беря жену под локоть.

– Я не знаю, – сказал он глухо. – Просто эти слова показались более подходящими.

– Так и было, – прошептала она, но не стала продолжать тему, решив направить разговор в иное русло. Брианна хотела обсудить свой последний инженерный проект – ручной насос, который позволял бы поднимать воду из колодца. – Если бы у меня было нечто, что я могла бы использовать в качестве трубы, я провела бы ее прямо в дом – проще простого! У меня накопилось уже достаточно древесины, чтобы сделать хорошую цистерну. Если мне удастся уговорить Ронни, чтобы он ее собрал, мы, по меньшей мере, сможем принимать душ из дождевой воды. Но использовать в качестве труб пустые древесные стволы никуда не годится, уйдут месяцы только на то, чтобы покрыть расстояние от колодца до дома, не говоря уже о ручье. И нет никаких шансов достать листовую медь. Даже если бы мы могли себе это позволить – а мы не можем, – везти ее из Уилмингтона было бы... – Она обреченно махнула рукой, сетуя на несоответствие желаний и возможностей.

Роджер задумался об этом на несколько мгновений, их башмаки синхронно шуршали по каменистой тропе.

– Ну, древние римляне, например, использовали бетон. Состав можно найти у Плиния.

– Знаю. Но для этого нужен определенный тип песка, которого здесь, увы, не найти. И еще известь, которой тоже у нас нет. И...

– А как насчет глины? – прервал ее Роджер. – Ты видала ту тарелку на свадьбе у Хильды? Большую красно-коричневую, с красивыми узорами?

– Да, – ответила она. – К чему ты вспомнил?

– Уте Макгилливрей сказала, что ее привез кто-то из Салема. Не помню имени, но она говорила, что он большой мастер в горшководелании – или как там это называется?

– Спорю на что угодно, она такого не говорила.

– Или что-то в этом духе, – продолжил он, не обращая внимания на вставку Брианны. – Штука в том, что он сделал это здесь, ее не привезли из Германии. А это значит, что тут есть глина, пригодная для обжига.

– О, понятно. Что ж, это идея, так ведь?

Так оно и было, и идея заманчивая, на обсуждение которой они потратили практически весь оставшийся путь.

Они спустились с Риджа и были уже в четверти мили от дома Макгилливреев, когда она ощутила неприятное покалывание где-то возле затылка. Это могло быть просто разыгравшееся воображение: после того, что они увидели в той обезлюдившей низине, темный лесной воздух, казалось, дышал угрозой, за любым резким поворотом Брианне мерещилась засада, и она напряженно ожидала нападения.

А потом она услышала, как что-то хрустнуло в чаще справа – краткий сухой звук ломающейся ветки, какой не может произвести ни ветер, ни животное. Реальная опасность имела свой вкус – сильный, как лимонный сок в сравнении со слабым лимонадом воображения. Ладонь предостерегающе сомкнулась на руке Роджера, и он сразу же остановился.

– Что? – прошептал он, сжав руку на рукоятке ножа. – Где?

Он не услышал того, что заметила Брианна. Черт, почему она не взяла пистолет или, на худой конец, кинжал? Единственное оружие, бывшее в ее распоряжении, – швейцарский армейский нож, который она всегда носила в кармане, да еще то, что можно было найти в лесу. Она крепко прижалась к Роджеру и повела рукой очень близко к его телу, чтобы он точно угадал направление. Затем Брианна присела, ощупывая землю вокруг на предмет острого камня или подходящей палки.

– Продолжай говорить, – шепнула она.

– Кошка священника – боязливая кошка, так? – сказал он, явно поддразнивая ее.

– Кошка священника – беспощадная кошка, – ответила она, пытаясь скопировать его интонацию и в то же время шаря одной рукой в кармане. Другая крепко сомкнулась на тяжелом и холодном камне, который она вытащила из липкой грязи под ногами. Она поднялась, сосредоточив все чувства на темноте справа. – Эта кошка порвет на куски любого...

– А, это вы, – сказал голос в лесу позади нее.

Брианна вскрикнула, и Роджер рефлексивно дернулся, развернулся на пятках, чтобы встретить угрозу лицом к лицу, подхватил жену и толкнул ее за спину – все одним махом. От толчка по инерции она попятилась назад, зацепилась каблуком за древесный корень и больно упала задом. С этой позиции открылся отличный вид на Роджера, который в лунном свете бросился к деревьям с устрашающим ревом, держа кинжал в руке.

С запозданием она осознала, что именно сказал голос, равно как и тон, в котором безошибочно звучало разочарование. Очень похожий голос, тревожно громкий, раздался из-за деревьев справа.

– Джо? – сказал он. – Что? Что, Джо?

В это время справа доносились звуки борьбы и пронзительные вопли. Роджер явно кого-то поймал.

– Роджер! – закричала она. – Роджер, стой, это Бердсли.

Она уронила камень, когда падала, и теперь, поднимаясь на ноги, вытирала юбкой грязь с руки. Сердце колотилось, на левой ягодице наливался приличный синяк, а рвущийся наружу смех боролся с сильным желанием придушить одного или сразу обоих близнецов Бердсли.

– Кеси Бердсли, а ну-ка выходи оттуда! – крикнула она, а потом повторила еще раз, громче. Слух у Кеси улучшился после того, как мать удалила его вечно больные гланды и аденоиды, но он по-прежнему был глуховат.

Вслед за громким шуршанием появилась худощавая фигура Кеси Бердсли, темноволосого, бледного и вооруженного большой дубиной, которую при виде Бри он снял с плеча и

неловко попытался спрятать за спиной. В то же время еще более громкое шуршание и изрядное количество ругательств позади нее возвестило появление Роджера, сжимающего цыплячью шею Джосайи Бердсли, близнеца Кеси.

– Что, во имя господ, вы тут затевали, маленькие засранцы? – спросил Роджер, толкая Джо вперед, к брату, в пятно лунного света. – Вы понимаете, что я вас чуть не поубивал?

Света было ровно столько, чтобы Брианна успела заметить глумливую ухмылку на лице Джо перед тем, как ее сменило выражение самого искреннего раскаяния.

– Простите, мистер Мак. Мы услышали, что кто-то идет, и подумали, что это могут быть бриганды¹⁷.

– Бриганды, – повторила Брианна и почувствовала неудержимое желание рассмеяться, но мужественно сдержалась. – Откуда вы вообще взяли это слово?

– О. – Джо стал рассматривать носки своих башмаков, сцепив руки за спиной. – Мисс Лиззи читала нам немного из той книги, что привез мистер Джейми. Там про них было. Про бригандов.

– Понятно.

Она тайком посмотрела на Роджера, который поймал ее взгляд. Судя по всему, он уже перестал злиться и ситуация стала его забавлять.

– «Пират Гоу», – объяснила она. – Дефо.

– Ах, вот как. – Роджер сложил кинжал в ножны. – И почему же вы решили, что сюда могут идти бриганды?

Кеси, чей слух отличался непредсказуемостью, разобрал этот вопрос и ответил. Говорил он так же серьезно, как и брат, только голос у него был громче и монотоннее в результате ранней глухоты.

– Мы встретили мистера Линдси, когда он ехал домой. Он рассказал нам, что произошло там, у Голландского ручья. Это правда? Они все сгорели дотла?

– Они все были мертвы. – Голос Роджера утратил всякий намек на веселость. – Но как это связано с тем, что вы бродите ночью по лесу с дубинками?

– Ну, видите ли, сэр, имение Макгилливреев – хорошее, большое место с лавкой бондаря и новым домом, к тому же стоит прямо у дороги... В общем, будь я бригандом, сэр, как раз сюда бы и отправился, – ответил Джо.

– А еще там мисс Лиззи с отцом. И ваш сын, мистер Мак, – добавил Кеси многозначительно. – Мы не хотели, чтобы с ними что-нибудь случилось.

– Понятно. – Роджер кривовато улыбнулся. – Что ж, тогда спасибо за вашу заботу. Однако я очень сомневаюсь, что бриганды могут быть где-то поблизости. Голландский ручей очень далеко отсюда.

– Верно, сэр, – согласился Джо. – Но ведь бриганды могут быть где угодно, так ведь?

Это была абсолютная, неоспоримая истина, и Брианна снова ощутила, как внутри все похолодело.

– Могут, но здесь их точно нет, – заверил Роджер. – Пойдемте-ка с нами в дом, а? Мы только собираемся забрать малыша Джемми, я уверен, у фрау Уте найдется пара мест перед очагом.

Братья Бердсли обменялись загадочными взглядами. Они были практически одинаковыми – маленькими и подвижными, с густыми темными волосами, их единственными различиями была глухота Кеси да еще круглый шрам у Джо на большом пальце. Вид этих двух вытянутых тонких лиц с одним и тем же выражением несколько выбивал из колеи. Что бы ни

¹⁷ Бриганды (*англ.* brigands) – разбойники, бандиты. Слово происходит от названия наемных солдат в английской и французской армиях времен Столетней войны, которые в мирное время занимались разбоем.

было предметом их обсуждения, одного взгляда оказалось достаточно, чтобы принять решение, потому что Кеси еле заметно кивнул, соглашаясь с братом.

– Нет, сэр, – сказал Джосайя вежливо. – Мы, пожалуй, останемся здесь.

И без всяких дальнейших разговоров оба развернулись и бросились в темноту, шурша опавшими листьями и камешками.

– Джо, стой! – закричала Брианна вслед, она нащупала кое-что на дне своего кармана.

– Ай, мэ? – Джосайя вернулся, неожиданно и беззвучно появившись у ее локтя. Его близнец не был охотником и следопытом, но Джо был.

– О! То есть вот ты где! – Она глубоко вздохнула, чтобы успокоить сердцебиение, и подала ему резной свисток, который она сделала для Германа. – Вот. Если вы собираетесь нас охранять, это может вам пригодиться. Позвать на помощь, если кто-то объявится.

Джо Бердсли никогда раньше не видел свистка, но не спешил в этом сознаваться. Он повертел маленький предмет в руках, стараясь не пялиться на него. Роджер протянул руку, взял свисток и хорошенько дунул в него – ночь взорвалась от резкого звука. Несколько разбуженных птиц испуганно взлетели с веток соседних деревьев, возмущенно крича. Кеси Бердсли внимательно наблюдал за их полетом с круглыми от удивления глазами.

– Дуй с этой стороны, – сказал Роджер, поднимая свисток правильным концом вверх, перед тем как отдать новому владельцу. – Нужно немного сжать губы.

– Весьма обязан, сэр, – пробормотал Джо. Его обычно невозмутимый вид совершенно исчез с того самого момента, как резкий свист прорезал тишину. Он взял свисток у Роджера с широко раскрытыми глазами, какие бывают у детей рождественским утром, и тут же показал трофей брату. Внезапно Брианну поразила мысль о том, что скорее всего ни у одного из них никогда не было рождественского утра, да и подарков им никто не дарил.

– Я сделаю для тебя еще один, – сказала она Кеси. – Тогда вы двое сможете подавать друг другу сигналы, если увидите бригадиров, – добавила Бри с улыбкой.

– О, конечно, мэ. Так мы и поступим! Не сомневайтесь! – заверил он, едва глядя на нее, – мальчишке не терпелось исследовать свисток, который теперь был в руках у брата.

– Свистните три раза, если вам нужна будет помощь! – крикнул им вслед Роджер, беря жену под руку.

– Да, сэр! – донеслось из темноты вместе с запоздалым: – Спасибо, мэ. – За этими словами последовала череда вздохов и хрипов, перемежающихся успешным, но кратким свистом.

– Лиззи, я погляжу, учит их кое-каким манерам, – заметил Роджер. – И, видимо, чтению. Как думаешь, они когда-нибудь смогут стать цивилизованными людьми?

– Нет, – ответила она с ноткой сожаления.

– Серьезно? – Брианна не видела его лица в темноте, но услышала удивление в голосе. – Вообще-то это была шутка. Ты правда думаешь, что нет?

– Правда. И в этом нет ничего удивительного, учитывая, в каких условиях они росли. Ты видел, как они себя вели с этим свистком? Никто никогда не делал им подарков, у них даже игрушек не было.

– Согласен. Но ты считаешь, что именно это делает мальчиков цивилизованными? В таком случае малыш Джем станет философом или художником. Миссис Баг ужасно его балует.

– Как будто ты не балуешь, – сказала она добродушно. – И папа, и Лиззи, и мама, и все вокруг.

– Ну, – ответил Роджер, несколько не смущенный обвинением. – Подожди, пока у него появятся конкуренты. Герману, например, не грозит стать разбалованным, так?

Германа, старшего сына Фергуса и Марсали, постоянно донимали две младшие сестренки, известные всем как адские котятка. Они повсюду преследовали брата, дразня и мучая его.

Брианна засмеялась, но ее охватило легкое беспокойство. Мысли о втором ребенке заставляли чувствовать себя как на американских горках – дыхание перехватывало, а желудок сжимался, она разрывалась между радостным волнением и ужасом. Особенно ощутимо это было сейчас, когда память об их близости была еще так свежа и тяжела, перетекая в животе, подобно ртути. Роджер, кажется, ощутил ее неуверенность и не стал продолжать тему. Вместо этого он взял ее за руку и сжал большой и теплой ладонью. Воздух вокруг был холодным, остатки зимней стужи стелились в низинах белыми облаками.

– А как насчет Фергуса? – спросил он, возвращаясь к предыдущей теме. – Из того, что я слышал, детства у него почти не было, однако он кажется вполне цивилизованным.

– Моя тетя Дженни воспитывала его с той поры, когда ему исполнилось десять, – возразила она. – Ты не встречал тетю Дженни, но, уж поверь, она могла бы выбить дурь даже из Адольфа Гитлера, если бы захотела. К тому же Фергус рос в Париже, а не в дремучей чаще – хоть бы даже и в борделе. И, кстати, из того, что я слышала от Марсали, это, похоже, был высококлассный бордель.

– А? Что она тебе рассказывала?

– О, просто истории, которые он между делом описывал ей. Про клиентов и ш... девушек.

– Значит, ты не можешь произнести слово «шлюха»? – спросил он, наслаждаясь ее смущением.

Брианна почувствовала, как кровь прилила к щекам, и ощутила облегчение оттого, что было темно: когда она покраснела, он дразнил ее сильнее.

– Ничего не могу поделать, я ведь ходила в католическую школу, – ответила она, защищаясь. – Раннее воспитание.

Это была чистая правда: она не могла произносить определенные слова, кроме как в порыве ярости или заранее подготовившись.

– А ты почему можешь? Надо думать, сын священника должен иметь такую же проблему. Роджер иронически усмехнулся.

– Не совсем такую. Я скорее был вынужден уметь ругаться и делать всякое перед друзьями, просто чтобы доказать, что могу.

– Какое всякое? – спросила она, ощущая, что за его словами таится какая-то история. Он не очень часто рассказывал о детских годах в Инвернесе, когда его усыновил двоюродный дедушка, пресвитерианский священник. Но ей нравилось, когда муж между делом упоминал какие-то эпизоды из того времени.

– Ох. Курить, пить пиво и писать разные грязные словечки на стенах мужского туалета, – ответил он, и в словах ощущалась улыбка. – Опрокидывать урны, прокалывать шины. Красть сладости с почты. По тем временам я был настоящим маленьким разбойником.

– Гроза Инвернеса, вот как? А банда у тебя была? – поддразнила она.

– Была, – ответил он смеясь. – Герри Макмилан, Бобби Каудор и Дуги Бошнан. Я был белой вороной не только из-за преподобного, ко всему прочему у меня был отец англичанин и английское имя. Так что мне все время приходилось демонстрировать, что я крепкий орешек. И, говоря это, я имею в виду, что, как правило, мне доставалось больше всех.

– Понятия не имела, что ты был малолетним преступником, – сказала Бри, очарованная этой мыслью.

– Ну, это продолжалось не так уж долго, – усмехнувшись, заверил Роджер. – В то лето, когда мне исполнилось пятнадцать, преподобный нашел мне работу на рыболовном судне и отправил в море – на селечочный промысел. Не знаю, хотел ли он таким образом обтесать мой неугомонный нрав, убереечь от тюрьмы или просто ему надоело, что я шляюсь по дому без дела, но это сработало. Если хочешь найти суровых людей, отправляйся в море с группой гэльских рыбаков.

– Я запомню совет, – сказала она, упорно стараясь не захихикать, и вместо этого издала серию коротких влажных всхрапываний. – Твои друзья оказались в тюрьме или сразу исправились без своего главаря, который толкнул их на скользкую дорожку?

– Дуги ушел служить в армию, – ответил Роджер с ноткой томления в голосе. – Герри унаследовал отцовский магазин, тот торговал табаком. А Бобби... хммм... Бобби мертв. Утонул тем же летом, когда ловил лобстеров с кузенком возле Обана.

Брианна наклонилась ближе к нему, сжала его руку и сочувственно потрепала по плечу.

– Мне очень жаль, – сказала она, потом помолчала и добавила: – Разве что... Он еще не умер, так ведь? Пока что нет. Не сейчас.

Роджер покачал головой и издал причудливый звук, в котором одновременно слышались смех и тоска.

– Тебя это утешает? – спросила Бри. – Или, наоборот, думать об этом ужасно?

Ей хотелось, чтобы муж продолжал: Роджер не говорил так много зараз с момента повешения, которое украдо его мелодичный голос. Когда было необходимо что-то говорить в присутствии других людей, горло у него сжималось от волнения. Сейчас его голос был по-прежнему хриплым, но он был расслаблен и потому не кашлял и не прерывался на полуслове.

– И то и другое, – ответил он и повторил звук. – Что так, что эдак – все равно я его больше не увижу. – Он передернул плечами, отгоняя от себя мысль. – А ты часто думаешь о старых друзьях?

– Нет, не очень часто, – ответила она мягко. Дорожка стала уже, и она притянула его ближе к себе, до дома Макгилливреев оставался всего один поворот. – Здесь и так слишком много всего. – А о том, чего нет, Брианна говорить не хотела.

– Думаешь, Джо и Кеси просто играют? – спросила она. – Или что-то задумали?

– Что они могли задумать? – спросил он, принимая решение супруги сменить тему без всяких комментариев. – Мне сложно поверить, что они собрались кого-то ограбить, уж точно не в это время ночи.

– О, я верю, что они действительно караулят, – ответила Бри. – Они сделают что угодно, чтобы защитить Лиззи. Просто... – Она приостановилась.

Они вышли из леса на большую дорогу, дальний конец которой обрывался с одной стороны крутым оврагом, выглядевшим в ночи как глубокий омут, наполненный до краев черной бархатной тьмой. Днем там можно было разглядеть паутину сухих веток вперемежку с шапками рододендрона, багряника и кизила, заросших плетью древних виноградных лоз и плюща. Дорога делала осторожную петлю вокруг обрыва и сотней футов ниже плавно подходила к поселению Макгилливреев.

– Внутри до сих пор горит свет, – заметила Брианна удивленно.

Небольшая группа построек – старый дом, новый дом, бондарная мастерская Ронни Синклера, кузница и хижина Дэя Джонса – была почти целиком погружена в темноту, только сквозь ставни нижних окон нового дома просачивался свет да перед крыльцом горел костер, ослепительно-яркий на фоне окружающей черноты.

– Кенни Линдси, – уверенно сказал Роджер. – Бердсли сказали, они его встретили. Наверняка остановился, чтобы поделиться новостями.

– Хм. Тогда надо быть поосторожнее. Если они тоже ждут бригад, то будут стрелять во все, что движется.

– Не сегодня. У них праздник, помнишь? Так что ты там говорила про мальчишек Бердсли, которые защищают Лиззи?

– Ой! – Она споткнулась о какое-то невидимое препятствие и крепче схватилась за Роджера, чтобы не упасть. – Уфф. Я хотела сказать, мне не совсем ясно, от кого, по их мнению, они ее охраняют.

Роджер рефлекторно напрягся, удерживая жену.

– Что ты хочешь сказать?

– Что если бы я была Манфредом Макгилливреем, то уж постаралась бы стать Лиззи хорошим мужем. Мама говорит, Бердсли повсюду следуют за ней, как два верных пса, но это не совсем так. Они за ней следуют, как прирученные волки.

– Я думал, Йен сказал, что волков невозможно приручить.

– Так и есть, – сказала Бри коротко. – Давай-ка поспешим, пока огонь не затушили.

* * *

Большой бревенчатый дом был буквально переполнен людьми. Свет лился из открытой двери и сиял в полоске крошечных бойниц, раскиданных по фасаду дома, темные силуэты двигались на фоне горящего костра. До них сквозь тьму долетели звуки скрипки, высокие и задорные, вместе с ними ветер принес запах жареного мяса.

– Что ж, кажется, Сенга действительно сделала выбор, – заметил Роджер, беря жену под руку перед финальным крутым подъемом к перекрестку. – На кого ты ставишь? Ронни Синклер или немецкий парень?

– Пари? И какие ставки? Упс! – Она снова споткнулась, наткнувшись на камень, наполовину скрытый под слоем дорожной грязи, но Роджер крепче вцепился в нее, помогая удержать равновесие.

– Проигравший наводит порядок в кладовой.

– Идет. – Она согласилась не раздумывая. – Я считаю, выбрали Хайнриха.

– Ай? Что ж, ты, может быть, и права, – сказал он, явно получая удовольствие от спора. – Но должен сказать тебе, шансы были пять к трем в пользу Ронни, так я слышал недавно. Фрау Уте – сила, с которой приходится считаться.

– Так и есть, – признала Брианна. – И если бы это была Хильда или Инга, я бы сказала, что тут и говорить не о чем. Но у Сенги материнский нрав, ей никто не указ – даже фрау Уте. Откуда они вообще взяли имя Сенга? – добавила Брианна. – Вокруг Салема полно Хильд и Инг, но я никогда не слышал ни о какой другой Сенге.

– Ну, что ж, ты и не могла услышать – не в Салеме, по крайней мере. Это не немецкое имя, а шотландское.

– Шотландское? – изумленно переспросила Бри.

– Ай, – ответил он с улыбкой в голосе. – Это Агнес наоборот. Девочка, которую так назвали, просто обязана быть полной противоположностью¹⁸.

– Ты шутишь? Агнес наоборот?

– Не сказал бы, что оно распространенное, но я точно встречал одну или две Сенги в Шотландии.

Брианна засмеялась.

– Шотландцы поступают так еще с какими-нибудь именами?

– Произносят задом наперед? – Он задумался. – Ну, я учился в одном классе с девчонкой, которую звали Аднил, а еще был мальчишка-посыльный из лавки зеленщика, который разносил овощи старушкам, что жили в округе, – его имя звучало как Кирри, но писалось как К-и-р-э.

Девушка пристально посмотрела на него, пытаясь понять, не подшучивает ли он над ней, и покачала головой.

– Думаю, мама права насчет шотландцев. Тогда твое имя наоборот будет...

¹⁸ Святая Агнесса почитается как воплощение целомудрия и христианской добродетели.

– Реждор, – подтвердил он. – По-моему, звучит, как что-то из фильма про Годзиллу. Гигантский угорь, например, или огромный жук, у которого из глаз бьют лучи смерти, – почти мечтательно предположил он.

– Ты об этом размышлял, так ведь? – спросила Бри, смеясь. – Кем бы ты хотел быть?

– Ну, когда я был ребенком, мне казалось, что ничего лучше жука с лучами смерти придумать нельзя. Но потом, когда я ушел в море, в мои сети время от времени попадались мурены. И поверь мне, это не те угри, с которыми ты хотела бы столкнуться в темном переулке.

– Уж точно попрворнее Годзиллы, – сказала она и легонько поежилась, вспомнив мурену, с которой ей довелось однажды столкнуться. Четыре фута пружинистой стали и мокрой резины, быстрой, как молния, и вооруженной пастью, нашпигованной бритвенными лезвиями. Она наблюдала за разгрузкой рыбацкой лодки в маленьком портовом городке Макдафф, когда это создание внезапно вырвалось из трюма, где хранят улов.

Брианна с Роджером стояли, облокотившись на низкий каменный парапет, и лениво наблюдали за чайками, зависшими на ветру над морем, когда снизу, с рыбацкой лодки, донесся испуганный крик. Они посмотрели вниз как раз вовремя, чтобы увидеть, как рыбаки на палубе разбегаются в стороны.

Нечто темное и изогнутое мелькнуло среди серебряной чешуи на палубе, скользнуло под перила и приземлилось на мокрые булыжники пристани, где вызвало заметную панику среди тех, кто мыл и чистил снасти. Мурена крутилась и изворачивалась, будто взбесившийся высоковольтный кабель, пока какой-то мужчина в резиновых сапогах, взяв себя в руки, не вернулся назад и не столкнул ее в воду.

– Ну, в общем-то не такие уж они плохие ребята, эти угри, – заметил Роджер рассудительно, очевидно, вспоминая тот же случай. – В конце концов, разве можно их винить? Быть вытасненным со дна моря без всякого предупреждения – любой бы повел себя немного резко.

– Это точно, – отозвалась Бри, думая о них самих. Она взяла руку мужа, и их пальцы сплелись. Он сжал ее ладонь в ответ, и это холодное крепкое прикосновение ее утешило.

Они уже были достаточно близко, чтобы уловить обрывки смеха и разговоров, уносящиеся в холодную ночь вместе с дымом от костра. Вокруг без всякого присмотра бегали дети, две маленькие фигуры мелькали возле ног взрослых, стоящих у огня, – черные и долговязые, как гоблины на Хеллоуин.

Это ведь не мог быть Джем, верно? Нет, он меньше, к тому же Лиззи уж точно...

– Медж, – вдруг сказал Роджер.

– Что?

– Джем наоборот, – пояснил он. – Я просто подумал, было бы здорово посмотреть с ним фильмы про Годзиллу. Может, он бы тоже захотел стать жуком, у которого из глаз бьют лучи смерти? Было бы весело, да?

Голос звучал так мечтательно, что к горлу Бри подкатил комок. Она крепко сжала его руку и сглотнула.

– Расскажи ему истории про Годзиллу, – предложила она уверенно. – Все равно он ненастоящий. А я нарисую картинки.

Он засмеялся.

– Господи, ты это сделаешь, а они потом закидают тебя камнями за то, что ты водишься с дьяволом, Бри. Годзилла выглядит как нечто, вылезшее прямо из Книги Откровения, по крайней мере так мне сказали.

– Кто сказал? – Кто говорил?

– Иджер.

– Кто... ох, – сказала она, переворачивая в уме. – Режди? Кто такой Режди?

– Преподобный.

Его двоюродный дед, его приемный отец. Голос по-прежнему звучал весело, но приобрел оттенок ностальгии.

– Когда мы вместе ходили по субботам на фильмы про монстров. Иджер и Реджор. Ты бы видела лица дам из Алтарного чайного общества, когда миссис Грэхем впускала их без предупреждения и они заставляли нас в кабинете пастора, пока мы топали и ревели, круша Токио, построенный из кубиков и банок из-под супа.

Брианна засмеялась, но в уголках глаз защипало от подступающих слез.

– Я хотела бы с ним познакомиться, – сказала она, сжимая его руку.

– Я бы тоже этого хотел, – ответил он тихо. – Ты бы так ему понравилась, Бри.

На несколько минут, пока Роджер говорил, темный лес и искры от пламени внизу исчезли. Они были в Инвернесе, в уюте пасторского кабинета, где по стеклу барабанил дождь, а снаружи доносился звук проезжающих автомобилей. Такое часто случалось, когда они вот так говорили между собой. А затем какая-нибудь незначительная деталь разрушала иллюзию – в этот раз люди у костра начали петь и хлопать в ладоши, – и их мир таял в мгновение ока.

Внезапно она подумала, что случилось бы, если бы он умер. Смогла бы она воскресить все это без него? От этой мысли ее вдруг охватил секундный приступ почти животного страха. Роджер – ее краеугольный камень, без него, с одними только воспоминаниями в качестве якоря, то время будет потеряно. Оно превратится в смутные грезы и будет потеряно, оставив без твердой почвы под ногами. Брианна глубоко вдохнула холодный ночной воздух, наполненный пряным запахом костра, и, шагая, стала сильнее вдавливать пятки в землю, чтобы чувствовать себя реальной.

– Мама, мама. – Маленький темный клубок отделился от толпы у костра и стремительно бросился к ней, с такой силой врезавшись в ее колени, что пришлось схватить Роджера за предплечье.

– Джем! Вот ты где! – Она подхватила ребенка на руки и зарылась лицом в волосы, которые приятно пахли козами, сеном и пряными сосисками. Джем был очень тяжелый и более чем реальный.

В этот момент Уте Макгилливрей обернулась и увидела их. Широкое лицо выглядело хмурым, однако просветлело, как только она разглядела, что за гости к ней пожаловали. Люди заборачивались на ее приветствие, и толпа мгновенно обступила вновь прибывших. Все что-то спрашивали и выражали удивление по поводу их позднего визита.

Несколько вопросов касались семьи голландцев, но Кенни Линдси уже успел принести новости о пожаре, и Брианна была этому рада. Поселенцы огорченно хмыкали и качали головами, но к этому моменту они уже растеряли весь задор к построению ужасающих гипотез и перешли к другим темам. Сердце все еще помнило холод могил, притаившихся под пихтами, и ей не хотелось заново проживать эти воспоминания, обсуждая случившееся.

Обрученные сидели рядом на паре перевернутых ведер и держались за руки, молодые лица блаженно светились в отблесках костра.

– Я выиграла, – сказала Брианна и улыбнулась, глядя на них. – Разве они не выглядят счастливыми?

– Еще как, – согласился Роджер. – Сомневаюсь, что Ронни Синклер счастлив. Он здесь? Вместе они огляделись кругом, но бочара нигде не было видно.

– Погоди-ка, он в мастерской, – уверенно сказала она, кладя ладонь Роджеру на запястье и кивая в сторону небольшой постройки на другой стороне дороги.

С видимой стороны мастерской окон не было, но щель вокруг закрытой двери светилась желтым. Роджер перевел взгляд с темной мастерской на хмельную толпу вокруг костра. Родственники Уте приехали вместе с женихом из Салема, прихватив с собой огромный бочонок темного пива, который определенно добавил праздничной атмосферы. Казалось, густой запах хмеля пропитал все вокруг.

Вокруг мастерской бочара, напротив, витал дух заброшенности и отчужденности. Брианна задалась вопросом, вспомнил ли кто-нибудь у костра о Ронни Синклере.

– Я пойду и перекинусь с ним парой слов, ай? – Роджер легонько коснулся ее спины. – Думаю, слушатель ему не помешает.

– Слушатель и хорошая выпивка? – Брианна кивнула в сторону дома, где Робин Макгилливрей, стоящий возле дверного проема, разливал нечто похожее на виски своим друзьям.

– Думается мне, что с этим он сам разобрался, – сухо отозвался Роджер. Он оставил ее и стал проталкиваться сквозь веселую толпу у костра. Скоро мужчина растворился в темноте, но потом она увидела, как открылась дверь мастерской и в проеме двери появился силуэт Роджера, его высокая фигура почти целиком заслонила свет, льющийся из дома, перед тем, как он исчез внутри.

– Мама, хочу пить! – Джемми дергался, как лягушонок, пытаясь вырваться. Она опустила его, и он умчался быстрее пули, по пути едва не сбив с ног крупную женщину с тарелкой кукурузных лепешек.

Запах еще горячей стряпни напомнил о том, что она не ужинала, и Брианна пошла следом за сыном к столу с едой, где Лиззи, свыкаясь с ролью будущей хозяйки этого дома, со всей серьезностью наложила ей в тарелку капусты, сосисок, копченых яиц и что-то еще с кукурузой и тыквой.

– А где же твой возлюбленный, Лиззи? – поддразнила она. – Разве вам не положено обниматься весь вечер?

– Ах, этот. – Лиззи выглядела как человек, припоминающий нечто, представляющее общий интерес, но никак не первостепенную важность. – Вы имеете в виду Манфреда? Он... вон там. – Она прищурилась, глядя в сторону костра, а потом ложкой указала на своего жениха. Манфред Макгилливрей стоял рядом с тремя другими мужчинами, руки их были сплетены, и они покачивались из стороны в сторону, выводя какую-то песню на немецком. Похоже, они не в состоянии были в точности вспомнить слова, поскольку каждый куплет заканчивался хихиканьем, шутивными обвинениями и толчками.

– Вот, Schätzchen, – это «милый» по-немецки, – сказала Лиззи, склоняясь к Джемму, чтобы дать кусочек колбаски.

Он схватил его, как голодный тюлень, и начал усердно жевать, затем пробормотал:

– Хочу пить. – И исчез в ночи.

– Джем! – Брианна хотела пойти за ним, но толпа, устремившаяся к столу, помешала осуществить задуманное.

– Да не тревожьтесь так, – успокоила ее Лиззи. – Его здесь все знают, ничего плохого с ним не случится.

Однако она все равно пошла бы за сыном, не появившись рядом с Джеммом маленькая белокурая голова Германа, его закадычного друга. Герман был на два года старше, но житейского опыта у него было в разы больше, чем положено иметь обычному пятилетнему мальчику, – спасибо наставлениям отца. Она надеялась, что он не догадался лазать по чужим карманам в толпе, и мысленно отметила, что стоит обыскать его позже на предмет контрабанды.

Герман крепко взял Джема за руку, и Брианна позволила себе остаться вместе с Лиззи, Ингой и Хильдой. Они присели на тюках с сеном чуть в стороне от костра.

– Ну а где же твой дружок? – шутивно спросила Хильда. – Твой большой и красивый черный дьявол?

– Ах, этот, – ответила Брианна, подражая Лиззи, и девушки разразились дружным и совсем не женским смехом. Очевидно, пиво уже забродило у них в головах.

– Он с Ронни, – сказала она, кивнув в сторону темной мастерской бочара. – Ваша мать расстроена выбором Сенги?

– Ох, еще как, – ответила Инга, страдальчески закатывая глаза. – Надо было слышать, как они спорят, мама и Сенга. Нашла коса на камень. Отец ушел на рыбалку и не возвращался три дня.

Брианна наклонила голову, чтобы скрыть улыбку. Робин Макгилливрей любил спокойствие и размеренность, именно то, чем он едва ли когда-нибудь сможет насладиться в компании жены и дочерей.

– Ну-у, – протянула Хильда философски, чуть откидываясь назад, чтобы было удобнее: она была беременна первым ребенком и находилась на большом сроке. – Ей вообще-то трудно было возражать Сенге, *meine Mutter*¹⁹. Хайнрих все-таки сын ее собственной кухни, хоть он и беден.

– Очень молод, – прагматично добавила Инга. – Папа говорит, Хайнриху понадобится время, чтобы разбогатеть.

Ронни Синклер не был особенно богат и к тому же был старше Сенги на тридцать лет. С другой стороны, у него была его собственная мастерская и он владел половиной дома, в котором жил вместе с Макгилливреями. Поэтому Уте, устроив брак старших дочерей с мужчинами состоятельными и твердо стоящими на ногах, ясно видела преимущества союза между Сенгой и Ронни.

– Из-за этого решения может возникнуть некоторая неловкость, – осторожно заметила Брианна. – Ведь Ронни продолжит жить с вашей семьей после того, как... – Она кивнула в сторону обрученных, которые кормили друг друга пирогом.

– Ух! – воскликнула Хильда, закатив глаза. – Как же я рада, что не живу здесь.

Инга поспешно кивнула, соглашаясь с сестрой, но добавила:

– Ну, матушка не из тех, кто опускает руки, случись какая неприятность. Она уже присматривает жену для Ронни. Только поглядите на нее. – Она кивнула в сторону стола, где Уте, улыбаясь, болтала с группой немок.

– Как думаешь, кого она выбрала? – спросила Инга сестру, которая, сузив глаза, наблюдала за матерью. – Маленькую Гретхен? Или, может, кухню твоего Арча? Ту, что косоглаза, Сеону?

Хильда, которая была замужем на шотландцем из округа Сарри, покачала на это головой.

– Мама наверняка присматривает немецкую девушку, – возразила она. – Потому что она держит в уме, что произойдет, если Ронни умрет и его жена снова выйдет замуж. Так вот если это будет немка, есть шансы, что маме удастся сосватать ее одному из своих племянников или кузенов. Чтобы имущество осталось в семье, понимаешь?

Брианна увлеченно слушала, как невозмутимо девушки обсуждают ситуацию с женитьбой, и размышляла, имеет ли Ронни Синклер хоть малейшее представление о том, с каким прагматизмом решается его дальнейшая судьба. С другой стороны, он прожил под одной крышей с Макгилливреями больше года, значит, должен иметь представление о методах Уте.

Тихо благодаря Бога за то, что ей самой не придется жить в одном доме с грозной фрау Макгилливрей, она посмотрела на Лиззи, вдруг ощутив глубокое сочувствие по отношению к своей бывшей горничной. Как только Лиззи выйдет за Манфреда в следующем году, она станет жить с Уте.

Услышав имя Уэмисс, Брианна отвлеклась от своих мыслей и вернулась к разговору, только чтобы обнаружить, что девушки обсуждают не саму Лиззи, а ее отца.

– Тетушка Гертруда, – объявила Хильда и тихонько рыгнула, прикрыв рот кулаком. – Она сама вдова, она подойдет ему лучше всего.

¹⁹ Моя мать (нем.).

– С тетушкой Гертрудой мистер Уэмисс не доживет до первой годовщины свадьбы, – смеясь, возразила Инга. – Она вдвое больше его. Если она не доведет его до изнеможения, то просто однажды ночью перекатится на другую сторону кровати и случайно раздавит.

Хильда прижала ладони ко рту, но не из стыдливости, а скорее чтобы приглушить хихиканье. Брианна подумала, что девушка тоже успела выпить пива: чепец сполз набок, а на бледном лице даже при свете костра был заметен румянец.

– Похоже, такие штуки его не больно беспокоят. Глядите-ка! – Хильда кивнула, указывая на место чуть в стороне от пьющих у костра, и Брианна без труда различила голову мистера Уэмисса с такими же бледными развевающимися волосами, как у дочери. Он оживленно беседовал с пышной женщиной в чепце и фартуке, которая игриво тыкала его между ребер и хохотала. Пока Бри наблюдала, к паре подошла Уте Макгилливрей, за которой следовала высокая блондинка, – судя по сложенным под фартукам рукам, она была немного смущена.

– О, а это кто? – Инга вытянула шею, как гусь, и сестра возмущенно толкнула ее локтем.

– Lass das, du alte Ziege!²⁰ Mutti²¹ смотрит в нашу сторону.

Лиззи чуть привстала со своего тюка, пытаясь разглядеть, что происходит.

– Кто?.. – начала она, по-совиному растягивая последнюю букву. Однако ее внимание тут же отвлек Манфред, который свалился рядом с ней на солому, широко улыбаясь.

– Как ты тут, Herzchen?²² – спросил он, обнимая ее за талию и пытаясь поцеловать.

– Кто это, Фредди? – спросила она, ловко ускользая из его объятий и осторожно указывая на светловолосую женщину, которая застенчиво улыбалась, пока фрау Уте представляла ее мистеру Уэмиссу.

Манфред моргнул, чуть качнулся, но ответил уверенно:

– О, это фройляйн Берриш. Сестра пастора Берриша.

Инга и Хильда протяжно и заинтересованно хмыкнули, Лиззи немного нахмурилась, но лицо ее быстро просветлело, когда она увидела, как отец откинул голову назад, чтобы поприветствовать новую знакомую – фройляйн Берриш была почти такая же высокая, как сама Брианна.

Что ж, это объясняло, почему она по-прежнему фройляйн, а не фрау, подумала Брианна с сочувствием. В ее волосах, там, где они выбивались из-под чепца, серебрилась седина, лицо казалось довольно непримечательным, хотя глаза светились спокойной добротой.

– О, значит, она протестантка, – заключила Лиззи тоном, каким произносят приговор. Было ясно, что фройляйн в связи с этим едва ли могла рассматриваться на роль спутницы для ее отца.

– Ай, но она хорошая женщина. Пойдем потанцуем, Элизабет. – Манфред явно утратил всякий интерес к мистеру Уэмиссу и фройляйн. Он без труда поднял протестующую Лиззи на ноги и увлек в круг танцующих. Она шла неохотно, но Брианна заметила, что, когда они закружились в танце, Лиззи уже смеялась над какой-то шуткой Манфреда. Он улыбался, глядя на нее, отблески костра дрожали на его красивом лице. Они гармоничная пара, подумала Брианна, и внешне подходят друг другу лучше, чем Сенга и Хайнрих, который был высоким, тщедушным и с вытянутым лицом.

Инга и Хильда спорили друг с другом на немецком, что позволило Брианне, не отвлекаясь, насладиться своим прекрасным ужином. Она была так голодна, что любая еда показалась бы ей вкусной, но тарт, хрустящая капуста и пряные колбаски, лопающиеся от сока, были редким лакомством.

²⁰ Прекрати, старая ты коза! (нем.).

²¹ Мамочка (нем.).

²² Душенька (нем.).

Только после того как она вымакала кусочком кукурузного хлеба остатки сока и жира с деревянной тарелки, она посмотрела в сторону мастерской, и ее накрыло чувство вины: наверное, нужно было оставить немного еды Роджеру. Как благородно с его стороны было подумать о чувствах несчастного Ронни. Она ощутила, как ее заполняют гордость и нежность к мужу. Наверное, нужно пойти туда и спасти его. Она поставила тарелку на землю и уже начала приводить в порядок свои юбки и подъюбники, чтобы двинуться в путь, когда из темноты выплыла пара крохотных покачивающихся фигур.

– Джем? – позвала она в изумлении. – Что случилось?

Отблески костра играли на волосах мальчика, заставляя их мерцать, как только что выплавленная медь, но лицо под кудрями было мертвенно-бледным, а глаза казались огромными, черными и неподвижными, Джем отсутствующе глядел в пространство.

– Джемми!

Он повернул к ней ничего не выражающее лицо, сказал: «Мама?» – очень тоненьким и неуверенным голосом, а потом его ноги вдруг подогнулись, как резиновые прутки, и он хлопнулся на землю.

Брианна смутно помнила о Германе, покачивающемся рядом, как молодое деревце на ветру, но не могла отвлечься на него. Она подхватила Джемми, приподняла его голову и легонько потрясла.

– Джемми! Проснись! В чем дело?

– Малец пьян в стельку, дочка, – проговорил над ней чей-то голос, явно забавляясь происходящим. – Что такое ты ему дала? – Робин Макгилливрей, сам ненамного трезвее ее сына, склонился и легонько ткнул его под ребра, но в ответ не послышалась ничего, кроме тихого гуканья. Потом он подхватил руку Джемми и отпустил ее – она безвольно упала, похожая на вялую макаронину.

– Ничего я ему не давала! – Паника в ней уступала место растущему раздражению, по мере того как она убеждалась, что Джемми просто уснул – его крошечная грудь поднималась и опускалась в ритм ровному дыханию.

– Герман!

Герман за это время превратился в небольшую кучку на земле, которая самозабвенно и мечтательно напевала «Alouette»²³. Брианна его научила этой песне, и она стала его любимой.

– Герман! Чем ты напоил Джемми?

– ...j'te plumerai la tete...²⁴

– Герман! – Она схватила его за руку, и он прекратил петь, удивленный ее появлением.

– Что ты дал Джемми, Герман?

– Его мучила жажда, мэм, – ответил Герман с обезоруживающей улыбкой. – Ему нужно было выпить. – На этом его глаза закатились, и он обмяк, как дохлая рыбина.

– Иисус Христос на куске тоста!

Инга и Хильда явно были шокированы последней фразой, но она была не в том настроении, чтобы беспокоиться об их мнении.

– Где, черт побери, Марсали?

– Ее здесь нет, – ответила Инга, наклоняясь вперед, чтобы осмотреть Германа. – Она осталась дома со своими маленькими мэдхен. А Фергус... – Она приподнялась и огляделась вокруг. – Я недавно его видела.

– Что случилось?

²³ «Alouette» (*фр.* жаворонок) – популярная канадская детская песенка на французском языке. В песне поется о том, как птица имела неосторожность разбудить героя своим пением, и он обещает ее ошипать. Куплеты посвящены ошипыванию головы, клюва, глаз, шеи, крыльев, ног, хвоста и спины соответственно.

²⁴ Я ошипаю твою голову... (*фр.*)

Сиплый голос за плечом застал Брианну врасплох. Она повернулась и обнаружила у себя за спиной Роджера, с удивлением взирающего на странную картину, развернувшуюся перед ним. Лицо его было мягким и расслабленным, свободным от обычной суровости.

– Твой сын – пьяница, – проинформировала его Брианна. Тут она уловила дыхание Роджера и холодно добавила: – Пошел по стопам отца, я так понимаю.

Оставив эту реплику без внимания, Роджер присел рядом с женой и взял Джемми на руки. Он потрепал распростертого у него на коленях сына за щеку, нежно, но настойчиво.

– Привет, Медж, – мягко сказал он. – Привет, говорю. Ты в порядке, малец?

Как по волшебству, веки Джемми дрогнули и приподнялись. Он блаженно улыбнулся Роджеру.

– Привет, папа. – Продолжая улыбаться, ребенок снова закрыл глаза и погрузился в абсолютное беспмятство, положив щеку на отцовское колено.

– Он в порядке, – подытожил Роджер.

– Что ж, хорошо, – отозвалась Брианна, не вполне успокоенная. – Что они пили, как думаешь? Пиво?

Роджер нагнулся и принялся к дыханию своего отпрыска, чьи губы были испачканы чем-то красным.

– Думаю, это была вишневая наливка. За сараем стоит целая бочка.

– Святой боже! – Она никогда не пила вишневую наливку, но миссис Баг рассказывала ей, как ее готовят: «Выжимаешь сок из бушеля вишни, растворяешь в нем двадцать четыре фунта сахара, выливаешь смесь в бочку на сорок галлонов и доверху заливаешь виски».

– Он в порядке. – Роджер погладил ее по руке. – Это Герман там?

– Да. – Она нагнулась, чтобы проверить, все ли с ним хорошо, но Герман крепко спал и, как и Джемми, улыбался во сне. – Судя по всему, эта наливка хороша.

Роджер засмеялся.

– Она ужасная. Похожа на сироп от кашля. Хотя, должен сказать, эта штука делает людей веселыми.

– Это ее ты пил? – Она прищурила глаза и внимательно на него посмотрела, но губы Роджера были нормального цвета.

– Конечно, нет. – Он склонился к ней и поцеловал, чтобы доказать, что говорит правду. – Ты же не думаешь, что шотландец вроде Ронни будет заливать горе вишневой наливкой, когда под рукой есть приличный виски?

– И правда, – отозвалась Брианна.

Она посмотрела на мастерскую. Слабый свет от очага померк, и силуэт двери исчез: постройка превратилась в темный прямоугольник на фоне густой черноты леса.

– Как Ронни справляется?

Она осмотрелась кругом, но Инга и Хильда уже ушли помогать фрау Уте. Женщины убрали со стола.

– О, Ронни в полном порядке. – Роджер аккуратно переложил сына с колен на солому, рядом с Германом. – Он не был влюблен в Сенгу. Ронни страдает от сексуального воздержания, а не от разбитого сердца.

– Что ж, если это единственная проблема, ему не придется долго страдать, – сухо сказала Брианна. – Фрау Уте, похоже, уже начала подыскивать для него пару.

– Она сказала Ронни, что найдет ему жену. Он, что называется, философски относится к происходящему. Хотя и смердит от похоти, – добавил Роджер, сморщив нос.

– Фу. Ты хочешь есть? – Она посмотрела на мальчиков и поднялась. – Пойду принесу тебе какой-нибудь еды, пока Уте и девушки все не убрали.

Роджер внезапно и неожиданно широко зевнул.

– Нет, я в порядке. – Он моргнул и сонно посмотрел на нее. – Пойду скажу Фергусу, где Герман, и, может, съем что-нибудь по пути. – Он потрепал ее по плечу, встал на ноги и, едва заметно покачиваясь, направился к костру.

Брианна снова проверила мальчиков: оба спали мертвецким сном, ровно и глубоко дыша. Она подвинула их ближе друг к другу, навалила побольше соломы вокруг и накрыла детей своим плащом. Стало прохладнее, однако зима осталась позади, и ночи были относительно теплыми.

Праздник продолжался, но стал заметно спокойнее. Танцы прекратились, люди разбились на небольшие группы, у костра компания мужчин попыхивала трубками, парни помоложе куда-то исчезли. Повсюду семьи устраивались на ночлег в стогах сена. Некоторые гости расположились в доме, большинство – в амбаре. Откуда-то с заднего двора доносились звуки гитары, одинокий голос пел что-то медленное и полное томления. Внезапно это заставило Брианну затосковать по голосу Роджера, каким он был раньше, – глубокому и нежному. Подумав об этом, она неожиданно осознала кое-что: его голос звучал гораздо лучше, когда он вернулся от Ронни. Он был по-прежнему хриплым и лишь смутно напоминал былую тональность, но слова давались мужу легко, без типичной надтреснутости. Может, алкоголь разогрел связки? Скорее всего, подумала она, Роджер просто расслабился, перестал думать о том, как говорит. Это было полезно узнать. Ее мать предполагала, что звучание станет лучше, если Роджер будет упражняться, растягивать связки, но он смущался много говорить, избегал боли – от самого ли процесса или от осознания контраста с тем, как голос звучал раньше.

– Что ж, может, стоит сделать немного вишневого наливки, – сказала она вслух. А потом посмотрела на две неподвижные фигурки в куче соломы и подумала о перспективе проснуться рядом с тремя похмельными лицами на следующее утро. – А может, и нет.

Женщина сгребла немного соломы, чтобы соорудить подушку, и накрыла ее платком. Завтра они весь день будут вытаскивать сено из одежды. Она легла, плотно прижавшись к спине Джема: если кому-то из детей станет дурно во сне, она почувствует.

Костер догорел, только беспорядочная бахрома искр мерцала красным на раскаленных углях, фонари, расставленные по периметру дворика, тоже погасли или были затушены из соображений экономии. Гитара и певец затихли. Свет и шум уже не сдерживали натиск ночи, и она, раскинув крылья, опустилась на гору холодной тишиной. В вышине ярко сияли звезды, но они были лишь отголосками того, что случилось в тысячах световых лет отсюда. В ответ на необъятность обступившей ее ночи Брианна закрыла глаза и опустила губы к макушке Джема, плотнее прижимаясь к нему, чтобы украсть немного его тепла.

Она попыталась уснуть, но сильный запах горячей древесины в воздухе принес назад воспоминания, и ее обычные молитвы о благословении обернулись жаркими мольбами о защите и милосердии.

– Братьев моих Он удалил от меня, и знающие меня чуждаются меня. Покинули меня близкие мои, и знакомые мои забыли меня²⁵.

«Я не забуду вас», – беззвучно пообещала она мертвым. Эти слова казались такими жалкими – мелкими и бессильными. И все же это единственное, что было в ее власти. Брианна поехала и сильнее обняла сына.

Внезапное шуршание соломы, и Роджер прижался к ней сзади. Он поерзал немного, укрывая ее своим плащом, потом с облегчением вздохнул, и она ощутила, как расслабилось его тело, когда он обнял ее за талию.

– Это был чертовски длинный день, да?

Она издала негромкий стон, соглашаясь с ним. Теперь, когда вокруг стало тихо, когда не нужно было больше говорить, следить, быть собранной, каждый сантиметр тела ныл от устало-

²⁵ Книга Иова 19:13.

сти. Между ней и холодной твердой землей был только тонкий слой соломы, но она чувствовала, как сон накатывает на нее, будто волны прилива на песчаный берег, – мягко, но непреодолимо.

– Ты поел что-нибудь? – Она положила ладонь ему на ногу, и его рука сжалась в ответ, обхватывая крепче.

– Ай, если считать пиво едой. Многие так думают. – Он засмеялся, и в его дыхании она почувствовала теплый хмельной дух. – Я в полном порядке.

Тепло его тела начало просачиваться через слои одежды между ними, прогоняя ночной холод. Джем всегда был горячим во сне, спать рядом с ним было все равно что держать в руках горшок, полный раскаленных углей. Роджер, однако, был еще горячее. Что ж, ее мама говорила, что спиртовые лампы горят жарче масляных.

Брианна вздохнула и прижалась к мужу спиной, ощущая тепло и защищенность. Теперь, когда все они были вместе и в безопасности, холодная пустота ночи рассеялась.

Роджер что-то напевал. Она поняла это как-то неожиданно. Он не издавал звуков, но она чувствовала, как вибрирует его грудная клетка. Ей не хотелось ненароком прервать мужа: такие упражнения, без сомнения, полезны для связок. Через несколько секунд Роджер остановился сам. Надеясь, что он возобновит это занятие, она протянула назад руку и потрепала его по бедру, издав при этом короткое вопросительное мычание.

– Ммм?

Он накрыл ее ягодицы ладонями и крепко их сжал.

– Ммм, – отозвался он, и это прозвучало как глубокое удовлетворение и приглашение одновременно.

Она не ответила, но совершила легкое движение бедрами в обратном направлении. В нормальных обстоятельствах это заставило бы его отказаться от своих намерений. Роджер убрал руку, но только одну, и лишь затем, чтобы провести ею вниз по ноге, а затем, очевидно, задрать юбку. Брианна резким движением схватила его ладонь и накрыла ею свою грудь. Она хотела сказать, что, хотя ей льстило его желание и в других обстоятельствах она бы охотно сдалась, сейчас заниматься этим не лучшая идея...

Роджер обычно хорошо понимал язык тела, однако сейчас этот навык, очевидно, растворился в виски. Или, подумалось ей внезапно, ему просто было не важно, хочется ей этого или нет.

– Роджер! – прошипела она.

Он снова начал напевать, на этот раз перемежая мычание низкими бурлящими звуками, которые издает чайник перед тем, как закипеть. Рука Роджера снова скользнула по ее ноге и забралась под юбку. Брианна ощутила жар его прикосновения на обнаженной коже бедра, ладонь быстро поднялась вверх и неожиданно оказалась в ней. Когда Джемми кашлянул и дернулся в ее объятиях, она попыталась пнуть Роджера по голени, чтобы он остановился.

– Боже, какая ты красивая, – пробормотал он, уткнувшись ей в шею. – Такая красивая... Красивая и... ммм... – Следующие слова были неразборчивым бормотанием, потому что он прикинул губами к ее коже, но, кажется, сказал «скользящая». Его пальцы достигли цели, и Брианна выгнула спину в попытке отстраниться.

– Роджер, – прошептала она, стараясь говорить тише. – Роджер, люди кругом!

И к тому же сопящий ребенок лежал прямо перед ней, тяжелый и недвижимый, как мешок с картошкой.

Он пробормотал какую-то фразу, из которой она различила только «темно» и «никто не увидит». После этого рука вдруг исчезла, но только для того, чтобы ухватить юбки и убрать их с дороги. Он возобновил свое вибрирующее мычание, прерываясь, чтобы прошептать:

– Люблю тебя, я так тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, – отозвалась Брианна, пытаясь поймать его руку. – Роджер, остановись!

Он остановился, но мгновенно обхватил ее и потянул за плечо. Небольшое усилие, и она уже лежала на спине, глядя на сияющие в вышине звезды, которые, однако, быстро исчезли, заслоненные головой и плечами Роджера, оказавшегося сверху. Было слышно шуршание соломы и шелестение застежек.

– Джем... – Она вытянула руку в сторону сына, которого ничуть не беспокоило исчезновение матери – он по-прежнему свернувшись лежал в соломе, как уснувший на зиму еж.

Роджер же продолжал петь, если можно было так это назвать. Или, по крайней мере, напевать одну совершенно непристойную шотландскую песенку о мельнике, которого донимает молодая женщина, желающая, чтобы он помолол ее зерно. Что он и делает.

– И там он бросил ее на мешки, и они смололи, зерно ее смололи... – жарко бубнил Роджер ей в ухо, прижимая своим весом к земле. Звезды странно закружились у нее над головой. Она думала, его комментарий о том, что Ронни «смердит от похоти», был всего лишь фигурой речи, но, очевидно, дело обстояло иначе. Обнаженная плоть встретила обнаженную плоть. Она задохнулась. Роджер тоже.

– Господи, – прошептал он. Его тело на секунду замерло на фоне темного неба, затем он сладостно выдохнул, обдав ее парами виски, и начал двигаться вместе с ней, снова напевая. Слава богу, было темно, хотя и недостаточно. Угасающий свет костра бросал на его лицо жутковатый отблеск, и на мгновение она увидела в нем того большого черного дьявола, каким назвала его Инга.

«Просто расслабься и наслаждайся этим», – подумала она. Солома бессовестно громко шелестела – но она шелестела и повсюду вокруг, под порывами ветра шумели кроны деревьев у скал, заставляя все происходящее сливаться в один невнятный гул.

Брианне удалось подавить стыд, и она уже начала получать удовольствие от того, что делал муж, когда он положил руки ей на поясницу, приподнимая ее.

– Обхвати меня ногами, – прошептал Роджер, кусая ее за мочку уха. – Закинь мне их за спину, на задницу, и заставь меня двигаться.

Движимая отчасти ответным возбуждением, а отчасти желанием выбить из него дух, сжав его тело, как мехи аккордеона, она раскинула ноги и подняла их наверх, скрестив на его ритмично поднимающихся и опускающихся бедрах. Он издал стон удовольствия и задвигался с удвоенной энергией. Возбуждение побеждало: она почти забыла, где находится. Отчаянно цепляясь за него и трепеща от наслаждения, Брианна выгнула спину, резко дернулась в спазме и начала содрогаться, прижимаясь к его жаркому телу. Она ощущала прикосновения ночного ветра к обнаженным ягодицам и бедрам – прохладные, похожие на крошечные электрические разряды. Дрожа и постанывая, она безвольно опустилась на солому, ноги по-прежнему крепко обвивали бедра Роджера. Опустошенная, она запрокинула голову и медленно, сомнамбулически приоткрыла глаза. Здесь кто-то был, она заметила движение в темноте и замерла. Фергус пришел забрать сына. Брианна услышала, как он тихо говорит по-французски с Германом, а потом удаляющиеся шаги по соломе.

Она лежала неподвижно с бешено бьющимся сердцем, ноги все еще были у Роджера за спиной. Последний тем временем достиг собственного финала. Его голова опустилась, и длинные волосы касались ее лица в темноте, как ниточки паутины.

– Люблю тебя... Боже, я люблю тебя, – проговорил он еле различимо и опустился медленно и нежно. Затем он выдохнул ей в ухо: – Спасибо. – И, тяжело дыша, обмяк сверху, впад в полубессознательное состояние.

– О, – ответила она. – Не стоит меня благодарить.

Брианна расцепила онемевшие ноги, не без усилий отделилась от мужа, кое-как укрылась и восстановила блаженную анонимность в их гнездышке из соломы. Джемми был уютно устроен между родителями.

– Эй, – позвала она неожиданно, и Роджер встрепенулся.

– Мм?

– Что за монстр был Иджер?

Он засмеялся, и звук был чистым и глубоким.

– О, Иджер был гигантским бисквитом. С шоколадной глазурью. Он падал на других монстров и душил их своей сладостью. – Он снова засмеялся, икнул и опустил на солому.

– Роджер? – позвала она снова секунду спустя. Ответа не последовало, и она протянула ладонь мимо безмятежно спящего сына, чтобы легонько коснуться руки Роджера. – Спой мне, – прошептала она, хотя знала, что он уже уснул.

Глава 7 Индейский агент Джеймс Фрэзер

– Джеймс Фрэзер, индейский агент, – сказала я, прикрыв один глаз, будто читала это с экрана. – Звучит как название фильма о Диком Западе.

Джейми на секунду остановился, прервав процесс стягивания чулок, и посмотрел на меня с сомнением.

– Правда? Это хорошо?

– Ну, герои фильмов никогда не умирают, так что да.

– В таком случае я за, – сказал он, изучая чулок, который он только что стянул. Он с подозрением понюхал его, потер большим пальцем тоненькую заплату на пятке, покачал головой и метко забросил его в корзину для грязного белья. – Мне придется петь?

– Петь? О! – ответила я, припоминая, что последний раз, когда я пыталась объяснить ему, что такое телевидение, то в основном использовала в качестве примера шоу Эда Салливана²⁶. – Нет, петь не надо будет. И качаться на трапеции тоже.

– Что ж, уже неплохо. Я, знаешь ли, уже не так молод, как раньше. – Он встал и потянулся, издав легкий стон. Чтобы вместить его рост, потолки в доме сделали восьмифутовыми, но даже так его кулаки касались сосновых балок. – Боже, до чего был длинный день!

– Ну, он почти закончился, – сказала я, приюхиваясь в свою очередь к лифу платья, которое только что сняла. Оно сильно, но пока терпимо пахло лошадьё и дымом. Нужно проветрить его немного, решила я, а там будет видно, обойдется ли оно еще некоторое время без стирки. – Я не могла качаться на трапеции, даже когда была молода.

– О, я готов заплатить, чтобы увидеть, как у тебя это получится, – отозвался он, улыбаясь во весь рот.

– Что вообще такое «индейский агент»? – спросила я. – Макдональд, кажется, считает, что этим предложением оказывает тебе огромную услугу.

Джейми пожал плечами, одновременно расстегивая килт.

– Я не сомневаюсь, что именно так он и думает. – Джейми осторожно тряхнул материю, и пол под ней покрылся слоем дорожной пыли и лошадиными волосами. Он подошел к окну, открыл ставни и, выставив килт наружу, начал трясти.

– Так бы оно и было, – слабо донеслось до меня из ночной темноты. Затем Джейми повернулся, и голос его стал громче: – Не будь этой твоей войны.

– Моей?! – отозвалась я возмущенно. – Звучит так, будто ты считаешь, что я предлагаю вам развязать ее.

²⁶ Американское телешоу 40–70-х гг., в котором выступали известные певцы и артисты.

Он легонько махнул рукой, прерывая меня.

– Ты понимаешь, что я имею в виду. Индейский агент, саксоночка, – это он самый и есть. Малый, который ходит и ведет переговоры с местными краснокожими, раздает им подарки, уговаривает их в надежде на то, что в ответ они поддержат интересы Короны, что бы они собой ни представляли.

– Вот как. А что это за Южный департамент, который упоминал майор? – Я невольно посмотрела на закрытую дверь нашей комнаты, но приглушенный храп из спальни на другой стороне красноречиво говорил о том, что наш гость уже погрузился в объятия Морфея.

– Хм. Есть Южный и Северный департаменты, которые занимаются делами индейцев в колониях. Южным руководит Джон Стюарт, он из Инвернесса. Повернись, я помогу тебе.

Я благодарно повернулась к нему спиной. С ловкостью, приобретенной за годы практики, он за считанные секунды расшнуровал корсет. Я глубоко вздохнула, когда путы расслабились и он упал. Джейми снял с меня нижнюю рубашку и принялся массировать ребра там, где жесткие косточки вдавили влажную ткань в мою кожу.

– Спасибо. – Я блаженно выдохнула и откинулась назад, прижавшись к нему. – Макдональд думает, что раз он из Инвернесса, то без лишних раздумий будет нанимать всех горцев?

– Это может зависеть от того, встречался ли Стюарт когда-нибудь с людьми из моего клана, – сухо ответил Джейми. – Но Макдональд думает, что все обстоит именно так. – Он рассеянно поцеловал меня в макушку, а затем убрал руки и начал развязывать ленту у себя в волосах.

– Сядь, – скомандовала я, выбираясь из юбок, лежащих у меня в ногах. – Я расплету.

Он устроился на стуле в одной рубашке и мгновенно закрыл глаза от наслаждения, когда я начала расплетать его волосы. Последние три дня они были стянуты в тугую косу, удобную для долгих переездов. Я запустила пальцы в мягкую массу его огненных кудрей, и, вызволенные из плена, они рассыпались волнами – золотыми, серебряными и пряного цвета корицы.

– Ты сказал, подарки. Их спонсирует Корона?

По моим наблюдениям, Корона имела дурную привычку удостаивать состоятельных людей «чести», которая требовала от них крупных вложений.

– Теоретически. – Он широко зевнул, и его широкие плечи тяжело и умиротворенно опустились, когда я взяла расческу и занялась приведением его шевелюры в порядок. – Ох, как хорошо. Вот поэтому Макдональд и считает это услугой: появляется возможность наладить торговлю.

– К тому же появляются отличные перспективы для коррупции. Да, понимаю. – Еще несколько минут я продолжала свое занятие в тишине, прежде чем спросить: – Ты возьмешь это на себя?

– Я не знаю. Нужно обдумать. Ты упомянула Дикий Запад. Брианна тоже говорила что-то об этом, рассказывала о коровьих пастухах...

– О ковбоях.

Он отмахнулся от моего замечания.

– И про индейцев. Это правда? То, что она говорила про индейцев?

– Если она говорит, что они будут масштабно истребляться в течение следующего века, то да – она права. – Я пригладила его волосы, потом села на кровать лицом к нему и занялась собственным видом. – Это тебя тревожит?

Он слегка нахмурился, обдумывая мои слова, и рассеянно почесал грудь там, где кудрявые медные волосы выглядывали из-под ворота расстегнутой рубашки.

– Нет, – протянул он. – Не совсем. Не то чтобы я должен был убивать их собственными руками. Но... мы приближаемся к этому, так ведь? К тому времени, когда я должен ступить с осторожностью, если хочу пройти меж двух огней.

– Боюсь, что так, – ответила я, ощущая, как появляется ноющее напряжение между лопаток. Я слишком хорошо понимала, что он имеет в виду. Линий огня пока еще не существовало, но их уже начали намечать. Стать индейским агентом и работать на Корону значило прослыть лоялистом – что по нынешним временам, когда мятежники были всего лишь кучкой радикалов, а беспорядки вспыхивали локально, было очень даже неплохо. Однако не за горами тот момент, когда недовольные захватят власть и будет провозглашена независимость, и тогда наше положение станет очень-очень опасным. Зная, чем кончится дело, Джейми не станет ждать слишком долго, прежде чем примкнуть к повстанцам, однако, сделав это раньше времени, он рисковал быть арестованным по обвинению в измене. Не самая лучшая перспектива для человека, который уже был помилованным изменником.

– Конечно, – робко начала я, – если бы ты стал индейским агентом, то, думаю, мог бы убедить некоторые племена встать на сторону «американцев» – или по меньшей мере сохранить нейтралитет.

– Мог бы, – согласился он, и голос его прозвучал безрадостно. – Но даже если отбросить в сторону такое понятие, как честь, – разве этим я не подпишу им приговор? Думаешь, с ними случилось бы то же самое, если бы победили англичане?

– Они не победят, – ответила я резковато.

Джейми бросил на меня тяжелый взгляд.

– Я верю тебе, – ответил он так же резко. – У меня есть причины тебе верить, ай?

Я кивнула, и мои губы сами собой сжались в полоску. Я не хотела говорить с ним о предыдущем восстании. О грядущем мне говорить тоже не хотелось, но выбора у нас особенно не было.

– Я не знаю, – сказала я и глубоко вздохнула. – Нельзя ничего сказать с точностью, пока этого не случилось... Но если ты просишь меня предположить, то, думаю, с британцами у них было бы больше шансов. – Я сочувственно улыбнулась ему. – Верить или нет, Британская империя в общем и целом сумела – или, лучше сказать, сумеет – управлять своими колониями, не истребляя в них местное население так безжалостно.

– За исключением шотландских горцев, – отозвался он сухо. – Ай, я верю твоим словам, саксоночка.

Он поднялся и провел руками по волосам. Я успела заметить узкую белую полоску, бегущую под затылком, – след от пули.

– Тебе стоит поговорить об этом с Роджером. Он знает гораздо больше моего.

Он кивнул, но не стал отвечать, не считая легкой гримасы.

– Раз уж мы заговорили о Роджере, куда, как ты думаешь, они с Бри отправились?

– Думаю, к Макгилливреям, – ответил он, несколько удивленно. – Забрать маленького Джема.

– Откуда ты знаешь? – спросила я, тоже удивляясь.

– Когда кругом творится какая-то чертовщина, мужчина хочет, чтобы вся семья была рядом, под присмотром, понимаешь? – Он приподнял бровь, глядя на меня, потом потянулся на верхушку шкафа и взял в руки меч. Джейми наполовину вынул лезвие из ножен, затем вставил обратно не до конца и аккуратно положил на место, повернув рукоять так, чтобы можно было легко до нее дотянуться. Он взял с собой в спальню заряженный пистолет, который теперь лежал на умывальнике рядом с окном. Винтовка и охотничье ружье тоже были заряжены и висели на своих крючках над очагом внизу. И наконец, иронически замахнувшись, Джейми вытащил из ножен на поясе кинжал и ловко сунул под подушку.

– Иногда я забываю, – протянула я с ностальгией, наблюдая за ним. – В нашу первую брачную ночь под подушкой тоже лежал кинжал – и под многими другими подушками с тех пор.

– Правда? – Он улыбнулся на замечание, немного криво, но все же улыбнулся.

– А ты нет? Никогда?

Он покачал головой, по-прежнему улыбаясь, и горькая складка залегла у его губ.

– Иногда мне хотелось бы забыть.

Наша беседа была прервана булькающим храпом из комнаты напротив, за которым последовал шелест постельного белья, громкие проклятия и тяжелое «бум», когда нечто – вероятно ботинок – ударилось о стену.

– Чертов кот! – заорал майор Макдональд.

Я сидела, прижав руку ко рту, пока босые ноги майора тяжело шлепали по доскам пола. За этим последовал звук резко открываемой двери, которая тут же с грохотом захлопнулась. Джейми, как и я, на секунду замер посреди комнаты. Теперь он очень тихо двинулся и осторожно приоткрыл нашу собственную дверь. Адсо, с хвостом, согнутым в высокомерную S, невозмутимо зашел внутрь. Царственно игнорируя нас, кот пересек комнату, легко запрыгнул на умывальник, уселся прямо в тазу и начал спокойно вылизывать яйца.

– Я однажды видел в Париже человека, который мог такое вытворять, – заметил Джейми, с интересом наблюдая за выступлением кота.

– А что, есть люди, которые готовы за такое платить? – Я полагала, что едва ли кто-то стал бы заниматься этим на публике для развлечения. Не в Париже уж точно.

– Э-э, ну, платили не совсем ему. Скорее его спутнице – она была не менее гибкой. – Джейми ухмыльнулся, и его глаза блеснули синим в свете свечи. – Все равно что наблюдать, как спариваются черви, м?

– Как увлекательно, – пробормотала я. Я бросила взгляд на умывальник, где Адсо теперь занимался еще более непристойными органами. – Тебе повезло, что майор спит невооруженным, кот. Он мог пристрелить тебя, как зайца на рагу.

– О, сомневаюсь. Наш Дональд, скорее всего, спит с ножом – но ему хорошо известно, откуда дует ветер. Вот если бы ты отказалась кормить его завтраком, тут бы он твоего кота и проткнул.

Я посмотрела в сторону двери. Возня и приглушенные проклятия по ту сторону холла утихли, майор, будучи старым солдатом, был уже на пути в сонное царство.

– Надеюсь, что нет. Ты был прав, когда говорил, что он будет искать себе теплое местечко при новом губернаторе. Это и есть реальная причина интереса к твоим успехам на поприще политики, я так понимаю?

Джейми кивнул, но, похоже, совершенно утратил интерес к обсуждению махинаций старины майора.

– Так я был прав, говоришь? Значит, с тебя неустойка, саксоночка.

Он посмотрел на меня с лукавым огоньком в глазах. Джейми явно что-то задумал, оставалось только надеяться, что его план не был вдохновлен воспоминаниями о парижанах и их сходстве с червями.

– О? – неуверенно отозвалась я. – И, эээ, какая именно?

– Ну, я пока не обдумал все детально, но думаю, для начала ты могла бы лечь в кровать.

Такой зачин показался мне весьма благоразумным. Я взбила подушки в изголовье кровати – замешкавшись, чтобы убрать оттуда кинжал, – и уже готова была взобраться на нее, однако остановилась снова, чтобы подкрутить кроватный ключ²⁷. Я затянула веревки, поддерживающие матрас, настолько сильно, что кровать заскрипела, а сами они зазвенели от натяжения.

– Очень умно, саксоночка, – сказал Джейми у меня за спиной, голос его звучал весело.

²⁷ Специальный гаечный ключ для регулировки гаек, болтов и веревок, закрепляющих матрас на остовах кровати.

– Опыт, – сообщила я ему, забираясь в постель на четвереньках. – Слишком часто после ночи с тобой я просыпалась с матрасом, завернутым вокруг моих ушей и задницей в паре сантиметров от пола.

– О, я полагаю, твоя попа сегодня окажется несколько выше, – заверил Джейми.

– Мм-м, хочешь, чтобы я была сверху? – Я испытывала в связи с этой перспективой смешанные чувства. Хотя мне нравилась поза наездницы, сейчас я ощущала ужасную усталость, и к тому же я провела больше десяти часов верхом на настоящей лошади – мышцы бедер, необходимые для обоих видов езды, дрожали от перенапряжения.

– Может, позже, – сказал он, задумчиво прищурившись. – Ложись на спину, саксоночка, и подбери свою рубашку повыше. Теперь раскинь для меня ноги. Хорошая девочка. Еще чуть шире, ай?

Джейми подчеркнуто неторопливо начал снимать с себя рубашку. Я вздохнула и чуть передвинула бедра, пытаюсь устроиться так, чтобы у меня ничего не свело, если придется лежать в одной позе долго.

– Если ты задумал то, что я думаю, то ты об этом крупно пожалеешь. Я даже не помылась по-человечески, – сообщила я с неодобрением. – Я жутко грязная и пахну как лошадь.

Уже обнаженный, он поднял одну руку и задумчиво принялся.

– Да? Ну, я тоже. Это не важно, мне нравятся лошади.

Он отбросил всякие дальнейшие предлоги и игривую неспешность и, остановившись лишь проверить свою собственную готовность, осмотрел меня с одобрением.

– Ай, очень хорошо. А теперь подними-ка ручки за голову и схватись за изголовье кровати...

– Ты этого не сделаешь! – возмутилась я и тут же понизила голос, невольно поглядев в сторону двери. – Только не с Макдональдом в соседней комнате.

– О, еще как сделаю, – заверил он. – Черт с ним, с майором, даже будь там еще дюжина таких. – Однако он остановился, внимательно посмотрел на меня и, спустя мгновение, вздохнул и покачал головой. – Нет, – сказал Джейми затем очень спокойно. – Не сегодня. Ты все еще думаешь об этом голландском ублюдке и его семье, так ведь?

– Да. А ты нет?

Снова тяжело вздохнув, он сел рядом со мной.

– Я очень старался не думать, – ответил он прямо. – Но свежим мертвецам не ложится спокойно в их могилах, да?

Я положила ладонь ему на плечо, испытыв облегчение от того, что он чувствовал то же самое, что и я. Ночной воздух казался беспокойным, полным призраков, и я ощутила щемящую тоску, которой веяло от опустошенного садика и от ряда сырых могил. Этот ветер дул насквозь через все тревоги и события вечера. Сегодняшней ночью нужно было быть в безопасности, в четырех стенах, рядом с горящим очагом и в компании близких людей. Дом чуть дрогнул, ставни заскрипели на ветру.

– Я хочу тебя, Клэр, – мягко сказал Джейми. – Мне это нужно... если ты позволишь?

Я невольно задалась вопросом, так ли те люди провели последнюю ночь перед смертью? В мире и уюте собственного дома? Муж с женой перешептываются, лежа рядом в постели, и не знают, что готовит им будущее. Я вспомнила, как на секунду, когда подул ветер, мне открылись ее длинные белые бедра, мелкие завитки между ними и выступ под нимбом каштановых волос – бледный, как резной мрамор, запечатанный посередине, словно передо мной была статуя.

– Я тоже тебя хочу, – ответила я так же мягко. – Иди сюда.

Джейми наклонился ко мне и потянул шнурок, который стягивал горловину ночной рубашки, изношенный лен послушно заскользил по плечам. Я схватила спадающую ткань, но он поймал мою руку и опустил ее. Одним пальцем он сдвинул рубашку еще ниже, потом задул свечу, и в темноте, которая пахла воском, медом и лошадиным потом, он стал целовать мой

лоб, глаза, скулы, губы и подбородок, и так продолжал – медленно и нежно – до самых стоп. Затем он поднялся, чтобы надолго припасть к моей груди. Я провела рукой ему по спине и накрыла ладонями ягодицы, обнаженные и незащитные во тьме комнаты.

Когда все закончилось, мы долго лежали в кровати, сплетясь в уютный клубок, как червяки. Единственным светом в комнате было мерцание от притушенного очага. Я так устала, что буквально ощущала, как мое тело утопает в матрасе, и не хотела ничего, кроме как тонуть все глубже и глубже – в зовущую темноту забытья.

– Саксоночка?

– М?

После секундного замешательства его рука нашла мою, и наши пальцы сплелись.

– Ты ведь не сделала бы того, что сделала она?

– Кто?

– Она. Голландка.

Выдернутая из блаженной дремы, я пребывала в некоторой прострации, так что даже образ мертвой женщины, накрытой фартуком, казался нереальным, не более тревожным, чем фрагменты реальности, которые мой сбитый с толку мозг выбрасывал за борт в тщетных попытках удержаться на плаву, пока все мое существо погружалось в пучину сновидений.

– Что? Упала бы в огонь? Постараюсь не падать, – пообещала я. – Спокойной ночи.

– Нет. Проснись. – Он легонько потряс меня за руку. – Поговори со мной, саксоночка.

– Мм. – Приложив немалые усилия, я вырвалась из крепких объятий Морфея и повернулась на бок, лицом к Джейми. – Мм. Поговорить с тобой. О?..

– О голландке, – терпеливо повторил он. – Если бы меня убили, ты не пошла бы убивать всю свою семью?

– Что? – Я потеряла глаза свободной рукой, пытаюсь уловить в его словах, эхом отражающихся в обрывках сна, хоть какой-то смысл. – Чью семью... О. Ты думаешь, она сделала это намеренно? Отравила их?

– Может быть, и так.

Последние слова он сказал шепотом, совсем тихо, но они вернули меня в сознание. Несколько мгновений я лежала неподвижно, потом протянула руку, желая убедиться, что он действительно рядом. И он был. Большой и надежный, гладкий сустав бедра у меня под пальцами излучал тепло и силу.

– Это ведь мог быть и несчастный случай, – сказала я неожиданно тонким голосом. – Ты не знаешь наверняка.

– Нет, – признал он. – Но я постоянно это вижу. – Он раздраженно повернулся на спину. – Пришли мужчины, – начал он, обращаясь к потолочным балкам. – Он стал драться с ними, и они убили его на пороге собственного дома. Когда она увидела, что ее мужчина мертв, то, думаю, она сказала чужакам, что сперва, перед тем... ей нужно покормить ребятишек. Тогда она положила поганки в похлебку и дала ее детям и матери. Они забрали с собой еще двоих из тех, кто пришел, но думаю, это была случайность. Она просто хотела отправиться за ним следом. Не могла оставить его там одного.

Я хотела сказать Джейми, что это очень драматическая интерпретация возможных событий. Но я не могла с уверенностью утверждать, что он был не прав. Услышав то, что он видел лишь в своем воображении, я, увы, тоже смогла увидеть это все слишком живо.

– Ты не знаешь, – мягко сказала я наконец. – Не можешь знать.

«Только если не найдешь тех, других», – подумала я внезапно, но вслух этого не сказала.

Потом мы оба помолчали немного. Я точно знала, что он все еще размышляет о случившемся, но дрема снова обволакивала меня и тянула на дно, как трясина, цепкая и соблазнительная.

– Что, если я не смогу защитить тебя? – прошептал он наконец. Джейми медленно повернул голову на подушке, поворачиваясь ко мне. – Тебя и всех остальных? Я буду пытаться сделать это всеми силами, саксоночка, и готов умереть, делая это, но что, если я умру слишком рано, умру и проиграю битву?

Что можно ответить на это?

– Этого не случится, – прошептала я в ответ.

Он вздохнул и наклонил голову так, что наши лбы соприкоснулись. Я ощутила запах виски и яиц в его дыхании.

– Я постараюсь тебя не подвести, – сказал он. Я накрыла его мягкие губы своими, и поцелуй стал для нас обоих поддержкой и утешением в темноте ночи.

Я положила голову ему на плечо, обвила его предплечье рукой и вдохнула запах кожи – соль и дым, как если бы его коптили на костре.

– Ты пахнешь, как копченая ветчина, – пробормотала я.

В ответ он издал низкий смешок и положил руку на привычное место – между моих бедер. Тогда я наконец сдалась и позволила зыбучим пескам сна накрыть меня с головой. Возможно, он сказал это, когда я уже проваливалась в сон, а может, мне пригрезилось.

– Если я умру, – прошептал его голос в темноте, – не иди за мной. Ты нужна детям. Остайся ради них. Я могу подождать.

Часть 2

Тени сгущаются

Глава 8

Жертва резни

От Лорда Джона Грея Мистеру Джеймсу Фрэзеру, эсквайру. 14 апреля 1773 года
Мой дорогой друг,

Я пишу тебе в добром здравии и надеюсь, что застал тебя и твоих близких в том же состоянии.

Мой сын вернулся в Англию, чтобы завершить там образование. Он с упоением пишет об этом новом для него опыте (прилагаю копию его последнего письма) и заверяет меня в своем полнейшем благополучии. Что важнее, моя матушка тоже уверяет меня, что он всячески процветает, хотя я предполагаю – скорее из ее недомолвок, – что он привнес стихию смятения и хаоса в привычный уклад.

Я в свою очередь должен сознаться, что ощущаю нехватку вышеупомянутой стихии в своем хозяйстве. Ты был бы удивлен, если бы увидел, какой размеренной и упорядоченной жизнью я теперь живу. Все же этот покой мне в тягость, и хотя физически я совершенно здоров, я ощущаю, что дух мой угнетен. Боюсь, я отчаянно скучаю по Уильяму.

Дабы отвлечься от одиночества, с недавнего времени я придумал новое занятие – виноделие. Вынужден признать, что результаты уступают успехам твоей винокурни, и все же тешу себя надеждой, что, хотя сейчас пить это совершенно невозможно, постояв пару лет, мой напиток может стать годным к употреблению. Ближе к концу месяца вышлю тебе дюжину бутылок вместе с моим новым слугой, мистером Хиггинсом, чья история должна показаться тебе весьма занятной.

Возможно, ты слышал что-нибудь о постыдном скандале, произошедшем в Бостоне тремя годами ранее, в марте. В газетах и листовках мне часто встречается слово «резня», которое я, будучи посвященным в дело, считаю абсолютно безответственным и неточным.

Я не присутствовал лично, но беседовал со многими офицерами и солдатами, которые там были. Если они говорят правду, а я им верю, то взгляд на события, представленный в бостонской прессе, просто чудовищен.

Бостон во всех отношениях настоящий рассадник республиканских настроений, а так называемые маршевые общества²⁸, которые толпами собираются на улице при любой погоде, – не более чем предлог для сборищ бандитов, чья главная забава – досаждают расквартированным здесь войскам.

По словам Хиггинса, из страха перед этими бандитами мужчины в мундирах не рискуют выходить на улицу поодиночке. Даже когда солдаты превосходят их числом, мятежные настроения среди людей вскорости заставляют их ретироваться назад в казармы, если только воинский долг не вынуждает к действиям.

Однажды вечером патруль из пяти солдат оказался буквально в западне. Их не только оскорбляли выражениями самого гнусного свойства, но швыряли в них камни, куски земли и навоза и разный другой мусор. Возбуждение и ажитация в толпе достигли такого уровня, что мужчины испугались за свою жизнь и достали оружие в надежде сбить спесь с мерзавцев и

²⁸ Маршевые (марширующие) общества – группы граждан в предреволюционной Америке, которые выходили маршем на улицы выражать недовольство политической обстановкой.

остановить такие настойчивые проявления внимания. Однако это решение спровоцировало прямо противоположный эффект – толпа пришла в ярость, и в какой-то момент выстрелило ружье. Теперь никто уже не может сказать, был ли то выстрел из толпы или стреляли солдаты, не говоря уже о том, было ли это сделано намеренно или случайно. События, вызванные этим происшествием, однако... что ж, в таких вопросах у тебя достаточно много опыта, чтобы представить неразбериху, начавшуюся следом.

В итоге пятеро из толпы оказались убиты, а солдаты, хотя и были основательно потрепаны, выбрались живыми – лишь затем, чтобы стать козлами отпущения в дешевых статейках, которые на следующий день начеркали лидеры маршевых обществ. Написаны они таким образом, чтобы представить случившееся как беспричинное и жестокое избиение невинных – вместо самообороны от толпы, распаленной алкоголем и громкими лозунгами.

Признаюсь, что мои симпатии на стороне солдат – уверен, об этом ты и сам уже догадался. Их привели в суд, где судья признал троих невиновными, однако, очевидно, лично для него было опасно освободить всех пятерых.

Хиггинс вместе с товарищем были обвинены в убийстве, но он испросил помилования по привилегии духовенства²⁹, и его отпустили, заклеив. Бедолагу, конечно, уволили из армии, он оказался предметом всеобщих насмешек, остался без всяких средств к существованию, так что положение его было бедственным. Он рассказывал мне, что вскоре после освобождения его избили в таверне, и от полученных травм он ослеп на один глаз, да и в целом после случившегося его жизнь не единожды подвергалась смертельной опасности. В поисках безопасности он нанялся матросом на шлюп под командованием моего друга, капитана Гилла. Я видел Хиггинса за этим занятием и уверяю тебя, что матрос из него никудышний.

Такое состояние дел вскоре стало известно капитану Гиллу, и он отказался от услуг Хиггинса в первом же порту. Я был в городе по делам и случайно встретил капитана, который поведал мне об отчаянном положении Хиггинса.

Я решил разыскать парня, ощутив сочувствие к солдату, который честно выполнял свой долг и теперь должен страдать за свою преданность. Я обнаружил, что он человек неглупый, покладистого нрава, и нанял на службу, которую он несет с величайшей преданностью.

Я отослал его к вам вместе с вином в надежде, что твоя супруга будет так добра и осмотрит его. Местный врач, доктор Потс, сказал, что глаз нельзя вылечить, и это, разумеется, может быть правдой. Как бы там ни было, испытав на себе умения твоей жены, я надеюсь, что она сможет найти средства для других травм Хиггинса. Доктор Потс едва ли оказался полезен в этом отношении. Прошу тебя, скажи ей, что я ее покорный слуга и остаюсь в неоплатном долгу перед ее умениями и добротой. Шлю самые теплые пожелания твоей дочери, которой я отправил небольшой подарок вместе с вином. Я надеюсь, что ее муж не примет мой жест за оскорбление, приняв во внимание мое долгое знакомство с вашей семьей, и позволит принять его.

Всегда твой покорный слуга,

Джон Грей

Глава 9 На пороге войны

Апрель 1773 года

²⁹ Духовные лица, приговоренные к смертной казни, могли просить помилование по привилегии духовенства. Считалось, что они не подчинены светским властям. Лазейка предоставляла возможность избежать казни, прочитав определенный псалом. Со временем принадлежность к духовенству стала проверяться лишь способностью его прочесть, что открыло двери к помилованию для мирян. Казнь при этом заменялась менее тяжким наказанием. В Америке привилегия потеряла силу в 1779 году.

Роберт Хиггинс оказался стройным молодым мужчиной, таким худым, что казалось, его скелет удерживается только одеждой, и таким бледным, что было легко вообразить, будто смотришь сквозь него. При этом природа наградила его большими и честными голубыми глазами и копной выющихся темно-русых волос, держался он очень скромно. Все вышеперечисленное вызвало материнские чувства у миссис Баг, и она взяла его под свое крыло, выказав твердое намерение «откормить его как следует» до отъезда назад в Вирджинию.

Мне и самой нравился мистер Хиггинс. Он оказался славным, покладистым пареньком с мягким дорсетским акцентом. Временами я размышляла, была ли доброта лорда Джона Грея по отношению к нему так уж бескорыстна.

После совместно перенесенной кори несколько лет назад и из-за его дружбы с Брианной, возникшей, когда Роджера взяли в заложники индейцы-ирокезы, я невольно прониклась к нему теплыми чувствами. Однако я ни на минуту не забывала о том, что лорду Грею нравились мужчины – в особенности Джейми, хотя, безусловно, и другие тоже.

– Бичем, – сказала я сама себе, раскладывая корни триллиума для просушки, – до чего же ты подозрительная.

– Ай, такая и есть, – раздался голос позади меня, звучал он очень довольным. – Кого и в чем ты подозреваешь?

Я дернулась от неожиданности, и триллиум полетел в разные стороны.

– Ох, это ты, – сердито сказала я. – Зачем, скажи на милость, ты так подкрадываешься ко мне?

– Практикуюсь, – ответил Джейми, целуя меня в лоб. – Не хотелось бы потерять навыки слежки. Почему ты разговариваешь сама с собой?

– Потому что уверена, что найду благодарного слушателя, – ответила я ворчливо, и он засмеялся, одновременно наклоняясь, чтобы помочь собрать корешки с пола.

– Кого ты подозреваешь, саксоночка?

Я замялась, но не смогла выдать ничего, кроме правды.

– Я размышляла, не уложил ли Джон Грей нашего мистера Хиггинса в свою постель, – сказала я напрямик. – Или нет ли у него такого намерения.

Он слегка моргнул, но не выглядел шокированным – это значило, что он и сам мог рассматривать подобную возможность.

– Почему это пришло тебе в голову?

– Во-первых, он очень красивый молодой человек, – сказала я, забирая у него охапку кореньев и аккуратно раскладывая их на куске марли. – А во-вторых, у него худший случай геморроя из тех, что мне приходилось видеть у мужчин его возраста.

– Он позволил тебе его осмотреть? – Джейми покраснел от упоминания гомосексуальных связей: ему не нравилось, когда я была такой прямолинейной – но ведь в этот раз он сам спросил.

– Ну, потребовалось его немного поговоривать, – ответила я. – Он с готовностью рассказал мне о проблеме, но не был воодушевлен перспективой осмотра.

– Я бы тоже не был воодушевлен, – заверил меня Джейми. – А я женат на тебе. Почему кому-то вообще может захотеться на такое смотреть, если только не из нездорового любопытства? – Он бросил опасливый взгляд на мою большую черную тетрадь для записей, открытую на столе. – Ты же не зарисовала там задний проход бедолаги Бобби Хиггинса, я надеюсь?

– Нет нужды. Не могу представить себе врача, который бы не знал, как выглядит геморрой. Даже древние иудеи и египтяне страдали от этого недуга.

– Правда?

– Это есть в Библии. Спроси мистера Кристи, – посоветовала я.

Он искоса посмотрел на меня.

– Ты обсуждала Библию с Томом Кристи? Ты смелее меня, саксоночка.

Кристи был крайне набожным пресвитерианином. Величайшей радостью для него было вылить кому-нибудь на голову ушат Священного Писания.

– Не я. Герман спросил меня на прошлой неделе, какие такие «наросты» были у филистимлян.

– И какие же?

– Геморроидальные. «И сказали они: какую жертву повинности должны мы принести Ему? Те сказали: по числу владельцев Филистимских пять наростов золотых и пять мышей золотых»³⁰, – процитировала я. – Или что-то вроде того. Точнее я по памяти не повторю. Мистер Кристи заставил Германа выписывать строки из Библии в качестве наказания, и мальчик с его пытливым умом заинтересовался, что же такое он пишет.

– И он, конечно, не стал спрашивать мистера Кристи. – Джейми нахмурился и потер переносицу. – Мне стоит знать, что натворил Герман?

– Что-то мне подсказывает, что нет.

Том Кристи работал местным учителем в счет ренты за землю, и ему неплохо удавалось поддерживать дисциплину. На мой взгляд, имея в учениках Германа Фрэзера, он с лихвой отработывал всю сумму.

– Золотые наросты, – пробормотал Джейми со слегка мечтательным видом. – А это мысль.

Такой вид обычно предшествовал появлению очередной ужасающей идеи, способной повлечь за собой тяжкие телесные повреждения, смерть или пожизненное заключение. Меня это несколько встревожило, но на что бы ни вдохновили его золотые наросты, он пока что оставил эту идею, вдруг тряхнув головой.

– Что ж, ладно. Мы, кажется, говорили о заднице Бобби?

– А, да. Так вот, причина, по которой я хотела взглянуть на наросты мистера Хиггинса, – сказала я, возвращаясь к предыдущей теме разговора, – заключается в том, что мне нужно было выбрать тип лечения. Я пыталась понять, нужно ли их удалять.

Брови Джейми поползли вверх.

– Удалять? Как? Твоим маленьким ножичком? – Он взглянул на чемоданчик, где я хранила свои хирургические инструменты, и с отвращением передернул плечами.

– Я могла бы это сделать, да. Хотя, надо полагать, без анестезии процедура будет очень болезненной. Есть более простой метод, который только входил в широкую практику, когда я... ушла.

На краткий миг я почувствовала укол острой тоски по госпиталю. Я живо ощутила запах дезинфектора, услышала бормотание и топот медсестер и санитаров, коснулась глянце-вых обложек медицинских журналов, распухающих от обилия информации. А потом все это исчезло, и мне осталось лишь размышлять, что предпочтительнее – пиявки или нить – по части достижения идеального анального здоровья мистера Хиггинса.

– Доктор Роулингс советует пиявок, – пояснила я. – Штук двадцать или тридцать в серьезных случаях.

Джейми кивнул: такая идея не вызвала у него особого удивления. Разумеется: ведь его самого несколько раз лечили пиявками, и он уверял меня, что это совсем не больно.

– Но, кажется, у тебя их почти не осталось. Мне собрать парнишек и устроить охоту?

Ничто не обрадовало бы Джейми и Германа сильнее, чем поход с дедом на болото, из которого можно вернуться назад по уши в грязи и гириляндах из пиявок, но я покачала головой.

– Нет. То есть да, – уточнила я. – Если тебе нетрудно. Но они не нужны мне срочно. Использование пиявок временно улучшит ситуацию, но у Бобби еще и тромбоз – сгустки засохшей крови в венах. Так что, я думаю, будет лучше, если я удалю их целиком. Можно было бы

³⁰ 1 Цар.6:4.

наложить лигатуру – завязать нитку очень туго вокруг каждого узла. Это лишит их притока крови, и со временем они засохнут и сами отпадут. Очень аккуратно.

– Очень аккуратно, – эхом отозвался Джейми. Взгляд у него был неодобрительный. – Ты раньше делала такое?

– Да, один или два раза.

– Хм. – Он поджал губы, очевидно представив себе процесс. – Как... эм, я имею в виду... думаешь, он сможет испражняться, пока это происходит? Это ведь займет какое-то время...

Я нахмурилась, барабанила пальцем по крышке стола.

– Его основная проблема в том, что он не испражняется, – сказала я. – То есть испражняется, конечно, но недостаточно часто и стул у него неправильной консистенции. Ужасная диета, – добавила я, обвинительно тыкая в Джейми пальцем. – Он рассказал мне. Хлеб, мясо и эль. Ни фруктов, ни овощей. Запоры, без сомнения, бич британской армии. Меня не удивит, если у них всех до одного узлы свисают из задниц, как гроздь винограда.

Джейми кивнул, приподняв одну бровь.

– Многие вещи меня в тебе восхищают, саксоночка, но особенно твоя деликатная манера выражаться. – Он кашлянул и посмотрел в сторону. – Но если ты говоришь, что запоры вызывают геморрой...

– Так и есть.

– Хорошо. Просто... То, что ты говорила о Джоне Грее... Я имею в виду, состояние задницы Бобби может иметь отношение к... хм.

– О! Нет, не напрямую. – Я замолкла на секунду. – Мое предположение основывалось на том, что лорд Джон сказал в письме: он надеется – как он выразился? – что я могу найти средства для других травм Хиггинса. То есть, конечно, он мог знать о проблемах Бобби и без... эээ... скажем так, личного осмотра. Но, как я уже сказала, геморрой настолько распространенный недуг... Почему это могло обеспокоить его до такой степени, чтобы просить меня о помощи, если только не по той причине, что узлы затрудняли его... эээ... собственное проникновение.

Лицо Джейми вернулось было к своему нормальному цвету на время беседы о пиявках и запорах, но теперь снова стало пунцовым.

– Его...

– Я хочу сказать, – сказала я, складывая руки под грудью, – мне немного не по себе оттого... что он прислал мистера Хиггинса ко мне... вроде как для ремонта, понимаешь?

Все это время я страдала от зудящего чувства дискомфорта, вызванного Бобби Хиггинсом и его многострадальной задницей, но до сих пор не облекала свои ощущения в слова. Теперь же, когда я это сделала, то наконец осознала, что именно не давало мне покоя.

– Мысль о том, что я должна подлатать бедного Бобби, а затем отправить его назад для... – Я сжала губы и резко повернулась назад, к своим корешкам, принявшись бесцельно их перебирать. – Мне это не нравится, – сказала я, обращаясь к двери шкафа. – Конечно, я сделаю для мистера Хиггинса все, что в моих силах. У Бобби Хиггинса перспектив негусто: несомненно, он сделает все... что потребует его светлость. Хотя, возможно, я не права на его счет. Насчет лорда Джона.

– Возможно.

Я обернулась и обнаружила Джейми сидящим на моем стуле, он вертел в руках баночку с гусиным жиром, которая, казалось, целиком завладела его вниманием.

– Что ж, – неуверенно начала я. – Ты знаешь его лучше. Если ты считаешь, что он не... – Я прервалась на полуслове. Снаружи донесся мягкий звук удара – еловая шишка упала на крышу сарая.

– Я знаю о Джоне Грее больше, чем мне хотелось бы, – сказал Джейми наконец и посмотрел на меня с горькой усмешкой. – И он знает обо мне гораздо больше, чем стоило бы. –

Джейми наклонился вперед, поставил баночку на стол и снова посмотрел на меня. – Но одно мне известно совершенно точно. Джон человек чести. Он ни за что не стал бы использовать в своих целях Хиггинса или любого другого человека, находящегося под его протекцией.

Слова Джейми звучали убедительно, и я успокоилась. Мне нравился Джон Грей. И все же... Регулярно, как по часам, приходящие от него письма приводили меня в некоторое смятение, как далекие раскаты грома. В самих письмах не было ничего тревожного или подозрительного: они были похожи на автора – умные, ироничные и искренние. И, конечно, у него были причины поддерживать переписку. Не одна причина.

– Ты же знаешь, он все еще любит тебя, – сказала я тихо.

Он кивнул, но не посмотрел в мою сторону, его взгляд был устремлен куда-то в пустоту за деревьями у двери.

– Ты бы предпочел, чтобы это было не так?

Спустя пару секунд Джейми снова кивнул. В этот раз он повернулся, чтобы посмотреть на меня.

– Да, предпочел бы. Ради себя самого. И ради него, конечно. Но ради Уильяма? – Он с сомнением покачал головой.

– О, быть может, он и принял Уильяма из-за тебя, – сказала я, облокотившись на стол. – Я видела их вместе, не забывай. Не сомневаюсь, теперь он любит Вилли из-за него самого.

– Нет, я и сам не сомневаюсь.

Джейми поднялся, беспокойный, и начал отряхивать несуществующую пыль со складок килта. Лицо выглядело закрытым, он смотрел на что-то внутри себя, на то, чем не желал делиться со мной.

– Думаешь... – начала я, но остановилась, когда он поднял взгляд на меня. – Нет, это не важно.

– Что? – Он склонил голову набок, глаза его сузились.

– Ничего.

Джейми не двинулся с места, но взгляд его сделался настойчивее.

– Я по твоему лицу вижу, что это не так, саксоночка. Что?

Я глубоко вдохнула через нос и покрепче вцепилась в собственный фартук.

– Это... Я уверена, что это не так, просто пришло в голову...

Джейми издал низкий, типично шотландский звук, означающий, что лучше мне прекратить ходить вокруг да около. Я достаточно хорошо знала его, чтобы понимать – он не оставит меня в покое, пока я не сознаюсь, в чем дело. Поэтому я выпалила:

– Ты никогда не думал о том, что лорд Джон мог взять его, потому что... ну, ведь Вильям ужасно похож на тебя и, очевидно, был похож с ранних лет. И раз лорд Джон находит тебя... физически привлекательным...

Слова оборвались сами собой, и мне захотелось перерезать себе глотку за то, что я посмела их произнести, когда увидела выражение его лица.

Джейми на мгновение закрыл глаза, чтобы не видеть меня. Кулаки сжались с такой силой, что на руках – от костяшек пальцев до предплечья – вздулись вены. Потом он очень медленно разжал ладони и открыл глаза.

– Нет, – сказал он с непоколебимой уверенностью в голосе. Он прямо и жестко посмотрел на меня. – И я говорю так не потому, что мне непереносима мысль об этом. Я знаю.

– Конечно, – поспешно согласилась я, торопясь оставить эту тему.

– Я знаю, – повторил он еще жестче. Два его покалеченных пальца нервно стукнули один раз по ноге и замерли. – Я тоже думал об этом. Когда он впервые объявил мне, что намерен жениться на Изабель Дансени.

Он отвернулся и стал смотреть в окно. По палисаднику бродил Адсо и пытался поймать что-то в траве.

– Я предложил ему собственное тело, – резко сказал Джейми, не оборачиваясь. Голос его звучал ровно, но по тому, как были напряжены плечи, я понимала, что слова даются ему нелегко. – В благодарность, сказал я. Но это было... – Он странно передернул плечами, как будто пытаюсь освободиться от невидимых пут. – Видишь ли, мне нужно было узнать наверняка, что он за человек. Что за человек возьмет моего сына, чтобы растить его как своего собственного.

Его голос слегка дрогнул, когда он произносил «возьмет моего сына», и я инстинктивно двинулась к нему, желая прикрыть рану, что сквозила за этими словами. Джейми был будто деревянный, когда я коснулась его, – он не желал, чтобы его обнимали. Однако взял мою ладонь в свою и сжал ее.

– Ты думаешь... что готов рассказать?

Я не была шокирована: Джон Грей говорил мне об этом предложении годы тому назад, еще на Ямайке. Однако, думаю, он не понял, в чем был его истинный смысл.

Рука Джейми сжалась на моей, и он провел большим пальцем по моему, легонько поглаживая ноготь. Он посмотрел на меня, и я ощутила, как глаза исследуют мое лицо – не вопросительно, а так, как бывает, когда люди по-новому видят нечто давно знакомое. Глаза вдруг узнают то, что долгое время было известно только сердцу. Он поднял вторую руку и провел по линии бровей, два пальца на мгновение замерли на моей скуле, затем он запустил холодную ладонь в теплую копну моих волос.

– Невозможно быть так близко друг к другу, – наконец сказал он, – быть друг у друга внутри, чувствовать запах пота, касаться волос на теле – и не видеть души. Даже если ты сможешь... – Он замялся, и я задумалась о том, кто сейчас пришел ему в голову – Черный Джек Рендалл или Лаогера, женщина, на которой он женился, думая, что меня нет в живых. – Что ж, это страшно само по себе, – закончил он мягко и уронил руку.

Между нами повисла тишина. Внезапно снаружи послышался шелест травы: Адсо совершил резкий прыжок и исчез из вида, пересмешник принялся беспокойно кричать с большой красной сосны. В кухне что-то со звоном упало на пол, а затем до нас донеслось ритмичное шуршание метлы. Все это были домашние звуки, звуки жизни, которую мы создали.

Делала ли это когда-нибудь? Ложилась ли с мужчиной, не видя ни частички его души? Да, и он был прав. По спине пробежал холодок, и волосы на коже беззвучно встали дыбом.

Он вздохнул, и вздох этот, казалось, шел от самых стоп, а затем пригладил убранные в косичку волосы.

– Но Джон не стал этого делать. – Джейми выразительно взглянул на меня и криво усмехнулся. – Он сказал, что любит меня. Что если я не могу ответить ему взаимностью – а он знал, что я не могу, – то он не станет разменивать настоящую монету на фальшивку.

Он встряхнулся, как собака, выходящая из воды.

– Нет. Человек, который сказал такое, не может оказаться тем, кто насилует ребенка из-за симпатичных голубых глаз его отца. Это я могу сказать тебе наверняка, саксоночка.

– Нет, – эхом отозвалась я. – Скажи мне... – Я запнулась, и он поглядел на меня, приподняв одну бровь. – Если... Если бы он... Принял твое предложение... и... Ты бы обнаружил... – Я искала подходящие слова. – Не таким, эээ, достойным человеком, как ты надеялся...

– Я сломал бы его шею прямо там, у озера, – ответил он. – Не имело бы значения, повесят меня или нет: я не дал бы ему забрать мальчика. – Но он оказался не таким, и я позволил, – добавил он, чуть пожав плечами. – Так что, если молодой Бобби и ложится в постель к его светлости, думаю, он делает это по доброй воле.

Ни один человек не способен показать себя с лучшей стороны, когда кто-то держит его за задницу. Я замечала это прежде, и Роберт Хиггинс не стал исключением из правил.

– Больно почти не будет, – сказала я насколько возможно утешительно. – Тебе только нужно стоять смиренно.

– О, я постараюсь, мэм, я справлюсь, – горячо заверил меня он.

Бобби был в одной рубашке. Он стоял на хирургическом столе на четвереньках, так чтобы пораженная зона была на уровне моих глаз. Щипцы и нити для лигатуры были разложены на столике справа от меня, рядом с миской свежих пивовок, приготовленных на всякий случай.

Он сдавленно пискнул, когда я приложила к его заду салфетку, смоченную скипидаром, чтобы хорошенько продезинфицировать место перед операцией, но Хиггинс сдержал слово и не дернулся.

– Мы добьемся отличного результата, – заверила я, беря в руку пару длинноносых щипцов. – Но если ты хочешь, чтобы он сохранился, то придется серьезно изменить рацион. Ты меня понял?

Он судорожно выдохнул, когда я взяла один из узлов и потянула на себя. Всего их было три, классическое расположение: на девять, два и пять часов. Они были вспухшие, как малина, и примерно такого же цвета.

– Ой! Д-да, мэм.

– Овсянка, – твердо сказала я, беря щипцы в левую руку и не ослабляя при этом хватку, чтобы взять правой иглу с вдетой в нее шелковой нитью. – Каша каждое утро, без всяких отговорок. Ты заметил изменения к лучшему в пищеварении с тех пор, как миссис Баг начала кормить тебя кашей на завтрак?

Я свободно обернула нитью основание узла, затем осторожно протолкнула иголку в петлю и туго ее затянула.

– Ах!.. Ох!.. О... говоря по правде, мэм, это как гадить кирпичами, завернутыми в ежину шкуру. Ничего не изменяется, что бы я ни ел.

– Что ж, изменится, – уверенно сказала я, закрепляя лигатуру узлом. Я отпустила узел, и он глубоко вздохнул. – Теперь виноград. Ты ведь любишь виноград?

– Нет, мэм. У меня сводит зубы, когда я его кусаю.

– Правда? – Его зубы не выглядели гнилыми, но стоило осмотреть их еще раз – возможно, он страдал от цинги. – Что ж, мы попросим миссис Баг сделать для тебя пирог с изюмом – его ты сможешь есть без всяких проблем. У лорда Джона хороший повар? – Я прицелилась, снова взяв в руку щипцы, и зафиксировала следующий узел. Теперь уже привыкший к ощущениям, Бобби лишь тихонько крякнул.

– Да, мэм. Индеец по имени Маноке.

– Хмм.

Повернуть, приподнять, затянуть, завязать.

– Я запишу рецепт пирога с изюмом, отнесешь ему. Он готовит ямс или бобы? Бобы в этом деле очень помогают.

– Думаю, да, мэм. Вот только его светлость...

Я оставила окна открытыми для проветривания: Бобби был не грязнее других, но и совершенно точно не чище – поэтому я услышала звуки с тропинки, что вела к дому: голоса и звон упряжи. Бобби тоже их услышал и испуганно посмотрел в сторону окна, задняя часть его туловища напряглась, как будто он был кузнечиком, который вот-вот спрыгнет со стола. Я было схватила его за ногу крепче, но потом передумала. Я не могла закрыть окно – только ставни, но мне нужен был свет.

– Вставай-ка и спускайся со стола, – сказала я ему, беря в руки полотенце. – Я пойду посмотрю, кто это.

Он с готовностью кинулся выполнять указания – слез со стола и торопливо схватил снятые брюки.

Я вышла на крыльцо как раз вовремя, чтобы поприветствовать двоих мужчин, которые вели мулов по последнему крутому подъему в наш двор. Это были Ричард Браун и его брат Лайонел из одноименного Браунсвиля. Я была удивлена их появлением. От Риджа до Браунс-

вила было добрых три дня дороги, и между поселениями торговля шла не очень бойко. В противоположном направлении на примерно таком же расстоянии находился Салем, но жители Риджа ездили туда гораздо чаще. Переселенцы из графства Мари были отличными мастерами и торговцами: они брали мед, масло, соленую рыбу, шкуры в обмен на сыр, горшки, цыплят и прочую мелкую живность. Насколько я знала, обитатели Браунсвиля занимались разве что продажей дешевых товаров индейцам чероки да производством низкосортного пива, которое не стоило такой долгой дороги.

– Хорошего дня, хозяйка! – Ричард, старший и при этом более щуплый и низкий из братьев, коснулся тульи своей шляпы, но снимать не стал. – Твой муж дома?

– Он у сенника, чистит шкуры. – Я тщательно вытерла руки полотенцем, которое принесла с собой. – Проходите на кухню, я принесу вам сидра.

– Не беспокойся.

Без всяких дальнейших объяснений он развернулся и целенаправленно начал огибать дом. Лайонел Браун, который был чуть выше брата, но так же долговяз и нескладен, как он, коротко кивнул мне и пошел следом за Ричардом. Они оставили своих мулов во дворе со свободно висящими поводьями, очевидно, ожидая, что я ими займусь. Животные медленно разбредались в разные стороны, периодически останавливаясь, чтобы пожевать высокую траву, что росла возле тропинки.

– Хм! – сказала я, глядя вслед братьям Браун.

– Кто это такие? – спросил низкий голос за моей спиной. Бобби Хиггинс тоже вышел на улицу и теперь заглядывал за угол, щуря здоровый глаз. Бобби с подозрением относился к незнакомцам – и в этом не было ничего удивительно, учитывая его бостонские несчастья.

– Соседи, если можно так выразиться.

Я прыгнула с крыльца и поймала одного мула за поводья прямо перед тем, как он успел дотянуться до персикового деревца, которое я посадила возле дома. Выражая недовольство таким неуместным вмешательством в его дела, мул оглушительно заржал прямо мне в лицо.

– Позвольте мне, мэ.м.

Бобби, в руках у которого уже были поводья другого мула, потянулся, чтобы взять у меня уздечку.

– А ну-ка стой! – грозно сказал он непокорному мулу. – Уймись сейчас же, а не то выпорю хворостиной.

Бобби был не кавалеристом, а пехотинцем – сейчас это стало совершенно очевидным. Говорил он довольно резко и грозно, но его выдавала так расхожая со словами неуверенная манера держаться. Он неловко дернул за упряжь. Мул тотчас же поджал уши и укусил его за руку.

Бобби закричал и выпустил поводья. Кларенс, мой собственный мул, услышал шум и громко, приветственно заржал из загона. Оба мула-чужака рысью кинулись к нему, болтая стременистыми ремнями.

Бобби не сильно пострадал, хотя животное умудрилось прокусить кожу: пятна крови медленно проступали сквозь ткань на рукаве рубашки. Пока я поднимала манжету, чтобы взглянуть на ранение, на крыльце послышались чьи-то торопливые шаги. Я обернулась и увидела Лиззи с большой деревянной ложкой в руках, вид у нее был встревоженный.

– Бобби! Что случилось?

Увидев ее, он мгновенно выпрямился и, изображая полную невозмутимость, откинул локон каштановых волос со лба.

– О, ах! Пустяки, мисс. Вроде как небольшое недоразумение с этими нечестивцами. Нечего бояться, все хорошо.

На этих словах его глаза закатились, и он упал в обморок.

– О! – Лиззи пулей слетела вниз по ступеням и склонилась над Бобби, осторожно похлопывая его по щеке. – С ним все в порядке, миссис Фрэзер?

– Бог его знает, – искренне ответила я. – Думаю, что да. – Дыхание Бобби было спокойным, и я нащупала относительно ровный пульс на запястье.

– Занесем его внутрь? Или стоит принести жженое перо? А может, лучше нашатырь из кабинета? Или бренди? – Лиззи хлопотала, как взволнованный шмель, готовый лететь в любом направлении.

– Нет, думаю, он приходит в себя. – Большинство обмороков длятся не больше пары секунд, по тому, как задвигалась его грудь, я поняла, что Бобби стал дышать глубже.

– Капелька бренди не помешает, – пробормотал он, приоткрывая глаза.

Я кивнула Лиззи, которая тут же исчезла в доме, оставив свою ложку в траве.

– Чувствуешь себя неважно, да? – спросила я сочувственно. Полученная травма была всего лишь царапиной, и я совершенно точно не делала ничего такого, что могло привести взрослого мужчину в состояние шока – по крайней мере, в состояние физического шока. Так в чем же было дело?

– Не знаю, мэм. – Бобби попытался сесть, и, хотя лицо было белым как простыня, в остальном он, кажется, чувствовал себя сносно, поэтому я позволила ему сделать это. – Просто у меня перед глазами то и дело появляются эти точки, они кружатся и жужжат, будто пчелиный рой, а потом все вдруг темнеет.

– То и дело? Такое случалось раньше? – резко спросила я.

– Д-да, мэм... – Голова Бобби покачивалась, как подсолнух на ветру, и я подхватила его под мышки на случай, если он снова отключится. – Его светлость надеялись, что вы сможете найти какое-нибудь средство, чтобы это прекратилось...

– Его свет... О, так он знает об обмороках?

Боже, ну конечно, он знает, если Бобби то и дело валится без чувств прямо у него перед глазами.

Он кивнул и глубоко, судорожно втянул воздух.

– Доктор Потс регулярно делал мне кровопускания, дважды в неделю. Но, кажется, это не помогло.

– Смею предположить, что нет. Надеюсь, от него было больше пользы с твоим геморроем, – заметила я сухо.

Лицо его слегка порозовело – бедному мальчику не хватило крови, чтобы как следует покраснеть, – и он отвернулся в сторону, уставившись на ложку в траве.

– Эм... Я... никому об этом не рассказывал.

– Нет? – Я была удивлена. – Но...

– Видите ли, это все дорога. Из Вирджинии. – Румянец стал ярче. – Я ни за что бы не сознался, не гори у меня так задница после недели на чертовой лошади – прошу прощения, мэм. У меня не было шанса это скрыть.

– То есть лорд Джон тоже об этом не знал?

Он энергично замотал головой, так что его растрепанные каштановые кудри снова опустились на лицо. Я чувствовала раздражение и досаду – на себя, из-за того, что неверно истолковала мотивы Джона Грея, и на него самого за то, что он сделал из меня дуру.

– Что ж... Тебе уже получше?

Лиззи так и не явилась с бренди, и я тут же задалась вопросом, куда она могла деться. Бобби по-прежнему был бледен, но смело кивнул и с трудом поднялся на ноги. Он стоял, моргая и раскачиваясь, и пытался сохранить равновесие. Буква «У», клеймо, выжженное на его щеке, стала заметнее и зло алела на белой коже.

Отвлеченная обмороком парня, я не обращала внимания на доносящиеся звуки. Однако теперь я услышала голоса и приближающиеся шаги. Джейми и двое Браунов появились из-за

угла дома и, увидев нас, остановились. Джейми, и без того немного печальный, нахмурился сильнее. Брауны же, напротив, казались удовлетворенными, но в их удовлетворенности было какое-то мрачное ликование.

– Значит, это правда? – Ричард Браун зло уставился на Бобби Хиггинса, а затем повернулся к Джейми. – Ты держишь убийцу в своих владениях?

– Действительно? – Джейми был подчеркнуто холоден, но вежлив. – Я и не знал.

Он очень изящно, на французский манер, поклонился Бобби Хиггинсу, а затем выпрямился и указал на Браунов:

– Мистер Хиггинс, могу я представить вам мистера Ричарда Брауна и мистера Лайонела Брауна. Джентльмены, мой гость, мистер Хиггинс.

Фраза «мой гость» была произнесена с особым ударением, что заставило Ричарда Брауна сжать и без того тонкие губы до их полного исчезновения.

– Осторожно, Фрэзер, – обронил он, не отрываясь глядя на Бобби, как будто ожидая, что тот испарится. – В наши дни водить дружбу с неправильными людьми может быть опасно.

– Я выбираю компанию по собственному усмотрению, сэр. – Джейми говорил тихо, цедя слова сквозь сжатые зубы. – И ваша меня не интересует, Джозеф.

Отец Лиззи, Джозеф Уэмисс, появился из-за угла, ведя за собой двух мулов-бунтарей, которые теперь выглядели безобидными, как котята, хотя каждый из них серьезно превосходил размерами шуплого мистера Уэмисса.

Бобби Хиггинс, ошарашенный этой сценой, недоуменно посмотрел на меня, ожидая объяснений. Я слегка пожала плечами, ничего не говоря. Брауны тем временем забрались на мулов и двинулись прочь со двора, их прямые спины буквально источали гнев. Джейми дождался, пока они исчезнут из виду, потом запустил руку в волосы и зло выдохнул, бормоча что-то на гэльском. Я не уловила всей сути, но поняла, что он сравнивает недавних гостей с наростами вроде тех, что были у мистера Хиггинса, в пользу вышеупомянутых.

– Прошу прощения, сэр? – Хиггинс выглядел совершенно потерянным, но желал угодить.

Джейми кинул взгляд в его сторону.

– Пусть катятся к чертовой матери, – сказал Джейми, с отвращением махнув рукой в направлении, куда уехали Брауны. Он поймал мой взгляд и повернулся к дому. – Пойдем-ка, Бобби, нам нужно кое-что обсудить.

Я последовала за ними из любопытства и на случай, если мистеру Хиггинсу снова станет нехорошо. Он двигался довольно уверенно, но по-прежнему был очень бледен. По сравнению с Бобби мистер Уэмисс – стройный и светловолосый, как и его дочь, – просто лучился здоровьем. «Что же не так с Бобби?» – раздумывала я. Идя за ним следом, я украдкой бросила взгляд на его брюки – кровотечения не было.

Джейми привел нас в свой кабинет и указал на стоящие в беспорядке стулья и коробки, которые были предназначены для посетителей. Однако оба, мистер Уэмисс и Бобби, предпочли стоять; Бобби – по очевидным причинам, мистер Уэмисс – из уважения, ему вообще было неловко сидеть в присутствии Джейми, за исключением обедов.

Я же, не обремененная социальными или физическими ограничениями, уселась на лучший стул и приподняла бровь, глядя на Джейми, который сел за рабочий стол.

– Вот в чем дело, – начал он без всякой преамбулы. – Браун и его брат провозгласили себя главами комитета безопасности и приехали, чтобы учесть меня и моих арендаторов в качестве его членов. – Он чуть скривил угол рта. – Я отказался, как вы, без сомнения, заметили.

Внутри у меня все сжалось, когда я подумала о словах майора Макдональда и о том, что знала сама. Значит, вот оно, начало.

– Комитет безопасности? – Мистер Уэмисс выглядел сбитым с толку и кинул взгляд на Бобби Хиггинса, чье недоумение постепенно испарялось.

– Вот оно что, – тихо сказал Бобби. Пряди кудрявых каштановых волос выбились из хвоста, и он заправил одну за ухо.

– Вы слышали о таких комитетах раньше, мистер Хиггинс? – спросил Джейми, поднимая бровь.

– Сталкивался с одним, сэр. Подобным. – Он ненароком коснулся нижнего века под искаженным глазом. Парень по-прежнему был бледен, но самообладание постепенно возвращалось к нему. – Это разбойники, сэр. Как их мулы, только куда злее. – Он улыбнулся невеселой улыбкой и расправил рукав над укусом.

Упоминание о мулах внезапно напомнило мне о другом, и я резко встала, прерывая разговор на полуслове.

– Лиззи! Где Лиззи?

Не дожидаясь ответа на этот риторический вопрос, я быстро встала и пошла к двери, выкрикивая ее имя, но никто не отзывался. Она ушла за бренди, в кухне его было еще много, о чем ей было известно – я только вчера видела, как она набирала немного для миссис Баг. Она должна быть в доме. Конечно, она не пошла бы...

– Элизабет? Элизабет, где ты? – Мистер Уэмисс направился прямо за мной, выкрикивая имя дочери, пока я шла по холлу в кухню.

Лиззи лежала в глубоком обмороке прямо на очаге – маленькая кучка одежды с торчащей наружу тонкой рукой, как будто падая, она пыталась защититься.

– Мисс Уэмисс! – Бобби Хиггинс кинулся мне наперерез с безумным взглядом и сгреб девушку на руки.

– Элизабет! – Мистер Уэмисс тоже протиснулся вперед, лицо его стало почти таким же белым, как у дочери.

– Может, позвольте мне взглянуть? – решительно сказала я, расталкивая мужчин. Положи-ка ее на лавку, Бобби, давай.

Он осторожно поднялся и, немного поморщившись, сел на лавку, по-прежнему держа ее на руках. Что ж, если он хотел побыть героем, у меня не было времени с ним спорить. Я присела на колени рядом с девушкой и взяла в руку запястье, нащупывая пульс, другой рукой я убирала волосы с ее лица. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что именно могло случиться. Кожа была липкой, а лицо приобрело землистый оттенок. Я почувствовала, как ее бесчувственное тело начинает колотить озноб.

– Малярия вернулась? – спросил Джейми. Он появился сбоку от меня и взял мистера Уэмисса за плечо, одновременно утешая и сдерживая его.

– Да, – коротко отозвалась я. У Лиззи была малярия, она подхватила ее на побережье пару лет назад, время от времени случались рецидивы – правда, весь предыдущий год прошел спокойно.

Мистер Уэмисс глубоко и шумно вздохнул, его лицо чуть порозовело. Он был уже знаком с малярией и был уверен, что я смогу с этим справиться. Предыдущие несколько раз так и случалось. Я надеялась, мне удастся помочь Лиззи и сейчас. Пульс под моими пальцами был быстрым и слабым, но стабильным, она уже начала шевелиться. Однако быстрота и внезапность приступа меня пугали. Были ли какие-то симптомы, предшествующие рецидиву? Я надеялась, что тревога не отражалась у меня на лице.

– Уложите ее в постель, накройте и приложите горячий камень к ногам, – скомандовала я Бобби и мистеру Уэмиссу, поднимаясь на ноги. – Я приготовлю лекарство.

Джейми пошел со мной в хирургический кабинет, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что остальные нас не слышат.

– Я думал, у тебя закончилась хина, – сказал он шепотом.

– Так и есть. Черт побери.

Малярия была хроническим заболеванием, и большую часть времени мне удавалось держать ее под контролем, давая Лиззи небольшие дозы хинной коры. Но в течение зимы мои запасы истощились, и никто пока не мог спуститься к побережью, чтобы их пополнить.

– И что теперь?

– Я думаю.

Я открыла дверцу шкафа и уставилась на ровные ряды баночек внутри. Многие из них были пусты, в других лежали скудные остатки сушеных листьев или корешков. После долгой влажной зимы с гриппом, простудами, обморожениями и несчастными случаями на охоте почти все было израсходовано.

Жаропонижающее. У меня имелись кое-какие средства, которые могли сбить температуру при обычной лихорадке, но малярия не тот случай. По крайней мере, у меня было много кизиловой коры и корешков – я основательно запаслась ими прошлой осенью, предвидя нужду. Я сняла кизил с полки и после минутных раздумий добавила к нему склянку с разновидностью горечавки, известной в этих местах как малярийная трава.

– Поставишь чайник? – попросила я Джейми, с хмурым видом растирая корешки, кору и траву в ступке. С этим набором я могла снять только внешние симптомы – температуру и озноб. И еще шок, про него тоже не стоит забывать.

– И, если тебе не сложно, принеси мне, пожалуйста, немного меда! – закричала я ему вслед, когда он уже открывал дверь. Он кивнул и торопливо ушел в направлении кухни, его ботинки быстро и уверенно застучали по дубовым доскам пола.

Я продолжала толочь лекарство, все еще обдумывая дополнительные варианты. Крошечная часть меня была рада происшествию: теперь мы могли отложить разговор о Браунах и их чертовом комитете.

Предчувствия у меня были самые недобрые. Чего бы они ни хотели, нам, я была уверена, это не сулило ничего хорошего: они с Джейми явно расстались не на дружеской ноте. Что касается представлений моего мужа об ответных действиях...

Конский каштан. Иногда его применяли против трехдневной малярии, как ее называл доктор Роулингс. Он у меня еще есть? Быстро оглядывая бутылочки и баночки в медицинском сундучке, я остановилась на склянке, на дне которой было около дюйма высушенных черных шариков. Желчные ягоды, гласила надпись. Это были не мои запасы, ягоды раньше принадлежали Роулингсу. Я никогда и ни для чего их не использовала, но в памяти что-то всколыхнулось. Я слышала или читала что-то о желчных ягодах, но что?

Я рассеянно взяла баночку, открыла и принялась. Ягоды источали острый, вяжущий запах, чуть горьковатый... и смутно знакомый. Все еще держа банку в руках, я пошла к столу, где лежала моя большая черная тетрадь, и стала лихорадочно пролистывать страницы к началу, к записям, которые принадлежали первому владельцу тетради и медицинского сундучка – Дэниелу Роулингсу. Где же это было?

Я все еще листала журнал в поисках наполовину забытой заметки, когда вернулся Джейми с кувшином горячей воды в одной руке и миской меда в другой, за ним маячили близнецы Бердсли. Я взглянула на них, но ничего не сказала: у них была манера появляться внезапно, как пара чертиков из табакерки.

– Мисс Лиззи очень больна? – встревоженно спросил Джо, выглядывая из-за Джейми, чтобы посмотреть, что я делаю.

– Да, – кратко ответила я, едва обращая внимание на него. – Но не волнуйся, я готовлю лекарство для нее.

Вот оно! Короткая заметка, добавленная уже впоследствии к записям о лечении пациента, у которого были все симптомы малярии и который, отметила я про себя тревожно, скончался.

«Торговец, у которого я покупал хину, рассказал мне, что индейцы используют растение, которое называют желчной ягодой. По горечи оно превосходит хинную кору и считается лучшим средством для лечения трех- и четырехдневных лихорадок. Я собрал немного ягод для эксперимента и опробую их, как только представится случай».

Я достала одну ягоду и раскусила ее. Резкий вкус хинина заполнил мой рот, а вместе с ним обильный поток слюны. От невыносимой горечи я скривила губы. Желчные ягоды, иначе и не назовешь. Я кинулась к открытому окну и выплюнула ягоду в траву, продолжив отплевываться под аккомпанемент смешков и хихиканья братьев Бердсли, которые всю наслаждались неожиданным представлением.

– Ты в порядке, саксоночка? – Смех на лице Джейми боролся с беспокойством. Он налил воды из кувшина в глиняную кружку, немного подумав, добавил туда ложку меда и подал мне.

– В порядке, – проквакала я в ответ. – Не вздумай это уронить!

Кеси Бердсли взял в руки баночку с ягодами и осторожно понюхал. Он кивнул на мое предостережение, но вместо того, чтобы поставить емкость на место, передал ее брату.

Я набрала полный рот теплой воды с медом и с облегчением сделала глоток.

– Эти... штуки содержат что-то вроде хины.

Лицо Джейми мгновенно изменилось, в нем стало меньше тревоги.

– Значит, они помогут девчужке?

– Надеюсь. Их не очень-то много.

– То есть вам нужно больше таких штукочек для мисс Лиззи, миссис Фрэзер? – Джо посмотрел на меня снизу вверх, а потом почти с угрозой перевел глаза на маленькую баночку.

– Да, – сказала я удивленно. – Ты ведь не хочешь этим сказать, что знаешь, где их достать?

– Ай, мэ, – ответил Кеси, как обычно, чуть громче, чем нужно. – Их полно у индейцев.

– Каких индейцев? – спросил Джейми, пристально глядя на мальчика.

– Чероки, – сказал Джо, неопределенно махнув рукой куда-то за спиной. – За горой.

Это описание могло подойти под дюжину деревень, но, очевидно, они имели в виду совершенно конкретное поселение, поскольку оба вдруг синхронно развернулись, явно намереваясь пойти туда без промедления и вернуться с ягодами.

– Погодите-ка минутку, парни! – прикрикнул Джейми, хватая Кеси за воротник. – Я иду с вами. Вам нужен кто-то, кто сможет торговаться с ними.

– О, у нас куча шкур, сэ, – заверил его Джо. – Сезон был урожайный.

Джо был опытным охотником, и, хотя Кеси все еще был немного глуховат, брат научил его ставить силки. Йен рассказывал мне, что хижина Бердсли была доверху забита шкурами бобров, куниц, оленей и горностаев. Запах добычи намертво пристал к ним, легкий душок засохшей крови, мускуса и мокрой шерсти.

– Ай? Что ж, это очень щедро с твоей стороны, Джо. Но я все равно иду с вами. – Джейми посмотрел на меня, показывая, что уже принял решение, но тем не менее хочет услышать одобрение. Я сглотнула, ощущая горечь.

– Да, – сказала я и прочистила горло. – Если... если вы идете, то мне хотелось бы, чтобы вы выменяли еще кое-какие вещи. Я расскажу вам. Вы ведь не уйдете до утра?

Бердсли хотели побыстрее пуститься в путь и буквально дрожали от нетерпения, но Джейми стоял неподвижно, глядя на меня. Я почувствовала его прикосновение, хотя он не двигался и не говорил.

– Нет, – сказал он тихо. – Мы отправимся в ночь. – С этими словами он повернулся к Бердсли. – Поднимитесь наверх, Джо, и позовите сюда Бобби Хиггинса, мне нужно с ним поговорить.

– Он наверху с мисс Лиззи? – Джо Бердсли выглядел недовольным. Лицо брата, будто эхо, повторило его подозрительное выражение с сощуренными глазами.

– Что он там делает, в ее комнате? Он разве не знает, что Лиззи обручена? – праведно возмутился Кеси.

– Ее отец тоже там, – заверил их Джейми. – Так что репутация Элизабет в безопасности.

Джо тихо фыркнул на это, братья обменялись понимающими взглядами и, распрямив худые плечи, вместе вышли из кабинета, полные решимости устранить опасность, грозящую чести Лиззи.

– Так ты сделаешь это? – Я поставила ступку на стол. – Станешь индейским агентом?

– Думаю, я должен. Если не я, то им наверняка станет Ричард Браун. Нам нельзя так рисковать. – Джейми замялся, затем придвинулся ближе и легонько коснулся пальцами моего локтя. – Парнишек я сразу отправлю назад с ягодами, которые тебе нужны. Но мне, скорее всего, придется задержаться на день или два. Чтобы договориться обо всем, ай?

Он имел в виду – чтобы рассказать индейцам чероки, что теперь он агент английской короны, и дожидаться, пока весть разойдется. Вожди горных деревень позже должны будут спуститься вниз на совет для переговоров и обмена дарами.

Я кивнула, ощущая, как комок страха набухает где-то в груди. Началось. Не важно, как много ты знаешь о том, что нечто ужасное должно случиться в будущем, ты все равно не думаешь, что это произойдет сегодня.

– Не... Не задерживайся там надолго, ладно? – промямлила я, не желая обременять его своими страхами, но не в силах молчать.

– Не буду, – мягко ответил он, и его рука на мгновение задержалась у меня на пояснице. – Не тревожься понапрасну, я быстро вернусь.

Звук шагов, спускающихся по лестнице, эхом отозвался в холле. Я поняла, что мистер Уэмисс выставил Бердсли из комнаты за компанию с Бобби. Кидая на него недобрые взгляды исподтишка, братья молча вышли на улицу. Бобби, впрочем, выглядел рассеянным и вряд ли что-то заметил.

– Мальчонка сказал, вы хотели со мной поговорить, сэр.

Я с облегчением отметила, что к нему вернулся нормальный цвет лица и он твердо стоял на ногах. Он бросил беспокойный взгляд на стол, по-прежнему накрытый простыней, на которой мы проводили процедуры, а потом на меня. Я легонько покачала головой: разберемся с его геморроем позже.

– Ай, Бобби. – Джейми указал было на стул, как бы приглашая Бобби присесть, но я многозначительно кашлянула, и он одумался, облокотившись на стол. – Эти двое, что приходили, – их фамилия Браун. У них есть поселение не так далеко отсюда. Ты вроде как слышал о комитетах безопасности? Значит, представляешь себе, что это такое.

– Ой, сэр. Эти Брауны, сэр... Им нужен был я? – Бобби говорил достаточно спокойно, но я заметила, как он нервно сглотнул и кадык дернулся на тонкой шее.

Джейми вздохнул и провел рукой по волосам. Солнечный свет лился в окна и падал прямо на него, заставляя рыжие волосы сиять подобно живому пламени и выхватывая здесь и там серебряные нити, которые уже начали появляться в его медной гриве.

– Да, они пришли за тобой. Они знали, что ты здесь. Слышали о тебе, кто-то разболтал им. Ты ведь наверняка говорил людям по пути, куда направляешься?

Ошарашенный, Бобби только молча кивнул.

– Чего они от него хотели? – спросила я, сыпая размолотые корни, кору и ягоду в миску и заливая горячей водой.

– Они не слишком ясно выражались, – сухо сказал Джейми. – С другой стороны, я не дал им такой возможности. Я сразу сообщил им, что они заберут гостя от моего очага только через мой труп – и их.

– За это вам спасибо, сэр. – Бобби глубоко вдохнул. – Стало быть, они знали? Про Бостон? Про это я уж точно ни словечка никому не сказал.

Джейми нахмурился еще сильнее.

– Знали. Изображали, что я чего-то не понимаю, сказали, что я без своего ведома укрываю убийцу, который к тому же угрожает благополучию граждан.

– Что ж, первая часть правда, – отозвался Бобби, с опаской касаясь клейма, как будто оно все еще жгло кожу. Он бледно улыбнулся. – Но не уверен, что в нынешние времена могу кому-то угрожать.

Джейми пропустил его реплику мимо ушей.

– Дело в том, Бобби, что они знают, что ты здесь. Не думаю, что они придут снова, чтобы забрать тебя силой. Однако я попрошу тебя быть осторожным. Я приму меры, чтобы ты смог безопасно вернуться к лорду Джону, когда придет время. Найдем тебе сопровождающих. Я так понимаю, что вы еще не закончили? – спросил он, поворачиваясь ко мне.

– Не закончили, – ответила я ему в тон. Вид у Бобби в этот момент стал тревожным.

– Вот и хорошо. – Джейми потянулся к ремню и достал пистолет, до этого скрытый в складках рубахи. Это был тот самый, с рукоятью, украшенной золотом. – Держи его при себе, – сказал Джейми, передавая оружие Бобби. – Пули и порох в буфете. Присмотришь за моей семьей и детьми, пока я в отлучке?

– О! – Бобби ненадолго замер от удивления, но затем кивнул и сунул пистолет за пояс. – Я справлюсь, сэр. Можете на меня положиться.

Джейми улыбнулся на это, его взгляд потеплел.

– Теперь мне будет спокойнее, Бобби. Не мог бы ты найти моего зятя? Мне нужно поговорить с ним до того, как я уйду.

– Да, сэр. Сию минуту! – Он распрямил плечи и бросился выполнять поручение с выражением абсолютной решимости на тонком, романтическом лице.

– Как думаешь, что бы они с ним сделали? – спросила я тихо, когда дверь за ним захлопнулась. – Брауны.

Джейми покачал головой.

– Бог знает. Может, повесили бы его на перекрестке, а может, просто избili бы и вывезли куда подальше. Они хотят продемонстрировать, что могут защитить людей. От преступников и им подобных, – добавил он, скривив рот в ухмылке.

– «Правительство черпает свои полномочия из законного согласия управляемых», – процитировала я. – Чтобы комитет безопасности мог действовать на законных основаниях, должна появиться очевидная угроза общественной безопасности. Брауны очень умны, раз сами до этого додумались.

Джейми взглянул на меня, приподняв каштановую бровь.

– Кто это сказал? Про согласие управляемых.

– Томас Джефферсон, – довольно ответила я. – Вернее, скажет через два года.

– Он украдет это у джентльмена по фамилии Локк через два года, – поправил Джейми. – Полагаю, Ричард Браун получил приличное образование.

– В отличие от меня, хочешь сказать? – ничуть не смутясь, парировала я. – Но раз ты ждешь неприятностей от Браунов, то почему дал Бобби именно этот пистолет?

Джейми пожал плечами.

– Хорошие мне понадобятся. К тому же я очень сомневаюсь, что он станет стрелять даже из этого.

– Рассчитываешь на его устрашающий эффект? – Я смотрела на это скептически, но, скорее всего, Джейми был прав.

– На него. Но больше на Бобби.

– Как это?

– Я сомневаюсь, что он станет стрелять, чтобы спасти собственную жизнь, но, может, поступит так, чтобы спасти ваши. И если до этого дойдет, то они будут слишком близко, чтобы

парень промахнулся. – Он говорил об этом бесстрастно, но я почувствовала, как волосы у меня на затылке встают дыбом.

– Что ж, это... утешение, – сказала я. – Но откуда ты знаешь, как он поступит?

– Говорил с ним, – бросил он коротко. – Человек, которого он застрелил в Бостоне, стал первым, кого он убил. Он не хочет делать это снова. – Джейми выпрямился и в попытке занять себя чем-то подошел к моему рабочему столу, где занялся разборкой инструментов, которые я собиралась почистить.

Я подошла ближе, наблюдая. В лотке со скипидаром лежали мелкие лопатки для прижигания и скальпели. Он по очереди вытаскивал их, вытирал насухо и аккуратно, один к одному, складывал на место, в коробку. Концы лопаток почернели от долгого использования, лезвия скальпелей потускнели, но края – тонкие серебряные полоски – зловеще мерцали.

– С нами все будет в порядке, – тихо произнесла я. Я хотела быть убедительной, но вместо этого моя фраза прозвучала как вопрос.

– Я знаю, – сказал Джейми. Он положил последний инструмент в коробку, но не стал закрывать крышку. Вместо этого он просто стоял упершись обеими руками в крышку стола и смотрел прямо перед собой.

– Я не хотел идти, – сказал он тихо. – Я не хочу это делать.

Я не была уверена, говорит ли он это себе самому или разговаривает со мной, но подумала, что речь идет не только о путешествии в деревню чероки.

– И я, – прошептала я и придвинулась ближе, ощущая, как поднимается и опускается его грудь. Он повернулся и обнял меня. Так мы и стояли, застыв в крепком объятии, слушая дыхание друг друга. Горький привкус горячего отвара перемешивался с домашними запахами свежего льна, пыли и нагретой солнцем кожи.

Мы оба знали, что еще придется делать выбор, принимать решения, совершать поступки. Десятки и сотни. Но сейчас, в один день, в один час, всего лишь обозначив свои намерения, мы переступили порог войны.

Глава 10

Долг зовет

Джейми отправил Бобби за Роджером Маком, но обнаружил, что не в силах ждать, и пошел следом, оставив Клэр с ее отваром.

Снаружи все казалось прекрасным и мирным. Коричневая овца с парой ягнят безмятежно стояла в загоне и медленно жевала траву с видом полного удовлетворения. Ягнята позади нее неуклюже прыгали вперед и назад, как мохнатые кузнечики. Клумба Клэр была полна свежей зелени и цветочных стеблей.

Крышка колодца была снята, Джейми наклонился, чтобы поставить ее на место, и обнаружил, что доски прохудились. Он добавил ремонт крышки в бесконечный список дел у себя в голове, страстно желая посвятить следующие несколько дней копанию грядок, разбрасыванию навоза, укладке черепицы и подобным вещам, а не тому, что ему на самом деле нужно было сделать. Даже загребать старую отхожую яму или кастрировать поросят казалось лучше, чем идти к Роджеру Маку с вопросами об индейцах и революциях. Обсуждать будущее с зятем было для него, мягко говоря, неприятным опытом, и он старался не прибегать к его помощи.

Вещи, которые Клэр рассказывала о своем времени, часто выглядели фантастическими и дарили приятное ощущение чего-то нереального, как бывает со сказками, а иногда казались жутковатыми, но слушать ее было неизменно интересно, ведь из этих историй он узнавал о жене что-то новое. Брианна в основном делилась с ним мелкими забавными деталями домашнего быта или невероятными историями о людях, которые ходили по Луне, которые были не менее увлекательными, но при этом не нарушали его душевного равновесия.

У Роджера же Мака была очень хладнокровная манера рассказывать, она до боли напоминала ему труды по истории, которые ему доводилось читать, а значит, несла в себе неотвратимость рока. Разговоры с ним заставляли поверить, что то или иное ужасное событие не просто произойдет, но, вероятнее всего, коснется тебя лично.

Разговоры с ним напоминают общение со злобной гадалкой, которой ты слишком мало заплатил, чтобы услышать что-нибудь приятное, подумалось Джейми. Эта мысль пробудила старое воспоминание, которое теперь кружилось и дергалось у него в голове как поплавок.

Это было в Париже. Они с друзьями, другими студентами, пили в пропахших мочой тавернах рядом с университетом. Он и сам уже порядочно напился, когда кому-то взбрело в голову узнать свою судьбу по линиям на руке. Вся компания скоро оказалась на углу, где сидела гадалка. Ее фигура была едва заметна в темноте и клубах табачного дыма. У него не было желания ввязываться в это: в карманах оставалась всего пара пенни, и он не собирался тратить их на этот нечестивый вздор. Он так и объявил во всеуслышание. Сразу же после этого из темноты внезапно возникла тощая клешня и схватила его за руку, глубоко вонзив в нее грязные ногти. От неожиданности он вскрикнул, и его друзья начали смеяться. Веселье усилилось, когда она плюнула ему в ладонь. Низко склонившись над ней, женщина деловито растерла плевков. Гадалка была так близко, что он чувствовал исходящий от нее запах застарелого пота и видел вошь, ползущую по засаленным волосам, которые торчали из-под обтрепанного черного платка. Она уставилась на его руку, щекотно проводя грязным ногтем по линиям судьбы. Джейми попытался вырвать ладонь, но она усилила хватку на его запястье, и он с удивлением обнаружил, что не может освободиться.

– *T'es un chat, toi*, – проговорила старуха с недобрым интересом. – Ты кот. Маленький рыжий кот.

Дюбуа – кажется, так его звали – тут же принялся мяукать и завывать, к удовольствию остальных. Сам Джейми не желал идти у них на поводу и, сказав лишь: «*Merci, madame*», снова попытался отнять руку.

– *Neuf*, – промолвила гадалка, касаясь случайных точек у него на ладони. Затем схватила палец и выразительно им пошевелила. – У тебя на руке девятка. И смерть, – добавила она небрежно. – Ты умрешь девять раз, прежде чем найдешь покой в могиле.

Затем под улюлюканье и пьяные возгласы французских студентов она отпустила его.

Джейми усмехнулся, пытаясь выбросить из головы давнее воспоминание. Но старуха отказывалась сдаваться так легко и, казалось, звала его сквозь годы. Так же она звала его тогда, в шумной, пропахшей пивом таверне.

– Иногда умирать не больно, мой маленький котик! – насмешливо кричала она вслед. – Но чаще наоборот.

– Нет, не больно, – пробормотал он и, услышав себя, остановился, ошарашенный. Господи. Это не себя он услышал, а своего крестного.

– Не бойся, парень. Умирать нисколечко не больно.

Джейми оступился, споткнулся, но смог удержаться на ногах. Он остановился, ощущая привкус металла на языке. Его сердце вдруг заколотилось в груди без всякой причины, как будто он бежал много миль. Он ясно видел хижину перед собой, слышал переключку соек в повесенному полупрозрачных каштановых ветвях. Но еще яснее он видел лицо Мурты: угрюмые черты разглаживаются, взгляд глубоко посаженных темных глаз устремлен на него, но они то и дело становятся отстраненными, как будто крестный смотрит одновременно на него и сквозь него, на что-то очень далекое. Он заново ощутил, как с приходом смерти Мурта отяжелел в его руках.

Видение исчезло так же резко, как появилось. Джейми обнаружил себя стоящим рядом с лужей и глядящим на деревянную утку, наполовину утопленную в грязи.

Он перекрестился и прошептал пару слов за упокой души крестного, потом склонился и вытащил утку, ополоснув ее в луже. Его руки сильно дрожали – ничего удивительного. У него были эпизодические, случайные воспоминания о Каллодене, – и теперь память начала возвращаться. До сих пор они приходили к нему только вспышками на границе сна и яви. Джейми видел там Мурту, там и во снах, которые за этим следовали. Он еще не говорил Клэр. Пока нет.

Он распахнул дверь хижины, но она была пуста: очаг едва тлеет, прялка и ткацкий станок стоят без дела. Брианна, скорее всего, у Фергуса, пошла проведать Марсали. Где может быть Роджер Мак? Джейми вышел наружу и прислушался.

Приглушенный стук топора раздавался откуда-то из леса за хижинкой. Потом он прекратился, и Джейми услышал мужские голоса, шумные взаимные приветствия. Он повернулся и стал подниматься по тропе, которая шла вверх по склону: она наполовину заросла молодой травой, но на ней были явно видны свежие отпечатки ботинок.

Что бы рассказала старуха, если бы он ей заплатил? Солгала ли она в отместку за скупость или по той же причине сказала правду? Одной из самых неприятных вещей в разговоре с Роджером Маком было то, что – тут Джейми был уверен – он всегда говорил правду.

Он забыл оставить утку в доме. Вытерев ее о брюки, он угрюмо начал продираться сквозь заросли, чтобы услышать, какая судьба его ждет.

Глава 11 Кровавая работа

Я придвинула микроскоп к Бобби Хиггинсу, который вернулся со своего задания. В тревогах о Лиззи его собственные проблемы были забыты.

– Видишь круглые розовые штуки? – спросила я. – Это клетки крови Лиззи. Эритроциты. Они есть у всех. Это то, что делает кровь красной, – добавила я.

– Боже правый, – пробормотал он в удивлении. – Я и знать не знал!

– Ну, теперь знаешь. Видишь, некоторые эритроциты повреждены? А на других есть маленькие точки?

– Вижу, мэм, – ответил он, шурясь и старательно всматриваясь в окуляр. – Что это?

– Паразиты. Крохотные существа, которые попадают в кровь, когда тебя кусает определенный вид москитов, – объяснила я. – Они называются «плазмодии». Если однажды ты заразился, они продолжают жить в крови и время от времени... эээ... размножаться. Когда их становится слишком много, они разрывают клетки, и это вызывает приступ малярии – лихорадку. Остатки разрушенных клеток скапливаются в твоих органах, и от этого ты чувствуешь себя очень больным.

– О! – Бобби выпрямился и поглядел на микроскоп с отвращением. – Это... это просто омерзительно!

– Так и есть, – ответила я, сумев сохранить серьезное выражение. – Но хинин – иезуитская кора – поможет это остановить.

– Это хорошо, мэм, очень хорошо. – Лицо паренька просветлело. – И как это вы знаете столько всякого, – сказал он, качая головой. – Просто чудо какое-то!

– О, я знаю довольно много вещей о паразитах, – небрежно сказала я, снимая блюдечко с миски, в которой настаивалась смесь коры кизила и желчных ягод. Жидкость имела глубокий темно-пурпурный оттенок и стала немного вязкой, когда остыла. Кроме того, она приобрела убийственный запах, из чего я заключила, что настой почти готов.

– Скажи-ка мне, Бобби, ты когда-нибудь слышал о нематодах?

Он растерянно поглядел на меня.

– Нет, мэм.

– Ты не мог бы подержать вот это, пожалуйста? – Я положила на горлышко чашки сложенную в несколько раз марлю и протянула Бобби бутылку, в которую мне нужно было перелить отвар. – Эти твои обмороки, – начала я, не отрывая глаз от льющейся жидкости. – Давно они у тебя?

– Ох... Наверное, месяцев шесть.

– Ясно. Может, ты замечал какой-нибудь дискомфорт – зуд, например? Или сыпь? Примерно семь месяцев назад. Скорее всего на стопах.

Он уставился на меня, доверчивые голубые глаза удивленно распахнуты, будто я только что провернула трюк с чтением мыслей.

– Как же, было такое, мэм. Прошлой осенью и было.

– Вот как, – отозвалась я. – Что ж, Бобби, тогда у тебя, возможно, нематоды.

Он оглядел себя в ужасе.

– Где?

– Внутри. – Я забрала у него из рук бутылку и закупорила ее. – Нематоды – это паразиты, которые проникают в организм через кожу, – чаще всего через подошвы ног, – а затем перемещаются по телу, пока не найдут кишечник – твой... эээ... внутренности, – поправилась я, заметив его недоуменный взгляд. – У взрослых червей есть противные маленькие крючочки, вот такие. – Я скрючила указательный палец в качестве иллюстрации. – Ими они прокалывают слизистую оболочку кишечника и начинают сосать кровь. Поэтому, если они у тебя есть, ты чувствуешь себя очень слабым и часто падаешь в обморок.

По его внезапной бледности я поняла, что он готов упасть в обморок прямо сейчас, и быстро усадила Бобби на табурет, опустив его голову между колен.

– Я не могу знать наверняка, что именно в этом дело, – сказала я, склонившись к нему. – Я просто смотрела на кровь Лиззи и думала о паразитах и... неожиданно мне пришло в голову, что нематоды могли бы объяснить твои симптомы.

– Да? – сказал он слабо. Густой хвост из каштановых волос упал вперед, обнажив его шею с ровной, почти детской кожей.

– Сколько тебе лет, Бобби? – спросила я, вдруг осознав, что не никогда не думала об этом.

– Двадцать три, мэм, – ответил он. – Мэм? Мне кажется, меня сейчас вырвет.

Я стремительно метнулась за ведром в углу и успела как раз вовремя.

– Теперь я избавился от них? – спросил он хрипло, выпрямляясь и вытирая рот рукавом, и заглянул в ведро. – Я могу сделать это еще раз.

– Боюсь, что нет, – сочувственно отозвалась я. – Если у тебя есть нематоды, то они держатся там очень крепко и к тому же сидят слишком глубоко, чтобы рвота могла помочь. Единственный способ подтвердить твой диагноз – найти их яйца.

Бобби посмотрел на меня с сомнением.

– Не то чтобы я ужасно застенчив, мэм, – сказал он и неловко поерзал. – Вы это знаете. Но доктор Поттс делал мне огромные клизмы с горчичной водой. Уж они-то точно должны были выжечь всех червей? Если бы я был червем, я бы тут же отвалился и испустил дух, полей меня кто горчичной водой.

– Да, так можно подумать, – ответила я. – Увы, это не так. Но я не буду делать тебе клизмы, – успокоила я парня. – Сначала нам нужно убедиться, что у тебя есть паразиты, и если это так, то я сделаю тебе лекарство, которое их точно вытравит.

– О! – Лицо Бобби немного просветлело. – И как же вы собираетесь это проверить, мэм?

Он пристально посмотрел на стол, на котором по-прежнему были разложены всевозможные зажимы и склянки с шовным материалом.

– Проще простого, – заверила я его. – Я провожу исследование, которое называется копрограмма: собираю стул и под микроскопом ищу яйца.

Бобби кивнул, очевидно, не вполне понимая значение слов. Я ласково улыбнулась ему.

- Все, что от тебя потребуется, Бобби, это твое дерьмо.
- Его лицо отразило всю палитру сомнений и ужаса.
- Если вы не возражаете, мэ, я оставлю червей при себе.

Глава 12

Дальнейшие чудеса науки

Поздно вечером Роджер Маккензи вернулся из бочарни и обнаружил жену в глубоких раздумьях перед странным предметом, стоящим на обеденном столе.

– Что это? Какие-то доисторические рождественские консервы? – Роджер протянул запачканный указательный палец к приплюснутой банке из зеленоватого стекла. Она была закрыта пробкой, которую покрывал толстый слой красного воска. Внутри виднелось бесформенное нечто, погруженное в жидкость.

– Но-но, – ответила его жена терпеливо, отодвигая от него банку. – Думаешь, ты пошутил. Это белый фосфор, подарок лорда Джона.

Он бросил на нее взгляд: Брианна была возбуждена, кончик носа покраснел, рыжие волосы растрепались и чуть дрожали на ветру, – как и у отца, у нее была привычка запускать руки в волосы, когда она о чем-то думала.

– И ты намерена... делать с ним что-то? – спросил он, пытаясь скрыть нотки опасения в голосе. Он имел самые смутные представления о свойствах фосфора, о котором он слышал что-то в далекие школьные годы. То ли он заставлял тебя светиться в темноте, то ли взрывался. Ни одна из перспектив его не радовала.

– Нууу... Может, сделаю спички. – Она прикусила нижнюю губу, рассматривая банку. – Я знаю, как это делается, в теории. Но на практике может оказаться не так просто.

– Это еще почему? – неуверенно спросил Роджер.

– Он воспламеняется при контакте с воздухом, – объяснила она. – Вот почему он лежит в воде. Джем, не трогай! Эта штука ядовитая. – Схватив Джемми за талию, она стащила его со стола, где он с жадным любопытством наблюдал за банкой.

– Ну а чего об этом беспокоиться? Он взорвется прямо перед ним, прежде чем у него появится шанс сунуть его в рот.

Роджер для сохранности взял банку в руки, держа ее так, словно она могла развалиться прямо в руках. Ему хотелось спросить Брианну, в своем ли она уме, но он был женат достаточно долго, чтобы знать цену подобным необдуманым риторическим вопросам.

– И где ты собираешься это держать? – Он обвел хижину красноречивым взглядом. Для хранения годились лишь сундук с бельем, полочка для книг и бумаг, еще одна для расчески и зубных щеток, тайничок Брианны с ее личными вещами и продуктовый шкаф. Последний Джемми умел открывать примерно месяцев с семи.

– Думаю, лучше оставить у мамы в операционной, – ответила она, рассеянно держа за пояс Джема, который по-прежнему с завидным упорством пытался добраться до заветной красивой штучки. – Там никто ничего не трогает.

Что правда, то правда: те, кто не боялся Клэр Фрэзер саму по себе, все же были напуганы содержимым ее кабинета: устрашающие инструменты, которые, кажется, созданы причинять боль, загадочные мутные зелья и вонючие лекарства. Ко всему прочему, в хирургическом кабинете были шкафы, расположенные слишком высоко даже для такого упорного альпиниста, как Джем.

– Хорошая идея, – сказал Роджер, страстно желающий убрать банку за пределы досягаемости сына. – Я отнесу ее прямо сейчас, идет?

Прежде чем Брианна успела ответить, в дверь постучали и тут же показался Джейми Фрэзер. Джем тут же оставил попытки добраться до банки и кинулся к деду, пища от восторга.

– Как дела, а bhalaich?³¹ – тепло спросил Джейми, ловко переворачивая Джема вверх тормашками и хватая за лодыжки. – Можно тебя на пару слов, Роджер Мак?

– Конечно. Присядете?

Он уже рассказал Джейми, что знал – а знал он ничтожно мало, – о роли чероки в грядущей революции. Он пришел, чтобы узнать что-то еще? Неохотно поставив банку на стол, Роджер вытащил из-под него табурет и пододвинул в сторону тестя. Джейми согласно кивнул и сел, ловко закинув ребенка на плечо. Джем хихикал как сумасшедший и извивался, пока дед не шлепнул его по попе, после чего он успокоился, раскачиваясь вверх ногами, как ленивец. Его яркие волосы разметались по рубашке на дедовой спине.

– Дело вот в чем, а charaid?³², – сказал Джейми. – Утром я отправляюсь в деревни чероки, и мне нужно, чтобы ты кое-что сделал вместо меня.

– О. Вы хотите, чтобы я проследил за уборкой ячменя?

Раннее зерно все еще дозревало в поле. Все, затаив дыхание, надеялись, что хорошая погода продержится еще несколько недель. И перспективы были хорошие.

– Нет, этим может заняться Брианна. Ты не против, девчужка? – Он улыбнулся дочери, которая приподняла густые рыжие брови, копии его собственных.

– Не против, – согласилась она. – Но чем ты намерен занять Йена, Роджера и Арча Бага?

Арч Баг был его управляющим, и логично было предположить, что присматривать за урожаем в свое отсутствие Джейми оставит его.

– Ну, Йена я возьму с собой. Чероки хорошо его знают, и он знаком с их языком. Братья Бердсли тоже идут с нами. Они тут же отправятся назад и принесут твоей маме ягоды и другие вещи, которые нужны для Лиззи.

– Я тоже иду? – с надеждой спросил Джемми.

– Не в этот раз, а bhalaich. Может, осенью. – Он легонько похлопал Джемми по попе и снова сосредоточил свое внимание на Роджере.

– Ну так вот, – продолжил он, – мне нужно, чтобы ты отправился на Кросс-Крик и встретил там новых поселенцев.

От такой перспективы Роджер ощутил легкое приятное волнение, смешанное с тревогой, однако виду не подал и лишь кивнул, прочистив горло.

– Конечно. Они...

– Ты возьмешь с собой Арча Бага и Тома Кристи.

Последняя фраза была встречена тишиной.

– Тома Кристи? – переспросила Бри, обмениваясь недоуменными взглядами с Роджером. – Но зачем, бога ради?

Учитель обладал особенно угрюмым нравом и едва ли пришел бы кому-нибудь на ум в качестве приятного попутчика.

Ее отец скривил губы в усмешке.

– Что ж. Есть одна маленькая деталь, которой Макдональд пренебрег, когда спрашивал меня, возьму ли я их. Они протестанты, почти все.

– Ах, – сказал Роджер. – Понятно.

Джейми поймал его взгляд и кивнул, очевидно, ощущая некоторое облегчение от того, что его так быстро поняли.

– Мне непонятно. – Брианна, хмурясь, коснулась волос, затем вытащила ленту и начала пропускать их сквозь пальцы, распутывая перед расчесыванием. – В чем разница?

Роджер и Джейми обменялись короткими, но выразительными взглядами. Джейми пожал плечами и опустил Джема к себе на колени.

³¹ Мальчик (гэльск.).

³² Друг (гэльск.).

– Что ж. – Роджер поскреб подбородок, раздумывая, как описать два века шотландской религиозной нетерпимости американке двадцатого века так, чтобы она поняла. – Хммм... помнишь движение за гражданские права в штатах, интеграцию Юга – все это?

– Конечно. – Она сузила глаза. – О'кей, на какой стороне негры?

– Кто? – Джейми совершенно потерял нить. – Как сюда попали негры?

– Все не так просто, – ответил ей Роджер. – Это лишь пример того, насколько глубоко проблема задевает людей. Скажем так, наличие землевладельца-католика может вызвать серьезное беспокойство у наших новых соседей. И наоборот, я полагаю? – спросил он, глядя на тестя.

– Кто такие негры? – с любопытством спросил Джем.

– Эээ... Люди с темной кожей, – ответил Роджер и внезапно осознал, в какой тупик его загнал этот вопрос. Конечно же, слово «негр» не всегда означало «раб» – но значения были так близки, что большой разницы в этом не было. – Ты разве не помнишь? Они были в доме твоей двоюродной бабушки Иокасты.

Джемми нахмурился, и на миг его лицо стало пугающе схожим с дедовым.

– Нет.

– Короче говоря, – сказала Бри, призывая всех к порядку резким ударом расчески по столу, – в мистере Кристи достаточно протестантства, чтобы эти новые люди почувствовали себя комфортно? В этом вся суть?

– Что-то в этом роде, – согласился ее отец, приподнимая уголок губ. – По крайней мере, рядом с твоим мужем и Томом Кристи они не будут думать, что их заманили в царство дьявола.

– Ясно, – сказал Роджер несколько иным тоном. Значит, дело было не в том, что он хозяйский сын и правая рука Джейми, а в том, что он пресвитерианин, хоть и формально. Он приподнял бровь, и Джейми пожал плечами в знак согласия.

– Мхмм, – покорно произнес Роджер.

– Мхмм, – удовлетворенно отозвался Джейми.

– Прекратите это, – сердито сказала Брианна. – Хорошо. Ты и Том Кристи идете в Кросс-Крик. Почему Арч Баг идет?

Внутреннее чутье, доступное лишь долго женатым мужчинам, подсказывало Роджеру, что его жена раздосадована тем, что ее оставляют здесь заниматься жатвой – грязным, изнуряющим делом даже в лучшие времена, – в то время как он будет развлекаться в компании единоверцев посреди романтически волнующего Кросс-Крика с населением в двести человек.

– В основном Арч будет помогать им устроиться и построить крышу над головой до наступления холодов, – рассудительно ответил Джейми. – Ты, конечно, не подумала, что я посылаю его туда исключительно для ведения переговоров?

На это Брианна невольно улыбнулась: Арч Баг, годы и годы женатый на шумной миссис Баг, был известен молчаливостью. Он умел говорить, но редко воплощал это умение в жизнь, ограничиваясь редким и глубокомысленным «ммм» по всякому поводу.

– Что ж, зато, думаю, они никогда не узнают, что Арч – католик, – сказал Роджер, поглаживая пальцем верхнюю губу. – Или нет? Я никогда не спрашивал его об этом.

– Он католик, – отозвался Джейми сухо. – Но он достаточно долго живет на этом свете и знает цену молчанию.

– Похоже, тебя ждет увлекательное путешествие, – сказала Брианна, изгибая бровь. – Как думаешь, когда вы вернетесь?

– Черт, даже не знаю, – ответил Роджер, ощущая укол вины за сорвавшее с губ ругательство. Нужно пересмотреть привычки, и побыстрее. – Месяц? Шесть недель?

– Самое меньшее, – радостно вставил его тестя. – Имей в виду, они пойдут пешком.

Роджер глубоко вздохнул, представляя себе долгий переход – со всей этой толпой позади – из Кросс-Крика обратно в горы, Арч Баг по одну руку от него, Том Кристи по другую, как

два столпа безмолвия. Он тоскливо задержал взгляд на жене, думая о шести неделях, что ему придется провести без нее, засыпая на обочине.

– Да, хорошо, – сказал он наконец. – Я... эээ... поговорю с Томом и Арчем сегодня вечером.

– Папа уходит? – Ухватив суть разговора, Джемми сполз с дедовского колена, кинулся к Роджеру и обхватил его ногу. – Я с тобой, папа.

– О. Нет, я не думаю... – Он мельком посмотрел на Брианну, вид у той был смиренный, а потом заметил зелено-красную банку на столе за ней. – Почему бы и нет? – воскликнул он внезапно и улыбнулся Джему. – Тетушка Иокаста будет счастлива тебя повидать. А мамочка сможет взрывать тут все в свое удовольствие и не переживать о том, где ты есть.

– Что мамочка может делать? – ошарашенно переспросил Джейми.

– Он не взрывается, – заметила Брианна, подняв со стола банку и бережно прижимая ее ближе. – Он только горит. Ты уверен? – Последний вопрос был адресован Роджеру и сопровождался беспокойным взглядом.

– Да, конечно, – ответил он, стараясь звучать уверенно. Он посмотрел на Джемми, который на все лады распевал «Идем! Идем! Идем!», одновременно подпрыгивая, как взбесившаяся кукурузина на сковороде. – По крайней мере мне будет с кем поговорить в дороге.

Глава 13

Надежные руки

Уже почти стемнело, когда Джейми вошел в дом и увидел, как я сижу за кухонным столом, уронив голову на руки. Я встрепенулась, услышав шаги, и часто заморгала.

– Ты в порядке, саксоночка? – Он присел на скамью напротив, пристально разглядывая меня. – Вид у тебя такой, словно тебя протащили сквозь живую изгородь задом наперед.

– О! – Я рассеянно пригладила волосы, которые, похоже, немного растрепались. – Эм, все нормально. Ты голоден?

– Конечно, голоден. Ты сама что-нибудь ела?

Я зажмурилась и потеряла лицо, пытаясь вернуть себе способность мыслить.

– Нет, – решила я наконец. – Я ждала тебя и, похоже, уснула. Есть рагу. Миссис Баг оставила.

Джейми поднялся и заглянул в небольшой котелок, потом подвинул крюк к огню и повесил рагу греться.

– Чем ты занималась, саксоночка? – спросил он, возвращаясь к ней. – И как девчушка?

– Девчушкой я и занималась, – ответила я, подавляя зевок. – В основном. – Я медленно поднялась, ощущая, как протестуют затекшие суставы, и подошла к шкафу, чтобы нарезать хлеба.

– Она не смогла удержать его внутри. Настой из желчных ягод. Едва ли можно ее за это винить, конечно, – сказала я, осторожно облизывая верхнюю губу.

После того как Лиззи вырвало первый раз, я сама попробовала настой. Мои вкусовые рецепторы по-прежнему были сильно раздражены: я никогда не встречала более точно названного растения, даже уваренный до состояния сиропа, настой из ягод не потерял своей горечи.

Джейми втянул воздух, когда я повернулась.

– Ее вырвало на тебя?

– Нет, это был Бобби Хиггинс, у него нематоды, – ответила я.

Джейми поднял брови.

– Хочу ли я узнать об этом побольше, пока ем?

– Точно нет, – уверенно сказала я, садясь за стол с ломтем хлеба, ножом и маслом. Я оторвала кусок, щедро намазала маслом и подала Джейми. Затем сделала такой же себе.

Мой желудок на секунду как будто замялся, но затем решил все же простить мне сироп из желчных ягод.

– Чем ты занимался? – спросила я, потихоньку стряхивая с себя сон и начиная замечать детали. Он казался усталым, но более воодушевленным, чем когда уходил из дома.

– Говорил с Роджером Маком об индейцах и протестантах. – Он вдруг нахмурился, глядя на наполовину съеденный бутерброд. – С хлебом все нормально, саксоночка? У него странный вкус.

Я виновато махнула рукой.

– Извини, это все я. Я помыслась несколько раз, то так и не смогла от него отделаться полностью. Наверное, лучше тебе самому намазывать хлеб маслом. – Я локтем пододвинула к нему булку.

– Отделаться от чего?

– Ну, я раз за разом пыталась напоить Лиззи сиропом, но без толку. Она просто не могла удержать его внутри, бедное создание. Тогда я вспомнила, что хинин усваивается и через кожу. Поэтому я смешала сироп с гусиным жиром и втерла его, как крем. О, спасибо. – Я наклонилась вперед и откусила небольшой кусок от бутерброда с маслом, который он протянул в мою сторону. Вкусовые рецепторы окончательно сдались, и я вдруг поняла, что весь день ничего не ела.

– Это сработало? – Он кинул взгляд на потолок. Мистер Уэмисс и Лиззи делили маленькую комнату наверху, но там все было тихо.

– Думаю, да, – ответила я, проглотив хлеб. – Лихорадка наконец утихла, и теперь она спит. Это уже успех. Мы продолжим использовать это средство. Если в течение двух дней лихорадка не вернется, значит, оно работает.

– Ну и хорошо.

– Да, а потом случился Бобби и его нематоды. К счастью, у меня есть немного ипекакуаны и скипидара.

– К счастью для Бобби или для червей?

– По правде говоря, ни для кого из них, – сказала я и зевнула. – Однако это, скорее всего, поможет.

Он слегка улыбнулся, открыл бутылку пива и по привычке понюхал открытое горлышко. Найдя запах приемлемым, он налил мне немного.

– Хорошо. Мне спокойно, что я оставляю все в твоих надежных руках, саксоночка. Дурно пахнущих руках, но надежных, – добавил он, морща длинный нос.

– Вот спасибо.

Пиво было не просто хорошим, а превосходным. Должно быть, из партии, которую варила миссис Баг. Какое-то время мы просто потягивали его в тишине, слишком измотанные, чтобы встать и наложить гуляш. Я наблюдала за Джейми из-под ресниц – я всегда делала так перед его отлучками, сохраняя воспоминания о нем, чтобы их хватило до его возвращения.

Он выглядел уставшим, между тяжелыми бровями залегли две одинаковые морщинки, выдавая легкую тревогу. Пламя свечи озаряло широкое лицо, на оштукатуренную стенку падала тень от его фигуры – крупная и сильная. Я смотрела, как тень поднимает призрачный бокал и свет заставляет призрачное стекло сиять янтарем.

– Саксоночка, – неожиданно заговорил он, – сколько раз, как ты думаешь, я был близок к смерти?

Мгновение я просто смотрела на него, а затем пожала плечами и начала вспоминать, принуждая синапсы решать неприятную задачу.

– Ну... Я не знаю всего, что случилось с тобой до нашей встречи, но после... Ты был опасно болен в аббатстве. – Я искоса глянула на него, но, кажется, его не потревожило воспоминание о Вентвортской тюрьме и том, что с ним там сделали и что вызвало болезнь. – Хмм.

И после Каллодена – ты говорил, от полученных ранений у тебя началась жуткая лихорадка и ты думал, что можешь умереть, и только Дженни заставила тебя – то есть выходила тебя.

– Потом в меня стреляла Лаогера, – сказал он с насмешкой. – И на этот раз ты заставила меня жить. Так же, как когда меня укусила змея. Когда я был совсем маленький, я болел оспой, но не думаю, что тогда моей жизни что-то угрожало. Говорили, это был легкий случай. Значит, выходит, четыре раза.

– Как насчет того дня, когда мы впервые встретились? – возразила я. – Ты едва не истек кровью.

– Ну, неправда, – запротестовал он. – Это была лишь небольшая царапина.

Я приподняла бровь, глядя на него, затем наклонилась к очагу, зачерпнула половником ароматного рагу и положила в миску. Рагу было сочным, с кроликом и олениной, которые плавали в жирной подливке, приправленной розмарином, чесноком и луком. Судя по обильной слюне, я была прощена за ягоды.

– Как скажешь. Но погоди-ка... Как насчет твоей головы? Когда Дугал пытался убить тебя топором. Это точно можно считать за пятый раз.

Он нахмурился, забирая миску у меня из рук.

– Думаю, ты права, – отозвался он не слишком довольным. – Значит, пять.

Я посмотрела на него поверх моей собственной тарелки с рагу. Он был большим, крепким, прекрасно сложенным. И даже если жизнь его немного потрепала, это только добавляло очарования.

– Думаю, тебя очень непросто убить. И это очень меня утешает, – сказала я.

Он неохотно улыбнулся, но затем торжественно приподнял бокал и коснулся им сперва своих губ, а следом моих.

– Выпьем за это, саксоночка?

Глава 14

Люди снежной птицы³³

– Ружья, – сказал Птица Поющая По Утрам. – Скажите своему королю, мы хотим ружья.

Джейми на секунду сдержал желание ответить: «А кто не хочет?», но затем сдался, чем удивил вождя, который на мгновение даже прекратил моргать, а потом широко улыбнулся.

– И правда, кто? – Птица был низеньким, круглым, как бочонок, человеком, к тому же очень молодым для своего положения, однако пронизательным. И его любезности не могли скрыть ум. – Они все говорят тебе это, все местные вожди, да? Конечно, говорят. А что им говоришь ты?

– Что могу. – Джейми приподнял одно плечо и тут же уронил его. – Торговля – без сомнения, ножи – возможно, ружья – вероятно, но я пока не могу обещать.

Они говорили на немного непривычном диалекте чероки, и он надеялся, что использовал верные слова для выражения вероятности. Он достаточно неплохо владел их языком в том, что касалось торговли и охоты, но вещи, которые ему придется здесь обсуждать, были далеки от этих простых тем. Джейми бросил быстрый взгляд на Йена, который внимательно слушал разговор, и, по всей видимости, он все сказал верно. Йен часто навещался в деревни недалеко от Риджа и даже охотился вместе с молодыми индейцами. Он переходил на язык чероки так же легко, как на гэльский.

– Что ж, неплохо. – Птица устроился поудобнее. Оловянный значок, который подарил Джейми, сверкал на груди, пламя костра кидало отблески на широкое доброе лицо. – Скажи своему королю про ружья и скажи, зачем они нам нужны.

³³ Снежная птица (*англ.* snowbird) – народное название серого юнко, певчей птицы из семейства овсянковых.

– Ты правда хочешь, чтобы я ему это сказал? Думаешь, ему захочется прислать вам оружие, из которого вы будете убивать его собственных людей? – сухо спросил Джейми. Вторжение белых поселенцев на земли чероки вдоль всей линии соглашения было щекотливой темой. Он брал на себя риск, прямо говоря об этом, вместо того чтобы обсудить другие причины, по которым Птица требовал оружие: чтобы защитить деревню от набегов или совершать набеги самому.

Птица в ответ пожал плечами.

– Мы можем убивать их и без ружей, если захотим. – Он приподнял одну бровь и сжал губы, ожидая реакции Джейми на свое заявление.

Он подумал, что Птица хочет его шокировать, и едва заметно кивнул.

– Конечно, можете. Но ты достаточно умен, чтобы этого не делать.

– Пока что нет. – Губы Птицы растянулись в довольной улыбке. – Скажи королю – пока нет.

– Его Величество будет счастлив услышать, как высоко ты ценишь его дружбу.

Птица на это разразился хохотом, качаясь взад и вперед, а его брат, Тихая Вода, который сидел рядом, широко улыбнулся.

– Ты мне нравишься, Убийца Медведей, – сказал он, приходя в себя. – Ты забавный человек.

– Я могу им быть, – сказал Джейми на английском. – Дайте только время.

Йен издал короткий смешок, и Птица бросил на него напряженный взгляд, но быстро отвел глаза и прокашлялся. Джейми приподнял одну бровь, и племянник ответил слабой улыбкой.

Тихая Вода пристально наблюдал за Йеном. Чероки встретили их обоих как полагается, но Джейми сразу заметил некоторую резкость по отношению к Йену с их стороны. Они воспринимали его как могавка, он заставлял их быть настороженными. Если честно, то он и сам иногда думал, что какая-то часть Йена так и не вернулась из Снэйктауна и, должно быть, уже никогда не вернется.

Однако таким образом Птица дал ему повод для кое-каких расспросов.

– Люди, которые осели на твоей земле, создали много проблем, – сказал он, сочувственно кивая. – Конечно, ты не стал убивать их, потому что ты мудр. Но не все так мудры, верно?

Птица мгновенно сузил глаза.

– О чем это ты, Убийца Медведей?

– Я слышал о поджогах, Чисква³⁴. – Он посмотрел вождю прямо в глаза, но был осторожен, чтобы не дать ему повода думать, будто это обвинение. – Король слышал о сгоревших домах, убитых мужчинах и похищенных женщинах. И это ему не нравится.

– Хмм, – промычал Птица и сжал губы. Он, однако, не сказал, что не слышал об этих вещах, и это было любопытно.

– Если таких историй станет больше, то король может прислать солдат, чтобы защитить своих людей. И если ему придется так поступить, он едва ли захочет, чтобы они столкнулись с ружьями, которые он сам и отдал, – рассудительно заметил Джейми.

– И что же нам тогда делать? – горячо вмешался Тихая Вода. – Они пересекают линию соглашения, строят дома, возделывают землю и ловят нашу дичь. Если ваш король не может держать своих людей в том месте, где они должны жить, как он может возражать? Мы должны как-то защищать свою землю.

Птица совершил еле заметный успокаивающий жест, не глядя на брата, и Тихая Вода подчинился, не слишком, впрочем, охотно.

– Что ж, Убийца Медведей, ты передашь все это королю, так?

³⁴ Птица (черок.).

Джейми учтиво наклонил голову.

– Это моя работа. Я говорю от имени короля с тобой и передаю твои слова королю.

Птица задумчиво кивнул, затем махнул рукой, чтобы принесли еду и пиво, и разговор перешел на более нейтральные темы. Больше никаких переговоров на сегодня.

* * *

Было поздно, когда они покинули дом Чисквы и пошли в маленькую хижину для гостей. Он думал, что луна уже давно взошла, но ее нигде не было видно. Небо заполняли тяжелые облака, и запах дождя отчетливо чувствовался в беспокойном воздухе.

– Боже, – сказал Йен, зевая и спотыкаясь. – Моя задница уже уснула.

Джейми тоже зевнул, заразившись от племянника, но потом моргнул и засмеялся.

– Что ж, не трудись ее будить. Все остальное может к ней присоединиться.

Йен насмешливо фыркнул на это.

– Я не стал бы верить Птице, дядя Джейми, лишь потому что он назвал тебя забавным. Он просто пытается быть учтивым, понимаешь?

Джейми проигнорировал его реплику, бормоча благодарности на чероки девушке, которая привела их к месту, где они должны были ночевать. Она отдала ему маленькую корзину – наполненную, судя по запаху, сушеными яблоками и кукурузными лепешками, – затем ласково прошептала: «Доброй ночи, приятного сна», и растворилась во влажной беспокойной темноте.

Маленькая хижина казалась душноватой после прохладной ночной свежести, и он на мгновение остановился у порога, наслаждаясь шумом ветра в кронах, наблюдая, как он перебирает сосновые лапы, будто гигантская невидимая змея. Капли влаги упали на лицо, и он испытал глубокое удовлетворение от мысли, что сейчас будет дождь, но ему не придется проводить ночь на голой земле.

– Когда будешь сплетничать утром, порасспрашивай людей, Йен, – попросил Джейми, заглядывая внутрь. – Дай им понять, только ненавязчиво, что король будет рад узнать, что за ублюдки сжигают дома – так рад, что может даже расщедриться на парочку ружей в качестве награды. Они не скажут тебе, если это их проделки, – но если это другая банда, то могут и выдать.

Йен кивнул и снова начал зевать. Небольшой костер горел внутри каменного круга, дым от него утекал вверх через специальное отверстие в крыше. В свете костра в одной части хижины был виден небольшой настил, укрытый шкурами, еще одна куча одеял и меха лежала на полу.

– Бросим монетку, дядя Джейми? – предложил Йен, порывшись в поясной сумке и выудив оттуда потертый шиллинг. – Кто выиграет, тот и спит в постели. Выбирай.

– Решка, – сказал Джейми. Он опустил корзину и принялся расстегивать ремень на плече. Теплый ворох ткани упал вокруг его ног, и он стряхнул с себя рубашку. Ткань измялась, запачкалась и сильно пахла его телом; слава богу, это была последняя из деревень. Еще одна ночь, самое большее две – и они могут ехать домой.

Йен выругался, поднимая монету.

– Как ты это делаешь? Каждую ночь ты говоришь «решка», и каждую ночь она выпадает!

– Ну, это твой шиллинг, Йен. Меня тут не в чем обвинить. – Он уселся на настил и с удовольствием потянулся. – Погляди-ка на нос Джорди.

Йен повертел шиллинг в пальцах, поднес его к костру, прищурился и выругался снова. Крохотное пятнышко пчелиного воска, такое тонкое, что и не заметишь, если не искать, украшало выдающийся аристократический нос Георга Третьего, короля Великобритании.

– Как оно туда попало? – Йен сузил глаза и посмотрел на дядю с подозрением, но Джейми только рассмеялся и лег.

– Помнишь, ты показывал малышу Джемму, как крутить монетку? Он перевернул подсвечник и все перепачкал воском.

– О. – Йен сел, разглядывая монетку в своей руке, затем покачал головой, скосил взгляд на воск ногтем и спрятал шиллинг.

– Спокойной ночи, дядя Джейми, – сказал он, со вздохом ныряя в меха на полу.

– Спокойной ночи, Йен.

До сих пор Джейми не обращал внимания на усталость, держа ее в узде, как Гидеона. Теперь же он отпустил поводья и дал ей унести себя прочь, позволив себе роскошь отдохнуть на удобной постели.

Макдональд, подумал он с некоторым цинизмом, был бы доволен. Джейми планировал наведаться только в две деревни чероки, ближайšie к линии соглашения. Там он хотел рассказать о своей новой должности, раздать скромные подарки – виски и табак – последний втропях был одолжен у Тома Кристи, которого тот, по счастью, приобрел целую бочку, когда ездил за семенами в Кросс-Крик, – и сообщить чероки, что новых даров они могут ожидать осенью, когда он предпримет поездку по более отдаленным деревням.

В обоих селениях его приняли очень радушно. Однако во втором, Пигтауне, оказалось несколько чужаков – молодых людей, пришедших с намерением найти себе жен. Они принадлежали к народу Снежной Птицы, отдельному племени чероки, чья деревня лежала выше в горах.

Один из молодых людей оказался племянником Птицы Поющей по Утрам – вождя Снежных Птиц. Он настойчиво убеждал Джейми отправиться вместе с ним и его спутниками в их родную деревню. Проведя срочную ревизию запасов виски и табака, Джейми согласился.

Их с Йеном, как агентов Его Величества, ожидал поистине королевский прием. До этого к Снежным Птицам не приходил ни один индейский агент. Они отнеслись к ним с величайшим почтением и быстрее других поняли, что за выгоды такое сотрудничество сулит им в будущем. Джейми к тому же увидел в Птице человека, с которыми можно вести дела.

Эта мысль заставила его вспомнить о Роджере Маке и новых арендаторах. Последние несколько дней у него просто не было времени, чтобы подумать об этом, однако он сомневался, что ему вообще стоит о чем-то тревожиться. На Роджера Мака можно было рассчитывать, хотя надтреснутый голос и делал его менее уверенным, чем он должен быть. Однако с ним были Кристи и Арч Баг...

Он закрыл глаза, и его накрыло блаженство забытья, мысли стали бессвязными.

Если провести здесь еще день, то, быть может, он успеет домой как раз к покосу. Сварит партию-другую пива до холодов. Заготовит мяса... Может, наконец пришло время забить эту чертову белую свинью? Нет... это дьявольское отродье невероятно плодovито. У каких кабанов достает смелости спариваться с ней, сонно подумал он, и сжирает ли она их после? Дикие кабаны... копченые окорока, кровяная колбаса...

Он уже успел провалиться в сон, когда почувствовал чью-то руку у себя в паху. Вырванный из дремы, как лосось из стремнины, он схватил руку незнакомца и крепко сжал, чем вызвал у него тихое хихиканье.

Женские пальцы легонько заерзали у него в ладони, и другая рука без стеснения принялась за покинутые ими части тела. Первой связной мыслью оказалось то, что из девчушки вышел бы отличный пекарь, если она так же замешивает тесто. За этой мыслью последовали другие, примерно настолько же абсурдные, и он попытался поймать и вторую руку. Но она игриво ускользнула от него, начав вдруг легонько щипаться. Он попытался вежливо запротестовать на чероки, но вместо этого начал говорить какие-то случайные фразы на английском и гэльском, причем ни одна из них не была уместной в сложившейся ситуации. Первая рука продолжала высвобождаться из его хватки, как угорь. Не желая сломать пальцы, он на секунду выпустил их и успешно перехватил запястье.

– Йен, – прошипел Джейми в отчаянии. – Йен, ты тут? – Он не мог ни разглядеть племянника в крошечной темноте хижины, ни понять, спит ли он. Окон здесь не было, а от остывающих углей шло лишь слабое свечение.

– Йен!

Послышалось шуршание на полу, движение тел, потом он услышал, как чихнул Ролло.

– Что случилось, дядя? – Джейми говорил на гэльском, и Йен ответил на том же языке. Голос парня звучал спокойно, не было похоже, что он только что проснулся.

– Йен, у меня в постели женщина, – продолжил он на гэльском, пытаясь говорить так же спокойно.

– Их там две, дядя Джейми. – Очевидно, Йена забавляло происходящее, черт его побери. – Другая лежит у твоих ног, ждет своей очереди.

Эта информация заставила его потерять самообладание, и он почти выпустил пойманную руку.

– Две! За кого они меня принимают?

Девушка снова захихикала, наклонилась вперед и легонько укусила его за грудь.

– Господь!

– Нет, дядя Джейми, они точно не принимают тебя за него, – сказал Йен, явно сдерживая смех. – Они думают, что ты король. В определенном смысле. Ты его агент, и они оказывают почести Его Величеству, присылая тебе женщин, ай?

Вторая женщина откинула одеяло с его ноги и медленно гладила пальцем его стопы. Он боялся щекотки, и в обычном состоянии это бы его раздражало, но сейчас он был слишком занят первой женщиной, которая вынудила его играть в нелепую игру под условным названием «спрячь сосиску».

– Поговори с ними, Йен, – процедил он сквозь сжатые зубы, воюя одновременно по всем фронтам: яростно отбивая атаки свободной рукой, отрывая пальцы плененной руки от эротических ласк своего уха и брыкаясь в отчаянной попытке остановить вторую девушку в ее все более смелых притязаниях.

– Эм... что ты хочешь, чтобы я им сказал? – спросил Йен, переходя на английский. Его голос слегка дрожал.

– Скажи им, я польщен оказанной мне честью, но... – Дальнейшие дипломатические пассажи были прерваны внезапным вторжением чьего-то языка в его рот, пахнувший луком и пивом.

В самом разгаре последующей борьбы он краем глаза заметил, что Йен-таки потерял контроль и лежит на полу, сотрясаясь от безудержного смеха. Если прикончить сына, то это называется детоубийством, мрачно подумал он, а есть ли специальное слово для убийства племянника?

– Мадам! – сказал он наконец, не без усилия отрывая девушку от себя. Он взял ее за плечи и довольно резко откатил в сторону, так что она вскрикнула от удивления, а ее обнаженные ноги подлетели вверх. Боже, она что, голая?

Такой она и была. Они обе. Его глаза привыкли к слабому свечению от углей, и Джейми разглядел силуэт ее плечей, груди, круглых бедер. Он резко сел и начал стягивать к себе все меха и одеяла, сооружая нечто вроде редута.

– Уймись, вы обе! – строго сказал он на чероки. – Вы очень красивы, но я не могу разделить с вами ложе.

– Нет? – спросила одна озадаченно.

– Почему нет? – спросила другая.

– Ах... Потому что я дал обет, – ответил он, придумывая на ходу. – Я поклялся... поклялся... – Он искал подходящее слово, но ничего не шло на ум. К счастью, в этот момент вклинился Йен, тараторя на чероки так быстро, что Джейми не улавливал и половины.

– Ооо, – выдохнула одна из них, явно впечатленная. Джейми почувствовал ощутимое облегчение.

– Что, во имя Господа, ты им сказал?

– Я сказал, что во сне тебе явился Великий Дух, дядя, и сказал тебе, что ты не должен ложиться с женщиной, пока не принесешь ружья всем чероки.

– Пока я что?

– Ну, ничего лучше впопыхах я не придумал, дядя, – сказал Йен, защищаясь.

И хотя у него дыбом вставали волосы от подобного «обета», надо признать, что идея оказалась действенной. Женщины прижались друг к другу и благоговейно перешептывались, оставив идею соблазнить его.

– Что ж. Наверное, могло быть и хуже, – проворчал он. В конце концов, даже если Корона решит снабдить их оружием, индейцев чероки чертовски много.

– Не за что, дядя Джейми. – Йен старался говорить ровно, но, судя по всему, смех так и рвался наружу, в конце концов появившись в виде сдавленного фырканья.

– Что еще? – сказал Джейми раздраженно.

– Одна леди говорит, что разочарована, потому что ты очень неплохо... оснащен, дядя. А вторая настроена более философски. Она говорит, что они могли понести от тебя детей и младенцы были бы рыжими. – Голос племянника дрожал от смеха.

– И что не так с рыжими, бога ради?

– Точно не знаю, но, кажется, иметь таких младенцев не к добру, и они стараются этого избегать.

– Что ж, замечательно, – бросил Джейми, – угроза предотвращена. Теперь они могут пойти домой?

– Там дождь, дядя Джейми, – резонно заметил Йен.

Это была правда, ветер доносил до них шум дождя. Теперь же начался настоящий ливень, вода стучала по крыше и падала с шипением на угли через дымовое отверстие.

– Ты же не выгонишь их на улицу в такую погоду, правда? К тому же ты сказал, что не можешь с ними спать, – про то, что им нужно уйти, ничего не было.

Он прервался, чтобы узнать что-то у девушек, которые ответили ему с непоколебимой уверенностью. Джейми показалось, они с чем-то согласились. Поднявшись с грацией молодых журавлей, они забрались на его ложе в чем мать родила, поглаживая и касаясь его с нежным восторженным шепотом, – при этом, как и велено, избегая опасных частей, – вдавили его в меха и уютно устроились по обе стороны от него, прижавшись к его телу нагой теплой плотью.

Он открыл рот, потом закрыл его, не найдя, что сказать ни на одном известном ему языке. Он лежал на спине напряженный и тяжело дышал. Его пенис начал предательски пульсировать, явно намереваясь встать и терзать его всю ночь в отместку за такое пренебрежение его нуждами. Короткие захлебывающиеся звуки раздавались из кучи одеял на полу, перемежаясь истерическим иканьем. Джейми подумал, что с тех пор, как Йен вернулся, это первый раз, когда он слышит его искривленный смех.

Моля Господа даровать ему стойкость духа, он сделал долгий медленный вдох и закрыл глаза, плотно прижав локти к бокам.

Глава 15

Та, которой суждено утонуть

Роджер вышел на террасу Ривер-Рана, ощущая приятную усталость. После трех недель неустанной работы он сумел собрать всех новых поселенцев с больших и малых дорог Кросс-Крика и Кэмпбелтауна, наладил общение с главами семейств и сумел снарядить людей в дорогу, снабдив самым необходимым: пищей, одеялами и обувью. Теперь они все были в одном

месте, а их склонность разбредаться и впадать в панику пресекалась на корню. Завтра утром без всяких отлагательств они отправятся к Фрэзер-Риджу.

Он с чувством удовлетворения посмотрел с террасы на луг, раскинувшийся за конюшнями Иокасты Кэмерон-Иннес. Там был разбит временный лагерь для новых жильцов: двадцать две семьи, семьдесят шесть душ, четыре мула, два пони, четырнадцать собак, три свиньи и одному богу известно, сколько кур, котов и домашних птиц, запертых в плетеные клетки, чтобы было удобно перевозить. В кармане у него лежал потрепанный и помятый список с именами, не считая животных, конечно. Там же лежало еще несколько списков, исчерканных и доведенных правками до такого состояния, что прочесть их было невозможно. Роджер чувствовал себя ходячим Второзаконием. А еще ему очень хотелось выпить.

И это его желание готово было исполниться: Дункан Иннес, муж Иокасты, вернулся домой, закончив свои дела, и теперь сидел на террасе в компании стеклянного резного графина, пронизанного лучами заходящего солнца, отчего тот искрился мягким янтарным сиянием.

– Ну, как дела, а *charaid*? – тепло поприветствовал его Дункан, указывая на соседнее плетеное кресло. – Может, выпьешь рюмочку?

– Да, спасибо.

Роджер благодарно уселся в кресло, которое приятно скрипнуло, приняв его вес. Дункан подал ему бокал, и он опустошил его с коротким «*Slàinte!*»³⁵.

Виски обожгло травмированные связки, заставив закашляться, но вместе с тем, кажется, неожиданно расслабило их, так что постоянное чувство легкого удушья начало покидать его. Довольный, он сделал еще глоток.

– Значит, они готовы отправиться в путь? – Дункан кивнул в сторону луга, где дым от костров висел в закатном воздухе как низко опустившееся золотое облако.

– Готовы как никогда. Бедолаги, – добавил Роджер сочувственно.

Дункан приподнял мохнатую бровь.

– Они не в своей тарелке, – пояснил Роджер, приподнимая бокал, чтобы принять предложенную добавку. – Женщины в ужасе, да и мужчины тоже, просто лучше это скрывают. Можно подумать, что я угоняю их в рабство на сахарную плантацию.

Дункан кивнул.

– Или собираешься продать их в Рим, чтобы они чистили папские туфли, – усмехнулся он. – Думается мне, они католиков в глаза не видели, пока не оказались на корабле. Но, судя по сморщенным носам, они не желают водить с ними близкого знакомства. Они хоть выпивают иногда?

– Думаю, только в медицинских целях и только если есть угроза жизни. – Роджер сделал медленный глоток, наслаждаясь напитком, и закрыл глаза, чувствуя, как виски разогревает горло и сворачивается где-то в груди, как урчащая кошка. – Ты ведь знаешь Хирама? Хирама Кромби? Он у них за главного.

– Того занудного малого с кислой рожей? Ну, я встречал его. – Дункан разбитно улыбнулся, и его опавшие усы чуть приподнялись. – Он придет к нам на ужин. Так что выпей-ка еще.

– Так и сделаю, спасибо, – отозвался Роджер и протянул стакан. – Хотя вообще-то никого из них нельзя упрекнуть в любви к земным наслаждениям, насколько я успел заметить. Как будто они все ковенантеры³⁶ до мозга костей. Замороженные избранные³⁷, да?

Дункан от души рассмеялся.

³⁵ На здоровье! (*гэльск.*)

³⁶ Ковенантеры – движение XVII века в Шотландии, чьей целью было установление пресвитерианства как единственной государственной религии, а также уничтожение церковной иерархии и изгнание католиков; в данном контексте слово используется как синоним религиозного фанатизма.

³⁷ Замороженные избранные – насмешливое прозвище, данное реформистам из-за их уверенности в собственной избранности по сравнению со всеми другими вероисповеданиями.

– Что ж, не такие, как во времена моего деда, по крайней мере, – сказал он, успокаиваясь, и протянул руку к графину. – Слава тебе господи, – добавил мужчина и закатил глаза, гримасничая.

– Значит, твой дед был ковенантер?

– О да. – Качая головой, Дункан изрядно плеснул виски сначала Роджеру, а потом себе. – Злющий старый ублюдок он был. Хотя и неспроста. Видишь ли, его сестра утонула, привязанная к столбу.

– Привязанная... Боже. – Он прикусил язык, но любопытство взяло свое. – Ты хочешь сказать... она была казнена через утопление?

Дункан кивнул, не отрывая глаз от стакана, потом отпил виски и подержал жидкость немного во рту, перед тем как глотнуть.

– Маргарет. Ее звали Маргарет. В то время ей было восемнадцать. Ее отец и брат – мой дед – пустились в бега после битвы при Данбаре, укрылись в горах. Скоро за ними явились солдаты, но она не выдала им, куда ушли мужчины, – при ней была Библия. Они попытались заставить ее отречься от веры, но и это с ней не прошло – скорее камень разговоришь, чем женщин из этой ветви, – сказал он, качая головой. – Нельзя их ни к чему принудить. Тогда они потащили к берегу ее и еще одну старую женщину, тоже из ковенантеров, раздели их догола и привязали к столбам на линии прилива. И стали ждать всей толпой, пока вода поднимется.

Он сделал еще один глоток, на этот раз торопливый.

– Старуха ушла под воду первой – они привязали ее ближе к воде: думаю, они рассчитывали, что Маргарет сдастся, когда увидит ее мучения. – Он крикнул, неопределенно потрянув головой. – Но нет, и в помине того не случилось. Вода прибывала, волны плескались вокруг нее. Она кашляла, захлебывалась, волосы растрепались. Когда волна откатывалась назад, они облепляли ее лицо, словно водоросли. Моя матушка все это видела, – добавил Дункан, приподнимая бокал. – Ей тогда было семь, но она это запомнила на всю жизнь. Она рассказывала, что после первой волны можно было сделать три вдоха, а потом вода снова накрыла Маргарет. Потом отхлынула... три вдоха... и еще одна, последняя волна. После этого можно было разглядеть только ее волосы, колышущиеся на водной глади.

Он поднял бокал чуть выше, и Роджер поднял свой в безмолвном тосте.

– Господи, – сказал он, и это было не богохульство.

Виски вновь обожгло горло, и он глубоко вдохнул, благодаря Бога за радость дышать. Три вдоха. Это был односолодовый виски с острова Айлей – легкие Роджера наполнил крепкий йодистый запах моря, водорослей и дыма.

– Упокой Господь ее душу, – сказал он хрипло.

Дункан кивнул и снова потянулся к графину.

– Я бы сказал, она заслужила покой, – отозвался он. – Хотя вот они, – он приподнял подбородок, указывая на луг, – они сказали бы, что она тут совсем ни при чем и ее заслуги в этом нет. Это Господь решил даровать ей райские кущи, а англичан обрек на вечные муки. Что тут скажешь...

Свет постепенно угасал, и костры засветились ярче на сумеречном лугу за конюшнями. Дым от них достиг носа Роджера, запах был приятный и домашний, но, несмотря на это, в горле от него запершило сильнее.

– Сам я обнаружил не так уж много вещей, ради которых стоило бы умереть, – сказал Дункан задумчиво и улыбнулся одной из своих быстрых и редких улыбок. – Мой дед сказал бы, это значит только, что мне с начала времен были уготованы вечные муки. «По установлению Божию, для явления славы Его, одни люди и ангелы предопределены к вечной жизни, другие

предназначены к вечной смерти»³⁸. Он говорил это каждый раз, когда кто-нибудь вспоминал о Маргарет.

Роджер кивнул, узнав цитату из «Вестминстерского исповедания веры». Когда это было? 1646-й? 1647-й? Одно или два поколения до дедушки Дункана.

– Я полагаю, ему было легче думать, что смерть сестры – это божья воля и никак с ним не связана, – сказал Роджер не без сочувствия. – Значит, сам ты в это не веришь? В предопределенность, я имею в виду?

Ему было искренне любопытно. Пресвитериане из его собственного времени по-прежнему верили в идею о предопределенности, но были гораздо гибче: они по большей части обходили стороной неизбежность вечных мук и не рассматривали каждую деталь своей жизни как нечто, что было им суждено. А он сам? Бог знает.

Дункан приподнял плечи, причем правое поднялось чуть выше, из-за чего он стал казаться перекошенным.

– Бог знает, – сказал он и засмеялся. Потом покачал головой и вновь опустошил бокал. – Нет, думаю, что нет. Но не стал бы открывать все карты перед Хирамом Кромби или даже молодым Кристи. – Дункан указал подбородком в сторону луга, где можно было разглядеть две темные фигуры, бредущие бок о бок в сторону дома. Их было легко узнать отсюда: высокого и сутулого Арча Бага и низенького, крепко сложенного Тома Кристи. Роджер подумал, что последний даже издали сварливостью, резко и быстро жестикулируя по пути, – очевидно, он о чем-то спорил с Арчем.

– В Ардсмуире из-за этого случались страшные драки, – сказал Дункан, наблюдая за приближением двух фигур. – Католикам не нравилось слышать, что они прокляты. А Кристи и его маленькой банде доставляло величайшее удовольствие сообщать им об этом. – Его плечи задрожали от сдерживаемого смеха, и Роджер вдруг задался вопросом, сколько виски Дункан успел выпить до его прихода. Он никогда не видел старика таким веселым.

– Мас Dubh положил этому конец, когда заставил нас всех сделаться масонами, – добавил он, наклоняясь вперед, чтобы наполнить бокал. – Но пару человек до этого едва не убили. – Мужчина вопросительно приподнял графин в сторону Роджера.

Осознавая близость ужина в компании Тома Кристи и Хирама Кромби, Роджер кивнул.

Когда Дункан, все еще улыбаясь, наклонился в его сторону, чтобы налить виски, последние отблески солнца упали на его обветренное лицо. Роджер в этот момент заметил тонкую белую линию, пересекающую верхнюю губу Дункана и наполовину скрытую густой растительностью, и внезапно осознал, почему Дункан носит длинные усы – довольно необычное решение во времена, когда все мужчины ходят гладко выбритыми.

Он не заговорил бы, если бы не виски и не ощущение странного сообщничества между ними – двумя протестантами, причудливо затесавшимися среди католиков и с удивлением глядящих на то, куда их занесла судьба. Они двое всегда были сами по себе, потому что так распорядилась жизнь, и теперь как-то вдруг обнаружили себя во главе больших семейств, и, более того, в их руках были судьбы чужих людей.

– Твоя губа, Дункан. – Он легонько коснулся собственного рта. – Что с ней случилось?

– О, это? – Дункан удивленно коснулся рта. – Да нет, я просто родился с заячьей губой, так мне сказали, по крайней мере. Сам-то я не помню ничего, меня подлатали, когда мне было не больше недели.

Теперь пришла очередь Роджера удивляться.

– Кто подлатал?

³⁸ Цитата из «Вестминстерского исповедания веры» – краткого свода кальвинистской религиозной доктрины, разработанного Вестминстерской ассамблеей в период Английской революции XVII века и утвержденного в качестве официальной доктрины пресвитерианских церквей Шотландии и Англии.

Дункан пожал плечами.

– Странствующий целитель, мама говорила. Она почти смирилась с тем, что долго я не проживу, потому что я, как ты понимаешь, не мог сосать. Она и мои тетушки по очереди пытались выжимать молоко мне в рот из платка, но все без толку: она говорила, я напоминал маленький скелет, когда в деревню явился этот чародей.

Мужчина рассеянно потер губу костяшками пальцев, разглаживая густые жесткие усы.

– Мой отец дал ему шесть селедок и немного нюхательного табака. Он меня заштопал и дал матери какую-то мазь для раны. Ну и вот... – Он криво улыбнулся и снова пожал плечами. – Наверное, мне было суждено жить. Дед ведь говорил, что Господь избрал меня. И только он один знает для чего...

Роджер ощутил смутное волнение, чуть притупленное виски. Целитель-горец, который смог зашить заячью губу? Он отхлебнул из бокала, стараясь не пялиться, но осторожно изучая лицо Дункана. Теоретически это возможно. Шрам был едва виден под усами – если знать, где искать, – но не доходил до ноздри. Должно быть, это была самая заурядная заячья губа, а не один из тех жутких случаев, о которых он читал в медицинском журнале Клэр. От ужаса он не мог оторвать глаз от страницы, где доктор Роулингс описывал младенца, рожденного не просто с заячьей губой: у него недоставало неба и всей центральной части лица. Слава тебе господи, там не было рисунков, но даже кратких описаний Роулингса было достаточно. Роджер закрыл глаза и глубоко вдохнул запах виски, впитывая его всеми порами.

Было ли это возможно? Наверно. Люди и сейчас делали операции – кровавые, грубые и мучительные. Он видел, как Мюррей Маклауд, аптекарь из Кэмпбелтауна, ловко зашил щеку человеку, которого покалечила овца. Насколько сложнее зашить губу ребенку? Роджер подумал о губах Джемми, нежных, как лепестки, которые прокалывает игла с грубой черной ниткой, и пожегся.

– Ты замерз, а charaid? Пойдем внутрь? – Дункан подтянул ноги, готовый встать, но Роджер замахал руками на старика.

– Да нет. Просто мурашки по спине пробежали. – Он улыбнулся и сделал глоток, чтобы отогнать несуществующий холод. Однако волосы на руках поднялись дыбом. Неужели может быть другой человек, другие люди, как они?

Он знал, что такое случалось прежде. Взять хоть его собственную прабабку в бог знает каком колене, Гейлис. Еще был мужчина, чей череп с серебряными пломбами на зубах нашла Клэр. Мог ли Дункан встретить еще одного в глухой шотландской деревне полвека назад? Роджер ощутил новый приступ тревоги. Как часто это происходит? И что происходит с ними?

Когда они почти уже достигли дна графина, он услышал позади шаги и шуршание шелка.

– Миссис Кэмерон. – Роджер тут же подскочил, заставив мир вокруг слегка накрениться, и склонился, чтобы поцеловать руку хозяйке.

Она коснулась его лица своей длинной ладонью, подушечки пальцев пробежали по коже, подтверждая его личность, – такова была ее привычка.

– Ох, вот и ты, Джо. Хорошо провели время с мальцом? – Дункан попытался встать, но виски вкупе с нехваткой одной руки сделали свое дело. В этот момент Улисс, дворецкий Иокасты, беззвучно возник из темноты позади своей хозяйки и подставил ей плетеное кресло. Она опустилась в него без промедления, даже не проверив рукой, есть ли оно там, заметил Роджер. Она просто знала, что иначе быть не может.

Роджер разглядывал дворецкого с интересом, раздумывая, кого подкупила Иокаста, чтобы вернуть слугу. Его обвинили – и, вероятно, справедливо – в смерти британского морского офицера, случившейся во владениях Иокасты. Улисс был вынужден бежать из колонии. Однако лейтенант Вулф был небольшой потерей для флота, в то время как Улисс мог стать невосполнимой утратой для Иокасты Кэмерон. Может, и не все можно купить за деньги, но

Роджер был готов биться об заклад, что для Иокасты Кэмерон не существовало ситуации, которую она не могла бы поправить при помощи золота, связей или женской хитрости.

– О, да! – ответила она мужу, протягивая к нему руку. – Я была так рада показать его всем, муженек! Мы замечательно пообедали со старой миссис Форбс и ее дочерью, малыш спел песню и всех совершенно очаровал. Там были девушки Монтгомери и мисс Огилви, мы ели крошечные ягнячьи отбивные в малиновом соусе с печеными яблоками и... О, это вы, мистер Кристи? Проходите и присоединяйтесь! – Она немного повысила голос, глядя в темноту у Роджера за плечом.

– Миссис Кэмерон. Ваш покорный слуга, мадам. – Кристи вышел на террасу и отвесил очень церемонный поклон, невзирая на то, что женщина, которой он предназначался, была слепа.

За ним последовал Арч Баг, который, в свою очередь, тоже склонился над рукой Иокасты, но вместо приветствия издал только доброжелательное мычание.

На террасу вынесли еще стульев и виски, как по волшебству появилась тарелка с закусками, зажгли свечи – вечер незаметно стал праздничным, вторя немного нервной атмосфере гуляний на лугу. Вдалеке звучала музыка – звуки вистла³⁹, играющего джигу.

Роджер позволил себе раствориться во всем этом, на какое-то время можно было расслабиться и снять с плеч груз ответственности. Сегодня ни о чем не нужно было волноваться: все были собраны в одном месте, в безопасности, накормлены и готовы к завтрашнему путешествию. Ему даже не нужно было поддерживать разговор, Том Кристи и Иокаста обсуждали литературную сцену Эдинбурга и книгу, о которой он никогда не слышал. Дункан вставлял редкие комментарии в беседу, но выглядел таким размякшим, что, казалось, вот-вот соскользнет с кресла. А старый Арч... Где был Арч? Ах, вот он, отправился назад на луг, наверняка вспомнив, что должен отдать какие-то последние распоряжения.

Он благословил Джейми Фрэзера за его дальновидную идею отправить вместе с ним Арча и Тома. Эти двое помогли ему избежать множества ошибок, взяли на себя тысячу мелких, но важных деталей и успокоили новых арендаторов перед финальным прыжком в неизвестность.

Роджер глубоко и с удовольствием вдохнул воздух, наполненный домашними запахами далеких костров и готовящегося ужина, и все это напомнило ему об одной маленькой детали, чье благосостояние по-прежнему целиком зависело от него. Извинившись, он прошел в дом и нашел Джема внизу на главной кухне. Мальчик уютно устроился в уголке большой скамьи и ел хлебный пудинг с топленным сливочным маслом и кленовым сиропом.

– Это ведь не твой ужин, правда? – спросил он, усаживаясь рядом с сыном.

– Угу. Хочешь немножко, папа? – Джем протянул ему ложку, с которой тянулись капли сиропа, и Роджер торопливо склонился, чтобы съесть предложенное лакомство до того, как оно окажется на полу. Пудинг таял во рту, он был очень сладким и оставлял сливочное послевкусие на языке.

– Ммм, – промычал он, глотая. – Тогда давай не будем рассказывать маме и бабуле, ладно? У них есть какое-то странное предубеждение насчет мяса и овощей.

Джем согласно кивнул и протянул вторую ложку. Они разделались с остатками пудинга вместе в дружеском молчании, после чего сын забрался к нему на колени и, прижав липкую рожицу к его груди, уснул мертвым сном.

Слуги бегали взад и вперед вокруг них, то и дело дружелюбно улыбаясь. Он лениво подумал, что надо бы встать. Ужин вот-вот начнется: мимо него уже пронесли изящно сервированные тарелки с томленной уткой и бараниной, чаши, нагруженные пушистым дымящимся рисом с подливкой и огромную салатницу с зеленью, заправленной уксусом.

³⁹ Вистл – ирландский духовой свистковый инструмент с шестью отверстиями.

Довольный жизнью и наполненный виски и пудингом, он медлил, откладывая необходимость расставания с Джемом и с ощущением благодатного покоя, который дарил ему спящий на руках сын.

– Мистер Роджер? Давайте я заберу его? – сказал мягкий голос. Он отвлекся от изучения волос Джема, в которых застряли кусочки пудинга, и, посмотрев вверх, увидел над собой Федру, горничную Иокасты, которая стояла перед ним с протянутыми руками, чтобы взять мальчика.

– Я помою его и уложу в постель, сэр, – сказала она, и ее овальное лицо стало таким же мягким, как и голос, когда она посмотрела на Джема.

– О. Да, конечно. Спасибо. – Роджер выпрямился, держа Джема на руках, и осторожно встал, ощутив немалый вес ребенка. – Я донесу его, он тяжелый.

Он поднялся за рабыней по узкой лестнице, ведущей из кухни, по пути восхищаясь – отвлеченно, в исключительно эстетическом смысле – изяществом ее фигуры. Сколько ей лет? Двадцать? Двадцать два? Иокаста позволит ей выйти замуж? У нее наверняка есть поклонники. Но он знал, что она, как и Улисс, очень дорога Иокасте, почти всегда рядом с хозяйкой. Непросто будет совместить это с собственным домом и семьей.

Наверху лестницы она обернулась, чтобы забрать у него Джема. Роджер неохотно, но в то же время с некоторым облегчением передал ей свой безвольный груз. Внизу стояла ужасная духота, и его рубашка промокла там, где к ней прижимался Джем.

– Мистер Роджер?

Голос Федры остановил его, когда он уже собирался уйти. Она смотрела на него поверх плеча Джема, и ее взгляд казался смятым под белым узлом головного платка.

– Да?

На лестнице послышались шаги, и ему пришлось подвинуться, чтобы разойтись с Оскаром, идущим вверх с пустой тарелкой под мышкой – очевидно, он направлялся к летней кухне, где жарили рыбу. Оскар широко улыбнулся Роджеру, проходя мимо, и послал воздушный поцелуй Федре, которая строго сжала губы в ответ.

Девушка едва заметно мотнула головой, и Роджер пошел за ней в холл, подальше от кухонной суеты. Она остановилась возле двери, ведущей в конюшни, оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что их никто не слышит.

– Может, мне не стоит ничего говорить, сэр. Может, ничего такого и нет. Но я подумала, нужно все равно вам сказать.

Он кивнул, убирая назад влажные волосы с виска. Дверь была открыта, и оттуда доносился легкий ветерок – спасибо господу.

– Мы были в городе сегодня утром, сэр, на складе мистера Бенджамина, вы ведь его знаете? Вниз по реке.

Он снова кивнул, и она облизнула губы.

– Мастер Джем все не мог успокоиться и бегал вокруг, пока хозяйка разговаривала с мистером Бенджамином. Я ходила следом, глядела, чтобы он ничего не наделал, так что была прямо там, когда вошел мужчина.

– Что за мужчина?

Федра покачала головой, темные глаза стали серьезными.

– Не знаю, сэр. Большой мужчины, высокий, как вы. Со светлыми волосами, без парика. Но джентльмен.

Вероятно, она хочет сказать, что он был хорошо одет, подумал Роджер.

– И?

– Он поглядел вокруг, увидел мистера Бенджамина и мисс Джо и шагнул в сторону, как будто не хотел, чтобы его кто заметил. Но потом он увидел мастера Джема, и такой у него стал недобрый взгляд. – Она прижала Джема поближе, вспоминая встречу. – И, скажу я вам,

сэр, мне этот взгляд нисколько не понравился. Я увидела, как он пошел в сторону мальчика, и тогда я быстро подбежала и взяла мастера Джема на руки, как я держу его сейчас. Сначала он удивился, а потом, будто что-то ему показалось смешным, улыбнулся ему и спросил, кто его папа. – Она коротко улыбнулась, легонько потрепав Джейми по спине. – Люди в городе все время его про это спрашивают, сэр. Ну он ему сразу и ответил, что его папа Роджер Маккензи. И этот мужчина, он засмеялся и погладил Джема по волосам – все так делают, сэр, у него ведь такие красивые волосы. Ну он и говорит тогда: «Правда, мой маленький дружок, и в самом деле он?»

У Федры был талант к подражанию. Она очень точно изобразила ирландский акцент, и Роджер весь похолодел, ему больше не было жарко.

– Что случилось потом? – напряженно спросил он. – Что он сделал? – Полубессознательно он заглянул девушке через плечо в открытую дверь, проверяя, не притаилась ли опасность в ночной темноте.

Федра передернула плечами, слегка дрожа.

– Ничегошеньки он больше не сделал, сэр. Только посмотрел на Джема так настойчиво, а потом на меня, и улыбнулся. И мне совсем не понравилась его улыбка, сэр, нисколько. – Она покачала головой. – А потом я услышала, как мистер Бенджамин позади меня громко спрашивает, его ли ищет этот джентльмен. И мужчина этот быстренько развернулся и просто вышел через дверь. Вот так, – сказала она и, покрепче перехватив Джема одной рукой, шелкнула пальцами свободной.

– Понятно. – Пудинг отяжелел в желудке, и Роджеру начало казаться, что он проглотил камень. – Ты что-нибудь сказала своей хозяйке про этого мужчину?

Она решительно покачала головой.

– Нет, сэр. Он ведь ничего такого не сделал, как я и сказала. Но он меня растревожил, сэр, так что я поразмыслила над этим, пока шла домой, и решила, что все же лучше бы вам рассказать, сэр, если получится.

– Ты все правильно сделала, – сказал он. – Спасибо, Федра. – Он поборол желание забрать у нее Джема и покрепче прижать к себе. – Не могла бы ты... Можешь остаться с ним после того, как уложишь его в постель? Пока я не вернусь? Я скажу твоей хозяйке, что я тебя попросил.

В ее темных глазах светилось абсолютное понимание, и она кивнула.

– Да, сэр. Я за ним пригляжу. – Она присела в подобии реверанса и пошла вверх по лестнице в сторону комнаты, которую он делил с Джемом, напевая мальчику что-то ритмичное и убаюкивающее.

Роджер медленно выдохнул, стараясь совладать с непреодолимым желанием сейчас же взять лошадь из конюшни, доскакать до Кросс-Крика и обыскать в ночи весь город, каждый дом, пока не найдет Стивена Боннета.

– Ну да, – сказал он вслух. – И что дальше? – Он невольно сжал кулаки, прекрасно зная, что именно нужно делать дальше, хотя его разум признавал тщетность этого предприятия.

Роджер с трудом подавил в себе гнев и чувство беспомощности, остатки виски все еще согревали кровь и пульсировали в висках. Теперь уже совсем стемнело, и он резко шагнул в ночь через открытую дверь. С этой стороны дома луга не было видно, но он по-прежнему ощущал запах костров и слышал отголоски музыки вдалеке.

Он знал, что Боннет однажды вернется. Внизу, у ровно подстриженной лужайки, бледным пятном в ночи высилась громада мавзолея Гектора Кэмерона. Там, надежно спрятанное в гробу, который дожидался жены Гектора, Иокасты, лежало золото якобитов, главная тайна Ривер-Рана. Боннет знал о существовании сокровища и подозревал, что его хранят на плантации. Он уже пытался добраться до него и в тот раз потерпел поражение. Нет, предусмотрительным Боннет не был, но он был упорным.

Роджер почувствовал, как все тело напрягается и подтягивается, подталкивая его немедленно выследить и убить человека, который изнасиловал его жену и угрожал его семье. Но от него сейчас зависели семьдесят шесть человек – нет, даже семьдесят семь. Жажда мести боролась в нем с чувством долга и в конце концов очень нехотя отступила.

Он дышал глубоко и медленно, ощущая, как шрам от петли сжимает горло. Нет. Ему нужно было идти, довести новых жильцов на Ридж в целости. Идея отправить их с Арчем и Томом, а самому остаться здесь, чтобы найти Боннета, была соблазнительной. Однако Джейми поручил это дело ему, и Роджер не мог все бросить ради сведения личных счетов – предприятия, вероятнее всего, тщетного и требующего времени. К тому же он не мог оставить Джейми без защиты. Как бы то ни было, стоит рассказать об этом Дункану. Ему можно доверять, он примет необходимые меры по защите Ривер-Рана, напишет властям в Кросс-Крик и наведет справки.

А Роджер сделает все, чтобы Джем оставался в безопасности. Утром он посадит его в седло перед собой и будет держать сына в поле зрения каждый дюйм дороги, пока они не доберутся до своего убежища в горах.

– Кто твой папа? – пробормотал он, и новая волна гнева побежала по его венам. – Черт тебя побери, это я, проклятый ублюдок!

Часть 3 Всеми свое время⁴⁰

Глава 16 LE MOT JUSTE⁴¹

Август 1773 года

– Ты сама себе улыбаешься, – прошептал Джейми мне на ухо. – Тебе было хорошо?

Я повернула голову и открыла глаза, обнаружив его губы прямо перед собой, – он тоже улыбался.

– Хорошо, – повторила я задумчиво, проводя кончиком пальца по краю его полной нижней губы. – Ты изображаешь скромность или используешь классическую уловку и пытаешься вытянуть из меня комплименты, преуменьшая свои достоинства?

Улыбка стала шире, а его зубы на секунду игриво сомкнулись на моем любопытствующем пальце.

– О, ну конечно, скромность, – сказал он. – Если бы я вытягивал из тебя комплименты, то не стал бы сейчас делать это при помощи слов, так ведь?

Одна его рука нежно скользнула по моей спине в подтверждение сказанного.

– Ну, слова помогают, – отозвалась я.

– Правда?

– Да. Я только что пыталась определить, какое из твоих признаний считать более искренним: «я люблю тебя», «ты мне нравишься», «я тебя боготворю», «я хочу тебя».

– Я все это сказал? – спросил он немного ошарашенно.

– Да. А ты не слышал?

– Нет, – признал он. – Но я все это имел в виду. – Он накрыл рукой мою ягодицу и оценивающе взвесил ее. – И все еще имею, раз уж мы об этом заговорили.

– Что, даже последнее? – Я засмеялась и нежно потерлась лбом о грудь Джейми, ощущая его подбородок у себя на макушке.

– О, ох, – ответил он со вздохом, крепко прижимая меня к себе. – Скажу тебе так: плоть требует скромного обеда и немного отдыха перед тем, как я снова подумаю об этом, но дух мой всегда готов. Боже, у тебя самый привлекательный пухленький зад на свете. Одного взгляда на него достаточно, чтобы взять тебя снова без всяких любезностей. Тебе повезло, что ты замужем за дряхлым стариком, саксоночка, иначе сейчас ты бы уже стояла на коленях задницей кверху.

От него сладко пахло дорожной пылью, засохшим потом и крепким мускусом мужчины, который только что получил удовольствие.

– Приятно, когда по тебе скучают, – удовлетворенно сказала я в просвет под его рукой. – Я тоже скучала.

От моего дыхания ему стало щекотно, и кожа в этом месте задрожала, как у лошади, которую донимают мошки. Он поменял положение, подвинув меня, так что моя голова оказалась у него на плече, и довольно вздохнул.

– Что ж, я вижу, дом еще стоит.

⁴⁰ Екклесиаст 3:1. «Всеми свое время, и есть время всякому делу под небом...»

⁴¹ Подходящее слово (*фр.*).

И он стоял. День тянулся к закату, окна были открыты, и солнце, опускающееся за деревья, рисовало подвижные узоры на стенах и льняных простынях, мы будто плыли в облаке перешептывающихся призрачных листьев.

– Дом стоит, урожай ячменя почти целиком собран, и ничего не умерло, – сказала я, устраиваясь поудобнее, чтобы выдать отчет. Теперь, когда самое важное позади, Джейми захочет узнать, как жил Ридж в его отсутствие.

– Почти целиком? – спросил он, мгновенно выхватывая сомнительную формулировку. – Что случилось? Были дожди, да, но ячмень поспел за неделю до этого.

– Не дожди. Саранча. – Я поежилась от воспоминаний. Стрекочущее облако мерзких пучеглазых тварей явилось как раз в последнюю неделю жатвы. Я пошла в огород нарвать зелени и обнаружила, что вышеупомянутую зелень густо облепили их клиновидные тела с ловкими когтистыми лапками. Мои салаты и капуста были обглоданы до состояния кочерыжек, а ипомея лохмотьями висела на заборе.

– Я побежала за Лиззи и миссис Баг, и мы стали сгонять их метлами. Тогда они поднялись одним огромным облаком и направились через лес к полю за Грин-Спринг. Они обосновались в ячмене, на мили вокруг было слышно, как они жуют. Звук такой, как будто великан ходит по рисовому полю. – От отвращения плечи у меня покрылись мурашками, и Джейми рассеянно потер мою кожу своей большой теплой ладонью.

– Мхм. Значит, они ограничились одним полем, да?

– О да. – Я глубоко вдохнула, все еще чувствуя дым. – Мы подпалили его и сожгли их живьем.

Он слегка дернулся от удивления и посмотрел на меня сверху вниз.

– Что? Кто это придумал?

– Я, – ответила я не без гордости.

Глядя на это в ретроспективе, уже успокоившись, я поняла, что решение было разумным: под угрозой были другие поля – не только ячмень, но и поспевающая кукуруза, пшеница, картофель, сено, не говоря уже об огородах, от которых зависело большинство семей. Но в тот момент идея была продиктована слепой яростью, я мстила за свой разоренный сад. Я с удовольствием лично оторвала бы крылья каждой твари и станцевала бы на бранных останках, хотя жечь их было почти так же приятно.

Поле принадлежало Мурдо Линдсею, медлительному как на словах, так и на деле. Он даже не успел толком отреагировать на мое заявление о том, что я собираюсь поджечь ячмень, и все еще стоял на пороге своего дома, открыв рот от удивления, пока Брианна, Лиззи, Марсали, миссис Баг и я бегали вокруг поля с охалками хвороста, поджигали их от факелов и забрасывали горящие палки как можно дальше в море сухого спелого зерна.

Сухая трава занялась с треском, который быстро перерос в рев, когда огонь разгорелся. Испуганные жаром и дымом от дюжины костров, насекомые взлетели вверх подобно искрам, вспыхивая, когда огонь достигал их крыльев, и постепенно исчезли в поднявшейся стене из дыма и пепла.

– И конечно, именно этот момент выбрал Роджер, чтобы вернуться вместе с новыми арендаторами, – сказала я, сдерживая неуместный смех от воспоминания. – Бедняги. Уже темно, они стояли там с детьми, со своими тюками и наблюдали все это: поле в огне и мы рядом с ним танцуем, босые, с задранными юбками, и вопим, как какие-нибудь гиббоны, все перемазанные сажей.

Джейми прикрыл глаза рукой, очевидно, представляя себе эту сцену. Его грудь мелко задрожала, и из-под ладони показалась широкая улыбка.

– О боже. Они, должно быть, подумали, что Роджер Мак привел их напрямик в ад. Или, самое меньшее, на ведьмин шабаш.

Виноватый смех пузырился у меня под ребрами и рвался наружу.

– Так они и решили. Ох, Джейми, ты бы видел их лица! – Я не смогла больше сдерживаться и зарылась лицом в его грудь. Некоторое время мы вместе тряслись от почти беззвучного смеха.

– Я попыталась продемонстрировать гостеприимство, – сказала я, слегка всхлипывая. – Мы накормили их ужином и всем нашли место для сна: разместили столько, сколько вошло, в большом доме, остальные распределились между хижиной Брианны, амбаром и конюшней. Ночью, уже довольно поздно, я спустилась вниз – не могла уснуть из-за перевозбуждения – и обнаружила дюжину человек в кухне за молитвой.

Они стояли в кругу возле очага, держась за руки и смиренно склонив головы. При моем появлении все как один подняли худые изможденные лица. Они тарасились на меня в полной тишине, и одна женщина, отпустив руку стоявшего рядом мужчины, спрятала ладонь под передником. В другое время и в другом месте я бы подумала, что она хочет вытащить оттуда оружие, – быть может, она и хотела, но я была почти уверена, что под изношенной тканью она сложила из пальцев рога.

Я уже знала, что лишь немногие из них говорят по-английски. Я спросила на ломаном гэльском, нужно ли им что-нибудь. Они уставились на меня, будто у меня было две головы, и через мгновение один мужчина, сморщенное создание с тонкими губами, едва заметно качнул головой.

– Они вернулись к молитве, предоставив мне красться обратно в постель.

– Ты спустилась в одной сорочке?

– Ну... Да. Я не предполагала, что кто-то будет бодрствовать в такой час.

– Хм. – Он коснулся пальцами моей груди, и я сразу догадалась, о чем он думает. Моя летняя ночнушка представляла собой тонкую, выношенную льняную рубашку. И да... наверное, черт побери, через нее можно было кое-что разглядеть при свете, но кухня освещалась только красноватым свечением от затухающих углей в очаге.

– И надо полагать, на тебе не было причитающегося ночного чепца, саксоночка? – спросил Джейми, задумчиво пропуская мои волосы сквозь пальцы. Я распустила их, перед тем как мы оказались в постели, и они радостно змеились во все стороны а-ля Медуза.

– Конечно, нет. Но я их заплела, – попыталась я оправдаться. – Вполне прилично!

– О, вполне, – согласился Джейми, улыбнувшись, и запустил пальцы глубже в буйные кудри, чтобы приподнять мою голову и поцеловать. Его губы потрескались от солнца и ветра, но оставались мягкими. Он не брился с того самого дня, как мы расстались, и у него отросла короткая кудрявая борода, приятная на ощупь.

– Ну что ж. Теперь, я полагаю, они уже освоились? Новые поселенцы? – Он коснулся губами моей щеки и нежно прикусил мочку уха. Я резко вдохнула.

– Ах. Хмм. Да. Арч Баг забрал их утром и разместил по всему Риджу с другими семьями, они уже начали... – На секунду я потеряла нить собственных рассуждений, и мои пальцы рефлекторно сжались на его груди.

– Ты, конечно, сказала Мурдо, что я с ним все улажу насчет ячменя?

– Да, конечно. – Я быстро вернула себе контроль, вспомнив о Мурдо, и засмеялась. – Он просто тарасился на меня, а потом растерянно кивнул и сказал: «О, конечно, как будет угодно Самому». Я не уверена, что он вообще тогда понимал, зачем я подожгла поле. Возможно, он подумал, что мне внезапно пришла в голову блажь спалить его ячмень.

Джейми тоже засмеялся, продолжая покусывать мою мочку. Я почувствовала, что снова теряю фокус.

– Ммм, – сказала я прерывающимся голосом, ощущая, как рыжая борода щекочет мне шею, и чувствуя теплую твердую плоть у себя под рукой. – Индейцы. Как все прошло с чероки?

– Хорошо.

Неожиданно он задвигался и оказался надо мной. Он был очень большим и теплым и пах желанием – страстным, животным. Тени от листьев бежали по его лицу и плечам, покрывали кровать и белую кожу моих широко раскинутых бедер.

– Как ты мне нравишься, саксоночка, – зашептал он мне на ухо. – Так и представляю тебя там, полуголую, в твоей рубашке, с волосами, рассыпавшимися по груди... Я люблю тебя, я бога...

– Что там было насчет ужина и отдыха?

Его руки проложили себя путь под моей спиной и накрыли ягодицы. Он крепко их сжал, и я почувствовала его жаркое дыхание у себя на шее.

– Мне нужно...

– Но...

– Сейчас, саксоночка.

Он резко сел на колени передо мной. На губах у него играла легкая улыбка, но голубые глаза смотрели настойчиво, повелительно. Одной рукой он сжал свои отяжелевшие яички, одновременно неторопливо и с удовольствием двигая большим пальцем по стоящему члену.

– На колени, а *pighean*⁴², – сказал он спокойно. – Сейчас же.

Глава 17

Пределы власти

От Джейми Фрэзера, эсквайра, Фрэзер-Ридж-Лорду Джону Грею, плантация Маунт-Джосайя 14 августа 1773 г.

Милорд,

Пишу вам, чтобы уведомить о своей новой должности: властью Южного департамента под началом Джона Стюарта я назначен индейским агентом Короны.

Когда я удостоился чести получить такое предложение, я поначалу был настроен весьма скептически. Однако мои взгляды стали более однозначными после визита мистера Ричарда Брауна с братом, дальних соседей. Полагаю, мистер Хиггинс уже обрисовал вам в общих чертах наше краткое знакомство с их так называемым комитетом безопасности, чьей первейшей задачей стал его арест.

Сталкивались ли вы с подобными органами в Вирджинии? Я искренне надеюсь, что у вас ситуация спокойней, чем у нас или в Бостоне, где, по словам мистера Хиггинса, тоже есть комитеты.

Я искренне считаю, что любой разумный человек должен отвергать самую их идею. Они называют своей целью защиту мирных жителей от бандитов и должны арестовывать преступников в тех местах, где нет шерифа или констебля. Однако деятельность комитетов не подчинена никакому регламенту, а потому ими движет только личный интерес. Ничто не препятствует превращению нерегулярной милиции в большую угрозу для населения, чем те опасности, от которых она пытается его защищать.

Проблема, однако, действительно существует – особенно здесь, в нашей глуши. Ближайший суд находится – если все еще находится – в трех днях езды. А из-за постоянных беспорядков, последовавших за регуляцией, дела пошли еще хуже. Губернатор и его совет постоянно конфликтуют с ассамблеей⁴³, в результате окружной суд прекратил свое существование. Судей больше не назначают, в округе Сарри нет шерифа, а последний, кто занимал этот пост, подал в отставку, поскольку ему грозили поджогом.

⁴² Девчужка (гэльск.).

⁴³ Управление провинциальными колониями до революции было организовано по принципу парламента, где верхняя, назначаемая, палата представляла собой совет при губернаторе, а нижняя, выборная, – ассамблею представителей колонистов.

Шерифы округов Ориндж и Роуэн все еще могут похвастать должностями, но всем известно, что они взяточники и играют в интересах тех людей, которые им платят.

В последнее время мы стали получать новости о поджогах, нападениях и прочих подобных происшествиях, участившихся после недавней войны регуляторов. Губернатор Трион официально помиловал некоторых участников конфликта, но ничего не предпринял, чтобы предотвратить самосуд на местах. Его преемник, впрочем, справляется с подобными вещами еще хуже. Конфликты же такого рода продолжают возникать и здесь, в провинциях, далеко от его дворца в Нью-Берне, что позволяет ему закрывать на них глаза (справедливости ради, стоит сказать, что у него наверняка и в столице проблем хватает).

Как бы там ни было, хотя поселенцы привыкли к опасностям, которые может таить дикая природа, вероятность таких случайных нападений – а также угроза восстания со стороны индейцев, когда они так близко к линии соглашения – их очень беспокоит, и потому они заранее расположены к любому объединению, которое сможет гарантировать им безопасность. Именно поэтому они с восторгом приветствуют мстителей из комитетов, особенно поначалу.

Я посвящаю вас во все эти детали, чтобы разъяснить свои сомнения по поводу своего назначения. Мой друг майор Макдональд, служивший в 32-м кавалерийском полку, сообщил мне, что, если я все же откажусь стать индейским агентом, он обратится к мистеру Ричарду Брауну. Браун давно и много торгует с чероки, хорошо знаком с ними, они, вероятно, ему доверяют и, следовательно, скорее всего, примут его в таком качестве.

Однако мое знакомство с мистером Брауном и его братом заставило меня посмотреть на такую перспективу с тревогой. С этой должностью приходит большое влияние, и в нашем беспокойном краю значимость этого человека за краткое время может так вырасти, что никто не сможет ему противостоять, о чем бы ни шла речь. А это, на мой взгляд, весьма опасно.

Как пронизательно заметил мой зять, власть портит людей: по мере того как она растет, человеческого в них остается все меньше. А у меня есть подозрение, что последнего у братьев Браун и так негусто. Возможно, слишком заносчиво с моей стороны полагать, будто я более высокоморальный субъект. Я видел, что власть делает с людьми, как она разъедает их душу, я ощущал ее бремя и на себе. Думаю, вы поймете, о чем я говорю, вам слишком часто приходилось нести это бремя самому. Однако если выбор стоит между мной и Ричардом Брауном, то я доверюсь пословице и из двух зол выберу меньшее.

Меня также беспокоит мысль о долгих отлучках, которых потребуют от меня новые обязанности. И все же я не могу в здравом уме довериться Браунам, комитет под их управлением сулит неприятности и даже угрозы людям в моих владениях.

Я мог бы, конечно, создать собственный комитет, думаю, вы бы поддержали мою инициативу, но не стану. Помимо дополнительных расходов и разных неудобств, связанных с таким решением, появление нового комитета будет означать открытую войну с Браунами. В ситуации же, когда я должен часто покидать Ридж, это поставит под удар мою семью. Однако я надеюсь, что новое назначение расширит мое собственное влияние и, возможно, как-то ограничит амбиции Браунов.

Приняв решение занять предложенную должность, я тут же отправил письмо Макдональду и описал свой первый визит к чероки в качестве индейского агента. Меня приняли очень тепло, и я надеюсь, что отношения с деревнями такими и останутся. Я снова отправлюсь к индейцам осенью. Если есть что-то, в чем мои новые обязанности могут вам помочь, то без стеснения пишите мне об этом и будьте уверены, что я приложу все усилия, чтобы уладить любые ваши дела.

Перейду к нашим местным новостям. Население Риджа выросло почти вдвое в результате появления новых поселенцев из Шотландии. Хоть их прибытие было ожидаемым и

желанным, оно все же вызвало немалый переполох: оказалось, что новые жители Риджа раньше жили на побережье и промышляли рыболовством. Для них местные горы полны опасностей и тайн – пока в этом качестве выступают свиньи и плуги.

Что касается свиней, то я не уверен, что здесь не разделяю их взглядов. Белая свиноматка недавно решила поселиться под основанием нашего дома и устраивает там такие оргии, что каждый уэсин сопровождается дьявольским визгом, как будто у нас под полом идет расправа над душами грешников. Причем, судя по всему, демоны медленно отрывают от них части и тут же их пожирают.

Раз уж я начал говорить про всякие адские дела, я должен заметить, что наши новые соседи, увы, ярые последователи Ковенанта, для которых папист вроде меня по определению снабжен рогами и хвостом. Вы наверняка помните Томаса Кристи из Ардсмуира. Так вот, по сравнению с этими чопорными господами мистер Кристи предстает воплощением милосердия и терпимости.

Я никогда не думал, что буду благодарить PROVIDENCE за то, что мой зять пресвитерианин. Теперь же я вижу, что пути Господни воистину неисповедимы для нас, смертных. Хотя в их глазах даже Роджер Маккензи прискорбно низко павший распутник, новые поселенцы, по крайней мере, могут говорить с ним без использования знаков и жестов для отпугивания дьявола, которые они постоянно практикуют в разговорах со мной.

Что касается их отношения к моей жене, то можно подумать, будто она колдунья из Аэндора⁴⁴, а то и вовсе Вавилонская блудница. Все потому, что они воспринимают ее медицинскую практику как ворожбу. К тому же не так давно они стали очевидцами визита к ней чероки, довольно нарядно разодетых по случаю. Индейцы пришли выменивать товары вроде змеиных клыков и медвежьих желчных пузырей.

Моя жена просит передать свои благодарности за ваши комплименты по части улучшившегося здоровья мистера Хиггинса, а кроме того, за ваше предложение достать для нее лекарства у вашего друга из Филадельфии. Она просит меня приложить к письму список. Глядя на него, я подозреваю, что, если вы удовлетворите ее просьбу, это как минимум не развеет подозрения рыбаков. Однако прошу вас, не тревожьтесь на этот счет, поскольку ничто, кроме времени и привычки, не уменьшит их страха перед ней.

Моя дочь также велит выразить вам благодарность за фосфор, что вы подарили. Не уверен, что разделяю ее радость, поскольку ее эксперименты с этой субстанцией приводят к опасным возгораниям. К счастью, никто из новоприбывших не наблюдал за этими экспериментами, иначе у них не осталось бы сомнений в том, что вся моя семья водит близкое знакомство с сатаной.

О более радостных вещах: я спешу поздравить вас с последней партией вина, оно действительно пригодно для употребления. В ответ отправляю вам кувшин лучшего сидра миссис Баг и бутылку трехлетнего виски, выдержанного в бочке, которое, тешу себя надеждой, вы найдете более мягким, чем предыдущий.

Ваши покорный слуга,
Джеймс Фрэнгер

P. S. Мне сообщили, что джентльмен, который, по описанию, напоминает некоего Стивена Боннета, был замечен в Кросс-Крике в прошлом месяце. Если это действительно тот самый джентльмен, то неизвестно, что за дела привели его туда, и, похоже, он исчез без следа. Муж моей тетки, Дункан Иннес, пораспрашивал людей в окрестностях, но пишет мне, что поиски оказались бесплодными. Если вы услышите что-нибудь о вышеозначенном джентльмене, молю вас тотчас же сообщить мне об этом.

⁴⁴ Аэндорская волшебница – персонаж Ветхого Завета, колдунья из Аэндора, вызвавшая по просьбе царя Саула накануне решающей битвы дух покойного пророка Самуила для предсказания судьбы.

Глава 18 ВРУМ!

Из сонника

Прошлой ночью мне снилась бегущая вода. Обычно это значит, что я слишком много выпила перед сном, но в этот раз все было иначе. Вода бежала из-под крана в раковину у нас дома. Я помогала маме мыть посуду; она поливала тарелки горячей водой, а потом передавала мне, чтобы я их вытирала. Я чувствовала горячий фарфор под полотенцем и ощущала, как пар оседает на лице.

Мамины волосы вились сильнее обычного из-за влажности, а по краям тарелок бежал узор из крупных розовых роз, это был дорогой свадебный фарфор. Мама не позволяла мыть их, пока мне не исполнилось десять, потому что боялась, что я могу их уронить. Когда наконец мне это позволили, я была так горда собой!

Я по-прежнему с точностью до малейшей детали вижу шкаф для посуды в гостиной: подставку для торта, вручную расписанную маминым прадедом (она говорила, он был художником и выиграл с этой подставкой какой-то конкурс сто лет назад), дюжину хрустальных фужеров, доставшихся папе от его матери, вместе с оливковым блюдом из граненого стекла и чашкой с блюдцем, расписанных фиалками и украшенных позолотой по краям.

Я стояла прямо перед ним, складывая туда фарфоровый сервиз, хотя на самом деле мы хранили его не там, а на полках над плитой. Вода лилась из раковины в кухне, текла по полу, собиралась вокруг моих ног. Потом она начала подниматься, и я шлепала назад и вперед по кухне, разбрызгивая ее ногами, а она сверкала, как оливковое блюдо из граненого стекла. Воды становилось все больше и больше, но никого это не беспокоило, меня тоже.

Вода была теплой, даже горячей, я видела, как от нее поднимается пар.

Вот и весь сон. Когда я встала этим утром, вода в тазу была такой холодной, что мне пришлось подогреть ее на огне в кастрюле, прежде чем мыть Джемми. Все то время, пока я грела ее, я вспоминала свой сон, галлоны и галлоны бегущей горячей воды.

Странно, но сны о том времени кажутся такими детальными, живыми, более живыми, чем те, что снятся мне о настоящем. Почему я вижу вещи, которых не существует нигде, кроме моей головы?

Я размышляю об этих снах и спрашиваю себя о том, как много изобретений было придумано людьми вроде меня – вроде нас? Сколько изобретений на самом деле лишь воспоминания о вещах, которые мы когда-то знали? И, главное, сколько таких, как мы?

– На самом деле это не так уж сложно – соорудить водопровод с горячей водой. Теоретически.

– Нет? Думаю, нет. – Роджер слушал вполуха, сосредоточившись на том предмете, который обретал форму у него под ножом.

– Я хочу сказать, над этим придется долго и мучительно работать. Но идея сама по себе проста. Нужно рыть канавы или делать желоба. В нашем случае желоба, пожалуй, подойдут лучше.

– Правда? – Он дошел до сложного участка и задержал дыхание, отсекая крохотные, тонкие стружки, по одной зараз.

– Нет металла, – терпеливо сказала Брианна. – Если бы он был, можно было бы сделать трубы. Но готова поспорить, что во всей Северной Каролине не найдется достаточно металла, чтобы проложить трубопровод от ручья до большого дома. Не говоря уже о бойлере! Даже если бы был, это стоило бы целое состояние.

– Ммм. – Поняв, что это, вероятнее всего, не самая адекватная реакция, Роджер спешно добавил: – Но у нас есть немного металла. Перегонный куб Джейми, например?

Его жена фыркнула.

– Ну да. Я спрашивала, где он его достал. Он сказал, что сыграл по-крупному в мушку⁴⁵ с капитаном корабля в Чарльстоне и победил. Думаешь, мне стоит проехать четыреста миль, чтобы поставить мой серебряный браслет против пары сотен фунтов листовой меди?

Еще одно движение... два... малюсенькая царапина кончиком ножа... вот оно. Небольшой круг отделился от заготовки. Он покатился!

– Эм... Конечно, – отозвался он, запоздало осозная, что жена задала ему вопрос. – Почему бы нет?

Брианна прыснула.

– Ты ни слова не слышал из того, что я сказала, да?

– О, разумеется, слышал, – запротестовал он. – Ты сказала «канавка». И еще «вода». Это я точно запомнил.

Она фыркнула еще раз, на этот раз добродушной.

– Ну, в любом случае делать это придется тебе.

– Делать что? – Он нащупал колесико большим пальцем и толкнул его вперед.

– Делать ставки. Мне никто не даст играть в азартные игры.

– И слава богу, – ответил он по привычке.

– Господь благослови твое маленькое пресвитерианское сердечко, – сказала она терпеливо, качая головой. – Ты не игрок, Роджер, да?

– О, а ты, надо полагать, он и есть. – Он сказал это шуточно, но где-то в глубине души ощутил себя уязвленным ее ремаркой.

Бри едва улыбнулась в ответ, подняв уголок широкого рта так, будто оставила при себе большую часть какой-то опасной затеи. Он ощутил легкую тревогу. Да, она была игроком, хотя пока что... Роджер бросил невольный взгляд на обугленное пятно в середине стола.

– Это была случайность, – защищаясь, заметила она.

– О, ох. По крайней мере, брови отросли.

– Хм. Я почти сделала это. Еще одна партия...

– Ты так говорила и в прошлый раз. – Он знал, что ступает на опасную территорию, но остановиться уже не мог.

Она медленно, глубоко вздохнула и поглядела на него, сузив глаза, как будто целилась перед тем, как стрелять из тяжелой артиллерии. Однако затем как будто передумала, ее черты разгладились, и она протянула руку к предмету, который он держал.

– Что это ты смастерил?

– Да так, безделушку для Джема. – Роджер позволил ей забрать игрушку, ощутив прилив заслуженной гордости. – Все колесики вертятся.

– Мне, папа? – Джейми катался по полу вместе с Адсо, который был терпим к маленьким детям. Услышав свое имя, мальчик тут же оставил кота – который, не тратя понапрасну время, сиганул в окно – и подбежал к родителям, чтобы посмотреть на новую игрушку.

– О, погляди-ка! – Брианна прокатила маленькую машинку по ладони и приподняла ее, позволив всем четырем колесам свободно крутиться. Джем жадно схватил ее и потянул за колеса.

– Осторожней, осторожней! Ты их оторвешь. Вот, смотри. – Склонившись, Роджер взял машинку и прокатил ее по камням очага. – Видишь? Врум-врум!

– Брум, – отозвался Джемми. – Дай, папа, дай!

Роджер, улыбаясь, отдал игрушку сыну.

⁴⁵ Карточная игра.

– Брум! Брум-брум! – Мальчик увлеченно катал машинку, затем, отпустив ее, стал, приоткрыв рот, наблюдать, как она, доехав сама по себе до края очага, врезалась в него и перевернулась. Пицца от восторга, он бросился за новой игрушкой.

Все еще улыбаясь, Роджер поднял глаза на Брианну, глядящую за Джемом, на лице у нее застыло странное выражение. Она ощутила взгляд мужа и посмотрела на него.

– Врум? – спросила она тихо, и он почувствовал толчок где-то внутри, будто кто-то ударил его в живот.

– Папа, что это, что это? – Джемми снова схватил машинку и подбежал к нему, хватаясь за рубашку.

– Это... это... – начал он растерянно. На деле это была грубая копия «моррис майнора», но даже слово «машина», не говоря уж об «автомобиле», здесь не имело никакого смысла. До изобретения двигателя внутреннего сгорания с его ностальгическим урчанием оставалась еще по меньшей мере сотня лет.

– Думаю, это врум, милый, – сказала Брианна, и в ее голосе звучало сочувствие. Роджер ощутил теплый груз ее руки у себя на затылке.

– Э... Да, так и есть, – сказал он и прочистил сжавшееся горло. – Это врум.

– Брум, – счастливо повторил Джемми и встал на колени, чтобы снова прокатить машинку по камням очага. – Брум-брум.

Пар. Источником энергии будет пар или ветер. Ветряная мельница будет работать как помпа, чтобы закачивать воду в систему, но если мне нужна горячая вода, все равно получится пар, – почему бы его не использовать?

Проблема в герметичности: дерево горит и протекает, глина не выдержит давления. Мне нужен металл, других вариантов нет. Интересно, что сделает миссис Баг, если я использую ее котел для стирки? Ну, вообще-то я знаю, что она сделает, и взрыв пара с этим не сравнится. Нужно придумать что-то другое.

Глава 19

Сенокос

Майор Макдональд вернулся в последний день сенокоса. Я как раз шла вдоль дома с огромной корзиной хлеба, совершая опасные маневры, когда увидела его возле дорожки призывающим лошадь к дереву. Он приподнял шляпу, отвесил мне поклон и прошел во двор, с любопытством наблюдая за нашими приготовлениями.

Вместо столов мы расставили под каштанами козлы, на которые уложили доски. Женщины бегали вперед и назад, как муравьи, между домом и двором, расставляя еду. Солнце уже садилось, значит, скоро вернуться мужчины для праздничного ужина – грязные, голодные, уставшие, но довольные, что работа завершена.

Я поприветствовала майора кивком и с облегчением приняла его предложение донести корзину с хлебом до столов.

– Значит, сенокос? – спросил он в ответ на мои объяснения. На его обветренном лице заиграла ностальгическая улыбка. – Я помню сенокос из тех времен, когда был еще ребенком. Но это было в Шотландии, да? Нам редко так везло с погодой, как здесь.

Он устремил взгляд в высокий голубой купол августовского неба. Это действительно была идеальная погода для сенокоса – стояла сухая жара.

– Да, погода замечательная, – сказала я, глубоко вдыхая. Повсюду витал запах свежескошенной травы, да и само сено лежало сверкающими стогами под каждым навесом, цеплялось к одежде, по земле бежали тропинки из разбросанной соломы. Теперь дух сенокоса смешался с ароматами от жареного мяса, которое всю ночь мариновалось, свежего хлеба и нотками хмель-

ного сидра миссис Баг. Марсали и Бри переносили кувшины из кладовки у родника, где он охлаждался вместе с пахтой и пивом.

– Вижу, я выбрал отличное время для визита, – заметил майор, с одобрением наблюдая за нашими стараниями.

– Да, если пришли поесть, – ответила я, веселясь. – А если пришли поговорить с Джейми, то, думаю, вам придется подождать до завтра.

Он озадаченно посмотрел на меня, но не успел задать ни одного вопроса. Я заметила на тропинке нового гостя. Майор повернулся, следуя за направлением моего взгляда, и слегка нахмурился.

– Какого черта... Это тот парень с клеймом на лице, – сказал он с явным неодобрением в голосе. – Я видел его в Куперсвиле, но он заметил меня первым и быстро скрылся. Позвольте-ка мне его прогнать, мэ. – Он поставил корзину с хлебом и уже потянулся к ножнам, когда я схватила его за руку.

– Вы это не сделаете, майор, – сказала я резко. – Мистер Хиггинс – наш друг.

Он непонимающе посмотрел на меня и опустил руку.

– Как вам угодно, миссис Фрэзер, конечно, – прохладно проговорил он, снова подняв корзину, и удалился к столам.

На секунду раздраженно закатив глаза, я отправилась встречать новоприбывшего. Очевидно, что Бобби Хиггинс мог присоединиться к майору на пути к Риджу, однако было так же очевидно, почему он предпочел этого не делать. Я отметила, что Бобби стал лучше управляться с мулами: на одном он сидел верхом, а другого, нагруженного многообещающими коробками и свертками, держал в поводу.

– Подарки от Его Светлости, мэ, – сказал он, соскальзывая с мула, и энергично мне отсалютовал.

Краем глаза я видела, что Макдональд за нами наблюдает, и поняла, что военная выправка Бобби не осталась без внимания. Значит, теперь он знает, что Бобби солдат, и без сомнения вскоре выведает всю его подноготную. Я подавила тягостный вздох: здесь я ничем не смогу помочь, им придется улаживать все между собой – если найдется что улаживать.

– Ты хорошо выглядишь, Бобби, – сказала я и улыбнулась, на время откладывая свою тревогу. – Надеюсь, никаких проблем с верховой ездой?

– О, нет, мадам! – Он широко улыбнулся. – Я ни разу не вышел из строя с тех пор, как уехал от вас.

Под «выйти из строя» Бобби имел в виду «падать в обморок», и я поздравила его с хорошим самочувствием, глядя, как он быстро и споро разгружает мула. Парень действительно выглядел здоровым: его кожа была гладкой и розовой, как у ребенка, если не считать уродливый шрам на щеке.

– Тот красномундирщик, – сказал он, изображая безразличие, и опустил коробку. – Вы ведь с ним знакомы, мэ?

– Это майор Макдональд, – ответила я, усердно избегая смотреть в ту сторону: его глаза сверлили мою спину. – Да, он... делает разные вещи для губернатора. То есть я хочу сказать, он не из регулярной армии. Майор – офицер на половинном жалованье.

Эти факты, кажется, немного успокоили Бобби. Он вдохнул, как будто собираясь что-то сказать, но потом передумал. Вместо этого он сунул руку за пазуху, извлек запечатанный конверт и протянул его мне.

– Это вам, – пояснил он. – От Его Светлости. Вы не знаете, мисс Лиззи где-то рядом? – Взглядом он уже искал ее среди группы девушек у столов.

– Да, последний раз я видела ее на кухне, – ответила я, ощущая, как по позвоночнику пробежал легкий холодок. – Она сейчас выйдет. Но... ты ведь знаешь, что она обручена, Бобби? Ее жених придет на ужин вместе с другими мужчинами.

Он встретился со мной глазами и улыбнулся особенно благостно.

– О, ох, мэ, я это прекрасно знаю. Я только хотел поблагодарить ее за то, что она была так добра ко мне в прошлый мой приезд.

– О, – сказала я, ничуть не доверяя этой улыбке. Бобби был симпатичным парнем, да еще и служил раньше в армии, – слеп на один глаз или нет, не так важно. – Что ж... Хорошо.

Прежде чем я успела сказать что-нибудь еще, я услышала хор мужских голосов за деревьями. Это было не совсем пение, скорее чтение нараспев. Я не могла разобрать, что они поют, – там было много гэльского «Хо-ро!» и подобных звуков, – мужчины радостно вторили друг другу и звучали в унисон.

Новым арендаторам, которые куда больше привыкли собирать водоросли, чем косить траву, такое дело был в новинку. Джейми, Арч и Роджер помогали им освоить покос. Судя по небольшому количеству швов и легким травмам, обучение прошло успешно: никто не отсек себе ногу или руку; случилась пара перебранок, но без драк, и не больше испорченного или затоптанного сена, чем обычно.

В приподнятом настроении они все ввалились во двор – перепачканные, мокрые от пота, у всех от жажды пересохло во рту. Джейми был в самой гуще людей, смеющийся и чуть покачивающийся от дружеских толчков с разных сторон. Он заметил меня, и широкая улыбка растянулась на загорелом лице. Он в несколько шагов настиг меня и заключил в крепкие объятия, пахнувшие сеном, лошадьми и потом.

– Слава богу, мы с этим покончили! – сказал он и звучно поцеловал меня. – Боже, мне нужно выпить. И нет, малыш Роджер, это не богохульство, – добавил он, оглядываясь через плечо, – это выражение благодарности и отчаянная нужда, да?

– Да. Но начать надо с главного, так ведь? – Роджер возник у Джейми за спиной, голос его был таким хриплым, что в общем шуме его едва можно было разобрать. Поморщившись, он сглотнул.

– О, ай. – Джейми кинул быстрый взгляд на Роджера, как бы оценивая ситуацию, пожал плечами и устремился в центр двора.

– Èist ris! Èist ris!⁴⁶ – закричал Кенни Линдсэй, увидев его. Юэн и Мердо присоединились к нему, захлопав в ладоши и громко выкрикивая уже по-английски: «Слушайте его!», так что толпа постепенно затихла и все взгляды обратились на Джейми.

– Я творю молитву своими устами, творю молитву своим сердцем, я молюсь тебе, о Исцеляющая десница, Сыне Божий⁴⁷.

Он не повышал голос, однако все мгновенно замолкли, как только он начал говорить, и его слова звенели в вечернем воздухе.

– Господь, предводитель ангелов, накрой меня своими льняными одеждами, огради меня от всякого голода, освободи меня от всякой темной сущности, укрепи меня в добрых начинаниях, направь меня во всякой нужде, охраняй в любой болезни и от всякого зла сохрани меня.

Толпа как будто затрепетала в безмолвном одобрении, я увидела, как несколько рыбаков склонили головы, хотя глаз с Джейми они не сводили.

– Встань между мною и всем страшным, встань между мною и всем злым, встань между мною и всем темным, что надвигается на меня. Господь наш, покровитель слабых, покровитель нищих и праведных, щит для домов наших: Ты взываешь к нам голосом славы, милосердными устами Твоего возлюбленного Сына.

⁴⁶ Слушайте его! (гэльск.)

⁴⁷ Здесь и далее цитируется Achan Ìosa (Молитва Иисусу), известная по сборнику шотландского фольклора *Sagmina Gadelica*, составленному и переведенному на английский язык фольклористом Александром Кармайклом.

Я взглянула на Роджера, который тоже тихонько и одобрительно кивал. Очевидно, они вместе так решили. Разумный шаг: такая молитва знакома рыбакам, при этом в ней нет ничего подчеркнуто католического.

Джейми полубессознательно раскинул руки. Летний ветер подхватил влажную изношенную материю его рубахи, когда он откинул голову назад и поднял светящееся от радости лицо к небу.

– Да обрету я вечный покой в обители Святой Троицы, в небесном Раю, в солнечном Саду Твоей любви.

– Аминь! – сказал Роджер как можно громче, и отовсюду во дворе слышалось такое же благодарное бормотание. Майор Макдональд поднял вверх кружку с сидром и с криком «Slàinte» осушил ее.

После этого начался настоящий праздник. Я обнаружила себя сидящей на бочке, а Джейми с тарелкой и постоянно наполняющейся кружкой сидра расположился на траве у моих ног.

– Бобби Хиггинс здесь, – сказала я ему, заметив Бобби в центре группки кокетничающих девушек. – Ты видишь Лиззи где-нибудь?

– Нет, – ответил он, подавляя зевок. – Почему ты спрашиваешь?

– Он спрашивал о ней.

– В таком случае я уверен, что он ее найдет. Хочешь мяса, саксоночка? – Он протянул мне крупный кусок ребрышка, вопросительно изогнув бровь.

– Я уже поела, – заверила я его, и он тут же впился в предложенное мясо с таким самозабвенным видом, как будто не ел неделю. – Майор Макдональд уже говорил с тобой?

– Нет, – ответил он с набитым ртом. – Это подождет. Вот и Лиззи с Макгилливреяи.

Это меня немного успокоило. Макгилливрей – и особенно фрау Уте – пресекут любые неуместные ухаживания по отношению к своей будущей невестке. Лиззи, смеясь, разговаривала с Робинотом Макгилливреем, который по-отцовски улыбался ей в ответ, в то время как его сын, Манфред, с увлечением ел и пил. Я заметила, что фрау Уте пристально наблюдала за отцом Лиззи, который сидел на крыльце неподалеку, удобно устроившись рядом с высокой, довольно невзрачной немкой.

– Что за женщина сидит с Джозефом Уэмиссом? – спросила я, толкая Джейми коленкой, чтобы привлечь его внимание.

Он сощурил глаза против солнца, пытаясь разглядеть пару, потом пожал плечами.

– Не знаю. Немка. Должно быть, пришла вместе с Уте Макгилливрей. Сводничество, а? – Он поднес к губам кружку и сделал несколько крупных глотков, блаженно вздыхая.

– Думаешь? – Я с интересом стала рассматривать странную женщину. Она явно отлично ладит с Джозефом, а он – с ней. Ее худое лицо буквально светилось, пока он, жестикулируя, объяснял что-то: голова в аккуратном чепце склонилась в его сторону, на губах играла улыбка.

Я не всегда одобряла методы Уте Макгилливрей, порой довольно циничные, однако стоило отдать ей должное: ее планы были очень хитры и требовали внимания к деталям. Лиззи и Манфред должны были пожениться следующей весной, и я уже думала о том, как Джозеф это перенесет: в дочери была вся его жизнь. Конечно, после свадьбы он может уйти с ней. Лиззи с Манфредом будут жить в большом доме Макгилливреев, и, надо думать, там найдется место и для Джозефа. Однако он будет разрываться между Лиззи и Риджем, ему не захочется уезжать от нас. Хотя для любого здорового мужчины всегда найдется работа в хозяйстве, Джозеф не был по призванию фермером, не говоря уж о кузнечном деле, которым промышляли Манфред с отцом. А вот если он женится... Я снова бросила взгляд на Уте и увидела, что она следит за мистером Уэмиссом и его «нареченной» с выражением кукловода, чьи марионетки танцуют именно так, как ей того и надо.

Кто-то оставил кувшин сидра рядом с нами. Я наполнила кружку Джейми, а потом свою. Сидр был восхитительный: темный, клубящийся янтарь, сладкий и пахучий, с особой тонкой пикантной ноткой. Я позволила холодному напитку тонкой струйкой опуститься по горлу и затем раскрыться в моей голове, подобно безмолвному цветку.

Вокруг было много смеха и разговоров, и я заметила, что хотя новые поселенцы и держались своих небольших семейных групп, сегодня они сильнее перемешались со старожилками. Мужчины, которые последние две недели работали бок о бок, теперь отлично ладили друг с другом, сидр же разжег их взаимную симпатию. Новые арендаторы с недоверием смотрели на вино, считая его нелепым изобретением, крепкие напитки, вроде виски и рома, по их мнению, были непотребными, но все пили пиво и сидр. «Сидр полезен», – сказала мне одна из женщин, вручая кружку своему маленькому сыну. «Даю им полчаса, прежде чем они начнут валиться, как мухи», – подумала я, медленно потягивая сидр.

Джейми с интересом хмыкнул, и я опустила на него глаза. Он кивнул на дальнюю сторону двора. Я увидела, что Бобби Хиггинс избавился от своих поклонниц и при помощи какой-то магии – не иначе – смог вытянуть Лиззи из гущи Макгилливреев. Они стояли в тени каштанов и о чем-то беседовали. Я оглянулась на Макгилливреев. Манфред сидел, упершись спиной на основание дома, и клевал носом над тарелкой. Его отец уютно устроился возле него на земле и мирно похрапывал. Девушки оживленно болтали вокруг них, передавая еду туда и обратно над упавшими головами супругов, каждый из которых был на разных отрезках пути в царство Морфея. Уте переместилась поближе к крыльцу и теперь разговаривала с Джозефом и его спутницей. Я снова посмотрела в сторону каштанов. Лиззи и Бобби всего лишь болтали, и расстояние между ними было таким, какое позволяли приличия. Но меня смущало что-то в том, как он склонялся в ее сторону, как она чуть отворачивалась от него, а затем открывалась, комкая одной рукой край юбки.

– Боже, – прошептала я и вся подобралась, готовая в любую минуту подскочить, но неуверенная, стоит ли мне действительно идти и прерывать их. В конце концов, они были на виду и...

– «Три вещи непостижимы для меня, – молвил пророк, – и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице»⁴⁸. – Джейми сжал мое бедро, я опустила на него взгляд и увидела, что он, полуприкрыв глаза, тоже следит за парой под каштанами.

– Значит, мне не примерещилось, – угрюмо подытожила я. – Думаешь, стоит вмешаться?

– Хмм. – Он глубоко вздохнул, выпрямился и потряс головой, пытаясь разогнать дрему. – Нет, саксоночка. Если молодой Манфред не взял на себя заботу приглядывать за своей женщиной, то тебе не стоит делать это вместо него.

– Да, согласна. Я просто думаю, что если их заметит Уте... или Джозеф? – Я не знала, чего можно ожидать от мистера Уэмисса, а вот Уте наверняка устроила бы грандиозную сцену.

– О. – Он моргнул, слегка покачиваясь. – Ай, наверное, ты права. – Джейми стал крутить головой по сторонам, затем, заметив Йена, чуть дернул подбородком, подзывая его. Йен лежал в паре футов от нас, раскинувшись на траве, рядом с горкой жирных обглоданных ребрышек, но теперь перевернулся и покорно пополз в нашу сторону.

– Мм? – промычал он. Его густые каштановые волосы наполовину выбились из хвоста, пара вихров торчала почти вертикально, остальные небрежно падали на глаза.

Джейми кивнул в сторону каштанов.

– Пойди и попроси Лиззи подлатать твою руку, Йен.

Йен сонно уставился на свою руку: на тыльной стороне была свежая царапина, но она уже запеклась. Потом он посмотрел в ту сторону, куда указывал Джейми.

⁴⁸ Притчи 30:18–19.

– О, – с пониманием отозвался он. Некоторое время он стоял на четвереньках, задумчиво сузив глаза, затем неторопливо поднялся и стянул повязку с волос. Небрежно откинув их назад, он пошел в направлении каштанов.

Они были слишком далеко, чтобы что-нибудь услышать, но мы могли наблюдать. Бобби и Лиззи расступились, как воды Красного моря, когда высокая, долговязая фигура Йена возникла между ними. Еще пару мгновений все трое, казалось, мило беседовали, затем Лиззи и Йен направились к дому. Лиззи дружески помахала Бобби рукой, но потом коротко оглянулась на него через плечо. Бобби пару мгновений стоял, глядя ей вслед и задумчиво покачиваясь на каблуках, затем тряхнул головой и пошел выпить сидра.

Сидр брал свое. С наступлением ночи все будут спать без задних ног. Во время сенокоса мужчины засыпали буквально в тарелках от изнеможения. Люди вокруг по-прежнему говорили и смеялись, но мягкий закатный свет, который начинал заливать двор, обнаруживал все увеличивающееся количество тел, раскинувшихся в траве.

Ролло самозабвенно грыз кости, оставшиеся после Йена. Брианна сидела чуть поодаль, Роджер положил голову ей на колени и выглядел спящим. Сквозь распахнутый ворот его рубашки был все еще хорошо виден старый шрам от веревки на шее. Бри улыбнулась мне, она гладила Роджера по блестящим черным волосам, выбирая из них травинки. Джемми нигде не было видно, как и Германа. К счастью, фосфор был под замком на самом верху моего самого высокого шкафа.

Джейми тоже положил свою теплую и тяжелую голову на мое бедро, и я опустила руку на его волосы, улыбаясь Бри в ответ. Я услышала, как Джейми тихонько фыркнул, и проследила за его взглядом.

– Для такой маленькой юной леди Лиззи создает кучу проблем, – сказал он.

Бобби Хиггинс стоял рядом с одним из столов, попивая сидр и не подозревая о том, что за ним все это время пристально следили братья Бердсли. Эти двое мелькали среди деревьев, как лисы, едва заметно, постепенно окружая несчастного Бобби.

Один из них – скорее всего Джо – неожиданно возник прямо рядом с Бобби. От неожиданности тот даже пролил сидр. Парень нахмурился и принялся вытирать мокрое пятно на рубашке, Джо в это время наклонился ближе, очевидно бормоча какие-то угрозы и предупреждения. Бобби с оскорбленным видом отвернулся от него и тут же столкнулся нос к носу с Кеси.

– Не уверена, что проблемы создает именно Лиззи, – сказала я, защищая девушку. – Она всего лишь поговорила с ним.

Лицо у Бобби заметно покраснело. Он поставил кружку на стол и весь напрягся, сжав одну ладонь в кулак. Бердсли придвинулись ближе с явным намерением вынудить его уйти в лес. Поглядывая с опаской то на одного близнеца, то на другого, он сделал шаг назад и уперся спиной в крупный древесный ствол.

Я опустила глаза вниз: Джейми наблюдал за происходящим сквозь опущенные ресницы с выражением мечтательной отстраненности. Он глубоко вздохнул, закрыл глаза и внезапно полностью обмяк, так что я целиком ощутила его вес. Причина такого неожиданного забытья возникла секундой позже: это был Макдональд, пунцовый от еды и сидра, красный мундир пылает в закатном свете, как раскаленные угли. Он посмотрел на Джейми, мирно дремлющего у меня на ноге, и покачал головой. Потом обернулся вокруг, оценивая ситуацию.

– Вот черт, – проговорил он мягко. – Говорю вам, мэ, я видал поля сражений, где не было такой бойни.

– Вот как? – Его появление отвлекло меня, но при слове «бойня» я глянула назад. Бобби и братья Бердсли пропали, растворились в сумерках, как клубы тумана. Что ж, если они избивают друг друга до полусмерти в лесу, я точно скоро об этом узнаю.

Пожав плечами, Макдональд наклонился, взял Джейми за плечи и поднял с моих колен, с неожиданной деликатностью переложив его на траву рядом.

– Не возражаете? – вежливо спросил он и, получив от меня одобрительный кивок, присел с другой стороны от меня, обхватив колени руками.

Он был при параде, как всегда, – парик и все прочее, – но ворот рубашки выглядел засаленным, полы мундира истрепались по краям и были забрызганы грязью.

– Постоянно в разъездах в последнее время, майор? – спросила я, начиная разговор. – Извините, что говорю об этом, но вы выглядите уставшим.

Я удивила его своим замечанием прямо посреди зевка, он тут же прервал его, сглотнул и часто заморгал, смеясь.

– Ох, мэ. Я в седле весь последний месяц, а кровать видал в одну ночь из трех.

Он выглядел измотанным даже в мягком свете заката: морщины на лице будто залегли глубже от усталости, под глазами нависли мешки. Он не был красавцем, но обычно его лихая самоуверенность прибавляла ему шарма. Теперь же он выглядел так, как и должен был: пятидесятилетний солдат на половинном жалованье, страдающий от отсутствия регулярной службы и полка, цепляющийся за любые мелкие связи, которые могут поспособствовать его повышению. В обычной ситуации я бы не стала говорить с ним о работе, но сейчас сочувствие заставило меня спросить:

– Много работаете для губернатора Мартина?

Он кивнул, сделал глоток сидра и глубоко вздохнул.

– Да, мэ. Губернатор оказал мне честь, поручив собирать для него новости о состоянии провинций, – и даже льстит мне, прислушиваясь время от времени к моим советам. – Майор с улыбкой посмотрел на Джейми, который свернулся калачиком, как еж, и похрапывал.

– Вы говорите о назначении моего мужа индейским агентом? Мы благодарны вам, майор.

Он отмахнулся от моих благодарностей.

– Ах нет, мэ. Это имеет очень отдаленное отношение к губернатору. Подобные назначения производятся суперинтендантом Южного департамента. Хотя, конечно, это в интересах губернатора – быть в курсе того, что там происходит у индейцев, – добавил он, делая еще глоток.

– Уверена, он все расскажет вам утром, – заверила я его, кивая в сторону Джейми.

– Конечно, мэ. – Он заколебался на мгновение. – Вы не знаете... Может, мистер Фрэзер спрашивал у индейцев... что-нибудь о... поджогах?

Я выпрямилась, весь сидр тут же выветрился из моей головы.

– Что случилось? Были еще поджоги?

Он кивнул и устало потер лицо, проведя рукой по отросшим бакенбардам.

– Да, два. Но в первом случае это был только амбар под Салемом. Амбар моравских братьев. И, насколько я слышал, это был кто-то из шотландско-ирландских пресвитериан, осевших в округе Сарри. Какой-то подлец, мелкий проповедник, настроил их против мораван – те, мол, безбожные язычники. – Он внезапно улыбнулся на это, но быстро посерьезнел.

– Округ Сарри штормит уже несколько месяцев. Причем так, что братья подали ходатайство губернатору, чтобы он пересмотрел границы округа и переместил общину в округ Роуэн. Линия между Сарри и Роуэном проходит прямо по их земле, понимаете? А шериф Сарри... – Он махнул рукой.

– Должно быть, он не столь усерден в исполнении своего долга, как ему следует? – подсказала я. – По крайней мере, в делах, которые касаются моравских братьев.

– Он двоюродный брат того подлеца, – сказал Макдональд и осушил свою кружку. – Кстати, как у вас дела с новыми поселенцами? Никаких проблем? – спросил он, опуская емкость. Он криво улыбнулся, оглядывая сидящих небольшими группами женщин, которые

оживленно переговаривались, пока мужчины спали у их ног. – Кажется, вы оказали им радушный прием.

– Ну, они, конечно, пресвитериане, и весьма страстные, но по меньшей мере пока что не пытались сжечь дом.

Я оглянулась на крыльцо, где мистер Уэмисс и его новая знакомая по-прежнему сидели рядом, склонив головы, поглощенные разговором. Я подумала, что мистер Уэмисс, кажется, последний бодрствующий мужчина, за исключением майора. Женщина, без сомнений, была немкой, но вряд ли из мораван: они очень редко находили себе супругов за пределами общины, да и женщинам было несвойственно уезжать так далеко.

– Можно разве что заподозрить, что пресвитериане сколотили банду с целью очистить местность от папистов и лютеран, но вы так не думаете, правда?

Он коротко, но невесело ухмыльнулся на это.

– Нет. Но ведь я и сам воспитывался как пресвитерианин, мэм.

– О! Ээ... еще капельку сидра, майор?

Он без лишних раздумий протянул кружку.

– Другой поджог... Он был гораздо больше похож на остальные, – сказал он, любезно оставив мою ремарку без дальнейших комментариев. – Уединенная ферма. Мужчина жил один. Но это произошло прямо за линией соглашения.

Последнее было сказано очень многозначительно, и я невольно посмотрела на Джейми. Он говорил мне, что чероки недовольны тем, что поселенцы вторгаются на их территорию.

– Конечно, я спрошу об этом утром у вашего мужа, мэм, – добавил Макдональд, верно истолковав мой взгляд. – Но, возможно, вам известно, слышал ли он что-нибудь...

– Завуалированные угрозы от вождя Снежных Птиц, – созналась я. – Джейми написал о них Джону Стюарту. Но в них не было ничего специфического, никаких деталей. Когда случился последний поджог?

Майор пожал плечами.

– Сложно сказать. Я узнал об этом три недели назад, но человек, который рассказал мне о случившемся, услышал о поджоге за месяц до этого – к тому же он ничего не видел, только передал слухи.

Майор задумчиво поскреб подбородок.

– Наверное, кто-то должен отправиться туда и осмотреть место происшествия.

– Хмм, – протянула я, не пытаясь скрыть свой скептицизм. – И вы думаете, это работа для Джейми, не так ли?

– Я не столь дерзок, чтобы рассказывать мистеру Фрэзеру о его обязательствах, мэм, – сказал Макдональд игриво. – Однако я намерен намекнуть ему, что ситуация может представлять для него интерес, а?

– Да, намекните, – пробормотала я.

Джейми планировал очередную короткую вылазку в деревни Снежных Птиц как раз между сбором урожая и наступлением холодов. Идея того, чтобы отправиться к индейцам, дабы расспрашивать Птицу Которая Поет по Утрам о сгоревшей ферме, с моей точки зрения казалась более чем рискованной. Легкий ветер заставил меня поежиться, и я отхлебнула сидра, внезапно захотев, чтобы он оказался горячим. Солнце уже опустилось за горизонт, и воздух постепенно остывал, однако совсем не от этого холод бежал по моим венам.

Что, если Макдональд прав и это чероки поджигают фермы? И тут Джейми придет со своими неудобными вопросами... Я посмотрела на наш дом, безмятежный и крепкий, с окнами, освещенными светом свечей, – хрупкий бледный бастион на фоне темнеющего леса.

«Мы с прискорбием сообщаем, что получили новости о смерти Джеймса Маккензи Фрэзера и его жены, Клэр Фрэзер, которые погибли в пожаре, уничтожившем их дом».

В сгустившихся сумерках замерцали светлячки, подобно холодным зеленым искрам, и я невольно подняла лицо к небу, чтобы увидеть россыпь таких же, только желтых и красных, над печной трубой. Всякий раз, когда я думала об этой мрачной газетной вырезке – хотя старалась не думать и не считать дни до двадцать первого января тысяча семьсот семьдесят шестого года, – мне представлялось, что пожар начинается по какой-то случайности. Такие вещи происходили довольно часто и не были чем-то необычным: искры от очага, перевернутые свечи, удары молний во время летних гроз. Прежде мне не приходило в голову, что это может быть преднамеренный поджог, иными словами, убийство.

Я передвинула ногу и легонько толкнула Джейми. Он заворочался, вытянул руку и обхватил мою лодыжку, затем снова погрузился в сон с удовлетворенным стоном.

– Встань между мною и всем темным, – проговорила я едва слышно.

– Slàinte, – произнес майор и опустошил очередную кружку.

Глава 20

Опасные дары

Новости, принесенные майором Макдональдом, заставили Джейми и Йена отправиться к Птице Которая Поет по Утрам для короткого визита уже через два дня, сам майор уехал по своим таинственным поручениям, и я осталась дома с Бобби Хиггинсом в качестве помощника.

Я до смерти желала порыться в ящиках, которые привез мне Бобби, но меня отвлекало то одно, то другое: неудавшаяся попытка белой свиньи сожрать Адсо, коза с больным выменем, странная зеленая плесень, попавшая в последнюю партию сыра, завершение строительства долгожданной летней кухни, а также серьезный разговор с Бердсли по поводу поведения с гостями. Прошло больше недели, прежде чем у меня нашлось время распаковать подарок лорда Джона и прочесть его письмо.

4 сентября 1773 года

От лорда Джона Грея, плантация Маунт Джосайя

Миссис Джеймс Фрэзер

Дорогая мадам!

Надеюсь, что вещи, о которых вы просили, придут в целостности и сохранности. Мистер Хиггинс выражает некоторое беспокойство относительно транспортировки купоросного масла⁴⁹ – полагаю, у него есть какой-то неприятный опыт, связанный с ним. Однако мы с некоторой осторожностью упаковали бутылку и оставили ее нераспечатанной – такой, как она прибыла из Англии.

Изучив великолепные рисунки, что вы прислали, – верно ли я распознал умелую руку вашей дочери? – я отправился в Вильямсбург, чтобы проконсультироваться с известным стеклодувом, который живет там под именем Блогуэзер (без сомнений, вымышленным). Мистер Блогуэзер заключил, что реторта-пеликан очень проста в изготовлении и вряд ли станет испытанием для его умений, зато пришел в восторг от сложности аппарата для дистилляции – в частности, от съёмной спирали. Он немедленно предположил, что эту незаменимую деталь легко разбить, и изготовил сразу три экземпляра.

Прошу вас считать их моим подарком. Это самое малое, что я могу сделать в знак благодарности за вашу бесконечную доброту ко мне, а теперь и к мистеру Хиггинсу.

Ваши скромнейший и покорнейший слуга,

Джон Грей

⁴⁹ Серная кислота.

Р. С. Я с трудом сдерживаю свое совершенно непристойное чувство любопытства, однако теши надежду, что в будущем, при случае, вы, возможно, наградите меня объяснением, для чего нужны все эти загадочные предметы.

Они действительно упаковали все с «некоторой» осторожностью. С трудом открытые ящики были наполнены огромным количеством соломы, стеклянные сосуды и запечатанные бутылки сверкали внутри, будто яйца птицы Рух⁵⁰.

– Вы ведь будете осторожны с этим, да, мэм? – обеспокоенно спросил Бобби, когда я подняла из соломы тяжелую пузатую бутылку из темно-коричневого стекла, с пробкой, запечатанной красным сургучом. – Она ужасно ядовитая, эта штука.

– Да, я знаю. – Приподнявшись на цыпочки, я поставила бутылку на самую высокую полку, где ее не смогут достать ни дети, ни коты. – Значит, ты видел эту субстанцию в действии, Бобби?

Он крепко сжал губы и покачал головой.

– Не то чтобы в действии, мэм. Но я видел, что она может делать с людьми. Была одна... девица в Лондоне, которую я узнал немного, пока мы в порту ждали корабль в Америку. Половина ее лица была хорошенькой и нежной, будто цветочный лепесток, а вторая так изуродована шрамами, что на нее едва можно было смотреть. Как будто она обгорела на пожаре, но девчушка сказала, это было купоросное масло. – Он снова посмотрел на бутылку и тяжело сглотнул. – Другая шлюха плеснула это ей в лицо из ревности, так она сказала.

Он снова со вздохом покачал головой и потянулся за метлой, чтобы собрать рассыпанную солому.

– Что ж, не тревожься так, – успокоила я его. – У меня в планах нет плескать это кому-нибудь в лицо.

– О нет, мэм. Я бы никогда такое не подумал о вас. – Бобби выглядел шокированным моим предположением.

Я пропустила его уверения мимо ушей, погруженная в исследование новых сокровищ.

– О, гляди-ка, – сказала я завороченно. Я держала в руках произведение мистера Блогуэзера – стеклянный шар величиной с мою голову, идеально симметричный, без малейшего намека на пузырьки воздуха внутри. Шар был прозрачного голубоватого оттенка, и я видела в нем собственное искаженное отражение с огромным носом и вытаращенными глазами, как будто на меня оттуда смотрела русалка.

– Ай, мэм, – отозвался Бобби, послушно глядя на реторту. – Она эээ... довольно большая, да?

– Она идеальная, просто идеальная.

Вместо того чтобы просто срезать шар со стеклодувной трубки, мастер сделал горлышко длиной около двух дюймов и диаметром в дюйм, с широкими стенками. Края и внутренняя поверхность его были... отшлифованы? Отполированы? Не знаю, что именно делал с ними мистер Блогуэзер, но в результате получилась гладкая матовая поверхность, которая образовывала прекрасный герметичный стык, если вставить в нее другую деталь, обработанную таким же образом.

Мои ладони стали влажными от волнения и страха, что я могу уронить это сокровище. Я обернула реторту передником и огляделась по сторонам, размышляя, куда лучше ее поставить. Я не ожидала, что она окажется такой большой: без надежного помощника вроде Бри или кого-то из мужчин тут не обойтись.

– Ее нужно будет нагревать на слабом огне, – объяснила я, хмурясь при взгляде на небольшую жаровню, которой я пользовалась для приготовления отваров. – Тут важна температура,

⁵⁰ В средневековом арабском фольклоре огромная (как правило, белая) птица размером с остров, способная уносить в когтях и пожирать слонов.

а угли плохо держат жар. – Я осторожно поставила шар в свой буфет за рядом бутылков. – Думаю, можно будет использовать спиртовую лампу, но сосуд гораздо больше, чем я рассчитывала. Нужна будет лампа хорошего размера, чтобы подогреть его...

В этот момент я поняла, что Бобби больше не прислушивается к моему бормотанию, его внимание было захвачено чем-то снаружи. Он хмурился, глядя в открытое окно, и я подошла к нему сзади, чтобы увидеть, что его отвлекло. Было несложно догадаться: Лиззи Уэмисс стояла на траве под каштанами, сбивая масло, и с ней был Манфред Макгилливрей. Я посмотрела на весело переговаривающуюся пару, затем на мрачное лицо Бобби и кашлянула.

– Бобби, ты не откроешь для меня еще один ящик?

– А? – Внимание парня было по-прежнему поглощено парой снаружи.

– Ящик, – терпеливо повторила я. – Вот этот. – И я толкнула его кончиком ступни.

– Ящик... О! Да, мэм, конечно. – Оторвав взгляд от окна, он с довольно напряженным видом принялся за дело.

Я же тем временем вытаскивала оставшиеся детали из открытого ящика, отряхивала их от соломы и укладывала колбы, реторты и трубки в высокий буфет, не забывая наблюдать за Бобби краем глаза и обдумывая новый поворот сюжета. Я не думала, что его чувства к Лиззи были чем-то большим, чем мимолетное влечение. И, возможно, одернула я себя, так оно и было. Но если... Невольно я снова посмотрела в окно и обнаружила, что пара превратилась в трио.

– Йен! – воскликнула я. Бобби резко поднял голову, ошарашенный моим вскриком, но я уже была у двери, спешно стряхивая солому с фартука по пути. Если Йен вернулся, то Джейми...

Он вошел через парадную дверь, как раз когда я выбежала в прихожую, и тут же схватил меня за талию, осыпая страстными поцелуями, которые пахли солнцем и пылью, и царапая щетиной, колючей, как наждачная бумага.

– Ты вернулся, – сказала я зачем-то.

– Да, и не один, а с индейцами, – отозвался он, хватая меня за зад обеими руками, и страстно потерся жесткой щетиной о мою щеку. – Господи, ты не представляешь, что бы я отдал за четверть часа с тобой наедине, саксоночка! Мои яйца вот-вот взорву... О, мистер Хиггинс. Я, эм, не знал, что вы здесь.

Он отпустил меня и резко выпрямился, одновременно стягивая с головы шляпу и подчеркнуто небрежно опуская ее себе на бедро.

– Да, сэр, – сказал Бобби довольно мрачно. – Мистер Йен тоже вернулся? – В голосе его при этом не звучало особой радости: если возвращение Йена и отвлекло Лиззи от Манфреда – а оно отвлекло, – это никак не переключало ее внимание на Бобби.

Лиззи тем временем оставила маслобойку на несчастного Манфреда, который вращал ручку с явным отвращением, и, смеясь, побежала в сторону конюшен с Йеном, должно быть, чтобы показать ему теленка, который родился в его отсутствие.

– Индейцы, – сказала я, вспоминая, о чем говорил Джейми. – Какие еще индейцы?

– Подюжины чероки, – ответил он. – А это что? – Он кивнул на след из соломы, ведущий в мой кабинет.

– Ах, это. Это эфир! – сказала я радостно. – То есть скоро будет эфир. Я так понимаю, индейцев нужно накормить?

– Да, я скажу миссис Баг. Но с ними молодая женщина, которую они подобрали по пути, чтобы ты ее подлатала.

Джейми уже устремился в сторону кухни.

– О? Что с ней?

– Зуб болит, – коротко отозвался он и толкнул дверь в кухню. – Миссис Баг! Где вы? Эфир, саксоночка? Ты же не имеешь в виду флогистон, правда?

– Не думаю, – ответила я, пытаюсь припомнить, что вообще такое «флогистон». – Но я говорила тебе про анестезию, помнишь? Это и есть эфир, разновидность анестетика, – он усыпляет людей, и их можно оперировать, не причиняя им боли.

– Полезная штука на случай зубной боли, – заметил Джейми. – Куда делась эта женщина? Миссис Баг!

– Так и будет, но потребуется немного времени, чтобы его приготовить. Сейчас придется обойтись виски. Думаю, миссис Баг в летней кухне – сегодня хлебный день. Кстати, раз уж мы начали говорить об алкоголе...

Он уже открыл заднюю дверь, и я поспешила за ним вслед на крыльцо.

– Мне понадобится много качественного алкоголя для эфира. Можешь принести мне завтра бочонок посвежее?

– Бочонок? Боже, саксоночка, что ты собираешься с ним делать? Принимать ванны?

– Ну в общем-то да. Только не я, а купоросное масло. Нужно осторожно влить его в ванну с горячим спиртом, и оно...

– О, мистер Фрэзер! То-то мне казалось, кто-то меня кличет. – Рядом с нами неожиданно возникла улыбающаяся миссис Баг с корзиной яиц в одной руке. – Как я рада снова видеть вас дома целым и невредимым!

– И я рад, миссис Баг, – заверил он ее. – Сможем мы накормить ужином полдюжины гостей?

На мгновение ее глаза расширились от удивления, а затем сразу сузились – она что-то подсчитывала в уме.

– Колбаса, – объявила она. – И репа. Идем-ка, малыш Бобби, подсобишь мне.

Отдав мне яйца, она схватила за рукав Бобби, который вышел следом за нами, и потянула его в сторону грядок. Я вдруг почувствовала себя так, будто оказалась на кружащейся карусели, и ухватила Джейми за руку, чтобы не упасть.

– Ты знал, что Бобби Хиггинс влюблен в Лиззи? – спросила я.

– Нет, но если это так, то не сулит ему ничего хорошего, – индифферентно ответил Джейми.

Решив, что мои манипуляции – это приглашение к действию, он забрал корзину с яйцами и поставил ее на землю, затем прижал меня к себе и снова поцеловал – на этот раз не торопясь, но по-прежнему пылко. Джейми оторвался от моих губ со вздохом глубокого удовлетворения и обратил свой взор на летнюю кухню, которую мы возвели в его отсутствие. Это была небольшая прямоугольная постройка со стенами из грубого полотна и крышей из сосновых веток, внутри стояли очаг и дымоход, посередине помещался большой стол. Оттуда доносились соблазнительные ароматы поднимающегося теста, свежее испеченного хлеба, овсяных лепешек и булочек с корицей.

– Так вот, насчет четверти часа, саксоночка... Думаю, если нужно, я могу управиться и быстрее...

– Я не смогу, – твердо сказала я, но позволила себе несколько нежных прикосновений. Лицо у меня горело от его жесткой щетины. – А когда у нас появится время, то, надеюсь, ты расскажешь мне, чем таким занимался, чтобы случилось вот это...

– Смотрел сны, – ответил он.

– Что?

– Мне всю ночь снились ужасно неприличные сны о тебе, – пояснил он, поправляя штаны в районе паха. – Каждый раз, когда я переворачивался, я ложился прямо на свой член и просыпался. Это было ужасно.

Я расхохоталась, и Джейми принял уязвленный вид, хотя было видно, что он и сам сдерживает смех.

– Хорошо тебе смеяться, саксоночка, у тебя такой штуковины в штанах нет.

– Да уж, к счастью, нет, – согласилась я. – А что за... хмм... неприличные сны?

Я увидела лукавую искорку в глубине голубых глаз, когда он посмотрел на меня. Джейми вытянул палец и нежно провел им по моей шее, затем ниже, по изгибу груди, до того места, где кожа скрывалась под тканью платья, и по тонкой материи, которая накрывала сосок, – последний тут же набух от прикосновения, как гриб-дождевик.

– Из тех, что пробуждают во мне желание взять тебя прямо в лесу – далеко, чтобы никто не услышал, как я укладываю тебя на землю, задираю твои юбки и вхожу в тебя, как в спелый персик, – мягко сказал он. – А?

Я громко сглотнула. В этот интимный момент с тропинки, что шла к дому с другой стороны, послышались шумные приветствия.

– Долг зовет, – заметила я, немного задыхаясь.

Джейми вдохнул поглубже, распрямил плечи и кивнул.

– Что ж, я до сих пор не умер от неудовлетворенных желаний, надо думать, и сейчас выживу.

– Думаю, выживешь, – согласилась я. – К тому же ты как-то говорил мне, что воздержание делает... мужчину... тверже?

Он скорбно посмотрел на меня.

– Если он станет еще тверже, я упаду в обморок от недостатка крови в мозгу. Не забудь яйца, саксоночка.

* * *

Дело шло к вечеру, но света для работы было, слава богу, еще достаточно. Однако мой кабинет был расположен так, чтобы использовать для операций утренний свет, и к полудню комната погружалась в полумрак, поэтому сейчас пришлось организовать импровизированную операционную прямо во дворе.

В этом были свои плюсы, поскольку всем хотелось наблюдать за происходящим. Индейцы относились к любому медицинскому вмешательству, да и вообще почти ко всему, как к событию общественному. Особенно их занимали операции: они были самыми зрелищными. Все столпились вокруг, комментируя мои приготовления, споря друг с другом и разговаривая с пациенткой, которой я пыталась запретить отвечать.

Ее звали Мышь, и я пришла к выводу, что имя было ей дано из каких-то метафизических соображений: ни ее внешность, ни манера держаться совершенно не напоминали это животное. Она была круглолицей и необычайно курносой для чероки; может, ее нельзя было назвать красавицей, но она обладала силой характера, которая часто гораздо привлекательней обычной физической красоты. Это определенно имело эффект на присутствующих мужчин. Мышь была единственной девушкой в индейской делегации. Кроме нее здесь был ее брат, Красная Глина Уилсон, и четверо его друзей, которые пришли вместе с Уилсонами, то ли чтобы защитить их в пути, то ли чтобы – и это более вероятно – побороться за внимание мисс Мышки.

Несмотря на свою шотландскую фамилию, ни один из чероки не знал английского, за исключением нескольких простых слов вроде «да», «нет», «хорошо», «плохо» и «виски». Так как мой словарь языка чероки был примерно таким же, я почти не принимала участия в разговоре. Пока что мы ждали переводчиков и виски.

Нехватка виски была обусловлена непредвиденным происшествием. Неделю назад поселенец по фамилии Вулверхэмптон из какой-то дыры на востоке по случайности ампутировал себе полтора пальца на ноге, когда колол дрова. Найдя положение дел неудовлетворительным, он попытался решить проблему, самостоятельно отрубив оставшуюся фалангу топором. Со всем уважением к этому орудию, топор не самый точный инструмент, зато острый. Мистер Вулверхэмптон, человек крупный и с крутым нравом, жил в одиночестве примерно в семи

милях от своего ближайшего соседа. К тому времени, как он до него добрался на своих двоих – а точнее, на одной – и сосед погрузил его на мула, чтобы доставить на Фрэзер-Ридж, прошли почти сутки, и пострадавшая нога приняла вид и размеры изувеченного енота.

Необходимость стерильности в операционной и последующие многочисленные обеззараживающие процедуры, а также тот факт, что мистер Вулверхэмптон отказывался расставаться с бутылкой, истощили мои обычные запасы. Так как мне в любом случае нужен был бочонок чистого спирта для изготовления эфира, Джейми и Йен отправились за алкоголем к погребу с виски, который был в доброй миле от дома. Я надеялась, что, когда они вернутся, света будет еще достаточно, чтобы я смогла увидеть, что делаю.

Я перебила мисс Мышку, громко спорившую с джентльменом, который явно ее дразнил, и знаками показала, что ей нужно открыть рот. Она подчинилась, но продолжила диалог, начав довольно красноречиво жестикулировать. Судя по внезапному румянцу и веселью его товарищей, она демонстрировала разнообразные и в основном сугубо физиологические действия, которые, по ее мнению, джентльмен должен предпринять в отношении себя.

Одна сторона ее лица распухла и, очевидно, была очень чувствительна. Однако она не поморщилась и даже не дернулась, когда я повернула ее лицо к свету, чтобы было лучше видно.

– зуб даю, дело в зубе! – невольно вырвалось у меня.

– Овзубе? – переспросила мисс Мышка, изогнув бровь.

– Плохо, – объяснила я, показывая на ее щеку. – Ууoi.

– Плохо, – согласилась она. За этим последовал длинный монолог, который я время от времени прерывала, осматривая ее рот. Судя по всему, девушка объясняла, что с ней произошло.

Похоже, тупая травма. Один зуб, нижний клык, выбит полностью, а соседний премоляр так нехорошо сломан, что его придется вырвать. Следующий вроде бы можно сохранить. Изнутри рот исцарапан чем-то острым, но десна не воспалена. Это хорошие новости.

Бобби Хиггинс пришел из конюшни, привлеченный шумом, и тут же был отослан в дом за напильником. Мисс Мышка игриво улыбнулась ему краем рта, когда он вернулся, и Бобби так церемонно поклонился в ответ, что индейцы рассмеялись.

– Это чероки, да, мэм? – Он улыбнулся Красной Глине и сделал какой-то жест рукой, который развеселил гостей, однако они вернули любезность. – Я раньше не встречал чероки. Вокруг имения его Светлости в Вирджинии живут другие племена.

Я была рада узнать, что он не робеет перед индейцами и легок в общении с ними. Хирам Кромби, который как раз возник неподалеку, этими качествами не обладал. Увидев индейскую делегацию, он остановился на краю поляны. Я радостно помахала ему рукой, и он – с очевидным нежеланием – приблизился к нам.

Роджер передал мне меткое описание Дункана, которое тот дал Хираму: «занудный малый с кислой рожей». Оно было очень точным. Хирам был низкого роста, жилистый, с жидкими засаленными волосами, которые он носил заплетенными в такую тугую косичку, что, мне казалось, ему должно быть сложно даже моргать. Его лицо было изрезано глубокими морщинами, какие оставляют тяготы рыбацкой жизни, Хирам выглядел примерно на шестьдесят, но, скорее всего, был значительно моложе. Уголки губ были всегда опущены, из-за чего лицо принимало такое выражение, как будто он только что съел не просто лимон, а гнилой лимон.

– Я искал мистера Фрэзера, – сказал он, с опаской поглядывая на индейцев. – Я слышал, он вернулся. – На поясе у Хирама висел топорик, и он крепко держал его одной рукой.

– Он вот-вот будет здесь. Вы ведь знакомы с мистером Хиггинсом, не так ли? – Очевидно, он был знаком и, очевидно, неприятно впечатлен этим знакомством. Его глаза остановились на клейме Бобби, и он едва заметно кивнул пареньку. Ничуть не смутившись, я обвела рукой индейцев, которые изучали Хирама с куда большим интересом, чем он их. – Позвольте представить вам мисс Уилсон, ее брата, мистера Уилсона, и... эээ... их друзей.

Хирам напрягся еще сильнее, если такое вообще было возможно.

– Уилсон? – переспросил он довольно грубо.

– Уилсон, – радостно согласилась мисс Мышь.

– Это девичья фамилия моей жены, – сказал Хирам таким тоном, что стало сразу понятно – он считает использование этого имени индейцами в высшей степени возмутительным.

– О, – отозвалась я. – Как интересно. Думаете, они могут быть дальними родственниками вашей супруги?

На это замечание он ошарашенно вытаращил глаза, и я услышала, как Бобби давится смехом.

– Ну, они явно получили это имя от шотландских предков – отца или деда, – уточнила я. – Быть может...

Рот у Хирама то открывался, то закрывался, одна эмоция тут же сменяла другую – от гнева к смятению. Он сжал правую ладонь, выставив наружу лишь мизинец и указательный палец, – рога, защита от дьявола.

– Двоюродный дядя Эфраим, – прошептал он. – Спаси нас Господь. – И без всяких дальнейших объяснений он развернулся и заковылял прочь.

– До свидания! – крикнула мисс Мышка ему вслед, махнув рукой. Он бросил в нашу сторону единственный затравленный взгляд через плечо и припустил так, будто его преследовали демоны.

* * *

Виски наконец было принесено, и после того, как значительная его доля была выпита пациенткой и зрителями, операция началась.

Напильник обычно использовался для лошадиных зубов и потому был немного больше, чем мне нужно, однако работал сносно. Мисс Мышка вначале довольно громко реагировала на мои манипуляции, но с каждой новой дозой виски становилась все тише. К тому времени, как я начала извлекать сломанный зуб, она, как мне показалось, уже ничего не чувствовала.

Бобби тем временем развлекал Джейми и Йена, изображая реакцию Хирама Кромби на предположение о том, что он, возможно, имеет кровных родственников среди Уилсонов. В перерывах между приступами хохота Йен переводил все индейцам, которые катались на траве, захлебываясь от смеха.

– Есть в их семейном древе Эфраим Уилсон? – спросила я, покрепче хватаясь за подбородок Мышки.

– Они, похоже, не очень уверены насчет Эфраима, но был. – Джейми расплылся в широкой улыбке. – Их дед был шотландским путешественником. Оставался с чероки достаточно долго, чтобы соблазнить их бабушку, а потом упал со скалы и погиб под оползнем. Она, конечно, вышла замуж снова, но имя ей понравилось.

– Интересно, почему двоюродный дед Эфраим покинул Шотландию? – Йен сел, вытирая слезы от смеха.

– Количество людей вроде Хирама, полагаю, – ответила я, прищуриваясь, чтобы разглядеть, что я делаю. – Думаете...

Я внезапно осознала, что все прекратили разговаривать и смеяться, их внимание привлекло что-то на другом конце поляны. Этим чем-то оказалось прибытие еще одного индейца, который нес что-то в узле за плечом.

* * *

Индейца звали Секвойя, он был немного старше молодых Уилсонов и их друзей. Он коротко кивнул Джейми и, сказав что-то на языке чероки, снял узел с плеча и положил его на землю перед моим мужем. Лицо Джейми изменилось: следы недавнего веселья испарились, сменившись настороженным любопытством. Он опустился на колени и, осторожно откинув ветхую ткань, обнажил горстку обветренных костей: череп в центре глядел своими пустыми глазницами прямо на нас.

– Это еще кто, черт возьми? – Я прекратила работу и вместе со всеми остальными, включая мисс Мышь, разглядывала посылку.

– Он говорит, это старик, владелец фермы, о котором нам рассказывал Макдональд, – тот, что сгорел за линией соглашения. – Джейми протянул руку и взял череп, бережно крутя его, чтобы рассмотреть.

Он услышал, как я судорожно вздохнула, и бросил на меня взгляд, затем повернул череп так, чтобы я тоже смогла увидеть. Большая часть зубов отсутствовала, и отсутствовала давно – лунки на челюсти успели зарости. Два оставшихся коренных зуба были испещрены пятнами и трещинами – ни блеска серебряных пломб, ни пустот, в которых они могли быть. Я медленно выдохнула, ощущая не то облегчение, не то разочарование.

– Что с ним случилось? И почему он здесь?

Джейми снова опустился на колени и положил череп назад на матерью, затем перевернул несколько костей, изучая их. Он посмотрел вверх и, чуть кивнув, пригласил меня присоединиться к нему.

Кости не были обугленными, но некоторые из них явно глодали дикие животные. Одна или две трубчатые кости были расколоты – без сомнений, чтобы добраться до костного мозга, – некоторых мелких костей рук и ног не доставало. Все они имели серый и хрупкий вид останков, которые долгое время лежали под открытым небом.

Йен перевел мой вопрос Секвойе, который сел рядом с Джейми и принялся что-то объяснять, то и дело тыча то в одну, то в другую кость.

– Он говорит, – начал переводить Йен, хмурясь, – что давно знал этого человека. Они были не совсем друзьями, но когда он оказывался возле хижины, то захаживал к нему и они разделяли трапезу. Так что он приносил ему разное, когда заходил в гости, – кролика на рагу, щепотку соли.

А однажды, несколько месяцев назад, Секвойя нашел тело старика в лесу, под деревом, недалеко от хижины.

– Он говорит, его никто не убивал, – сказал Йен, сосредоточенно сдвинув брови и прислушиваясь к стремительному потоку слов. – Он просто... умер. Секвойя думает, что мужчина охотился перед смертью – у него на поясе был нож, а рядом лежало ружье, – а затем дух покинул его и он упал на землю. – Он пожал плечами, повторяя движение молодого индейца.

Не видя причин делать что-либо с телом, Секвойя просто оставил его там вместе с ножом на случай, если духу он понадобится в ином мире, – он не знал, куда уходят духи белых людей и охотятся ли они там. Он ткнул пальцем в нож – это был старый нож, лезвие, лежащее под костями, было сильно изъедено ржавчиной.

Он забрал ружье: оно было слишком ценным, чтобы его оставить, и по пути заглянул в хижину. У старика было мало имущества, а то, что было, почти ничего не стоило. Секвойя взял железный котел, чайник и горшок кукурузной муки и отнес все это к себе в деревню.

– Он не из Анидонау-Нуйя? – спросил Джейми и тут же повторил свой вопрос на чероки. Секвойя замотал головой, мелкие украшения, вплетенные в его волосы, тихонько зазвякали.

Он был из деревни на несколько миль западнее Анидонау-Нуйя – Стоящий Камень. Птица Которая Поет отправил гонцов в соседние поселки сразу после визита Джейми, чтобы разузнать, известно ли кому что-нибудь о судьбе старика. Услышав историю Секвойи, Птица отослал его забрать останки мужчины и принести их Джейми в доказательство того, что его никто не убивал.

Йен задал индейцу вопрос, в котором я уловила слово «пожар» на чероки. Секвойя снова покачал головой и что-то быстро затараторил. Он не поджигал хижину – зачем ему это? Он думает, никто этого не делал. После того как он собрал кости – он сморщился, выражая свое отношение к этой неприятной процедуре, – Секвойя пошел снова взглянуть на хижину. Действительно – она горела некоторое время назад, однако ему было очевидно, что в дерево поблизости ударила молния, от которой начался пожар, уничтоживший довольно большой участок леса. Хижина сгорела лишь наполовину.

Он поднялся на ноги с чувством выполненного долга.

– Он останется на ужин? – спросила я, видя, что он готов уйти.

Джейми перевел приглашение, но Секвойя покачал головой. Он сделал, что должен был, а теперь у него есть другие дела. Он кивнул остальным индейцам и повернулся, чтобы идти. Однако внезапно о чем-то вспомнил, остановился и обернулся.

– Чисква говорит, – начал он несмело, как говорят люди, заучившие речь на незнакомом языке, – пом-ни про ружь-я. – Затем он решительно кивнул и ушел.

* * *

Могилу мы отметили небольшим каирном из камней и маленьким крестом, сделанным из шишек. Секвойя не знал имени своего знакомого, мы не знали его возраста, дат рождения и смерти. Мы даже не знали, был ли он христианином, но крест показался хорошей идеей.

Это была очень скромная траурная церемония, на ней присутствовали я, Джейми, Бри и Роджер, Лиззи с отцом, супруги Баг и Бобби Хиггинс, который – я в этом нисколько не сомневалась – присутствовал лишь потому, что присутствовала Лиззи. Мистер Уэмисс, судя по подозрительным взглядам, что он кидал в сторону Бобби, тоже не был свободен от таких подозрений.

Роджер прочитал короткий псалом над могилой, затем остановился. Он прочистил горло и просто сказал:

– Господи, вверяем Твоим заботам душу брата нашего...

– Эфраима, – пробормотала Брианна, потупив взор.

Присутствующие слегка заулыбались, хотя никто и не засмеялся. Роджер бросил неодобрительный взгляд на жену, но я увидела, как дернулся уголок его рта.

– ...брата нашего, чье имя Тебе известно, – заключил Роджер с достоинством и закрыл Псалтырь, позаимствованную у Хирама Кромби, который отклонил приглашение явиться на похороны.

К тому времени, как Секвойя закончил свои разъяснения прошлым вечером, свет уже погас, и мне пришлось отложить стоматологические процедуры мисс Мышки до утра. Пьяная в стельку, она не возражала и благодарно приняла помощь Бобби Хиггинса, чтобы добраться до своего ложа на полу в кухне. Последний мог быть или не быть влюбленным в Лиззи, однако с лихвой отдал должное чарам мисс Мышки.

Закончив с зубными делами, я предложила ей и ее друзьям остаться ненадолго, но они, как и Секвойя, сказали, что у них есть дела, и после многочисленных благодарностей и обмена подарками ушли примерно в полдень, благоухая виски и оставив нас разбираться с бренными останками покойного Эфраима.

После службы все вернулись назад в деревню вниз по холму, но Джейми и я чуть отстали, пользуясь возможностью провести немного времени наедине. Предыдущей ночью дом был полон индейцев, допоздна они рассказывали истории, сидя у огня. К тому времени, когда мы наконец добрались до постели, мы просто свернулись друг у друга в объятиях и уснули, едва обменявшись вежливыми пожеланиями доброй ночи.

Кладбище было расположено на небольшом пригорке, чуть поодаль от дома, в красивом, умиротворяющем месте. Оно было окружено соснами, чья пожелтевшая хвоя укрывала землю и чьи шелестящие ветви создавали иллюзию непрерывного мягкого шепота, – здесь было почти уютно.

– Бедняга, – сказала я, укладывая последний камешек на каирне Эфраима. – Что думаешь, как это он умудрился оказаться в таком месте?

– Бог знает. – Джейми покачал головой. – Всегда есть отшельники – люди, которые не рады компании себе подобных. Может, он был из таких. Или, может, какая-то беда занесла его в эту глушь, и он... остался. – Муж пожал плечами и криво улыбнулся мне. – Я иногда размышляю, как все мы оказались там, где мы есть, саксоночка. А ты?

– Раньше размышляла, – ответила я. – Но со временем мне стало казаться, что ответа на этот вопрос не существует, и я перестала думать.

Он удивленно посмотрел на меня сверху вниз.

– Значит, размышляла? – Он поднял руку и заправил назад прядь выбившихся волос. – Наверное, не стоит спрашивать такое, но я все же спрошу. Ты не возражаешь, саксоночка? Не возражаешь, что ты здесь? Тебе никогда не хотелось вернуться?

Я потрясла головой.

– Нет, никогда.

И это была правда. Но иногда я просыпалась посреди ночи со странной мыслью, что все это может быть сном. Может, я снова проснусь от знакомого душного запаха нагретых батарей и одеколона Фрэнка? И когда я снова засыпала, чувствуя запах дыма и вдыхая мускус от кожи Джейми, я ощущала смутное, неожиданное сожаление. Если он и прочел эту мысль на моем лице, то виду не подал, но наклонился и поцеловал меня нежно в лоб. Потом он взял мою руку, и мы пошли в лес, прочь от дома и от поляны перед ним.

– Иногда я чувствую запах сосен, – сказал он, глубоко вдыхая густой лесной воздух, – и на мгновение мне чудится, что я в Шотландии. Но потом я прихожу в себя и вижу: здесь нет ни мягкого папоротника, ни высоких скалистых гор, ни той природы, которую я знал... только незнакомая природа.

Мне показалось, что я услышала ностальгию в его голосе, но не печаль. Он, однако, задал вопрос, спрошу и я.

– А ты хочешь вернуться назад?

– О да, – ответил он, удивив меня, и рассмеялся, увидев выражение моего лица. – Но не настолько сильно, чтобы не желать быть сейчас здесь, саксоночка.

Он обернулся через плечо на крохотное кладбище с редкими каирнами и крестами и парой крупных камней, отмечавших отдельные могилы.

– Знаешь ли ты, саксоночка, что иные люди верят в то, что последний, кто похоронен на кладбище, становится его стражем? Он должен нести свою службу до тех пор, пока не умрет следующий человек и не займет его место – только тогда он может упокоиться.

– Думаю, наш загадочный Эфраим может быть удивлен, когда обнаружит себя в таком положении, ведь там, под деревом, он лежал совсем один, – сказала я, грустно улыбаясь. – Но интересно, что и от кого охраняет страж на кладбище?

Джейми засмеялся на это.

– Ну... Может, от вандалов, от осквернителей. Или от чародеев.

– От чародеев? – Это меня удивило, я считала, что слово «чародей» значит то же, что и «лекарь».

– Есть такие чары, для которых нужны кости, саксоночка, – сказал он. – Или прах от сожженного тела. Или земля из могилы. – Он говорил очень спокойно, но не шутил. – Ай, даже мертвым нужна защита.

– И кто же справится с этим лучше, чем местный призрак? – сказала я. – Ну конечно.

Мы карабкались вверх сквозь заросли трепещущих осин, обнимающих нас своей зеленью и серебром. Я остановилась на мгновение, чтобы скосырнуть капельку алой живицы с бело-снежного ствола. Как странно, думала я, что ее вид так меня встревожил, а затем вспомнила и резко развернулась, чтобы снова посмотреть на кладбище.

Не воспоминание, нет, скорее сон или видение. Мужчина, избитый и сломленный, поднимается на ноги в зарослях осины, поднимается, зная, что это его последний раз, последний поединок. Он сжимает разбитые зубы, окрашенные кровью цвета алой осинового живицы. Его лицо мертвенно-черно, и я знаю, что в зубах у него серебряные пломбы.

Но гранитный валун стоял тихо и безмятежно на пригорке, весь усыпанный желтыми сосновыми иголками, отмечая место, где упокоился человек, который когда-то называл себя Зубом Выдры.

Видение растаяло так же быстро, как явилось. Мы выбрались из осин на другую поляну, чуть выше той, на которой стояло кладбище. Я была удивлена, что кто-то здесь рубил деревья и расчищал место. В стороне высилась пирамида из поваленных стволов, а рядом были свалены кучей выкорчеванные пни, хотя большая их часть все еще сидела в земле, выглядывая из густой поросли кислицы и горчака.

– Смотри, саксоночка, – Джейми повернул меня в другую сторону, взяв за локоть.

– О! Боже мой.

Пригорок был достаточно высок, чтобы нам открылся потрясающий вид. Деревья уходили далеко вниз под ногами, и мы могли заглянуть за нашу гору, и за следующую, и за ту, что за ней – в синюю даль, затуманенную дыханием гор, облаками, поднимавшимися из лощин.

– Тебе нравится? – В его голосе явственно звучала гордость.

– Конечно, мне нравится. Что... это? – спросила я, указывая на стволы и пни.

– Следующий дом будет здесь, саксоночка, – просто ответил он.

– Следующий дом? Мы что, строим новый?

– Ну, я не знаю, будет ли он нашим или отойдет нашим детям – а может, внукам, – добавил он, улыбаясь краешком рта. – Я решил, если что случится – я вообще-то не думаю, что случится, имей в виду, но если вдруг, – то мне будет радостно, что я положил начало. На всякий случай.

Несколько мгновений я просто смотрела на него, пытаюсь понять, что он хочет этим сказать.

– Если что случится... – повторила я медленно и посмотрела на восток, где очертания нашего дома виднелись сквозь деревья. Из трубы вырывался белый дымок и рассеивался в мягкой зелени каштанов и елей. – Если он действительно... сгорит, ты имеешь в виду. – Желудок сжался в комок просто оттого, что я облекла эту мысль в слова.

Я снова посмотрела на него и поняла, что упоминание о пожаре напугало и его тоже. Однако он вел себя как типичный Джейми: просто делал что мог, несмотря на приближение катастрофы.

– Тебе нравится? – повторил он, пристально глядя на меня. – Я имею в виду место. Я могу выбрать другое.

– Здесь очень красиво, – сказала я, чувствуя, как слезы щиплют глаза. – Просто волшебно, Джейми.

* * *

Разгоряченные после подъема, мы присели в тени огромной тсуги и наслаждались будущим видом из наших окон. Наконец нарушив молчание в отношении нашего ужасного будущего, мы нашли в себе силы его обсудить.

– Дело даже не в том, что мы можем умереть, – сказала я. – Или не только в этом. Дело во фразе: «Не оставили после себя детей». Вот что меня по-настоящему пугает.

– Что ж, я понимаю тебя, саксоночка. Хотя идея о том, чтобы умереть, мне не очень нравится, и я намерен этого избежать, – заверил он меня. – Но подумай. Это не обязательно значит, что они погибли. Они могли просто... уйти.

Я глубоко вдохнула, стараясь принять это предположение без паники.

– Вернуться. Ты имеешь в виду вернуться назад. Роджер и Бри. И Джемми, надо думать. Мы предполагаем, что он может... может путешествовать сквозь камни.

Джейми коротко кивнул, его руки были обвиты вокруг коленей.

– После того, что он сделал с опалом? Да, надо думать, что он может.

Я кивнула, вспоминая историю с опалом: Джемми держал его в руках, жалуясь, что камень становится все горячее у него в руках, пока тот не взорвался, разлетевшись на сотни крошечных острых осколков. Да, пожалуй, мы должны предполагать, что он тоже может путешествовать во времени. Но что, если у Брианны будет еще ребенок? Мне было совершенно ясно, что они с Роджером хотят еще одного – по крайней мере, Роджер хочет, а она не против.

Мысль о том, что я могу потерять их, была мучительной, но такую вероятность нужно было рассмотреть.

– Похоже, это ставит нас перед выбором, – сказала я, пытаюсь сохранять самообладание и объективность. – Если мы умрем, они уйдут, потому что без нас у них нет причин здесь оставаться. Но если мы не умрем, уйдут ли они? Я хочу сказать, не лучше ли будет отослать их домой? Из-за войны тут будет небезопасно.

– Не будет, – согласился он тихо. Он сидел, склонив голову, и пряди непослушных рыжих волос торчали у него на макушке. Эти вихры достались по наследству и Бри, и Джемми.

– Я не знаю, – сказал он наконец и поднял голову, глядя в голубую даль между небом и землей. – Никто не знает, саксоночка. Будет день, будет пища.

Он повернулся и накрыл мою ладонь своей с улыбкой, в которой было поровну боли и радости.

– Между нами так много призраков, саксоночка. Если невзгоды прошлого не могут причинить нам зла, то и страхи перед будущим не должны. Мы просто должны оставить все это позади и двигаться дальше. Да?

Я положила руку ему на грудь – очень легко, это было не приглашение, мне просто хотелось ощутить его присутствие. Кожа Джейми была прохладной от пота, но он помогал копать могилу – жар от работы горел в мышце внутри.

– Ты был одним из моих призраков, – сказала я. – Так долго. И я так долго пыталась оставить тебя позади.

– Значит, пыталась? – Его рука легла мне на спину, бессознательно двигаясь вверх и вниз. Я знала это прикосновение – острое желание дотронуться, просто чтобы убедиться, что второй был здесь, во плоти.

– Когда я оглядывалась назад, мне казалось, я всего этого не переживу. Это было непереносимо... – Воспоминания встали комом в горле.

– Я знаю, – мягко отозвался Джейми, касаясь моих волос. – Но у тебя был ребенок... и муж. Было бы неправильно отвернуться от них.

– Было неправильно отвернуться от тебя. – Я моргнула, но слезы уже бежали из глаз. Он притянул к себе мою голову и принялся нежно облизывать мое лицо, это настолько застало меня врасплах, что я рассмеялась на середине очередного всхлипа и чуть не подавилась.

– Я люблю тебя, как мясо любит соль⁵¹, – процитировал он и тихо засмеялся. – Не плачь, саксоночка. Мы здесь вместе сейчас: ты и я. Все остальное пустяки.

Я прижалась лбом к его щеке и обхватила Джейми руками. Мои ладони легли ему на спину, и я провела ими от лопаток до талии, легонько-легонько, останавливаясь на каждой выпуклости, каждом изгибе и не замечая шрамов, изрезавших кожу.

Он прижал меня к себе и глубоко вздохнул.

– Ты знаешь, что на этот раз мы женаты почти вдвое больше, чем в прошлый?

Я отклонилась назад и, чуть нахмурившись, посмотрела на него с сомнением, как бы соглашаясь сменить тему.

– А разве мы не были женаты в промежутке?

Вопрос застал Джейми врасплах: он тоже нахмурился и задумчиво провел пальцем по обгоревшему носу.

– Что ж, это, пожалуй, вопрос для священника, – сказал он. – Надо думать, мы были, но в этом случае получается, что мы оба прелюбодеи.

– Были прелюбодеями, – поправила его я, ощущая легкий дискомфорт. – Но на самом деле не были. Отец Ансельм так сказал.

– Ансельм?

– Отец Ансельм, францисканский монах в аббатстве Святой Анны. Но ты, наверное, его не помнишь, ты был очень болен тогда.

– О. Я припоминаю его, – ответил он. – Он приходил и сидел со мной, когда я не мог уснуть. – Джейми криво улыбнулся: это не то время, которое ему хотелось бы вспоминать. – Ты ему очень нравилась, саксоночка.

– Да? А как насчет тебя? – спросила я, пытаюсь отвлечь его от воспоминаний об аббатстве. – Тебе я не нравилась?

– О, ты мне очень нравилась, – заверил он. – Хотя сейчас ты нравишься мне даже больше.

– Вот как? – Я горделиво приосанилась. – Что же изменилось?

Он склонил голову набок и сощурил глаза, как бы оценивая меня.

– Ну, ты меньше пукаешь во сне, – начал он рассудительным тоном и с хохотом увернулся от шишки, просвистевшей мимо его левого уха. Я нашарила кусок деревяшки, но, прежде чем успела огреть его по голове, он нагнулся и схватил меня за руки. Бросив меня на траву, он взгромоздился сверху и без особых усилий совершенно меня обездвигил.

– Слезь с меня, дурак! Ничего я не пукаю во сне!

– Откуда ты знаешь, саксоночка? Ты так крепко спишь, что не проснешься даже от собственного храпа.

– Ах, ты хочешь поговорить о храпе? Ты...

– Ты гордая, как Люцифер, – сказал Джейми, перебивая меня. Он по-прежнему улыбался, но голос его звучал серьезнее. – И ты смелая. Ты всегда была безрассудно храброй, а теперь еще и дерешься, как маленький разъяренный барсук.

– Значит, я высокомерная и разъяренная. Не очень похоже на список женских добродетелей, – сказала я, пыхтя и извиваясь под ним, как уж.

– Ну, еще ты добрая, – добавил он, подумав. – Очень добрая. Хотя доброта твоя очень своеобразна. Не подумай, что я вижу в этом что-то плохое, – пояснил Джейми, ловко перехватывая руку, которую мне удалось освободить, и фиксируя ее у меня над головой.

⁵¹ Цитата из английской сказки «Тростниковая шапка».

– Женские, – пробормотал он, сосредоточенно сдвинув брови. – Женские добродетели... – Его свободная рука проползла между нами, и пальцы сомкнулись на моей груди.

– Кроме этого!

– Ты очень чистая, – с одобрением заметил он, потом отпустил мое запястье и запустил пальцы мне в волосы. Они действительно были чистыми и пахли подсолнухом и календулой. – Я никогда не встречал женщину, которая бы так часто мылась, за исключением, пожалуй, Брианны. Повар из тебя не очень, – продолжал он задумчиво. – Хотя ты пока что никого не отравила – разве что нарочно. Могу сказать, что штопаешь ты неплохо, хотя и предпочитаешь зашивать живых людей, а не ткань.

– Вот спасибо.

– Какие еще есть добродетели? – спросил он. – Может, я что-то упустил?

– Хм! Кротость, терпение... – Я продолжала барахтаться под ним.

– Кротость? Боже. – Он решительно покачал головой. – Ты самая жестокая, кровожадная...

Я рванулась вверх, и мне почти удалось укусить его за шею. Он дернулся назад и рассмеялся.

– Нет, терпеливой тебя тоже не назовешь.

Я бросила сопротивляться и обессиленно лежала на спине с рассыпавшимися по траве растрепанными волосами.

– И какая же моя самая привлекательная черта в таком случае?

– Ты считаешь меня забавным, – ответил он, улыбаясь.

– Я... так... не... считаю, – пропыхтела я, снова начав борьбу. Джейми невозмутимо лежал на мне, не обращая внимания на тычки и удары, пока я не выбилась из сил и не затихла под ним, хватая ртом воздух.

– А еще, – добавил он, – тебе очень нравится спать со мной. Разве нет?

– Эмм... – Я хотела поспорить с ним, но честность не позволила. К тому же он и так знал, что это правда.

– Ты меня раздавишь, – сказала я, стараясь сохранять достоинство. – Слезь, будь добр.

– Разве нет? – повторил он, не двигаясь с места.

– Да! Да, черт возьми! Теперь слезешь?

Вместо этого он наклонил голову и поцеловал меня. Я сжала губы, полная решимости не поддаваться, но он тоже был решителен, и коли уж взялся за дело... Кожа на его лице была теплой, отросшая борода слегка царапалась, а широкий мягкий рот... Мои ноги сами собой раскинулись ему навстречу, я почувствовала между ними его твердую плоть, голая грудь пахла мускусом и потом, а во вьющихся рыжих волосах запутались стружки. Я все еще горела от борьбы, но трава вокруг нас была влажной и прохладной. Он был прав: еще минута, и он мог бы взять меня прямо здесь, если бы захотел.

Джейми почувствовал, что я сдалась, вздохнул и расслабился. Он больше не держал меня в плену – просто держал. Приподняв голову, он накрыл ладонью мою щеку.

– Правда хочешь знать, что это? – спросил он, и по взгляду его голубых глаз я поняла, что он не шутит. Я молча кивнула.

– Среди всех существ на земле ты самая верная, – прошептал он.

Я хотела сказать что-нибудь о сенбернарах, но на лице у него была написана такая нежность, что я промолчала и просто смотрела на него, моргая и жмурясь от света, льющегося сквозь зелень сосновых иголок у нас над головой.

– Что ж, – промолвила я наконец, – как и ты. Не самое плохое качество, правда?

Глава 21

Да будет свет!

Миссис Баг приготовила фрикасе из курицы на ужин, но это явно была слишком скромная трапеза для той атмосферы сдерживаемой радости, которую принесли с собой Бри и Роджер. Они оба улыбались, на ее щеках играл румянец, а глаза Роджера весело блеснули.

Так что, когда Роджер объявил, что у них есть отличные новости, было вполне естественно, что миссис Баг тут же все додумала и сказала за него.

– Ты ждешь ребенка! – выкрикнула она, роняя ложку от волнения. Женщина хлопнула в ладоши и будто увеличилась от восторга, как воздушный шар. – Ох, какая радость! Давно пора, – добавила она, расцепляя руки, чтобы ткнуть в Роджера пальцем. – Я уже подумывала добавить тебе в кашу имбиря и серы, молодой человек, чтобы привести кое-что в порядок! Но, вижу, ты справился и без меня. Ну а ты что думаешь, дружок? Будет у тебя маленький братишка!

Джемми смотрел на нее с открытым ртом.

– Эм... – промычал Роджер, краснея.

– Или это будет маленькая сестричка, – поправились миссис Баг. – Но в любом случае замечательные новости! Вот, мое сокровище, возьми-ка конфетку, а мы все выпьем за это!

Совершенно сбитый с толку, но влекомый конфеткой, Джем схватил протянутый ему леденец и тут же засунул его в рот.

– Но он не... – начала Бри.

– Шпашибо, мишиш Баг, – торопливо выпалил Джем, прикрывая рот рукой на случай, если мама попытается забрать запретное дообеденное лакомство, мотивируя это тем, что он был невежлив.

– Ой, одна конфетка ему никак не навредит, – заверила ее миссис Баг, подбирая оброненную ложку и вытирая ее о передник. – Позови-ка Арча, дорогая, и мы расскажем ему о вашем пополнении. Благослови тебя святая Бригитта, милая, я уж думала, ты никогда не дойдешь до дела! Женщины болтали, что ты, мол, или стала холодна со своим мужем, или ему недостает, так сказать, искры... Но раз уж...

– Да, раз уж... – начал Роджер, повышая голос, чтобы его было слышно.

– Я не беременна! – вдруг выкрикнула Бри.

Воцарилась неловкая тишина.

– О, – спокойно сказал Джейми. Он взял салфетку и сел за стол, заткнув ее за ворот рубахи. – Ну что ж. Тогда давайте примемся за еду? – Он протянул руку Джемму, который тут же вскарабкался на скамью рядом с ним, все еще торопливо рассасывая леденец.

Миссис Баг на мгновение окаменела, а затем ожила с многозначительным «Хммф!». Уязвленная, она развернулась к буфету и с грохотом бросила стопку оловянных тарелок на стол.

Роджер, по-прежнему пунцовый, судя по сдерживаемой улыбке, находил ситуацию забавной. Зато Брианна была взбешена и дышала как разъяренный дракон.

– Присядь, милая, – осторожно предложила я, обращаясь к ней так, будто на ее месте была бомба с часовым механизмом. – Ты... эээ... говорила, что у вас есть какие-то новости?

– Да не важно! – Она все еще стояла, мечая глазами молнии. – Никого не интересует ничего, кроме моей беременности. В конце концов, разве могу я сделать что-то важное и полезное, кроме как забеременеть? – Она нервно провела по волосам и, наткнувшись на ленту, которая стягивала их на затылке, сдернула ее и швырнула на пол.

– Милая... – начал было Роджер. Я знала, что это была ошибка: Фрэзеры в гневе абсолютно безразличны к сладким речам, зато готовы вцепиться в глотку любому, кто имеет неосторожность вступить с ними в диалог.

– Не надо мне милкать, – зашипела она, поворачиваясь к нему. – Ты тоже так считаешь! Думаешь, что все, что я делаю – если только не стираю, готовлю или штопаю твои чертовы носки, – это пустая трата времени! И ты тоже винишь меня за то, что я не беременна, считаешь, что это моя вина! Но это не так, и ты это знаешь!

– Нет! Я так не думаю, совсем нет. Брианна, пожалуйста... – Он протянул к ней ладонь, но быстро передумал и убрал ее, явно опасаясь, что жена может отхватить руку по самое запястье.

– Давай есть, мамочка! – пропищал Джемми, пытаясь утихомирить свою родительницу. Длинная нитка бурой от патоки слюны вытекла из уголка его рта и опустилась прямо на рубашку. Увидев это, его мать повернулась к миссис Баг, как разъяренная тигрица.

– Посмотрите, что вы наделали! Вы, назойливая старая сплетница! Это была его последняя чистая рубашка! Да как вы смеете обсуждать нашу личную жизнь со всеми подряд? Какое ваше собачье дело? Вы, чертова старая...

Осознав тщетность своих попыток, Роджер обхватил жену сзади, приподнял и поволок к задней двери. Их уход сопровождался бессвязными ругательствами Бри и болезненными охами Роджера, которого она, не останавливаясь лягала по голеним с удивительной силой и точностью.

Я подошла к двери и деликатно прикрыла ее, заглушив звуки продолжающейся во дворе перебранки.

– Этим она пошла в тебя, знаешь ли, – укоризненно сказала я, усаживаясь напротив Джейми. – Миссис Баг, как вкусно пахнет. Давайте уже примемся за еду!

Не проронив ни звука, миссис Баг разложила фрикасе по тарелкам, но отказалась присоединиться к ужину. Вместо этого она накинула плащ и ушла через парадную дверь, оставив нас самостоятельно разбираться с ситуацией. Прекрасный выбор, скажу я вам.

Мы ели в блаженной тишине, нарушаемой только звоном ложек о тарелки да редкими вопросами Джемми о том, почему леденцы липкие, как молоко попадает в корову и когда у него появится маленький братик.

– Что я скажу миссис Баг? – спросила я в коротком перерыве между расспросами внука.

– А почему ты должна ей что-то говорить, саксоночка? Это не ты ее обзывала.

– Ну, нет. Но я готова биться об заклад, Брианна не намерена извиняться...

– А зачем ей извиняться? – Он пожал плечами. – В конце концов, ее спровоцировали. И я не думаю, что миссис Баг за всю ее долгую жизнь никто не называл назойливой старой сплетницей. Она облегчит душу, выложив все это Арчу, и завтра все будет в порядке.

– Что ж, может, и так, – отозвалась я неуверенно. – Но Бри и Роджер...

Он широко улыбнулся мне, и его голубые глаза превратились в маленькие треугольнички.

– Не надо думать, что разрешение всех чужих неурядиц твоя забота, mo chridhe⁵², – сказал он, затем потянулся через стол и потрепал мою руку. – Роджер Мак и девчушка должны сами с этим разобраться – к тому же у парня, кажется, хорошая хватка и он держит ситуацию под контролем.

Он засмеялся, и я неохотно к нему присоединилась.

– Но это станет моей заботой, если она сломает ему ногу, – заметила я, вставая, чтобы принести сливки для кофе. – Скорее всего, обратно он уже приползет, чтобы я разобралась с его многострадальной конечностью.

В этот самый момент кто-то постучал в заднюю дверь. Недоумевая, с чего бы Роджеру стучать, я открыла и в изумлении уставилась на бледное лицо Томаса Кристи.

⁵² Мое сердце (гэльск.).

* * *

Он был не только бледен, но и весь в поту, с рукой, обмотанной окровавленной тряпкой.
– Я не стану отвлекать вас, мистрис, – сказал он, стараясь держаться прямо. – Я просто... подожду, пока вы будете готовы меня принять.

– Глупости, – бросила я коротко. – Проходите в мой кабинет, пока еще есть немного света.

Я старалась не смотреть на Джейми прямо, но бросила на него короткий взгляд, когда задвигала лавку. Он как раз наклонился вперед, чтобы накрыть мой кофе блюдцем; глаза его не отрывались от Томаса Кристи, и в них светилось выражение несколько рассеянной задумчивости. В последний раз я видела такое выражение у рыси, которая наблюдала за летящими над ней утками, – никакой спешки или суеты, но внимательность.

Кристи же не обращал внимания ни на что, кроме своей раненой руки, что, в общем, было неудивительно. Окна медицинского кабинета выходили на восток и юг, чтобы по максимуму использовать утренний свет, однако даже сейчас комната была полна мягкого сияния: заходящее солнце отражалось от каштановых листьев в роще. Все было залито мягким золотом, кроме лица Томаса, которое было совершенно зеленым.

– Присядьте, – сказала я, торопливо пододвигая табуретку. Его колени подогнулись, пока он опускался, и он приземлился гораздо жестче, чем ожидал: руку тряхнуло, и мужчина вскрикнул от боли.

Я прижала большой палец к вене на его запястье, чтобы приостановить кровотечение и размотать повязку. Учитывая его состояние, я ожидала увидеть как минимум отсеченный палец или два, поэтому была очень удивлена, когда обнаружила обычную рваную рану у основания большого пальца, уходящую вниз, к запястью. Она была довольно глубокая и по-прежнему сильно кровоточила, но крупные сосуды были не задеты, по счастливой случайности, он повредил только сухожилие. Нужно было всего лишь наложить пару швов.

Я подняла к нему лицо, чтобы сказать об этом, и увидела, как его глаза закатываются назад.

– Помогите! – закричала я и, бросив его руку, попыталась ухватить мистера Кристи за плечи, чтобы не дать ему упасть.

Грохот от перевернутой скамьи и топот бегущих ног были ответом на мой зов, через секунду Джейми ворвался в комнату. Увидев, что я едва не падаю, удерживая на себе немалый вес учителя, он сгреб его за шиворот и наклонил вперед, как тряпичную куклу, опустив голову Кристи к коленям.

– Он совсем плох? – спросил Джейми, покосившись на руку Кристи, которая лежала на полу, продолжая кровоточить. – Положить его на стол?

– Думаю, не стоит. – Я нащупала вену на шее мужчины, чтобы проверить пульс. – Серьезной травмы нет, это просто обморок. Ну вот, видишь, он приходит в себя. Подержите пока голову внизу, сейчас вам станет легче. – Последняя фраза была обращена к Кристи, который пыхтел как паровоз, но уже немного успокоился.

Джейми убрал руку с шеи Кристи и вытер о свой килт с легким отвращением. Бедолага весь покрылся холодным потом; моя собственная рука была скользкой от влаги, но я подняла упавшую повязку и тактично вытерла руки об нее.

– Хотите прилечь? – спросила я, заглядывая ему в лицо. Он был все еще зеленоват, но покачал головой.

– Нет, мистрис. Я в порядке. Просто голова немного закружилась. – Он говорил хрипло, но довольно уверенно, и я пока что ограничилась тем, что прижала ткань к ране плотнее, чтобы остановить капающую кровь.

Джем маячил в двери с вытаращенными глазами, но никаких особых эмоций не проявлял: кровь была малышу не в новинку.

– Налить тебе капельку виски, Том? – спросил Джейми, с опаской глядя на моего пациента. – Знаю, ты не одобряешь крепких напитков, но сейчас самое время отдать им должное.

Рот Кристи едва заметно приоткрылся, но он покачал головой.

– Я... нет. Но, может... немного вина?

– Употребляй немного вина, ради желудка твоего⁵³, да? Хорошо. Держись, парень, сейчас принесу. – Джейми ободряюще хлопнул его по плечу и стремительно вышел, уводя Джема за руку вместе с собой.

Кристи скорчил губы в гримасе. Я замечала и раньше, что Кристи, подобно многим протестантам, рассматривал Библию как документ, написанный лично для него и вверенный ему, чтобы он нес истину в массы. Поэтому ему очень не нравилось, когда католики – в частности Джейми – походя цитировали Писание. Я также замечала, что муж, зная об этой его неприязни, использовал любую возможность вставить цитату в разговор.

– Что произошло? – спросила я, в равной степени из любопытства и желая отвлечь Кристи от его мыслей.

Он оторвал угрюмый взгляд от опустевшего дверного проема и посмотрел на левую руку, торопливо отвел глаза и снова побледнел.

– Несчастный случай, – ворчливо ответил он. – Я резал тростник. Нож соскочил. – На этих словах его правая рука слегка сжалась, и я заметила движение.

– Ничего, черт возьми, удивительного! – сказала я. – Вот, держите ее в таком положении. – Я подняла вверх пораненную руку, туго перевязала ее у него над головой и потянулась ко второй.

Его правая рука была поражена недугом, который называется контрактурой Дюпюитрена – точнее, будет называться, когда лет через шестьдесят или семьдесят барон Дюпюитрен его опишет. Это состояние вызывалось утолщением и укорачиванием соединительной ткани, которая контролирует положение сухожилий при сгибании пальцев, вследствие этого процесса безымянный палец постепенно скрючивается и теряет гибкость. В запущенных случаях то же происходит с мизинцем и средним пальцем. Случай Тома Кристи стал явно более запущенным с тех пор, как мне последний раз доводилось его осматривать.

– Что я вам говорила? – задала я риторический вопрос, осторожно потягивая согнутые пальцы. Средний пока еще можно было наполовину разогнуть, безымянный и мизинец едва удавалось оторвать от ладони. – Я сказала, что станет хуже. Ничего удивительного, что нож соскочил, – чудо, что вы вообще до сих пор можете его держать.

Кристи слегка покраснел под своей пегой, с проседью, бородой и отвел взгляд.

– Пару месяцев назад я могла поправить это с легкостью, – сказала я, поворачивая ладонь, чтобы взглянуть на угол контрактуры. – Операция была бы проще простого. Теперь будет гораздо сложнее, но, думаю, я все еще могу помочь вашей руке.

Не имей Кристи такой выдержки, я бы сказала, что он уже весь извелся от смущения. Но он был упрямым, поэтому только дернулся слегка и стал более пунцовым.

– Я... я не желаю...

– Да нет мне никакого дела до того, что вы желаете, – отрезала я, опуская скрюченную руку к нему на колени. – Если вы не дадите мне прооперировать вашу руку, она станет полностью бесполезной через каких-нибудь полгода. Вы ведь наверняка едва можете писать, так?

Я встретила его глаза, темно-серые и изумленные.

– Я могу писать, – сказал он, но воинственность в его голосе скрывала сильную тревогу. Том Кристи был образованным человеком, ученым, к тому же работал учителем в

⁵³ 1-е Послание к Тимофею 5:23.

Ридже. Именно к нему ходили за помощью поселенцы, чтобы составить документ или написать письмо. Он гордился своим положением. Поэтому я знала, что такая угроза – мой лучший козырь, к тому же угроза эта была вовсе не пустая.

– Это ненадолго, – заметила я и сделала большие глаза, чтобы до него получше дошло.

Он тяжело сглотнул, но, прежде чем успел ответить, вернулся Джейми с кувшином вина.

– Лучше послушай ее, – посоветовал он Кристи, ставя вино на стол. – Уж я-то знаю, что такое пытаться писать с негнущимся пальцем, да? – Джейми вытянул вперед собственную правую руку и сжал ладонь с несколько удрученным видом. – Если бы только она могла поправить вот это своим маленьким ножичком, я бы тут же положил руку ей на стол.

Проблема Джейми была полной противоположностью проблеме Кристи, хотя результат был примерно одинаковым. Безымянный палец был так сильно раздроблен, что суставы срослись с остальными костями, и он уже не сгибался. Как следствие, два пальца по бокам тоже двигались плохо, хотя капсулы суставов не были повреждены.

– Разница в том, что состояние твоей руки не ухудшается, – сказала я Джейми. – А его ухудшается.

Кристи совершил едва заметное движение, просунув руку между колен, как будто хотел ее спрятать.

– Ох, ладно, – отозвался он нервно. – Это, конечно, может и подождать.

– По крайней мере, столько, сколько понадобится моей жене, чтобы зашить другую руку, – заметил Джейми, наливая вино в чашу. – Вот – сможешь ее удержать, Том? Или лучше мне? – Он вопросительно приподнял чашу, как бы пытаясь напоить Кристи из рук, но тот быстро извлек правую руку из укрытия в складках своих одеяний.

– Я справлюсь, – огрызнулся он и взял вино, так неловко удерживая чашу между большим и указательным пальцами, что это заставило его покраснеть еще сильнее. Его левая рука по-прежнему висела над головой. Он выглядел глупо и, очевидно, сознавал это.

Джейми налил еще чашу и передал мне, игнорируя Кристи. Я бы подумала, что эта сцена – просто проявление природного такта Джейми, если бы не была в курсе непростой истории, которая связывала двоих мужчин. Отношения между ними всегда были натянутыми, хотя им удавалось изображать внешнюю доброжелательность.

С любим другим мужчиной демонстрация Джейми собственной покалеченной руки была бы именно тем, чем казалась – попыткой подбодрить и поддержать в беде. На деле он, может, и желал выразить Тому поддержку, но в его действиях была еще и скрытая угроза, возникшая, вполне возможно, помимо его воли.

Так уж сложилось, что люди приходила за помощью к Джейми гораздо чаще, чем к Кристи. Джейми пользовался всеобщим уважением, его очень любили, несмотря на покалеченную руку. Кристи же был, мягко говоря, не очень популярен: если он потеряет способность писать, он может потерять и свой статус. А состояние руки Джейми, как я отметила до этого, хуже уже не станет.

Кристи сузил глаза, глядя на нас поверх чашки. Он не пропустил угрозу мимо ушей, намеренной она была или нет. Он не смог бы ее пропустить: Том по природе был человеком подозрительным и видел угрозы даже там, где их в помине не было.

– Думаю, кровотечение уже прекратилось, дайте-ка я взгляну. – Я аккуратно взяла его левую руку и сняла биндаж. Кровь остановилась. Я положила ладонь в миску с отваром из чеснока, добавила туда пару капель спирта для дополнительной дезинфекции и стала готовить инструменты.

Уже стемнело, и мне пришлось зажечь спиртовую лампу, которую для меня сделала Брианна. В свете ее яркого, сильного пламени я увидела, как лицо Кристи мгновенно потеряло свою гневную краску. Он не был так бледен, как до этого, но выглядел встревоженно, как

полевка, что угодила в компанию барсуков. Кристи внимательно следил за моими руками, пока я раскладывала нити, иглы и ножницы – чистые, с блестящими на свету острыми лезвиями.

Джейми не ушел, а стоял, облокотившись на стол, и потягивал вино – должно быть, на случай, если Кристи снова упадет в обморок. По напряженной руке мужчины, которую я зафиксировала на столе, пробежала дрожь. Он снова начал потеть, я почувствовала характерный запах, едкий и горький. В нем было что-то полузабытое, но очень знакомое, что в конце концов помогло мне понять, в чем кроется слабость Тома, – он боялся. Должно быть, он боялся крови и точно боялся боли. Я была сосредоточена на работе и опустила голову ниже, чтобы он не смог ничего прочесть у меня на лице. Я должна была понять раньше, в чем дело. Я бы и поняла, не будь он мужчиной. Его бледность, обморок... это все не из-за потери крови, а от ее вида.

Я постоянно зашивала раны мужчин и мальчиков: земледелие в горах было тяжелой работой, редкая неделя выдавалась без увечий от топора, мотыги или кирки, укусов свиней, рассеченных от падений лбов и бровей и других мелких травм, требующих наложения швов. В большинстве случаев пациенты подходили к делу бесстрастно, стойчески выдерживая все мои манипуляции и тут же возвращаясь к работе. Но я вдруг осознала, что почти все мужчины были горцами, а многие еще и бывшими солдатами.

Томас Кристи же был городским жителем, комиссованным офицером, в Ардсмуир он попал за поддержку якобитов, но никогда не сражался. С удивлением я подумала, что он, должно быть, даже никогда не видел поля битвы, не говоря уже об участии в ежедневной борьбе с природой, которой требовало земледелие в горах Шотландии.

Я вспомнила о Джейми, который по-прежнему стоял в тени, потягивал вино и наблюдал за происходящим с несколько ироническим безразличием. Я бросила на него быстрый взгляд, его выражение не изменилось, но он встретил мои глаза и еле заметно кивнул.

Том Кристи закусил губу, я слышала его дыхание с присвистом сквозь сжатые зубы. Он не видел Джейми, но знал, что он здесь: его напряженная спина все сказала за него. Может, Кристи и был напуган, но его выдержке можно было позавидовать. Мои манипуляции причиняли бы меньше боли, если бы он смог расслабить мышцы предплечья и кисти. Однако в существующих обстоятельствах я едва ли могла ему об этом сказать. Я могла настоять на том, чтобы Джейми нас оставил, но дело было почти закончено. Со вздохом, в котором смешались усталость и раздражение, я обрезала нить последнего шва и отложила ножницы.

– Вот и все, – сказала я, наложив на рану остатки мази из эхинацеи, и потянулась за чистой повязкой. – Следите, чтобы рана была чистой. Я сделаю вам новую мазь, пришлите за ней Мальву. Вернетесь ко мне через неделю, чтобы я сняла швы. – Я замаялась, поглядывая на Джейми. Мне не улыбалось использовать его присутствие как шантаж, но это было для блага самого Кристи. – И тогда мы займемся второй вашей рукой, договорились? – твердо добавила я.

Он по-прежнему обильно потел, но к его лицу начал возвращаться нормальный цвет. Кристи посмотрел на меня, а затем – невольно – на Джейми. Тот чуть приподнял краешек рта в улыбке.

– Давай же, Том. Ты и не заметишь. Всего лишь маленький надрез. У меня бывало и похуже.

Джейми произнес эти слова просто, обыденно. Но с тем же успехом они могли быть начертаны горящими буквами в фут высотой. «У меня бывало и похуже».

Лицо Джейми по-прежнему скрывалось в тени, но прищуренные в ухмылке глаза были хорошо видны. В позе Тома Кристи читалась та же напряженность. Накрыв перевязанную руку скрюченной, он встретил взгляд своего оппонента.

– Ох, – сказал Том, тяжело дыша. – Договорились.

Потом он резко поднялся, опрокинув табуретку, и пошел к двери, слегка покачиваясь, как человек, который перебрал крепкого алкоголя. У порога он замялся, пытаясь найти дверную ручку. Обнаружив ее, он выпрямился и обернулся, ища глазами Джейми.

– По крайней мере, – сказал он, шумно дыша и потому с трудом справляясь со словами, – по крайней мере, это будет достойный шрам. Не так ли, Mac Dubh?

Джейми резко выступил вперед, но Кристи уже был снаружи и с таким грохотом шагал по коридору, что на кухне зазвенели оловянные тарелки, стоящие в буфете.

– Да неужели, мелкий ты засранец! – выпалил он тоном, в котором смешались злость и удивление. Его левая рука непроизвольно сжалась в кулак, и я подумала, что со стороны Кристи было очень неглупо так стремительно исчезнуть.

Я не очень поняла, что именно произошло или продолжало происходить, но уход Кристи принес мне облегчение. Все это время я ощущала себя, как пригоршня зерна меж двух жерновов, каждый из которых пытается размолоть другого, а до несчастного зерна им нет никакого дела.

– Никогда не слышала, чтобы Том Кристи звал тебя Mac Dubh, – заметила я осторожно, поворачиваясь, чтобы убрать свои инструменты.

Кристи, конечно же, не знал гэльского, но я никогда не слышала от него даже гэльского прозвища, которым по-прежнему звали Джейми другие мужчины из Ардсмуира. Кристи всегда звал Джейми «мистер Фрэзер» или просто «Фрэзер», когда между ними было нечто вроде взаимной благосклонности.

Джейми произвел ироническое, типично шотландское мычание, потом взял наполовину пустую чашу Кристи с вином и по-хозяйски осушил ее.

– Да он и не стал бы... Чертов sassenach⁵⁴. – Он заметил мое удивленное лицо и криво улыбнулся. – Это я не про тебя, саксоночка.

Я знала, что его обращение не относилось ко мне: слово было произнесено с абсолютно иной – даже несколько шокирующей – интонацией, в ней была горечь, напомнившая мне, что sassenach вовсе не было дружелюбным понятием в обычной жизни.

– Почему ты так его назвал? – спросила я с любопытством. – И что он имел в виду, когда попытался поддеть тебя «достойным шрамом»?

Джейми пару секунд смотрел себе под ноги и молчал, только застывшие пальцы на левой руке барабанили по бедру.

– Том Кристи – человек сильный, – наконец сказал он. – Но, ей-богу, он мелкий упрямый сукин сын! – С этими словами он поднял на меня глаза и улыбнулся немного грустно.

– Он восемь лет жил в камере с четырьмя десятками мужчин, говорящих на гэльском, но, конечно, не стал опускаться до того, чтобы хоть одно слово этого варварского языка сорвалось с его губ! Нет, черт побери. Он говорил только на английском, нисколько не заботясь о том, с кем именно он говорит и знает ли его собеседник английский. И если он не знал, то Кристи так и стоял там, немой как камень, и ждал, пока кто-нибудь придет и переведет его слова.

– Кто-нибудь вроде тебя?

– Время от времени. – Он выглянул в окно, как будто увидал там Кристи, но темнота уже опустилась и в стеклах маячило только смутное отражение кабинета с нашими призрачными фигурами.

– Роджер говорил, что Кенни Линдси упоминал о каких-то... претензиях мистера Кристи, – сказала я деликатно.

Джейми бросил на меня недобрый взгляд.

– Вот как? Значит, надо полагать, Роджер Мак засомневался в правильности своего решения взять Тома Кристи в общину. Кенни ничего такого не сказал бы, если бы его не спросили.

⁵⁴ В том числе презрительное название англичан у шотландцев.

Я почти привыкла к быстроте его выводов и точности предположений, поэтому не стала сомневаться и в этом.

– Ты никогда об этом не рассказывал, – сказала я, подходя ближе. Я положила руки Джейми на грудь и заглянула ему в глаза.

Он накрыл мои ладони своими и глубоко вздохнул, так что я почувствовала вибрацию под пальцами. Потом он обнял меня и притянул ближе, я уткнулась в теплую ткань его рубахи.

– Ну что ж. Это было не очень важно.

– И, может, ты не очень хотел думать об Ардсмуире?

– Не хотел, – мягко ответил он. – Довольно с меня прошлого.

Теперь мои руки были у него на спине, и я внезапно догадалась, о чем, скорее всего, говорил Кристи. Я чувствовала линии шрамов сквозь материю, они были так же ощутимы, как если бы кто-то положил ему на спину рыболовную сеть.

– Достойные шрамы! – сказала я, поднимая голову. – Ах ты, маленький ублюдок! Вот что он имел в виду?

Джейми улыбнулся моему негодованию.

– Да, так и есть, – сухо ответил он. – Поэтому он назвал меня Mac Dubh – чтобы напомнить об Ардсмуире. Так я наверняка бы понял, о чем идет речь. Он видел, как меня секли.

– Это... это... – Я была так зла, что едва могла говорить. – Надо было пришить его чертову руку прямо к яйцам!

– Ты? Врач, который поклялся не навредить? Я поражен до глубины души, саксоночка.

Он смеялся, но в этом смехе не было искреннего веселья.

– Мелкий трусливый ублюдок! Ты знал, что он боится крови?

– Да, знал. Нельзя прожить с человеком бок о бок и не узнать о нем вещи, которые ты и знать не хотел, не говоря уже от такой мелочи. – Он немного успокоился, но уголок его рта по-прежнему пренебрежительно кривился. – Когда они принесли меня после порки, он тут же стал белее полотна и ушел блевать в угол, потом лег и отвернулся к стене. Мне тогда было не до него, но я подумал, что это как-то странно: это у меня на спине кровавая каша, а ведет себя как припадочная девица почему-то Кристи.

Я фыркнула.

– Не превращай это в шутку! Как он смеет? И что он вообще имеет в виду? Я знаю, что случилось в Ардсмуире, и эти чертовы... Я хочу сказать, эти шрамы уж точно достойные, и все там об этом знали!

– Может, и так, – сказал он серьезно. – В тот раз. Но когда меня привязывали, все видели, что со мной это случалось и прежде. Но ни одна живая душа ни разу не сказала мне об этих шрамах. До сегодняшнего дня.

Тут до меня дошло. Порка была не просто жестоким наказанием, но и постыдным – оно должно было не только физически ранить, но и оставить явные следы, которые говорили бы всем о прошлом преступника так же, как отрезанное ухо или клеймо на щеке. А Джейми, конечно, охотнее позволил бы вырвать себе язык, чем открыл бы кому-нибудь истинные причины появления шрамов – даже если это значило, что окружающие будут полагать, будто его выпороли за какой-то недостойный поступок.

Я так привыкла, что Джейми никогда не снимает рубашку в присутствии других людей, что мне не приходило в голову, что мужчины из Ардсмуира, конечно, знают о шрамах у него на спине. И все же он прятал их, и все делали вид, будто их не существует, – все, кроме Тома Кристи.

– Хммм, – протянула я. – Что ж... Все равно он засранец! С чего бы ему такое говорить?

Джейми издал короткий смешок.

– Потому что ему не понравилось, что я наблюдаю, как он обливается потом. Ему захотелось мне отомстить, я полагаю.

– Хмм, – снова замычала я и сложила руки под грудью. – Раз уж ты об этом упомянул, то зачем тебе вообще нужно было так поступать? Если ты знал, что он не переносит вида крови и все такое, зачем ты остался и наблюдал за ним вот так?

– Потому что в моем присутствии он не стал бы скулить или падать в обморок, – ответил Джейми. – Он скорее позволил бы воткнуть ему в глаза раскаленные иглы, но ни за что не издал бы и звука при мне.

– О, так ты это заметил?

– Ну конечно, саксоночка. Иначе зачем, ты думаешь, я стоял тут? Не то чтобы я не отдавал должное твоему мастерству, но смотреть, как ты зашиваешь раны, не очень способствует пищеварению. – Он бросил быстрый взгляд на брошенную тряпку, пропитанную кровью, и поморщился. – Как думаешь, кофе совсем остыл?

– Я подогрею. – По-прежнему мысленно пытаюсь разобраться в ситуации, я положила ножницы обратно в футляр, простерилизовала использованную иглу и продела в ушко свежую шелковую нитку, затем опустила этот комплект в баночку со спиртом.

Положив все на свои места в шкафу, я обернулась к Джейми.

– Ты ведь не боишься Тома Кристи, правда?

Он изумленно моргнул и засмеялся.

– Господи, конечно, нет. Почему это пришло тебе в голову, саксоночка?

– Ну... То, как вы двое иногда ведете себя друг с другом... Как два горных барана, которые бьются рогами, чтобы понять, кто сильнее.

– Ах, это. – Он махнул руками, отменяя мои опасения. – У меня рога покрепче, чем у Тома, и он это хорошо знает. Но он не собирается сдаваться и бегаёт за мной, как годовалый ягненок.

– Вот как? Но тогда что ты делаешь? Ты же не мучил его просто для того, чтобы доказать, что можешь?

– Нет, – ответил он и мягко улыбнулся мне. – Мужчина, который настолько упрям, чтобы восемь лет разговаривать на английском с горцами в тюрьме, – это мужчина, у которого довольно упрямства, чтобы биться со мной бок о бок следующие восемь лет. Так я думаю. Хорошо бы, конечно, чтобы он и сам был в этом уверен.

Я сделала глубокий вдох и покачала головой.

– Я не понимаю мужчин.

Грудная клетка у него завибрировала от тихого смеха.

– Понимаешь, саксоночка. Хотела бы не понимать.

Мой медицинский кабинет снова сиял чистотой, готовый к любым неожиданностям, которые может принести завтрашний день. Джейми потянулся к лампе, но я остановила его, положив ладонь ему на руку.

– Ты обещал мне честность, – сказала я. – Но уверен ли ты, что честен сам с собой? Ты не терзал Тома Кристи только потому, что он тебя провоцирует?

Джейми остановился в паре дюймов от меня, взгляд у него был незамутненный и открытый. Он поднял руку и положил теплую ладонь на мою щеку.

– Есть только два человека на всей земле, которым я никогда не стал бы лгать, саксоночка, – проронил он мягко. – Ты один из них. А я второй.

Он нежно поцеловал меня в лоб, затем отклонился назад и дунул на лампу.

– Имей в виду, – раздался из темноты его голос, и, когда он встал, в слабом свете, падающем из коридора, я смогла разглядеть его высокий силуэт, – меня можно одурачить. Но я никогда не стану одураченным по собственной воле.

* * *

Роджер подвинулся и застонал.

– Мне кажется, ты сломала мне ногу.

– Не сломала, – отозвалась Бри. Она уже успокоилась, но все еще готова была поспорить. – Но могу поцеловать ее, если хочешь.

– Это было бы неплохо.

Брианна задвигалась, чтобы принять подходящую позу для выполнения своих обещаний, послышалось оглушительное шуршание набитого кукурузной шелухой матраса, закончившееся тем, что она, обнаженная, уселась ему на грудь. Перед ним открылся такой вид, что Роджер пожалел о том, что они не зажгли свечу.

Она вообще-то целовала его голени, и это было довольно щекотно. Но в сложившихся обстоятельствах он вполне мог с этим смириться. Он потянулся к ней обеими руками. В темноте сойдет и метод Брайля.

– Когда мне было четырнадцать или около того, – мечтательно начал он, – в одном из магазинов Инвернесса появилась шокирующая витрина – шокирующая по тем временам, – женский манекен стоял там в одном белье.

– Мм?

– Ох, розовый корсетный пояс для чулок, подвязки – словом, весь комплект, с таким же лифчиком. Все были в ужасе. Поднялась страшная шумиха, комитет протестовал, обзвонили всех священников в городе. На следующий день манекен убрали, но к тому времени все мужское население Инвернесса успело «случайно» пройти мимо. До этой минуты я полагал, что та витрина – самое эротичное, что мне доводилось видеть.

Бри приостановилась на мгновение, и он подумал, что, судя по ее движениям, она смотрит на него через плечо.

– Роджер, – задумчиво произнесла она, – мне кажется, ты извращенец.

– Да, но извращенец, который очень хорошо видит в темноте.

Это заставило ее засмеяться – то есть сделать то самое, чего он добивался с момента, как она наконец прекратила плевать от гнева. Роджер немного приподнялся и легонько поцеловал оба бледнеющих во мраке полушария, которые так его влекли, а затем опустился обратно на подушку.

Брианна поцеловала его колено и опустила голову ему на бедро, так что ее волосы рассыпались по его ногам, прохладные и мягкие, как облако шелковых нитей.

– Прости меня, – тихо сказала она через мгновение.

Он ласково хмыкнул и погладил ее по округлому бедру.

– Ох, ерунда. Хотя жаль – мне так хотелось посмотреть на их лица, когда они узнали бы, что ты сделала.

Она фыркнула, и его нога дрогнула от ее неожиданно теплого дыхания.

– У них лица и так были будь здоров. – Ее голос звучал немного грустно. – К тому же после такого наблюдать за ними было бы сплошным разочарованием.

– Тут ты права, – признал он. – Но ты покажешь им завтра, когда они будут в состоянии оценить твою работу.

Она вздохнула и снова поцеловала его колено.

– Я не имела это в виду, – сказала она, помолчав немного. – Не хотела сказать, что в этом есть твоя вина.

– Хотела, – ответил он мягко, продолжая ласкать ее. – Все в порядке. Ты, скорее всего, права.

Вероятно, она была права. Он не собирался делать вид, что его это не ранит, но и не мог позволить злости захлестнуть его – это точно им не поможет.

– Ты не знаешь наверняка. – Она резко поднялась, превратившись в смутный силуэт какого-то древнего обелиска на фоне бледного квадрата окна. Ловко перекинув ногу через его обмякшее тело, она соскользнула вниз и улеглась рядом. – Может, это из-за меня. Или тут вообще нет ничьей вины. Может, еще просто не время.

В ответ он обнял ее и прижал к себе покрепче.

– В чем бы ни была причина, мы не станем винить друг друга, да? – Она издала короткий звук согласия и устроилась поудобнее на его плече. Уже неплохо. Но ему вряд ли удастся избавиться от чувства вины.

Факты были налицо: она забеременела Джемми после единственной ночи: от него ли, или от Стивена Боннета – никто не знал, но понадобился всего один раз. В то время как они пытались уже несколько месяцев, и все чаще казалось, что Джем будет единственным ребенком в семье. Может, ему и правда недоставало «искры», как полагали миссис Баг и ее наперсницы.

«Кто твой папочка?» – издевательским эхом с ирландским акцентом отозвался вопрос у него в мозгу. Он закашлялся, но тут же заставил себя успокоиться – он не станет цепляться за такие мелочи.

– Что ж, прости и ты меня, – сказал он, меняя тему. – Наверное, ты права, что я веду себя так, будто хочу только, чтобы ты готовила и стирала вместо того, чтобы носиться со своими химическими штуками.

– Потому что так и есть, – ответила она беззлобно.

– Меня тревожит не столько отсутствие стряпни, сколько поджоги по твоей инициативе.

– Ну, тогда тебе понравится мой следующий проект, – сказала она, утыкаясь ему в плечо. – Там в основном вода.

– О... ну, хорошо, – отозвался он спокойно, хотя и сам уловил нотку сомнения в своем голосе. – В основном?

– Еще грязь.

– Ничего воспламеняющегося?

– Только дерево. Совсем немного. Ничего особенного.

Она медленно водила пальцами по его груди. Роджер поймал ее руку и стал целовать их кончики: они были гладкими, но твердыми, загрубевшими от ткацкого станка, за которым она проводила много времени, чтобы им было что носить.

– Кто найдет добродетельную жену? – процитировал он. – Цена ее выше жемчугов. Она добывает шерсть и лен и с охотой работает своими руками. Она делает себе ковры, виссон и пурпур – одежда ее⁵⁵.

– Хотелось бы мне найти такое растение, которое будет красить настоящим пурпуром, – сказала она мечтательно. – Я скучаю по ярким цветам. Помнишь то платье, которое я надевала на вечеринку в честь высадки на Луну? Черное с ярко-розовыми и салатowymi лентами.

– Оно было довольно запоминающимся, да.

Про себя он подумал, что приглушенные тона домотканой материи идут ей куда больше: в коричневых и охристых юбках, серых и зеленых жакетах она выглядела как какой-то экзотический, роскошный лишайник.

Охваченный внезапным желанием ее увидеть, он потянулся к прикроватному столику, пытаясь что-то нашарить в темноте. Маленькая коробочка была там, куда она швырнула ее, когда они вернулись домой. В конце концов, он смастерил ее так, чтобы удобно было использовать в темноте: поворот крышечки высвободил одну из маленьких воощенных палочек, а сбоку была приклеена тонкая полоска шероховатого металла, холодившая его руку.

⁵⁵ Здесь и далее цитируются Притчи, глава 31.

Чирк! – этот простой знакомый звук заставил его сердце дрогнуть. Вместе с запахом серы появился крошечный огонек. Волшебство.

– Не трать их зря, – сказала она, но, несмотря на протест, улыбнулась, довольная результатом своих трудов, – такая же гордость была на ее лице, когда она впервые показала ему спички.

Ее волосы были распущенными и чистыми – только что вымытыми; они мерцали, рассыпаясь по бледным округлостям ее плеч, лежали мягкими облаками поверх груди – корица и янтарь, мед и золото, оживленные пламенем.

– Не бойся стужи для семьи своей, потому что вся семья ее одета в двойные одежды, – мягко сказал он, обнимая ее свободной рукой и закручивая тоненький локон у ее лица вокруг пальца так же, как делала она, когда пряла нить.

Она наполовину прикрыла свои продолговатые веки, как огромная кошка, но улыбка по-прежнему играла на ее широких, мягких губах – губах, которые ранили и излечивали. Свет сиял на ее коже, окрашивая бронзой маленькую родинку под правым ухом. Он мог бы смотреть на нее вечно, но спичка догорала. За мгновение до того, как пламя коснулось его пальцев, она наклонилась вперед и задула пламя.

Во тьме, дышащей тонкой нитью дыма, она прошептала ему на ухо:

– Уверено в ней сердце мужа ее. Она воздаст ему добром, а не злом во все дни жизни своей.

Глава 22

Колдовство

Том Кристи не вернулся в медицинский кабинет, но прислал свою дочь, Мальву, чтобы она забрала мазь. Девочка была темноволосой, щуплой и тихой, но казалась неглупой. Она подробно ответила на все вопросы о внешнем виде раны (пока все было в порядке: немного красноты, но никакого гноя и нет красных полос вверх по руке), внимательно выслушала инструкции о том, как правильно наносить мазь и менять повязки.

– Ну и хорошо, – сказала я, отдавая ей баночку. – Если у него начнется жар, сразу зови меня. А так пусть приходит через неделю – я сниму швы.

– Да, мэм. – Однако на этом она не развернулась, чтобы уйти, но медлила, разглядывая пучки трав, сохнувших на марле, и содержимое моего кабинета.

– Тебе нужно что-нибудь еще, милая? Или, может, ты хотела спросить о чем-то?

Она отлично поняла все мои инструкции, но, возможно, хотела задать какой-то личный вопрос. В конце концов, у нее не было матери...

– Да, – сказала она и кивнула на стол. – Мне просто было интересно, что это вы записываете в своей черной книжке, мэм?

– В этой? О. Это мои хирургические заметки и кое-какие рецепты... эээ... рецепты лекарств, я имею в виду. Видишь? – Я взяла журнал в руки и открыла его на странице с зарисовкой травмированных зубов мисс Мыши.

Серые глаза Мальвы загорелись от любопытства, и она подалась вперед, чтобы прочесть. Руки она завела назад, как будто боялась, что может случайно прикоснуться к журналу.

– Все в порядке, – сказала я, позабавленная ее осторожностью. – Можешь полистать, если хочешь. – Я подвинула к ней журнал, и она испуганно отступила назад. Потом Мальва несмело подняла на меня глаза – брови сдвинуты в сомнении, – но, когда я ободряюще улыбнулась, она с придыханием потянулась перевернуть страницу.

– О, глядите!

Страница, которую она открыла, была не моя, запись принадлежала Дэниелу Роулингу. На картинке было изображено извлечение мертвого младенца из утробы при помощи инстру-

ментов для дилатации и кюретажа. Я посмотрела на рисунок и торопливо отвела взгляд. Роулингс не был художником, зато обладал жутковатой способностью реалистично воссоздавать ситуацию. Мальву, впрочем, все это не смущало – напротив, глаза ее были широко распахнуты от интереса. Мне тоже становилось все занимательней: я украдкой наблюдала, как она открывает случайные страницы. Естественно, больше всего внимания она уделяла рисункам, но иногда останавливалась, чтобы прочесть рецепты и комментарии.

– Зачем вы записываете вещи, которые уже сделали? – спросила она, озадаченно приподняв на меня брови. – Рецепты, я понимаю, что можно их забыть, но почему вы делаете рисунки и пишете о том, как ампутировали обмороженный палец? В следующий раз вы будете делать это иначе?

– Ну, иногда и такое случается, – сказала я, откладывая в сторону веточку сушеного розмарина, от которого отщипывала иголки. – Операция каждый раз проходит по-разному. Все тела отличаются друг от друга, и, несмотря на то, что ты провел какую-то процедуру уже дюжину раз, все равно каждый раз будет дюжина новых деталей, с которыми ты прежде мог и не сталкиваться, – иногда это мелочи, но случаются и серьезные различия. Но я записываю все, что делала, по нескольким причинам, – добавила я, отодвигая свой стул и подходя к ней. Я перевернула еще пару страниц, остановившись на жалобах бабули Макбет – список был настолько внушительным, что для собственного удобства я записала их в алфавитном порядке. Первым шел артрит всех суставов, за ним следовала диспепсия, подробное описание выпадения матки на двух страницах, обмороки и прочие мелочи, завершался список ушной болью.

– Отчасти я делаю это для того, чтобы помнить, что случилось с человеком и как я его лечила, так что в следующий раз, когда он придет ко мне, я смогу посмотреть сюда и увидеть историю болезни. Чтобы можно было сравнить, понимаешь?

Она с энтузиазмом кивнула.

– Да, понимаю. Тогда вы будете знать, стало им лучше или хуже. А еще зачем?

– Ну, самая главная причина, – протянула я, подыскивая верные слова, – это сохранить мой опыт для другого доктора – для того, кто придет после меня, – так, чтобы он мог прочитать записи и узнать, как я делала то или другое. Журнал поможет сделать то, чего он прежде сам не делал, или подскажет, как сделать это лучше.

Она восторженно приоткрыла рот.

– Оо! Вы хотите сказать, что кто-нибудь может учиться по этому? – Она аккуратно провела пальцем по странице. – Научиться тому, что вы делаете? И даже не нужно быть доктором?

– Ну, лучше всего, чтобы у тебя был учитель, – сказала я, довольная ее пытливостью. – Есть вещи, которым нельзя научиться по книгам. Но если нет никого, кто мог бы помочь... – Я посмотрела в окно на буйное море зелени, укрывающее склоны гор. – Тогда это лучше, чем ничего, – заключила я.

– А как вы научились? – с любопытством спросила она. – По этой книге? В ней писал кто-то еще, кроме вас. Чья это рука?

Я должна была догадаться, что она спросит. Однако мне не приходило в голову, что Мальва Кристи окажется такой сообразительной.

– О... Ну, я училась по многим книгам, – сказала я. – И у других докторов.

– Других докторов, – эхом отозвалась она, глядя на меня с восхищением. – Значит, вы называете себя доктором? Я не знала, что женщины могут быть докторами.

По той простой причине, что пока ни одна женщина не называла себя врачом или хирургом. Да никто бы и не принял женщину, назовись она так.

Я кашлянула.

– Ну... Это просто название, только и всего. Многие люди говорят просто знахарка или колдунья. Или *ban-lighiche*, – добавила я. – Но это, в сущности, одно и то же. Важно лишь то, знаешь ли ты, как им помочь.

– Бан... – торжественно попыталась она повторить незнакомое слово. – Я такого раньше не слышала.

– Это по-гэльски. Язык горцев, знаешь? Это значит что-то вроде «женщина-целитель».

– О, по-гэльски. – На ее лице появилось выражение легкого пренебрежения: я догадывалась, что она переняла отцовский взгляд на древний язык горцев. Судя по всему, она разглядела во мне что-то такое, что заставило ее тут же стереть с лица всякую брезгливость, Мальва торопливо склонилась над книгой. – А кто делал другие записи?

– Мужчина, которого звали Дэниел Роулингс. – Я расправила помятую страницу с всегдашней нежностью по отношению к моему предшественнику. – Он был доктором из Вирджинии.

– Он? – Она удивленно взглянула на меня. – Тот самый, что похоронен на кладбище на горе?

– Ах... да, это он. – История о том, как он оказался тут, не была предназначена для ушей мисс Кристи. Я посмотрела в окно, оценивая яркость дневного света. – Наверное, твой отец скоро захочет поужинать?

– О! – Она выпрямилась и тоже выглянула в окно с выражением легкой тревоги. – Ай, он захочет. – Она бросила последний тоскливый взгляд на журнал, но затем решительно отряхнула юбку и поправила чепец, готовая идти. – Спасибо вам, миссис Фрэзер, что показали мне свою книгу.

– Я была рада показать ее тебе, – искренне заверила я девушку. – Приходи снова, если хочешь еще полистать ее. На самом деле... Может, тебе будет интересно... – Я замялась, но продолжила, воодушевленная живым интересом, загоревшимся в ее глазах: – Завтра я собираюсь удалять нарост из уха бабули Макбет. Не хочешь пойти со мной и посмотреть, как это делается? Мне бы пригодилась лишняя пара рук, – добавила я, поняв по ее лицу, что сомнение в ней борется с желанием.

– Ах, миссис Фрэзер, мне бы очень хотелось! – сказала Мальва. – Только вот отец... – Тревога пробежала по ее чертам, но затем она как будто приняла решение. – В общем... Я приду. Уверена, что смогу его уговорить.

– Может, мне послать записку? Или пойти поговорить с ним? – Внезапно мне очень захотелось, чтобы она пошла со мной.

Она мотнула головой.

– Нет, мэм, все будет в порядке. Я уверена. – Неожиданно она широко улыбнулась мне, серые глаза засияли. – Я скажу ему, что заглядывала в вашу черную книгу и там совсем нет никаких заклинаний, а только рецепты отваров да слабительных. Только про рисунки, пожалуйста, не стану рассказывать, – добавила она.

– Заклинания? – недоверчиво переспросила я. – Он так думал?

– О да, – заверила она меня. – И предупредил меня не трогать ее, иначе буду околдована.

– Околдована, – пробормотала я озадаченно. Что ж, в конце концов, Томас Кристи был учителем. В каком-то смысле, подумалось мне, он оказался прав: когда мы с ней подошли к двери, Мальва жадно оглянулась на книгу, не в силах побороть искушение.

Глава 23

Анестезия

Я закрыла глаза и, вытянув руку примерно на фут от лица, начала легонько махать ею, как делал виденный мной в Париже парфюмер, пробующий новый аромат. Запах ударил мне в лицо примерно с тем же эффектом как океанская волна. Мои колени подогнулись, перед глазами забегали черные точки, и я скоро перестала понимать, где верх, где низ.

Спустя, как мне показалось, всего секунду, я пришла в себя на полу своего медицинского кабинета рядом с миссис Баг, в ужасе глядящей на меня сверху вниз.

– Миссис Клэр! Вы в порядке то gaolach?⁵⁶ Я увидела, как вы упали...

– Да, – проквала я, приподнимаясь на локте и осторожно тряся головой. – Заткните... бутылку пробкой. – Я неуклюже указала на большую открытую емкость, стоящую на столе, с валяющейся рядом пробкой. – Не подносите лицо слишком близко!

С искаженным опаской лицом она взяла в руки пробку и вставила в горлышко, держась на расстоянии вытянутой руки от бутылки.

– Фу, что это за штуковина? – сказала она, отступая назад и морща нос. Женщина шумно чихнула в фартук. – Никогда я не нюхала такого, хотя – и святая Бригитта знает, что не вру, – я перенюхала много разных гадостей в этой комнате!

– Это, моя дорогая миссис Баг, эфир. – Туман у меня в голове почти рассеялся и сменился эйфорией.

– Эфир? – Она с любопытством посмотрела на перегонный куб у меня на столе. Алкоголь неторопливо испарялся в огромной колбе, стоящей на слабом огне, а купоросное масло, которое однажды получит имя серной кислоты, медленно стекало вниз по изогнутой трубке. Его неприятный едкий запах висел в кабинете, смешиваясь с обычными ароматами трав и корешков. – Занятно! И что же такое эфир?

– Он усыпляет людей так, чтобы они не чувствовали боли, когда их режут, – объяснила я, опьяненная своим успехом. – И я точно знаю, на ком я его испытаю.

* * *

– Том Кристи? – переспросил Джейми. – А ты ему сказала?

– Я сказала Мальве. Она над этим поработает, умастит его немного.

Джейми ухмыльнулся, представив эту картину.

– Да его хоть две недели в молоке вари, все равно будет твердым, как мельничный жернов. Неужели ты думаешь, что он будет слушать девчужкину болтовню о волшебной воде, которая его усыпит...

– Нет, она не станет говорить ему про эфир. Это я сделаю сама, – заверила я Джейми. – Она будет уговаривать его насчет руки, убедит, что ее нужно вылечить.

– Мм. – Джейми все еще сомневался, однако, как оказалось, не только по поводу характера Томаса Кристи.

– Этот твой эфир, саксоночка. Он не может его случайно убить?

На самом деле именно с этим были связаны мои тревоги. Я часто проводила операции, для которых использовался эфир, и в целом это был довольно безопасный анестетик. Однако сделанный в домашних условиях, да еще и отмеряемый на глаз... Люди умирали из-за анестезии даже в хороших госпиталях с профессиональными анестезиологами и всем необходимым для реанимации. Я вспомнила Розамунду Линдси: ее случайная смерть до сих пор часто появлялась в моих снах. И все же перспектива иметь надежный анестетик, оперировать, не причиняя боли...

– Может, – признала я. – Не думаю, что это произойдет, но риск есть всегда. Это того стоит.

Муж бросил на меня недобрый взгляд.

– Ах вот как? А Том тоже так думает?

– Ну, скоро узнаем. Я все ему подробно объясню, и если он скажет «нет», что ж, значит, нет. Но надеюсь, он ответит «да»!

⁵⁶ Моя дорогая (гэльск.).

Уголок рта Джейми пополз вверх, и он снисходительно покачал головой.

– Ты как маленький Джем с новой игрушкой, саксоночка. Следи, чтобы колеса не отвалились.

Я уже готова была возмутиться, но тут мы вышли к домику Багов, около которого на крыльце сидел Арч Баг и мирно курил глиняную трубку. Когда он увидел нас, он вытащил трубку изо рта и стал подниматься, но Джейми замахал ему, чтобы он оставался на месте.

– Ciamar a tha thu, a charaid?⁵⁷

Арч ответил своим обычным «мхм», но с оттенком сердечности и радушия. Потом он, глядя на меня, поднял седую бровь и указал трубкой в сторону тропинки – это значило, что его жена в большом доме, если я ищу ее.

– Нет, я иду в лес пополнить запасы, – сказала я, приподнимая пустую корзину в качестве доказательства. – Но миссис Баг забыла свое вязание, можно я его заберу?

Он кивнул и улыбнулся – вокруг его глаз собрались веселые морщинки. Арч галантно подвинул свои тощие бедра, чтобы я смогла пройти внутрь. Позади я услышала очередное «мхм», на этот раз прозвучавшее как приглашение, и почувствовала, как прогнулись доски крыльца под весом Джейми, – он сел рядом с мистером Багом.

Окон здесь не было, и мне пришлось подождать пару секунд, пока глаза привыкнут к полумраку. Хижина была довольно маленькая, и уже через полминуты я смогла разглядеть все ее содержимое: в ней не было почти ничего, кроме кровати, сундука для одеял да стола с двумя табуретами. Мешочек с рукоделием висел на крючке у дальней стены, и я стала к нему пробираться. Я слышала приглушенный разговор мужчин на крыльце за моей спиной и различала непривычный голос мистера Бага. Разумеется, он умел говорить и говорил, но в присутствии супруги – шумной и многословной – предпочитал ограничиваться улыбкой и редким «мхм», выражающим согласие или несогласие.

– Этот Кристи, – задумчиво говорил Мистер Баг. – Он не кажется тебе странным, а Sheumais?⁵⁸

– Ну, знаешь, он с равнин, – сказал Джейми и, судя по звуку, передернул плечами.

В ответ прозвучало ироническое «мхм», означавшее, что мистер Баг нашел такое объяснение совершенно логичным. Следом до меня донеслись звуки раскуриваемой трубки.

Я открыла мешочек, чтобы убедиться, что вязание внутри, но его там не оказалось; мне пришлось шарить по всей хижине, шурясь в темноте. Ага – вот оно, темная кучка чего-то мягкого в углу, видно, пряжа упала со стола, а потом кто-то случайно толкнул ее в сторону.

– Разве он страннее, чем обычно? Кристи? – спросил Джейми непринужденно.

Я выглянула как раз вовремя, чтобы увидеть, как Арч кивнул Джейми, – вслух он ничего не сказал, поскольку был серьезно вовлечен в борьбу со своей трубкой. Однако вдобавок он поднял правую руку и помахал ею, демонстрируя обрубки двух недостающих пальцев.

– Вот, – проговорил он наконец, победно выпуская облако белого дыма вместе со словами. – Он спрашивал, сильно ли больно мне было, когда случилось это.

Его лицо сморщилось, как бумажный пакет, и он издал несколько хриплых смешков – верх веселья для Арча Бага.

– Ай? И что же ты ему ответил, Арч? – спросил Джейми с улыбкой.

Арч безмятежно покуривал свою трубку, теперь уже полностью укрошенную, потом сжал губы и выдул маленькое и совершенно ровное кольцо дыма.

– Ну-у-у, я сказал, что тогда нисколечко не было больно, – он сделал паузу, его голубые глаза сверкнули. – Конечно, дело могло быть в том, что от шока я валялся в холодном поту, как макрель. Когда я пришел в себя, немного пекло, – он снова поднял руку, бесстрастно разгля-

⁵⁷ Как дела, друг? (гэльск.)

⁵⁸ То же, что и Джеймс (гэльск.).

дывая ее, а затем перевел взгляд на меня в дверях. – Вы же не собираетесь опробовать топор на бедном старом Томе, мэм? Он сказал, вы собираетесь его подлатать на следующей неделе.

– Скорее всего, нет. Можно мне посмотреть? – Я вышла на крыльцо и, склонившись над ним, взяла в руки его ладонь. Арч послушно переложил трубку в левую руку.

Средний и безымянный пальцы были ампутированы чисто, удар прошел как раз на уровне сустава. Травма была старой, такой старой, что уже давно потеряла вид, свойственный недавним увечьям, в которых разум все еще видит недостающее и тщетно пытается соединить реальность с ожиданиями. Но человеческое тело невероятно пластично и старается компенсировать любую потерю по мере возможностей. В случае с покалеченной рукой очень часто происходит легкая деформация, в результате которой оставшиеся функции максимально увеличивают свою продуктивность.

Я заморожено ощупала руку. Пястные кости обрубленных пальцев были целы, но окружавшие их ткани сжались и изменили форму, обособив эту часть ладони, так что мизинец с безымянным пальцем стали сильнее противопоставлены большому. Я видела, как легко и непринужденно Арч пользуется этой рукой, когда держит кружку или орудует лопатой.

Шрамы вокруг обрубков разгладились и побледнели, образовав гладкую шершавую поверхность. Оставшиеся суставы были поражены артритом, да и вся рука выглядела настолько деформированной, что и руку-то уже слабо напоминала – однако при этом совсем не выглядела отталкивающей. Она была теплой и сильной в моих ладонях, и даже странно привлекательной, словно обкатанная водой щепка.

– Вы сказали, это был топор? – спросила я, задаваясь вопросом о том, как он сумел так себя покалечить, учитывая, что Арч правша. Неверный удар мог задеть руку или ногу, но отхватить два пальца на одной руке, да еще так... Я вдруг начала понимать, в чем тут могло быть дело, и ладонь моя непроизвольно сжалась. О нет.

– О да, – сказал он и выпустил облако дыма. Я посмотрела прямо в его голубые глаза.

– Кто это сделал? – спросила я.

– Фрэзеры, – ответил Арч. Он тихонько пожал мою руку и отобрал свою ладонь, поворачивая ее так и эдак. Потом поглядел на Джейми.

– Не Фрэзеры из Ловата, – добавил он. – Бобби Фрэзер из Гленхельма и его племянник, его звали Лесли.

– Вот как? Что ж, это неплохо, – ответил Джейми, подняв бровь. – Не хотелось бы мне услышать, что это был мой близкий родич.

Арч почти беззвучно хохотнул. Глаза по-прежнему ярко сияли в сеточке морщин, но что-то в этом смехе заставило меня отступить на шаг.

– Не хотелось бы, – согласился он. – Мне тоже. Но это было в тот год, когда ты только должен был родиться, а Sheumais, или годом раньше. Сейчас Фрэзеров из Гленхельма вообще нет.

Сама по себе рука совершенно меня не смущала, но воображение рисовало мне картины того ужасного происшествия, и от этого меня немного мутило. Я опустилась на крыльцо рядом с Джейми, не дожидаясь приглашения.

– Почему? – спросила я без затей. – Как?

Арч затянулся и выпустил еще одно колечко. Оно коснулось остатков первого, и оба они рассеялись в тумане пахучего дыма. Мистер Баг немного нахмурился и посмотрел на руку, теперь лежащую у него на коленях.

– Ну. Это был мой выбор. Видите ли, мы были лучниками, – начал он объяснять. – Все мужчины из моей септы: нас для этого натаскивали с малых лет. Я получил свой первый лук в три, а к шести мог попасть тетереву в сердце с сорока футов.

Он рассказывал об этом, не скрывая простоватой гордости, и шурился на небольшую стайку голубей, собравшихся под деревьями неподалеку, как будто оценивал, насколько просто будет подстрелить одного из них.

– Я слышал, как мой отец рассказывал о лучниках, – сказал Джейми. – В Глен-Шиле⁵⁹. В основном это были Гранты, говорил он, но попадались и Кэмпбеллы.

– Да, это были мы. – Арч пыхнул трубкой, и его голову заволокло дымом. – Мы прокрались вниз ночью через кусты, – рассказывал он мне, – и спрятались посреди скал над рекой в Глен-Шиле в гуще папоротников и рябин. Можно было стоять в футе от нас и не заметить ни одного, такими плотными были заросли... Немного тесновато, – доверительно добавил он, обращаясь к Джейми. – Невозможно было подняться, чтобы сходить по нужде, а мы ведь поужинали и малость выпили пива, прежде чем перейти на другую сторону горы. Приходилось все делать на корточках, по-бабьи. Тетиву мы прятали под рубахами, чтобы она не намочила от дождя, который капал сквозь папоротник прямо нам за шиворот! Но с рассветом, – весело продолжил он, – мы встали по сигналу и начали стрелять. Красивое, скажу я вам, было зрелище – наши стрелы так и сыпались с холмов на тех бедняг в лагере у реки. Твой отец ведь тоже там сражался, а Sheumais, – добавил он, указывая мундштуком на Джейми. – Он был как раз у реки.

Судорога беззвучного смеха сотрясла Арча.

– Не слишком вы друг друга любите, – ответил Джейми сухо. – Вы и Фрэзеры.

Старый Арч покачал головой, ни капли не смутившись.

– Нет, – сказал он и вновь, чуть более сдержанно, заговорил со мной: – Так вот, когда Фрэзерам случалось схватить на своих землях Гранта, они обыкновенно давали ему выбор: лишиться правого глаза или двух пальцев правой руки. Так или иначе, он уже не смог бы пустить в них стрелу.

Арч медленно потер покалеченную руку о бедро, выпрямляя ее, будто его призрачные пальцы тянулись к поющей тетиве, тосковали по ее прикосновению. Потом мужчина потряс головой, как будто отгоняя видение, и сжал ладонь в кулак. Он повернулся ко мне.

– Вы же не собирались отхватить Кристи пару пальцев, миссис Фрэзер?

– Нет, – ответила я ошарашенно. – Конечно, нет. Он же не думает...

Арч пожал плечами, кустистые белые брови подскочили к редющим волосам.

– Точно не скажу, но он, кажись, очень тревожится о том, что его будут резать.

– Хмм, – протянула я. Нужно будет поговорить с Томом Кристи.

Джейми поднялся, чтобы идти, и я рефлекторно последовала за ним, отряхивая по пути юбки и стараясь вытряхнуть из головы картину – пригвожденная к земле рука совсем молодого парня и летящий вниз топор.

– Значит, ты говоришь, в Гленхельме больше нет Фрэзеров? – задумчиво спросил Джейми, глядя на мистера Бага. – Лесли, племянник, он был наследником Бобби Фрэзера, так ведь?

– Да, был.

Трубка мистера Бага потухла. Он перевернул ее и аккуратно постучал чашей о край крыльца, выбивая остатки табака.

– Их убили вместе, не так ли? Я помню, отец однажды об этом рассказывал. Их нашли в ручье с пробитыми головами.

Арч Баг моргнул, глядя на него, и лениво прикрыл глаза, как ящерица на солнце.

– Ну, видишь ли, Хэмиш, – проговорил он, – лук, он как хорошая жена, да? Он знает своего хозяина и отвечает на его прикосновение. А вот топор... – Арч покачал головой. – Топор как шлюха. Его может использовать всякий, притом любой рукой.

⁵⁹ Глен-Шил (англ. Glen Shiel или Glenshiel) – горная долина в Шотландии, известная сражением в 1719 г., одним из героев которого был Роберт Макгрегор.

Он дунул в трубку, чтобы очистить от пепла, и, протерев чашу платком, бережно засунул ее под одежду левой рукой. Он широко улыбнулся, обнажив острые и пожелтевшие от табака края зубов.

– Иди с богом, Sheumais mac Brian⁶⁰.

* * *

Позднее на той же неделе я отправилась в хижину Кристи, чтобы снять швы с руки Тома и рассказать об эфире. Его сын, Алан, был в саду и точил нож о точильный камень с ножным приводом. Он улыбнулся и молча кивнул мне – визг от заточки все равно заглушил бы наши голоса.

Возможно, именно эти звуки пробудили дурные предчувствия в Томе Кристи, подумалось мне секундой позже.

– Я решил, что оставлю свою правую руку такой, какая она есть, – заявил он категорично, когда я разрежала и вытащила последнюю нитку.

Я отложила ножницы и молча уставилась на него.

– Почему?

На его щеках проступил блеклый румянец, и он поднялся, задрвав подбородок и глядя поверх моего плеча, чтобы не встречаться со мной взглядом.

– Я молился об этом и пришел к выводу, что если эта немощ послана мне Господом, то будет неправильно пытаться что-то изменить.

Я подавила сильное желание тут же сказать: «Чушь и предрассудки!» – но это стоило мне немалых усилий.

– Присядьте, – сказала я, глубоко вдохнув. – И скажите мне, если вас не затруднит, почему вы думаете, что Господь желает, чтобы вы жили с изувеченной рукой.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде смешались удивление и возмущение,

– Почему... Не мое это дело рассуждать о воле Господа!

– О, вот как? – мягко переспросила я. – А я думала, это именно то, чем вы занимались в прошлое воскресенье. Или это не вы вопрошали, о чем это Он думал, позволив всем этим католикам множиться и процветать, подобно многоветвистому дереву?

Блеклый румянец стал не таким уж и блеклым.

– Уверен, что вы поняли меня превратно, мистрис Фрэзер. – Он еще сильнее выпрямил спину, так что стал даже немного отклоняться назад. – Как бы там ни было, ваша помощь мне не понадобится.

– Потому что я католичка? – спросила я, облакачиваясь на спинку стула и складывая руки на коленях перед собой. – Может, вы думаете, что я воспользуюсь вашей беспомощностью и тайком крещу вас по римскому обряду?

– Я крещен как положено! – огрызнулся он. – И буду благодарен, если вы оставите свои папистские взгляды при себе.

– У нас с папой договоренность, – сказала я, отвечая на его взгляд таким же невозмутимым взглядом. – Я не выпускаю буллы по вопросам веры, а он не проводит операции. Теперь по поводу вашей руки...

– Воля Господа... – начал он упрямо.

– Это по воле Господа ваша корова свалилась в канаву в прошлом месяце и сломала ногу? – перебила его я. – Потому что, если так, думаю, вы должны были оставить ее там умирать, вместо того чтобы звать на помощь моего мужа и потом позволить мне лечить бедное животное. Как она, кстати?

⁶⁰ Джеймс, сын Брайана (гэльск.).

Упомянутая корова была видна мне из окна, она безмятежно паслась на краю лужайки перед домом, нисколько не потревоженная ни своим кормящимся теленком, ни шиной, которую я наложила на ее треснувшую берцовую кость.

– Она в порядке, благодарю вас. – Голос Кристи начал звучать немного придушенно, хотя ворот рубахи был распущен. – Это...

– Ну что ж, – сказала я. – Не думаете ли вы, что Господь считает, будто вы в меньшей степени заслуживаете помощи, чем ваша корова? Это вряд ли, особенно если вспомнить, что говорится в Библии о разных мелких птичках.

К этому моменту щеки Тома Кристи приобрели глубокий пурпурный оттенок. Он накрыл скрюченную руку раненой, как будто хотел защитить ее от меня.

– Вижу, вы слышали кое-что о Библии, – начал он напыщенно.

– Вообще-то я ее даже читала, – отозвалась я. – Я, знаете ли, неплохо читаю.

Он проигнорировал мою ремарку, его глаза победно засверкали.

– Воистину. В таком случае, я уверен, вы читали послание Святого апостола Павла Тимофею, в которых он говорит, что женщина должна молчать...

Я уже сталкивалась со взглядами апостола Павла прежде, но свои у меня тоже были.

– Подозреваю, что апостол Павел тоже встречал женщину, которая смогла его переспорить, – сказала я не без злорадства. – Проще заклеить весь женский пол, чем доказать свою точку зрения. Я думала о вас лучше, мистер Кристи.

– Но это богохульство! – возопил он, явно шокированный.

– Вовсе нет, – возразила я. – Если только вы не хотите сказать, что апостол Павел и есть Господь Бог. А если и хотите сказать, то тогда вы сам богохульник. Но давайте не будем заниматься демагогией, – добавила я, заметив, как его глаза начали наливаться кровью. – Дайте-ка я... – Я встала со стула и сделала шаг вперед, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от Кристи. Он так резко попятился, что врезался в стол и опрокинул его. Корзинка с рукоделием Мальвы, кувшин молока и оловянная тарелка – все это с грохотом полетело на пол.

Я живо наклонилась и подобрала корзинку как раз вовремя, чтобы спасти ее от молочного потопа. Мистер Кристи так же стремительно схватил тряпку с очага и стал промакивать ею молоко. Мы чудом не столкнулись лбами, но все же замешкались, и я, потеряв равновесие, тяжело упала прямо Кристи на грудь. Он рефлекторно ухватил меня за руки, уронив тряпку, но тут же с отвращением оттолкнул. Я стояла на коленях, покачиваясь. Он тоже был на коленях и тяжело дышал, теперь уже на безопасном расстоянии от меня.

– Правда заключается в том, – сказала я жестко, тыкая в него пальцем, – что вы боитесь.

– Нет!

– Именно так. – Я поднялась на ноги, поставила корзинку на стол и аккуратно накрыла тряпкой молочную лужу. – Вы боитесь, что я причиню вам боль. Но я не стану, – заверила его я. – У меня есть средство, которое называется «эфир», – оно заставит вас уснуть, и вы ничего не почувствуете.

Он моргнул.

– Возможно, вы боитесь, что потеряете несколько пальцев или оставшуюся подвижность.

Он все еще стоял на коленях у очага и изумленно глядел на меня.

– Я не могу со всей уверенностью гарантировать вам, что этого не случится. Не думаю, что вероятность велика. Однако человек предполагает, а Бог располагает, не так ли?

Он очень медленно кивнул, но ничего не ответил. Я сделала глубокий вдох, пользуясь передышкой.

– Думаю, мне удастся вылечить вас, – сказала я. – Не могу гарантировать этого, всякое случается. Инфекции, несчастные случаи, непредвиденные обстоятельства, но...

Я протянула ладонь, указывая на скрюченную кисть. Завороженно двигаясь, как мелкая птица под взглядом змеи, он вытянул руку и позволил мне взять ее. Я сжала его запястье

и помогла Тому подняться. Теперь он стоял напротив меня, по-прежнему позволяя держать себя за руку. Я взяла ее обеими ладонями и отогнула обездвиженные пальцы чуть назад, осторожно потирая большим пальцем утолщенный ладонный апоневроз, стягивающий сухожилия. Я хорошо чувствовала его, могла в точности представить себе, как именно подойду к проблеме: где нажму скальпелем, как разойдется загрубевшая кожа. Я знала длину и глубину зигзагообразного разреза, который освободит его руку и вернет ей подвижность.

– Я делала это прежде, – мягко добавила я, нажимая сильнее, чтобы прощупать кости. – И с Божьей помощью смогу сделать снова, если вы мне позволите.

Он был всего на пару дюймов выше меня, глаза Тома были стального серого оттенка и вглядывались в мое лицо со смешанным выражением страха и подозрения – но в их глубине скрывалось и что-то другое. Внезапно я услышала его дыхание, медленное и спокойное, теплое на моей щеке.

– Ладно, – сказал он наконец хрипло. Том Кристи отобрал свою ладонь – но не резко, а даже как-то неохотно – и стоял, баюкая ее второй рукой. – Когда?

– Завтра, – сказала я. – Если погода будет хорошей – мне нужно будет много света, – объяснила я, заметив озадаченность в его взгляде. – Приходите утром и не завтракайте.

Я подхватила аптечку, присела в неловком реверансе и вышла, ощущая себя довольно странно. Алан Кристи радостно помахал мне на прощание и продолжил точить.

* * *

– Думаешь, он придет?

Мы уже позавтракали, но Тома Кристи не было видно. После ночи, полной бесконечных тревожных снов об эфире и хирургических ошибках, я и сама уже не знала, хочу ли я, чтобы он согласился.

– Он придет. – Джейми читал «Газету Северной Каролины» четырехмесячной давности, одновременно доедая коричный тост, приготовленный миссис Баг. – Гляди-ка, они напечатали письмо губернатора лорду Дартмуту, в котором он называет нас всех шайкой мятежных, подлых, вороватых ублюдков и просит генерала Гейджа прислать ему пушек, чтобы нас припугнуть. Интересно, Макдональд в курсе, что оно стало общественным достоянием?

– В самом деле? – переспросила я отсутствующе. Я поднялась со стула и взяла маску для эфира, на которую пялилась весь завтрак. – Что ж, если он придет, мне лучше быть готовой.

Итак, в моем кабинете напротив подноса с инструментами уже лежала наготове маска для эфира, сделанная Бри, и бутылка-капельница. Беспоконная, я подняла бутылку, откупорила ее и помахала ладонью возле горлышка, чтобы пары достигли моего носа. В результате я почувствовала обнадеживающую волну слабости, в глазах у меня на секунду помутилось. Когда эффект рассеялся, я вновь закрыла бутылку и поставил ее на стол, ощущая себя уже увереннее.

Как раз вовремя. У заднего хода послышались голоса, по холлу застучали шаги. Я обернулась и увидела мистера Кристи, сердито глядящего на меня из дверного проема, с рукой, заботливо прижатой к груди.

– Я передумал. – Кристи сильнее нахмурил брови, чтобы подчеркнуть свою решимость. – Я окинул это дело мысленным взором, помолился и понял, что не дам вам опоить меня своими гнилыми зельями.

– Вы дурак, – сказала я, совершенно сбита с толку, затем поднялась и ответила ему таким же сердитым взглядом. – Да что на вас нашло?

Кристи опешил, как будто змея, лежащая в траве у его ног, вдруг посмела к нему обратиться.

– Ничего на меня не находило, – ответил мужчина грубовато. Он воинственно задрал подбородок, направив на меня свою короткую бородку. – Что нашло на вас, мадам?

– А я-то думала, это только горцы упрямы, как ослы!

Это сравнение явно его оскорбило, но прежде чем он успел продолжить перепалку, в кабинете показалась голова Джейми, привлеченного шумом нашей ссоры.

– Какие-то проблемы? – вежливо поинтересовался он.

– Да, он отказывается...

– Да, она упорствует...

Наши слова слились в невнятный шум, и мы оба замолчали, зло уставившись друг на друга. Джейми перевел взгляд с меня на мистера Кристи, а потом на аппарат на столе и возвел глаза к небу, как будто прося указать ему путь. Он задумчиво потер место над губой.

– Так, – сказал Джейми наконец. – Ты хочешь, чтобы твою руку вылечили, Том?

– Да, – ответил Кристи и покосился на меня с откровенным подозрением. – Но я не собираюсь терпеть все эти папистские штучки!

– Папистские? – переспросили мы с Джейми одновременно. Его голос звучал немного озадаченно, мой – очень раздраженно.

– Ай, и не надо думать, будто теперь ты сможешь обдурить меня, Фрэзер!

Джейми бросил на меня красноречивый взгляд в духе «я тебя предупреждал», но весь подобрался, надеясь на лучшее.

– Что ж, ты всегда был странным упрямым засранцем, Том, – заметил он мягко. – Уверен, тебе это страшно нравится, но могу сказать по собственному опыту – будет очень больно.

Кристи, кажется, немного побледнел.

– Посмотри, Том, – Джейми кивнул на поднос с инструментами: два скальпеля, зонд, ножницы, щипцы и две иглы для накладывания швов с уже заправленными нитками, плавающие в банке со спиртом. Металл тускло блестел в солнечном свете. – Она будет резать твою руку, понимаешь?

– Я это знаю, – огрызнулся Кристи, но глаза его скользнули прочь от зловеще мерцающих лезвий.

– Ага, знаешь. Но не имеешь ни малейшего представления о том, каково это. А я имею. Видишь? – Он приподнял руку, повернув тыльной стороной к Тому, и помахал перед его лицом. В таком положении, залитые светом утреннего солнца, тонкие белые шрамы, пересекавшие его пальцы, резко выделялись на фоне темно-бронзовой кожи. – Это чертовски больно, – заверил он упрямец. – Тебе не захочется такое пережить, и у тебя есть выбор – прямо перед твоим носом.

Кристи едва взглянул на руку. Конечно, подумалось мне, он знает, как это выглядит, – он жил с Джейми три года.

– Я сделал свой выбор, – проговорил он с достоинством. Кристи сел на стул и положил руку на салфетку ладонью вверх. Краска сошла с его лица, а вторая рука была сжата так сильно, что дрожала от напряжения.

Джейми рассматривал его несколько секунд, нахмутив брови, затем вздохнул.

– Ну, тогда подожди-ка немного.

Очевидно, спорить с ним дальше смысла не было, и я не стала даже пытаться. Я взяла с полки бутылку медицинского виски и щедро плеснула в чашку.

– «Употребляй немного вина ради желудка твоего», – сказала я, решительно вкладывая чашку в ладонь Кристи. – Святой Павел, наш общий знакомый. Если уж пить ради желудка можно, то и ради руки не зазорно.

Губы Кристи, крепко сжатые в ожидании, удивленно приоткрылись. Он перевел взгляд с чашки на меня и обратно. Потом сглотнул, кивнул и начал пить. Но прежде чем он закончил, вернулся Джейми, держа в руках маленькую потрепанную зеленую книжку, которую он без

церемоний сунул Кристи. Том озадаченно вытянул ее перед собой и прищурился, разглядывая томик. На потертой обложке было написано: «Библия, версия короля Якова».

– Сгодится любая помощь, не так ли? – слегка угрюмо спросил Джейми.

Кристи пронзил его взглядом, затем кивнул, и его бороду, словно тень, прорезала едва заметная улыбка.

– Спасибо, сэр, – сказал Том. Он вытащил очки из кармана куртки, нацепил их на нос, открыл книжицу с величайшей осторожностью и начал листать, очевидно, пытаясь найти подходящие строчки перед грядущей операцией без анестезии.

Я многозначительно посмотрела на Джейми, и он в ответ рассеянно пожал плечами. Это была не просто Библия. Это была Библия, которая однажды принадлежала Александру Макгрегору. Она досталась Джейми, когда он был еще совсем молодым и оказался узником в тюрьме Форт-Уильяма стараниями капитана Джонатана Рэндолла. После первой порки и в ожидании второй его, испуганного и страдающего от боли, заперли в одиночной камере, где компанию Джейми составляли только собственные мысли да эта Библия, которую ему отдал гарнизонный врач, чтобы хоть как-то помочь парню.

Алекс Макгрегор был еще одним юным шотландским заключенным, который предпочел наложить на себя руки, нежели страдать от своеобразных знаков внимания капитана Рэндолла. Его имя было написано на обороте опрятным, слегка размашистым почерком. Маленькая Библия была хорошо знакома со страхом и страданиями, и, хотя она не была эфиром, я все же надеялась, что книга обладает некими обезболивающими свойствами.

Тем временем Кристи нашел для себя что-то подходящее. Он откашлялся, выпрямился на стуле и вновь положил руку на салфетку ладонью вверх – на этот раз с такой решимостью, что я задалась вопросом, уж не попался ли ему отрывок, в котором Маккавеи с охотой отдают свои руки и языки на отсечение, вверяясь царю небесному. Однако, заглянув ему через плечо, я убедилась, что это была Псалтырь.

– Начинайте, когда вам будет удобно, мистрис Фрэзер, – вежливо сказал Кристи.

Так как моему пациенту предстояло оставаться в сознании, мне нужно было провести дополнительные приготовления. Мужество и сила духа, конечно, прекрасные качества, как и истовая вера, но существовало сравнительно мало людей, способных оставаться без движения, пока режут их руку. И думалось мне, Том Кристи был не из таких.

У меня были хорошие запасы льняных повязок. Я закатала его рукав и использовала несколько полос, чтобы крепко примотать предплечье Кристи к небольшому столу, за которым оперировала. Другой повязкой я отогнула и зафиксировала скрюченные пальцы, чтобы они не мешали моим манипуляциям.

Хотя Кристи и был шокирован идеей возлияний за чтением Библии, Джейми – и, вполне возможно, вид скальпелей убедили его, что в данных обстоятельствах это оправданная жертва. Он успел выпить пару унций к тому времени, как я закончила с путами и протерла его ладонь спиртом, и выглядел куда более расслабленным, чем полчаса назад. Однако вся его расслабленность испарилась, как только я сделала первый надрез.

Весь воздух вырвался из него с одним резким выдохом, он выгнул спину дугой, дернув на себя стол, который заскрежетал по полу. Я вовремя схватила его запястье, не давая сорвать повязки, а Джейми крепко взял его за плечи и прижал к стулу.

– Ну-ну, все нормально, – сказал Джейми, с силой удерживая его. – Ты справишься, Том. Справишься.

Лицо Кристи покрылось потом, а глаза за стеклами очков стали огромными. Взглянув на свою руку, которая обильно кровоточила, он подавился, сглотнул и спешно отвернулся, белый как полотно.

– Если вас тошнит, мистер Кристи, то постарайтесь попасть вот сюда, хорошо? – сказала я, подталкивая к нему ногой пустое ведро. Я по-прежнему держала его запястье, а другой рукой прижимала импровизированный тампон к разрезу.

Джейми продолжал говорить с Кристи так, будто успокаивал испуганную лошадь. Том оставался неподвижным, но тяжело дышал и дрожал каждой частичкой тела, включая руку, с которой мне нужно было работать.

– Мне прекратить? – спросила я Джейми, бегло оглядывая пациента. Я чувствовала, как стучит пульс в запястье, которое я удерживала. Он не был в состоянии шока, но ему явно было плохо.

Джейми покачал головой, глядя на лицо Кристи.

– Нет. Выйдет, что мы напрасно потратили столько виски, а? К тому же он не захочет снова ждать. Вот Том, выпей-ка еще, это тебе поможет. – Джейми прижал чашку к губам Кристи, и тот глотнул, не раздумывая.

Муж отпустил плечи Кристи, когда тот успокоился, и вместо этого крепко прижал его предплечье к столу одной рукой. Другой он поднял Библию, которая упала на пол, и неловко открыл ее.

– Десница Господня высока, – прочел он, шурясь и заглядывая в книгу через плечо Кристи. – Десница Господня творит силу. Кажется, это подходит, да? – Он опустил взгляд на Кристи, который затих и положил на живот вторую руку, сжав ее в кулак.

– Продолжайте, – хрипло сказал тот.

– Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни, – продолжил Джейми тихим, но твердым голосом. – Строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня.

Кажется, Кристи находил это ободряющим, дыхание его стало не таким судорожным. У меня не было времени смотреть на него, но его рука под пальцами Джейми была тверда, как дерево. Как бы там ни было, он начал бормотать вместе с ним, подхватывая по несколько слов из каждой фразы.

– Отворите мне врата правды... Славлю Тебя, что Ты услышал меня...

Я уже обнажила апоневроз и ясно видела утолщение. Одним движением скальпеля я освободила его край, затем глубоко и безжалостно рассекла фиброзные ткани... Металл задел кость, и Кристи ахнул.

– Бог – Господь, и осиял нас; вяжите вервями жертву, ведите к рогам жертвенника...

Я услышала нотку веселья в голосе Джейми, когда он читал эти строки, и почувствовала, как он повернулся ко мне. Это действительно выглядело так, словно я совершала жертвоприношение. Ладони, конечно, не кровоточат столь обильно, как голова, но в них хватает мелких сосудов. Одной рукой я работала, а второй постоянно промокивала кровь. Использованные комки окровавленной ткани усеивали стол и пол вокруг меня.

Джейми листал книгу взад и вперед, выбирая случайные части Писания, но Кристи уже был с ним и вторил его словам. Я бросила на него быстрый взгляд: лицо было по-прежнему серым, а пульс слишком частым, но по крайней мере дышал он ровнее. Кристи явно читал по памяти: стекла очков запотели.

Теперь я полностью удалила ткани, которые блокировали подвижность, и убирала мелкие волокна с сухожилий. Скрюченные пальцы вдруг дернулись, и обнаженные струны сместились, блеснув, как серебристая рыбка. Я обхватила пальцы и яростно их стиснула.

– Вы должны сидеть смиренно, – сказала я. – Мне нужны обе руки, я не могу вас держать.

Посмотреть на него я не могла, но почувствовала, как мой пациент кивнул, и отпустила пальцы. Я убрала последние частицы апоневроза вокруг мягко поблескивающих сухожилий, обработала ткани смесью алкоголя и очищенной воды и принялась накладывать швы. Пока я оперировала, голоса мужчин звучали для меня отдаленным шепотом, глухим бормотанием, но теперь, когда я начала зашивать рану и немного расслабилась, я снова услышала их.

– Господь – Пастырь мой; я ни в чем...

Я подняла голову, вытирая пот со лба рукавом, и увидела, что Томас Кристи прижал закрытую Библию к телу свободной рукой. Его подбородок с силой упирался в грудь, глаза были крепко зажмурены, а лицо искажено болью. Джейми по-прежнему удерживал предплечье Тома, положив вторую руку на плечо и склонившись к его голове. Он тоже читал по памяти с закрытыми глазами.

– Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной...

Я сделала последний стежок, отрезала нить и, не медля, тем же движением освободила Кристи от повязки, удерживающей руку. Наконец-то можно было выдохнуть. Голоса мужчин резко замолкли. Я приподняла ладонь, наложила свежую тугую повязку и осторожно отвела согнутые пальцы назад, распрямляя их.

Кристи медленно открыл глаза. Его зрачки казались огромными и темными за стеклами очков, пока он рассматривал руку. Я улыбнулась ему и легонько потрепала по запястью.

– Так, благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, – мягко сказала я, – и я пребуду в доме Господнем многие дни.

Глава 24

Не прикасайся ко мне

Пульс Кристи был немного учащенным, но сильным. Я опустила его запястье и потрогала лоб.

– У вас небольшой жар, – сказала я. – Вот, выпейте. Я положила руку ему на спину, чтобы помочь сесть на постели – это его испугало. Он резко сел в ворохе одеял, задел больную руку и резко выдохнул от боли.

Я тактично сделала вид, что не заметила этой реакции, которую списала на то, что он был облачен только в нижнюю рубашку, а я – в ночную сорочку. Я выглядела достаточно скромно, к тому же набросила легкую шаль поверх льняной ночнушки. Однако у меня были основания полагать, что Кристи не бывал рядом с женщиной в дезабилье с тех пор, как умерла его жена, если не раньше. Я бормотала нечто невнятное, пока он пил чай с окопником из чашки, которую я поднесла к его губам, а потом взбила подушки в заботливой, но безличной манере.

Вместо того чтобы отправить его домой, я настояла на том, чтобы он остался на ночь, – так я смогла бы отследить появление послеоперационной инфекции. Не было никакой уверенности, что Кристи, непримиримый по натуре, будет следовать моим рекомендациям и не возьмется кормить свиней, колоть дрова или подтираться больной рукой. Я не собиралась выпускать его из виду, пока разрезы не начнут затягиваться, что должно произойти на следующий день, если все пойдет нормально.

По-прежнему дрожащий от шока, он не стал возражать, и мы с миссис Баг уложили его в кровать в комнате Уэмиссов – мистер Уэмисс и Лиззи ушли к Макгилливреям.

Лауданума у меня не было, но я напоила Кристи крепким отваром валерианы и зверобоя, так что он проспал большую часть дня. От ужина он отказался, но миссис Баг, питавшая к нему симпатию, весь вечер потчевала его тодди, силлабабом и прочими питательными эликсирами. Все они содержали немало алкоголя, вследствие чего Кристи стал раскрасневшимся и немного ошалелым и даже не пытался возражать, когда я завладела его перебинтованной рукой и поднесла к ней свечу, чтобы осмотреть.

Кисть опухла немного сильнее, чем я ожидала. Бинты оказались слишком тугими и неудобно врезались в кожу. Я разрешила их и, аккуратно придерживая пропитанную медом тряпицу, которая прикрывала рану, приподняла руку и принялась.

Пахло медом, кровью, травами, и вокруг раны витал едва заметный металлический привкус недавно отделенной плоти. Но сладковатого запаха гноя я не почувствовала. Это хорошо.

Я осторожно нажала возле повязки, проверяя, не появятся ли красные полосы на коже или резкая боль. Но помимо понятной чувствительности и легкого воспаления, никаких тревожных симптомов не было.

И все же у него был жар, этого нельзя было упускать из виду. Я взяла свежие бинты и замотала их осторожно поверх медовой примочки, завершив процесс бантом на тыльной стороне ладони.

– Почему вы никогда не носите платка или чепца?

– Что? – Я удивленно посмотрела на него, потому что на время осмотра успела забыть, что к руке прилагается человек. Свободной рукой я коснулась головы. – Зачем это мне?

Иногда я заплетала волосы перед сном, но не сегодня. Однако я расчесала их, и они, распущенные, лежали на плечах и шее, источая приятный аромат настоя иссопа и цветков крапивы, который я использовала, чтобы уберечься от вшей.

– Зачем? – Он немного повысил голос. – Всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытой головой, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обрита.

– О, мы вернулись к нашему старому знакомому, апостолу Павлу? – пробормотала я, снова опуская глаза к его руке. – Вам никогда не приходило в голову, что женщины для него явно большая тема? К тому же я сейчас не молюсь, и мне нужно посмотреть, как пройдет сегодняшняя ночь, прежде чем я рискну делать какие-либо пророчества. Но пока что, кажется...

– Ваши волосы. – Я посмотрела на него и увидела, что он внимательно разглядывает меня, уголки его губ были неодобрительно опущены. – Они... – Он неопределенно махнул рукой вокруг собственной стриженной макушки. – Они...

Я вопросительно подняла брови.

– Их слишком много, – закончил он довольно вяло.

Какую-то секунду я пристально смотрела на Кристи, затем опустила его руку и потянулась за маленькой зеленой Библией, которая лежала на столе.

– Послание к Коринфянам, да? Да, вот оно. – Я выпрямила спину и начала читать: «Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него, но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала». – Я захлопнула книгу и положила ее назад. – Может, вы пойдете к моему мужу и объясните ему, как непотребно выглядят его волосы? – спросила я вежливо. Джейми уже лег, из нашей комнаты доносился ритмичный приглушенный храп. – Или думаете, он и так в курсе?

Кристи и так был раскрасневшимся от выпивки и температуры, а после моих слов густой красный румянец залил его от груди до корней волос. Рот стал беззвучно открываться и закрываться, как у рыбы. Я не собиралась ждать, пока он решится на какой-нибудь ответ, и обратила все внимание на руку.

– Теперь вот что, – сказала я строго, – вы должны регулярно делать упражнения, чтобы мышцы не сводило судорогой, пока все приходит в норму. Сначала будет больно, но делать нужно обязательно. Давайте я покажу.

Я взяла его безымянный палец за первую фалангу, и, удерживая его в распрямленном положении, немного согнула верхний сустав.

– Видите? Теперь сами. Держите второй рукой и пытайтесь сгибать только верхний сустав. Вот так. Чувствуете, как тянет в ладони? Так и должно быть. Теперь мизинец... да. Да, очень хорошо.

Я подняла на него взгляд и улыбнулась. Румянец немного спал, но Кристи по-прежнему выглядел сконфуженным. Он не улыбнулся в ответ, а вместо этого спешно перевел глаза на руку и в сторону.

– Ну вот. А теперь положите ладонь на стол плашмя – да, вот так – и попытайтесь приподнять безымянный палец и мизинец самостоятельно. Знаю, это нелегко, но продолжайте пытаться. Вы голодны, мистер Кристи?

Его желудок громко заурчал, судя по всему, удивив меня так же сильно, как его самого.
– Думаю, я мог бы чего-нибудь съесть, – промямлил он нелюбезно, хмурясь на несговорчивую руку.

– Сейчас принесу. А вы продолжайте упражняться, ладно?

В доме стояла тишина, все замерло с приходом ночи. Было тепло, ставни стояли открытыми, и в окна падало довольно лунного света, чтобы не зажигать свечу. От темноты в углу кабинета отделилась тень и последовала за мной по коридору на кухню. Адсо оставил ночную охоту в надежде заполучить более легкую добычу.

– Привет, кот, – сказала я, когда он проскользнул в кладовую, задев мои лодыжки. – Если думаешь, что тебе достанется ветчина, советую подумать еще раз. Максимум, что тебе светит, это миска молока.

Невысокая крынка из белого фаянса с голубой полоской по кругу тускло белела в темноте. Я налила молока в блюдце и поставила его на пол для Адсо, затем стала собирать легкий ужин, имея в виду, что в понимании шотландцев легкий ужин превращается в нечто, чем можно до отвала накормить даже лошадь.

– Ветчина, холодный печеный картофель, жареная кукурузная каша, хлеб и масло, – бормотала я себе под нос, укладывая все это на большой деревянный поднос. – Клецки с кроликом, маринованные томаты, немножко пирога с изюмом на сладкое... что же еще? – Я посмотрела вниз, где тень у моих ног довольно звучно лакала молоко. – Я бы и ему дала молока, да он не станет его пить. Что ж, тогда продолжим, как начали – это поможет ему уснуть. – Я потянулась за графином виски и поставила его на поднос.

Легкий запах эфира почудился мне в коридоре, пока я шла к лестнице. Я подозрительно принялась – может, Адсо уронил бутылку? Нет, пахнет не так уж сильно, решила я, должно быть, пары немного просачиваются через пробку.

Я была одновременно рада и разочарована, что мистер Кристи отказался от эфира. Рада – потому что нельзя было предсказать, каков был бы эффект, сработал бы он вообще. Разочарована – потому что мне бы очень хотелось добавить к своим умениям еще и способность лишать людей сознания, это был бы бесценный дар для моих будущих пациентов, которым мне хотелось поделиться и с мистером Кристи.

Кроме того факта, что операция оказалась крайне болезненной, работать с пациентом в сознании было гораздо сложнее. Мышцы напряжены, адреналин бежит по венам, сердце бьется сильнее, заставляя кровь не просто течь, а буквально брызгать... В который раз с сегодняшнего утра я вспоминала всю операцию в деталях, задаваясь вопросом, можно ли было сделать что-то лучше.

К моему удивлению, Кристи все еще продолжал упражняться – его лицо покрылось потом от усилий, а рот был угрюмо сжат.

– Очень хорошо, – сказала я. – Теперь можно остановиться, я не хочу, чтобы у вас опять пошла кровь. – Я машинально взяла салфетку и убрала пот с его висков.

– В доме есть кто-то еще? – спросил он, раздраженно уворачиваясь от салфетки. – Я слышал, как вы говорили с кем-то внизу.

– О! – воскликнула я немного растерянно. – Нет, только кот.

Адсо пришел наверх вместе со мной и, дождавшись официального представления, запрыгнул на кровать и принялся топтаться по одеялу, не спуская больших зеленых глаз с тарелки с ветчиной.

Кристи перевел полный подозрений взгляд с кота на меня.

– Нет, он не мой сообщник, – ядовито сказала я, хватая Адсо и бесцеремонно сбрасывая на пол. – Он кот. Разговаривать с ним чуть менее странно, чем самой с собой, вот и все.

По лицу Кристи скользнуло удивление – может, оттого, что я прочла его мысли, или просто от степени моей невменяемости, – но подозрительный прищур исчез.

Я быстро разрезала еду на небольшие кусочки, но Кристи настоял, что есть будет сам. Вилку он неуклюже держал левой рукой, не отрывал глаз от тарелки и сосредоточенно хмурил брови. Когда пациент закончил с пищей, он одним глотком осушил чашку с виски, как будто это была вода, отставил пустую посуду и посмотрел на меня.

– Мистрис Фрэзер, – сказал он, тщательно проваривая слова, – я образованный человек. Я не думаю, что вы ведьма.

– О, значит, нет? – ответила я весело. – Так вы не верите в ведьм? Но ведь в Библии ведьмы упоминаются.

Он приглушил отрыжку кулаком и осмотрел меня с сомнением.

– Я не говорил, что не верю в ведьм. Я в них верю. Я сказал, что вы не ведьма. Вот.

– Я очень польщена услышать такое от вас, – сказала я, пытаюсь сдержать улыбку. Он был пьян, и, хотя выговаривал слова четче обычного, в речи стал прорываться акцент. Кристи всегда скрывал эдинбургский выговор, насколько мог, но сейчас он становился все заметней.

– Добавки? – Не дожидаясь ответа, я плеснула изрядную порцию виски в его чашку. Ставни были открыты, комната дышала прохладой, но пот по-прежнему блестел в складках его шеи. Кристи явно было больно, и он не смог бы уснуть без помощи.

В этот раз он пил маленькими глотками, глядя на меня поверх края чашки, пока я убирала остатки ужина. Несмотря на виски и полный желудок, он становился все более беспокойным – беспокойно ворочал ногами под одеялом и передергивал плечами. Мне пришло в голову, что ему понадобился ночной горшок, и я уже начала раздумывать, стоит ли мне предложить ему помощь или просто оставить рядом с кроватью. Последнее, решила я. Однако я ошиблась. Прежде чем я успела выйти, он поставил чашку на стол и сел прямее на кровати.

– Мистрис Фрэзер, – сказал он, сверля меня своими маленькими глазками, – я хотел бы извиниться перед вами.

– За что? – спросила я изумленно.

Он плотно сжал губы.

– За... мое поведение сегодня утром.

– О. Что ж... ничего страшного. Я понимаю, что мысль о том, что вас собираются усыпить... могла показаться довольно странной.

– Я не о том. – Он бросил на меня резкий взгляд и снова опустил глаза. – Я про то... что я... не смог усидеть спокойно.

Я заметила, что он опять становится пунцовым, и внезапно почувствовала к нему симпатию. Он действительно стыдился этого. Опустив поднос, я присела на стул возле кровати, раздумывая, что бы такое сказать, чтобы как-то ободрить его, а не усугубить терзания.

– Мистер Кристи, но ведь я и не ожидаю, что человек сможет сидеть смиренно, пока ему разрезают руку. Такие вещи не в человеческой природе.

Он бросил на меня быстрый свирепый взгляд.

– Даже от вашего мужа?

Опешив, я моргнула. Меня смутили даже не его слова, но горечь, прозвучавшая в них. Роджер передал мне кое-что из рассказа Кенни Линдси об Ардсмуире. Ни для кого не было секретом, что Кристи тогда завидовал лидерству Джейми, но при чем тут все это?

– Почему вы так говорите? – спросила я спокойно. Я взяла его больную руку, как будто чтобы проверить повязки, а на самом деле, чтобы не смотреть ему в глаза.

– Это ведь правда, так? Рука вашего мужа. – Бородка Тома воинственно топорщилась в мою сторону. – Он сказал, вы вылечили ее. И он не дергался и не извивался, пока вы делали свое дело, так?

Нет, Джейми не дергался. Он молился, ругался, истекал потом, плакал, даже кричал – раз или два. Но он не шелохнулся. Рука Джейми уж точно не то, что мне хотелось бы обсуждать с Кристи.

– Все разные, – сказала я, пытаюсь смотреть ему прямо в глаза. – Я не ожидаю...

– Вы не ожидаете ни от кого, что они будут держаться так же хорошо, как он. Да, я понял. – Блеклая краснота снова запылала на его щеках, и он опустил взгляд на перевязанную руку. Пальцы свободной руки были сжаты в кулак.

– Я не это имела в виду, – запротестовала я. – Совсем не это! Я накладывала швы и вправляла кости куче народа – почти все горцы держались очень храбро... – В эту секунду я запоздало вспомнила, что Кристи не был горцем.

Он издал низкий рычащий звук.

– Горцы, – сказал он. – Хмф! – Последнее звучало так, как будто он с радостью сплюнул бы себе под ноги, если бы не присутствие дамы.

– Варвары? – отозвалась я в том же тоне. Он посмотрел на меня, и я заметила, как дернулся угол его рта, – он тоже кое-что запоздало вспомнил. Кристи отвел глаза и глубоко вздохнул – я почувствовала запах виски в его дыхании.

– Ваш муж... он... конечно, джентльмен. И он происходит из благородной семьи, хоть и запятнанной предательством. – «Р» в «предательстве» прозвучало как раскат грома, Кристи и вправду был очень пьян. – Но ведь он тоже... тоже... – Том нахмурился, пытаюсь подыскать подходящее слово. – Он один из них. Вы ведь понимаете это, вы, англичанка?

– Один из них, – повторила я, пытаюсь не улыбаться. – Вы имеете в виду один из горцев или варваров?

Он посмотрел на меня с выражением не то триумфа, не то озадаченности.

– Разве это не одно и то же?

В словах Кристи была доля правды. Я встречала знатных и образованных горцев – таких как Колум и Дугал Маккензи, не говоря уже про деда Джейми, изменника лорда Ловата, на которого намекал Кристи, но факт оставался фактом – в каждом из них жили инстинкты викингов-завоевателей. Даже в Джейми, если говорить начистоту.

– О... Ну... Они имеют склонность к... – начала я неуверенно, задумчиво потирая место над верхней губой. – Думаю, их растили воинами. Это вы имеете в виду?

Кристи глубоко вздохнул и легонько покачал головой, но не потому, что был со мной не согласен, а скорее выражая свое неодобрение по части традиций и обычаев горцев. Мистер Кристи был образованным человеком, сыном эдинбургского торговца, самостоятельно выбившегося в люди, и потому он имел амбиции зваться джентльменом, хоть и довольно шаткие. А вот варвара бы из него не вышло никогда. Я понимала, почему горцы озадачивали и раздражали его. Каково это было для него – оказаться заключенным вместе с кучкой неотесанных, по его меркам, свирепых, экспрессивных варваров-католиков и вынужденно считаться одним из них?

Кристи откинулся назад на подушках, сжав рот в тонкую полоску и закрыв глаза. Не открывая их, он неожиданно спросил:

– Вы знаете, что ваш муж носит шрамы от ударов хлыстом?

Я открыла было рот, чтобы язвительно сообщить ему, что состою в браке с Джейми уже почти тридцать лет, когда поняла, что вопрос был задан с учетом его собственных взглядов на природу брачного союза, о которых мне не хотелось знать в подробностях.

– Знаю, – ответила я коротко, мельком глянув на дверь. – Почему вы спрашиваете?

Кристи открыл глаза, взгляд его был расфокусирован. С некоторым усилием он перевел его на меня.

– Почему? – спросил он заплетающимся языком. – Что он сделал?

Я почувствовала, как кровь прилила к моим щекам от возмущения.

– В Ардсмуире, – сказал Кристи прежде, чем я успела ответить, тыкая в меня пальцем, – у него нашли кусок тартана, да? Запрещенный.

– Да? – машинально повторила я, сбита с толку. – То есть правда?

Кристи медленно покивал, похожий на огромную пьяную сову с застывшим взглядом.
– Не его собственный. Одного паренька.

Он открыл рот, чтобы продолжить, но оттуда вылетела только мягкая отрыжка, удивившая его самого. Мужчина сжал губы и моргнул, а затем предпринял новую попытку.

– Это был поступок, исполненный неве... невероятного... благородства и смелости. – Он посмотрел на меня и снова покачал головой. – Непо... непостижимо.

– Непостижимо? Вы имеете в виду то, как он взял это на себя? – Уж я-то знала как. Джейми всегда был так отчаянно упрям, что доводил до конца все, что задумывал, – что бы с ним ни случилось, пускай хоть сама преисподняя разверзнется на его пути. Но Кристи это, конечно же, знал и сам.

– Не как, – голова Кристи качнулась сама по себе, и он не без усилий выпрямил шею, – а почему.

– Почему?

Мне хотелось сказать, потому что он чертов герой, вот почему, – это в его природе. Но говорить так было бы неразумно. К тому же я понятия не имела, почему Джейми так поступил: я впервые услышала об этой истории, что было странно.

– Он сделает что угодно, чтобы защитить своих людей, – сказала я вместо этого.

Взгляд Кристи был слегка остекленевшим, но в нем проблескивало сознание. Он молча смотрел на меня несколько долгих мгновений, за стеклами очков ворочались какие-то мысли. В коридоре скрипнула половица, и я наострила уши, прислушиваясь к дыханию Джейми. Да, я слышала его – мягкие и ровные раскаты, муж по-прежнему спал.

– Он думает, что я один из «его людей»? – спросил наконец Кристи. Он говорил тихо, но в голосе его звучало одновременно недоверие и возмущение. – Потому что, зав... заверяю вас, я не один из них!

Я начинала думать, что последний бокал виски был роковой ошибкой.

– Нет, – сказала я со вздохом, сдерживая желание закрыть глаза и помассировать лоб. – Уверена, он так не думает. Если вы имеете в виду это, – я кивнула на Библию, – у меня нет сомнений в том, что это было простое проявление доброты. Он сделал бы то же даже для незнакомца, как и вы, ведь так?

Он некоторое время тяжело дышал, свирепо глядя перед собой, затем кивнул и откинулся назад, как будто исчерпав запасы сил, может, так оно и было. Вся воинственность вдруг вышла из него, как воздух из воздушного шара. Кристи как-то сник и будто уменьшился в размерах.

– Простите, – сказал он тихо, поднял забинтованную руку и тут же безвольно ее уронил.

Я не была уверена, извиняется ли он за свои слова о Джейми или за то, что ему казалось собственной трусостью сегодня утром. Мне показалось, что будет разумно не задавать вопросов, и я встала, разглаживая льняную ночнушку на бедрах. Укрыв его хорошенько одеялом, я задула свечу. Он казался бесформенной тенью на подушках, дыхание было медленным и хриплым.

– Вы отлично справились, – прошептала я и погладила его по плечу. – Спокойной ночи, мистер Кристи.

* * *

Мой личный варвар спал, но проснулся, как потревоженная кошка, как только я забралась в постель. Он вытянул руку и притянул меня к себе с вопросительным «Ммм?».

Я устроилась рядом с ним и тут же почувствовала, как напряженные мышцы расслабляются от его тепла.

– Ммм.

– Ну и что там малыш Том? – Он отодвинулся немного назад и опустил руки на мою трапециевидную мышцу, разминая шею и плечи.

– О да. Невыносим, колюч, придирчив и очень пьян. В остальном в полном порядке. Ох. Еще немного, чуть выше. Да. Ох, вот так.

– Ай, что ж, судя по всему, Том очень старается, не считая пьянства. Если ты продолжишь так стонать, саксоночка, он подумает, что я массирую тебе не шею, а что-то другое.

– Мне все равно, – сказала я, не открывая глаз, чтобы лучше ощутить чувство легкой вибрации в позвоночнике. – Довольно мне на сегодня Тома Кристи. Кроме того, он уже должен спать мертвецким сном с таким количеством выпивки.

– Откуда взялась эта Библия? – спросила я, хотя ответ был очевиден. Видимо, Дженни прислала ее из Лаллиброха – ее последняя посылка прибыла пару дней назад, пока я была в Салеме.

Джейми ответил на вопрос, который меня на самом деле очень волновал, вздохнув так, что у меня зашевелились волосы на затылке:

– У меня было странное чувство, когда я увидел ее среди книг, которые прислала сестра. Не мог решить, что с ней делать, да?

Ничего удивительного, что ему было странно.

– Она не сказала, почему прислала ее?

Мои мышцы начали расслабляться, тупая боль между лопатками становилась слабее. Я почувствовала, как он пожал плечами.

– Она прислала ее с другими книгами. Сказала, что разбирала чердак и нашла коробку, так что решила отправить их мне. Но она упомянула еще, что деревня Килденни вроде как эмигрировала в Северную Каролину, а они там все Макгрегоры.

– А, понятно.

Джейми как-то говорил мне, что хочет однажды найти мать Алекса Макгрегора и передать ей Библию и сказать, что ее сын был отмщен. Он пытался наводить справки после Каллодена, но выяснил, что его родители мертвы. Только сестра осталась в живых, но она вышла замуж и покинула дом – никто не знал, где она, осталась ли в Шотландии.

– Думаешь, Дженни или скорее Йен наконец нашли сестру? И она жила в той деревне?

Он снова передернул плечами и, в последний раз сжав мои ноющие мышцы, убрал руки.

– Может, и так. Ты знаешь Дженни, она оставит выбор за мной – искать эту женщину или нет.

– А ты станешь? – Я перевернулась, чтобы посмотреть на него. Алекс Макгрегор повесился, чтобы не быть больше игрушкой в руках Черного Джека Рэндолла. Джек Рэндолл был мертв, погиб при Каллодене. Воспоминания Джейми о битве были очень выборочными, фрагментарными, шок от сражения и последующая лихорадка заставили забыть многое. Он очнулся раненый, а тело Джека Рэндолла лежало на нем сверху, но что случилось, он не помнил. И все же, думаю, Алекс Макгрегор был отмщен – была ли то разящая рука Джейми или чья-то еще.

Пару секунд он размышлял об этом, и я почувствовала, как он стучит негнушимися пальцами правой руки по бедру.

– Я поспрашиваю, – сказал он наконец. – Ее звали Майри.

– Ясно. Что ж, в Северной Каролине не может быть больше... всего-то трех или четырех сотен женщин по имени Майри.

Он засмеялся, и под аккомпанемент храпа Тома Кристи, раздававшегося из-под двери напротив, мы провалились в сон.

* * *

Через несколько минут или, может, часов я проснулась, вслушиваясь. В комнате было темно, огонь в очаге погас, ставни тихонько постукивали. Я сделала усилие, пытаюсь немного прийти в себя, чтобы встать и проверить своего пациента, но тут услышала его – длинные свистящие вдохи, а следом раскатистый храп.

Не эти звуки меня разбудили, а внезапная тишина на другой стороне кровати. Джейми напряженно лежал рядом, едва дыша. Я медленно, чтобы не испугать, подняла руку и положила ему на бедро. Ему не снились кошмары уже несколько месяцев, но симптомы были мне знакомы.

– Что такое? – прошептала я.

Он вдохнул чуть глубже обычного, и его тело, казалось, моментально сжалось. Я не шевелилась и не убирала руки с его ноги, чувствуя, как мышцы едва заметно сокращаются под моими пальцами – знак того, что во сне Джейми от кого-то убегал. Однако сбежать он не смог. Резко и сильно передернув плечами, он выдохнул и обмяк на матрасе. Некоторое время он молчал, вес его тела притягивал меня ближе, словно планета свой спутник. Я тихо лежала, положив на него руку и прижимаясь бедром к его бедру – плоть к плоти.

Джейми смотрел вверх, в густоту теней между потолочными балками. Я видела линию его профиля и как блестели в темноте глаза, когда он моргал время от времени.

– В темноте... – прошептал он наконец. – В Ардсмуире мы лежали в темноте. Иногда было видно луну или звезды, но даже тогда на полу, где мы лежали, ничего нельзя было разглядеть. Сплошная чернота, в которой можно только слушать. Слушать дыхание сорока мужчин в камере, их шуршание, их движения. Храп, кашель, звуки беспокойного сна и едва слышные характерные звуки от тех, кому не спалось.

Мы не думали об этом неделями. – Слова уже легче срывались с его уст. – Мы всегда были голодными и замерзшими. Кожа да кости. Много думать было некогда – только о том, как переставлять ноги да как поднять следующий камень... Думать не особенно и хотелось, понимаешь? И не думать было просто. Какое-то время. Но то и дело что-нибудь менялось. Пелена усталости вдруг поднималась без всякого предупреждения.

Иногда это была чья-нибудь история, знаешь, или письмо от матери или сестры. Иногда это приходило ниоткуда: никто и словом не обмолвился ни о чем таком, но ты просыпаешься из-за этого ночью, как будто чувствуешь рядом с собой запах женщины.

Память, тоска... нужда. Они стали мужчинами, которым хватало крошечной искры, – внезапное воспоминание о потере выдергивало их из тупого смиренного безразличия.

Время от времени каждый бывал как не в себе. Постоянно случались драки. И ночью, в темноте... Ночью было слышно отчаяние – приглушенные всхлипы, неясные шорохи. В конце концов некоторые мужчины тянулись к другим – и иногда получали проклятия и тумачи в ответ. А иногда нет.

Я не знала, что он пытается мне рассказать и какое отношение это имеет к Тому Кристи. Или, может, к лорду Джону Грею.

– Кто-нибудь из них трогал тебя? – спросила я осторожно.

– Нет. Никому из них и в голову бы не пришло трогать меня, – ответил он очень спокойно. – Я был их вождем. Они любили меня, но никогда бы не прикоснулись ко мне.

Он глубоко и судорожно вздохнул.

– А ты хотел этого? – прошептала я. Мой собственный пульс стал чаще, я чувствовала биение в кончиках пальцев, которые прижимались к его коже.

– Я жаждал этого, – сказал он так тихо, что я едва расслышала, хотя лежала рядом. – Сильнее, чем еды. Сильнее, чем сна – хотя сна я желал отчаянно, и не только от усталости. Про-

сто во сне я иногда видел тебя. Это была не тоска по женщине – хотя, бог свидетель, с этим тоже приходилось справляться. Мне только... мне было бы довольно прикосновения руки. Большого я не желал.

Его кожа горела от этой жажды, пока он не почувствовал, будто становится прозрачным, – ему казалось, сквозь грудную клетку просвечивала ничем не прикрытая горечь, живущая в сердце.

Джейми издал короткий горестный звук, нечто вроде смешка.

– Знаешь изображения Святого Сердца – мы видели такие в Париже?

Я знала, о чем он говорит – картины Ренессанса, яркие стеклянные витражи под сводами Нотр-Дам. Муж скорбей⁶¹ с обнаженным, пронзенным сердцем, сияющим от любви.

– Я вспоминал о них. И думал о том, что кому бы Спаситель ни явился в таком образе, тот мастер был очень одиноким человеком, раз понимал его так хорошо.

Я подняла руку и нежно опустила ее в маленькую ямку посередине его груди. Джейми откинул одеяло, поэтому кожа была прохладной. Он закрыл глаза, глубоко вздохнув, и крепко сжал мою ладонь.

– Эта мысль возвращалась ко мне, и мне казалось, я понимал, что чувствовал Христос: Он жаждал прикосновения, но никто не смел коснуться Его.

Глава 25

Прах к праху

Джейми еще раз перепроверил седельные сумки, хотя в последнее время делал это так часто, что это превратилось в нечто вроде ритуала. Однако, открывая левую, он по-прежнему каждый раз улыбался. Брианна переделала ее для него: пришила кожаные петли, из которых выглядывали пистолеты, рукоятью вверх, чтобы их можно было выхватить в случае необходимости, и хитроумно поделила сумку на отделы, в которых удобно расположились мешочек с пулями, рожок для пороха, запасной нож, моток рыболовной лески, клубок шпагата для силков, швейный набор с булавками, иглами и нитями, сверток с едой, бутылка пива и аккуратно свернутая чистая рубашка. Снаружи находился маленький кармашек, который Бри гордо именвала «аптечкой для оказания первой помощи», хотя Джейми не совсем понимал, чем все это могло ему помочь. Комплект состоял из нескольких марлевых пакетиков с горько пахнущим чаем, жестянки с мазью и пары полосок самодельного липкого пластыря. Ничто из этого не казалось ему особенно полезным, случись что непредвиденное, с другой стороны, и вреда не будет.

Он вытащил кусок мыла и еще пару не особенно важных мелочей, которые она добавила к его багажу, и осторожно спрятал их под ведро, чтобы не обидеть ее ненароком. И как раз вовремя: Джейми услышал голос Бри, убеждающий молодого Роджера положить больше пар чистых чулок в его сумки. К тому времени, как они вывернули из-за сеновала, все было надежно упаковано и закрыто.

– Ну что, готов, а charaid?

– О да. – Роджер кивнул и скинул свои седельные сумки с плеча на землю. Он обернулся к Бри, держащей Джем на руках, и коротко поцеловал ее.

– Я пойду с тобой, папа! – воскликнул Джем с надеждой.

– Не в этот раз, парень.

– Хочу увидеть индейцев.

– Может, попозже, когда подрастешь.

– Я могу говорить по-индейски! Дядя Йен меня научил! Хочу пойти!

⁶¹ Эпитет Иисуса Христа, идущий из ветхозаветного предсказания о грядущем Мессии в 53-й главе «Книги Исайи».

– Не в этот раз, – твердо сказала Бри, но, кажется, он не был намерен ее слушать и попытался сползти вниз.

Джейми издал короткий низкий рык и одарил внука суровым взглядом.

– Ты слышал родителей, – сказал он.

Джем обиженно посмотрел на него и выпятил было нижнюю губу, но в последний момент передумал и затих.

– В один прекрасный день вы обязаны рассказать мне, как вы это делаете, – проговорил Роджер, разглядывая своего отпрыска.

Джейми засмеялся и наклонился к внуку.

– Поцелуй дедулю на прощание.

Позабыв о досаде, Джем потянулся и обхватил его за шею. Джейми забрал малыша у Брианны, обнял его и поцеловал. Мальчик пах кашей, тостами и медом – по-домашнему теплый и тяжелый груз в его руках.

– Будь хорошим мальчиком и приглядывай за мамой, хорошо? А когда подрастешь, возьми тебя с собой. Иди-ка и попрощайся с Кларенсом, скажи ему те слова, которым научил тебя дядя Йен.

Дай бог, чтобы слова эти оказались подходящими для трехлетнего ребенка. Чувство юмора у Йена было специфическое. Или, быть может, Джейми просто вспомнилось, как он сам учил детей Дженни, включая Йена, кое-каким французским словечкам.

Он уже надел узду на лошадь Роджера и затянул седло. Вьючный мул Кларенс тоже был целиком загружен и готов. Пока Роджер крепил седельные сумки, Брианна проверяла подпругу и стремянные ремни – скорее для того, чтобы развеять тоску, чем из необходимости. Хоть она изо всех сил старалась не выказать своей тревоги, крепко закушенная нижняя губа выдавала ее с головой.

Джейми приподнял внука, чтобы он погладил мула по носу, – так у девчушки с Роджером будет пара минут наедине. Кларенс был послушный малый и сносил активные похлопывания Джема и его исковерканные фразы на чероки с христианским смирением, но когда мальчик потянул руки к Гидеону, Джейми резко отпрянул назад.

– Нет, парнишка, к этому мелкому засранцу лучше не лезть. Он отхватит тебе руку целиком.

Гидеон захлопал ушами и нетерпеливо ударил копытом. Огромному жеребцу до смерти хотелось сдвинуться с места и еще раз попытаться прикончить мальчишку.

– Зачем ты держишь этого монстра? – спросила Брианна, глядя, как Гидеон тянет губу вниз и обнажает желтые зубы в предвкушении. Она забрала сына и отступила подальше от Гидеона.

– Ты про малыша Гидеона? О, мы с ним управляемся. К тому же в нем добрая половина моей прибыли от торговли, девочка.

– Seriously? – Она смерила гнедое чудовище подозрительным взглядом. – Уверен, что не развяжешь войну, одарив индейцев таким сокровищем?

– О, я не имел в виду, что отдам его, – заверил Джейми. – По крайней мере, не в прямом смысле этого слова.

Гидеон был из разряда злобных, недружелюбных тварей с железной пастью и таким же норовом. Как бы то ни было, эти асоциальные качества казались индейцам чрезвычайно привлекательными вкупе с массивной грудью, крепким мускулистым корпусом и выносливостью жеребца. Когда Тихий Воздух, вождь одной из деревень, предложил ему три оленьи шкуры за возможность свести его пятнистую кобылу с Гидеоном, Джейми понял, что нашел золотую жилу.

– Какая удача, что я до сей поры не находил времени, чтобы его кастрировать, – сказал он, фамильярно похлопав Гидеона по холке и тут же рефлекторно увернувшись, когда конь в

ответ попытался укусить его. – Он обрабатывает свое содержание и даже сверх того, покрывая индейских пони. Это единственное, что он делает для меня без сопротивления.

Бри была румяной, словно цветок зимовника на утренней прохладе, а после его слов, засмеявшись, покраснела еще сильнее.

– Что такое «кастрировать»? – спросил Джем.

– Тебе мама расскажет. – Джейми улыбнулся дочери, взъерошил волосы Джемму и повернулся к Роджеру: – Готов, парень?

Роджер Мак кивнул и, поставив ногу в стремя, взобрался в седло. Он был хозяином старого, спокойного мерина по кличке Агриппа, который покрякивал и похрипывал, но все еще был довольно крепок и подходил для такого ездока, как Роджер, – достаточно опытного, но неизменно осторожного во всем, что касалось лошадей. Он наклонился из седла, чтобы в последний раз поцеловать Брианну, и они пустились в путь.

Джейми попрощался с Клэр чуть раньше, наедине – и куда более лично.

Теперь Клэр стояла в окне их спальни с расческой в руках, выглядывая, чтобы помахать отбывающим, когда они будут проезжать мимо. Ее волосы облаком непослушных кудряшек развивались вокруг головы, и раннее солнце запуталось в них, как пламя в кусте терновника. Джейми посетило странное чувство от того, что она стояла там такая растрепанная, полуобнаженная, в одной ночнушке. Он ощутил сильное желание, несмотря на то, что делал с ней всего час назад. А еще он ощутил страх, как будто может не увидеть ее снова.

Почти бездумно он посмотрел на свою левую руку и увидел призрак шрама в виде буквы «К» у основания большого пальца, такой бледный, что его едва можно было разглядеть. Он не замечал его и не думал о нем уже много лет, а сейчас внезапно почувствовал, что ему как будто не хватает воздуха.

Он замахал в ответ, и она, смеясь, послала ему воздушный поцелуй. Господи, он оставил на Клэр отметину: даже отсюда на шее было видно темное пятно от укуса. Он ощутил, как от стыда заливается краской. Джейми с силой пришпорил коня, заставив Гидеона взвизгнуть от возмущения и предпринять попытку укусить седока за ногу.

Отвлечшись на эту проблему, они скоро отъехали довольно далеко от дома. Он обернулся только раз, на повороте, – она все еще стояла там, обрамленная светом. Клэр подняла одну руку, будто бы благословляя их, и через секунду деревья уже скрыли ее.

* * *

Стояла ясная, хотя и немного холодная погода для ранней осени. В воздухе витал пар от лошадиного дыхания, пока они спускались мимо маленького поселения возле Риджа, которое в народе звалось Купервилем, и дальше вдоль Большого Бизоньего Пути. Джейми наблюдал за небом: для снега было еще рано, но сильные дожди были нередким явлением в это время года. Но облака над ними выглядели сплошь как «кобыльи хвосты» – беспокоиться было не о чем.

Они почти не разговаривали, каждый был наедине с собственными мыслями. Роджер Мак в целом был приятной компанией. Но Джейми скучал по Йену – ему хотелось обсудить ситуацию с Чисквой. Йен знал индейцев гораздо лучше большинства белых, и хотя Джейми прекрасно понял жест вождя с останками отшельника – это было подтверждение доброго отношения Чисквы к поселенцам, пока он ждет ружей от короля, – он бы много отдал, чтобы услышать мнение Йена.

Представить Роджера в деревнях было необходимо для укрепления отношений в будущем... Но он краснел при мысли, что придется объяснять парню...

Чертов Йен. Он просто исчез в ночи пару дней назад вместе со своим псом. Такое уже случалось прежде, через некоторое время парень вернется так же внезапно, как ушел. Какую бы тьму он ни принес с собой с севера, она то и дело становилась для него слишком тяжелым

бременем, и он пропадавал в лесах, возвращаясь назад тихим и замкнутым, но более умиротворенным.

Джейми хорошо его понимал: уединение в некотором смысле было лекарством от чувства одиночества. Каких бы воспоминаний мальчик ни бежал или ни искал, в лесу...

– Он когда-нибудь говорил с тобой о них? – встревоженно спрашивала его Клэр. – О жене? О ребенке?

Он не говорил. Йен не говорил ни о чем, связанном с тем временем, что он жил у могавков. Единственным напоминанием о жизни на севере был браслет из бело-синего вампума⁶², который он привез с собой. Джейми однажды мельком увидел его в сумке у Йена, но не успел разглядеть узор.

«Да хранит тебя святой Михаил, парень, – подумал Джейми про себя. – Пусть ангелы исцелят твою душу».

То одно, то другое – он так и не поговорил с Роджером Маком, пока около полудня они не остановились, чтобы перекусить. Они с удовольствием ели свежую пищу, которую приготовили для них женщины. Еды оставалось достаточно для ужина. А завтра в ход пойдут кукурузные лепешки и живность, которая попадетса по дороге. Через день их встретят девушки из племени Снежных Птиц и накормят по-королевски – как представителей английского монарха.

– В прошлый раз были утки, начиненные мясом и кукурузой, – рассказывал он Роджеру. – Имей в виду, есть у них принято до отвала, независимо от меню, а ты, ко всему прочему, еще и гость.

– Понял. – Роджер слабо улыбнулся, а затем посмотрел на недоеденную сосиску в лепешке у себя в руке. – Кстати, о гостях. Думаю, у нас есть небольшая проблема. С Хирамом Кромби.

– Хирам? – удивленно переспросил Джейми. – А Хирам здесь при чем?

У Роджера дернулся уголок рта, как будто он не был уверен, смеяться ему или нет.

– Ну, в общем, дело в том... Ты же знаешь, все зовут те кости, что мы похоронили, Эфраимом, ай? Это все Бри виновата, но что уж теперь.

Джейми кивнул, глядя на зятя с любопытством.

– Ну так вот. Вчера ко мне пришел Хирам и сказал, что он много думал об этом деле, молился и все такое и пришел к выводу, что если это правда и те индейцы приходится родней его жене, то они тоже должны быть спасены.

– О, вот как? – Теперь смех начал пузыриться и у него в груди.

– Да. И теперь он чувствует, что его долг нести этим несчастным дикарям слово Христово. Потому что как же иначе они обратятся в истинную веру?

Джейми потер верхнюю губу костяшками пальцев, разрываясь между ироническим весельем и тревогой при мысли о Хираме Кромби, врывающемся в индейские деревни с Библией наперевес.

– Мхмм. Но... разве вы не верите – пресвитериане, я имею в виду, – что все предопределено? Что одни будут спасены, а другие обречены с самого начала, и с этим ничего нельзя поделать? И именно поэтому все паписты в одной связке отправятся в ад?

– Эээ... Ну... – Роджер замялся, явно не желая обсуждать проблему в таком ключе. – Хмх. Думаю, в этом вопросе мнения пресвитерианцев иногда разделяются. Но в целом да, именно так считают Хирам и его люди.

– Ай. Но тогда, раз он полагает, что некоторые из индейцев уже спасены, зачем им проповедовать?

Роджер потер пальцем между бровей.

⁶² Цилиндрические бусины из раковин, служившие индейцам как украшения, деньги или носитель информации.

– Ну, видите ли, причины здесь те же, почему пресвитериане молятся и ходят в церковь. Даже если они спасены, они ощущают желание славить Господа за это и... и учиться жить так, как Он завещал им. В благодарность за их спасение, понимаете?

– Думаю, Бог Хирама Кромби имеет очень слабое представление о жизни индейцев, – сказал Джейми, живо вспоминая обнаженные тела в слабом свете очага и запах шкур.

– Пожалуй, – согласился Роджер, с такой точностью скопировав сухую манеру Клэр, что Джейми рассмеялся.

– Ай, я вижу, в чем проблема, – сказал он, и на самом деле видел, но по-прежнему находил это забавным. – Значит, Хирам намерен отправиться в деревни чероки с проповедями?

Роджер кивнул, проглатывая кусок сосиски.

– Точнее, он хочет, чтобы вы отвели его туда. И представили его. Хотя он подчеркнул, что не ждет от вас, что вы станете переводить проповеди.

– Господь всемогущий. – Секунду он обдумывал такую перспективу, а потом решительно покачал головой. – Нет.

– Конечно же, нет. – Роджер открыл бутылку с пивом и предложил ее Джейми. – Просто я подумал, что нужно сказать, так чтобы вы были готовы, когда он спросит.

– Очень предусмотрительно с твоей стороны, – ответил Джейми и отхлебнул из предложенной бутылки.

Но тут же он резко опустил ее, сделал вдох и вдруг замер. Роджер Мак внезапно повернул голову, и Джейми понял, что он тоже уловил то, что донес до них ветер. Роджер повернулся к нему, хмурия брови.

– Чувствуете запах? Что-то горит, – сказал он.

* * *

Роджер услышал их первым: какофония хриплого карканья и клекота, по-ведьмински пронзительного. Они подошли ближе, птицы взмыли вверх, и к крикам прибавилось хлопанье десятков крыльев. Вороны.

– Господи, – тихо сказал он.

На дереве возле дома висели два тела. Точнее, то, что от них осталось. По одежде можно было догадаться, что это мужчина и женщина. К ноге мужчины был прицеплен кусок бумаги, такой грязный и измятый, что Роджер заметил его лишь по тому, как ветер трепал его край.

Джейми сорвал бумажку, расправил ее, чтобы разглядеть написанное, и тут же бросил на землю. «Смерть регуляторам», – гласила надпись. Роджер увидел эти слова лишь на мгновение, прежде чем клочок бумаги унесло ветром.

– Где дети? – спросил Джейми, резко развернувшись к нему. – У этих людей были дети. Где они?

Пепел остыл, и его уже начало раздувать ветром, но запах гари переполнял легкие, мешая дышать, высушивая горло так, что слова царапали его, словно гравий, бессмысленные, как шуршание мелких камней под ногами. Роджер попытался заговорить, закашлялся и сплюнул.

– Может, прячутся, – проскрежетал он и махнул рукой в сторону леса.

– Может. – Джейми резко встал и начал звать детей. Не дожидаясь ответа, он направился к деревьям, продолжая кричать.

Роджер двинулся следом, свернул на опушке и пошел вверх по склону за домом. Оба выкрикивали что-то успокаивающее, но мертвое молчание леса тут же проглатывало слова. Роджер пробирался между деревьев, потев и задыхаясь. Он не обращал внимания на то, что горло горит от крика, и лишь изредка умолкал ровно на столько, чтобы прислушаться, не ответит ли кто-нибудь. Несколько раз краем глаза он замечал движение и оборачивался, но видел

только, как ветер колышет сухую осоку, или как качается лиана, будто кто-то задел ее, проходя мимо.

Он наполовину представлял, что видит Джема, играющего в прятки, и призраки промелькнувшей быстрой ножки, солнечного блика на детской макушке придавали ему сил кричать снова и снова. В конце концов Роджер был вынужден признать, что дети не убежали бы так далеко, и повернул назад к хижине, продолжая задыхаться и хрипеть что-то бессвязное.

Он нашел Джейми у развалин подбирающим камень – тесть с огромной силой швырнул его в пару ворон, которые устроились на дереве-виселице, посматривая глазами-бусинами на его ужасный груз. Вороны закаркали и поднялись в воздух, но долетели только до соседнего дерева и уселись среди веток, наблюдая.

День был холодным, но они оба промокли от пота, мокрые волосы прилипли к шеям. Джейми вытер лицо рукавом, все еще тяжело дыша.

– С-сколько было детей? – Дыхание Роджера было судорожным, и он так истерзал горло, что слова были едва слышны.

– По меньшей мере трое. – Джейми прочистил горло и сплюнул под ноги. – Старшему около двенадцати. – Секунду он стоял не двигаясь, глядя на тела, потом перекрестился и достал нож, чтобы обрезать веревки.

Копать было нечем, лучшее, на что они были способны, – сделать широкую борозду в палой листве в лесу и сложить небольшой кайри из камней назло воронам и чтобы как-то почтить умерших.

– Они были регуляторами? – спросил Роджер, оставив работу на секунду, чтобы вытереть с лица пот.

– Да, но... – Слова Джейми оборвались. – Но это здесь совершенно ни при чем. – Он покачал головой и отвернулся, чтобы найти еще камней.

Сперва Роджер подумал, что это камень, наполовину заваленный листьями, который выпал из стены сожженной хижины. Он коснулся его, и тот задвигался, заставив его подскокить с криком, сделавшим бы честь любому ворону. Джейми оказался рядом за доли секунды, как раз вовремя, чтобы помочь ему вытащить маленькую девочку из листьев и углей.

– Тише, милая, тише, – тревожно заговорил Джейми, хотя ребенок не плакал. Ей было около восьми, одежда и волосы сгорели дотла, а кожа так почернела и растрескалась, что она и в самом деле могла стать камнем, если бы не глаза.

– Господи, Господи, – повторял Роджер тихо еще долго после того, как стало ясно, что он безнадежно опоздал с молитвой, если это была она.

Он прижимал девочку к груди, ее глаза приоткрылись, разглядывая его без облегчения или любопытства, – лишь со спокойной обреченностью. Джейми полил свой платок водой из фляжки и вставил кончик ей между губ, чтобы немного смочить их. Роджер заметил, как рефлекторно задвигалось ее горло, когда она начала сосать.

– Все будет хорошо, – шептал Роджер. – Все в порядке, а *leannan*⁶³.

– Кто это сделал, а *nighean*?⁶⁴ – спросил Джейми очень нежно. Роджер видел, что она поняла, ее глаза будто заволновались, как колышется от ветра водная гладь, но затем волнение ушло, оставив все как было. Она не говорила, какие бы вопросы они ни задавали, только смотрела на них бесстрастно и продолжала посасывать влажную ткань.

– Тебя крестили, а *leannan*? – наконец спросил Джейми, и от этого вопроса Роджер будто почувствовал удар под дых. В шоке от страшной находки, он не задумывался о состоянии ребенка.

⁶³ Милая (гэльск.).

⁶⁴ Дочка (гэльск.).

– Elle ne peut pas vivre, – мягко сказал Джейми, встречаясь глазами с Роджером. – Она не выживет.

Его первым порывом был яростный протест. Конечно, она выживет, она должна. Однако на ее теле не было огромных участков кожи, сырая плоть покрылась корками и все еще кровоточила. Ему был виден острый белый край ее коленной чашечки, он мог буквально наблюдать за тем, как бьется ее сердце – красноватый, полупрозрачный комок, пульсирующий во впадине грудной клетки. Она была легкой, как соломенная кукла, и он мучительно осознал, что она дрожит у него на руках, словно пятнышко масла на воде.

– Тебе больно, милая? – спросил он ее.

– Мама? – прошептала девочка. Потом закрыла глаза и больше ничего не говорила, только вопросительно бормотала «мама» время от времени.

Сначала он думал, что они отвезут ее в Ридж, к Клэр. Но до дома было больше дня езды – она не доедет. Это невозможно.

Роджер сглотнул, осознание петель сомкнулось на горле. Он посмотрел на Джейми и увидел тот же болезненный вывод в его глазах. Тесть тоже сглотнул.

– Вы... знаете ее имя? – Роджер едва мог дышать и с трудом выталкивал слова. Джейми покачал головой, затем подобрался и выпрямил плечи.

Она перестала сосать, но продолжала свое тихое бормотание. Джейми отнял платок от ее рта и выжал пару капель на почерневший лобик, шепча слова крещения.

Они посмотрели друг на друга, признавая необходимость непростого решения. Джейми был бледен, на его верхней губе среди рыжих щетинок выступили кали пота. Он глубоко вдохнул, успокаиваясь, и поднял руки, готовый взять это на себя.

– Нет, – тихо сказал Роджер. – Я это сделаю.

Она принадлежала ему. Он охотней позволил бы оторвать себе руку, чем отдал эту девочку кому-то другому. Роджер потянулся за платком, и Джейми вложил все еще влажный, измазанный сажей кусок материи ему в руку.

Он никогда бы не подумал ни о чем таком и не думал сейчас. Ему и не нужно было. Прижав ее поближе, он, не мешкая, накрыл нос и рот ребенка платком, потом плотно накрыл ткань ладонью, ощущая бугорок носа, зажатый между его большим и указательным пальцем.

Ветер зашумел в кронах над головами, и на них обрушился золотой дождь, листья скользили по коже, холодили лицо. Роджер подумал, что девочка может замерзнуть, и захотел укрыть ее, но руки были заняты. Второй рукой он обнимал бедняжку, положив ладонь ей на грудь. Он чувствовал под пальцами биение крошечного сердца. Оно подпрыгнуло, заколотилось быстрее, пропустило удар, сократилось еще дважды... и остановилось. Какую-то долю секунды сердце будто вздрагивало – казалось, оно пытается найти силы для одного, последнего удара, ему даже почудилось на короткий миг, будто сейчас оно не только запульсирует, но и пробьет хрупкую стенку грудной клетки и выскочит прямо ему в ладонь в своем желании жить. Но секунда миновала, и с ней пропала безумная фантазия. Совсем рядом закаркал ворон.

* * *

Они почти управились с похоронами, когда послышались стук копыт и звон упряжи, предупреждая о прибытии гостей – большого количества гостей.

Роджер, готовый скрыться в лесу, посмотрел на тестя, но Джейми покачал головой, отвечая на предсказуемый вопрос.

– Нет, они бы не вернулись. Зачем? – Его потухший взгляд обратился к дымящимся руинам хижины, выжженному палисаднику и низким холмикам могил. Девочка все еще лежала поблизости, укрытая плащом Роджера. Он пока что не мог перенести идеи о том, чтобы положить ее в землю. Воспоминание о ней живой было слишком свежим.

Джейми выпрямился, вытянув спину. Роджер заметил, что он мельком проверяет ружье, прислоненное к стволу дерева. Сам он оперся на обугленную доску, которую использовал вместо лопаты.

Из леса показался первый всадник, его лошадь храпела и мотала головой, почуяв запах гари. Наездник ловко осадил ее и подвел поближе, наклоняясь вперед, чтобы разглядеть людей.

– Значит, это ты, Фрэзер? – Изборозженное морщинами лицо Ричарда Брауна выражало мрачное торжество. Он посмотрел на черные дымящиеся бревна, а потом обернулся к своим товарищам. – Так и знал, что вы разжились не одной только торговлей виски.

Мужчины – Роджер насчитал шестерых – заерзали в седлах, глумливо усмехаясь.

– Имей хоть немного уважения к мертвым, Браун. – Джейми кивнул на могилы, и Браун посуrowел. Он недобро глянул сначала на Джейми, а потом на Роджера.

– Вас здесь только двое, так? Что вы тут делаете?

– Копаем могилы, – ответил Роджер. Его ладони покрылись пузырями, он осторожно потер руку о штаны. – А вы зачем пожаловали?

Браун резко выпрямился в седле, но ответил его брат Лайонел.

– Мы едем из Овенавистгу, – сказал он, кивая на лошадей. Присмотревшись, Роджер увидел четыре вьючные лошади, груженные шкурами, и туго набитые седельные сумки еще на нескольких. – Услышали запах гари и поехали посмотреть. – Он взглянул на могилы. – Тайдж О’Брайен, верно?

Джейми кивнул.

– Вы их знали?

Ричард Браун пожал плечами.

– Да. Это ведь по пути в Овенавистгу. Я останавливался тут раз или два, ужинал с ними. – Он запоздало снял шляпу и пригладил ладонью клочки волос на лысеющей макушке. – Упокой Господь их души.

– Кто сжег дом, если не вы? – выкрикнул один из молодых мужчин, тоже Браун, судя по мощной челюсти и узким плечам. Он неуместно осклабился, очевидно, полагая, что шутка удалась.

Измятый клочок бумаги снова принесло ветром, он трепетал возле камня у Роджера под ногами. Он поднял его и, сделав шаг вперед, припечатал записку к седлу Лайонела Брауна.

– Слыхали о таком, а? – спросил он. – Она была прицеплена к телу О’Брайена. – Роджер говорил зло и знал об этом, но ему было все равно. Горло болело, и голос звучал как сдавленный скрежет.

Лайонел Браун посмотрел на бумагу, подняв брови, и передал ее брату.

– Нет. Сами написали?

– Что? – Роджер уставился на мужчину, часто моргая от ветра.

– Индейцы, – сказал Лайонел Браун, кивая на дом. – Это сделали индейцы.

– О, да ну?

Роджер услышал в голосе Джейми скрытые нотки – скепсис, настороженность, злость.

– Какие индейцы? Те, у которых вы шкуры купили? Они вам об этом сами рассказали?

– Не будь дураком, Нелли. – Ричард Браун не повышал голоса, но его брат слегка вздрогнул, услышав это. Браун подвел лошадь ближе. Джейми не сдвинулся с места, хотя Роджер заметил, как напряглись его руки, лежащие на доске.

– Перебили всю семью, да? – спросил Браун, глядя на маленькое тельце под плащом.

– Нет, – ответил Джейми. – Мы не нашли двух старших детей. Только девчущуку.

– Индейцы, – упрямо повторил Лайонел Браун из-за спины брата. – Они их забрали.

Джейми глубоко вдохнул и закашлялся от дыма.

– Хорошо, – сказал он. – Я поспрашиваю в деревнях.

– Не найдете их, – отозвался Ричард Браун. Он смял бумагу, неожиданно крепко сжав руку в кулак. – Если их забрали индейцы, они не станут держать их у себя. Они продадут их в Кентукки.

Послышался гул одобрения среди остальных мужчин, и Роджер вдруг почувствовал, что уголек, который весь день теплился у него в груди, наконец обратился пламенем.

– Не индейцы написали это, – рявкнул он, тыкая пальцем в записку в руках у Брауна. – И если они мстили за то, что О’Брайен был регулятором, они не стали бы забирать детей.

Сузив глаза, Браун смерил его долгим взглядом. Роджер почувствовал, как Джейми едва заметно передвинулся и подобрался.

– Нет, – спокойно сказал Браун. – Они не стали бы. Вот почему Нелли догадался, что вы сами ее написали. Скажем, индейцы пришли и украли детей, а за ними явились вы и решили украсть, что осталось. Подожгли хижину, повесили О’Брайена с женой и прицепили записку, вуаля! Что вы на это скажете, мистер Маккензи?

– Я спрошу, откуда вы знаете, что их кто-то повесил, мистер Браун?

Лицо Брауна застыло. Роджер почувствовал предостерегающую ладонь Джейми на своей руке и только сейчас понял, что неосознанно сжимал кулаки все это время.

– Веревки, а charaid, – сказал Джейми очень спокойно. Слова с трудом проникали в его сознание, но он посмотрел в ту сторону. Действительно, срезанные с трупов веревки лежали рядом с деревом, где они упали. Джейми все еще говорил, его голос был по-прежнему спокойным, но Роджер не слышал слов. Ветер оглушил его, и где-то за этим воем он слышал непрекращающийся стук сердца. Может, это было его сердце, а может, ее.

– Слезай с лошади! – закричал он, или думал, что закричал. Ветер, полный сажи, бил в лицо, и слова застревали в горле. Вкус пепла казался густым и кислым на языке. Роджер закашлялся и сплюнул, глаза у него слезились.

Он смутно ощутил боль в руке, и мир вокруг снова вернулся в фокус. Молодые парни откровенно разглядывали его, на одних лицах были ухмылки, на других застыла настороженность. Ричард Браун с братом усердно избегали смотреть на него, вместо этого сосредоточившись на Джейми, который до сих пор сжимал его руку.

С усилием он стряхнул руку Джейми, едва заметно кивнув тестю, как бы заверяя его, что он не намерен превращаться в берсерка, – хотя сердце его по-прежнему глухо стучало в груди, а ощущение петли на шее было таким реальным, что он не мог говорить, даже если бы оказался в состоянии сформулировать какие-то слова.

– Мы поможем. – Браун кивнул на маленькое тельце на земле и начал перекидывать ногу через седло, но Джейми остановил его легким движением руки.

– Не стоит, мы справимся.

Браун остановился в нелепом промежуточном положении. Сжав губы, он вернулся в обратно в седло, тронул лошадь и поехал прочь, даже не попрощавшись. Остальные последовали за ним, с любопытством оборачиваясь назад по пути.

– Это не они. – Джейми поднял ружье и посмотрел в лес, в ту сторону, где исчез последний всадник. – Но они знают больше, чем говорят.

Роджер безмолвно кивнул. Он неторопливо подошел к висельному дереву, пинком отбросил веревки в сторону и трижды ударил в ствол кулаком. Тяжело дыша, он стоял, прижавшись лбом к шершавой коре. Боль в ободранных костяшках немного помогла.

Крошечные муравьи цепочкой спешили вверх между пластинками коры, объединенные каким-то жизненно важным неведомым делом. Он понаблюдал за ними немного, пока не смог снова сглотнуть. Затем выпрямился и, потирая глубокий, до кости, синяк на руке, отправился хоронить девочку.

Часть 4 Похищение

Глава 26 Взгляд в будущее

9 октября 1773 года

Роджер уронил седельные сумки на землю рядом с ямой и заглянул внутрь.

– Где Джем? – спросил он.

Его измазанная грязью жена посмотрела вверх и отбросила со лба прилипшую прядь волос.

– И тебе здравствуй, – сказала она. – Поездка прошла хорошо?

– Нет, – ответил он. – Где Джем?

Брианна подняла брови, воткнула лопату в дно ямы и протянула руку, чтобы он помог ей выбраться.

– Он у Марсали. Они с Германом играют во «Врум» с маленькими машинками, которые ты для них смастерил, – по крайней мере, играли, когда я их там оставила.

Тревога, которая не покидала его последние две недели, узлом скручивая что-то в груди, начала медленно уходить. Он кивнул, неожиданный спазм в горле лишил его дара речи. Роджер притянул Брианну к себе и крепко сжал, невзирая на ее удивленный писк и измазанную грязью одежду.

Он держал ее, кровь шумела в ушах, и он не хотел – не мог – отпустить жену, пока она сама не вывернулась из его объятий. Бри оставила руки у него на плечах, но наклонила голову набок, приподняв одну бровь.

– Да, я тоже скучала, – сказала она. – В чем дело? Что случилось?

– Чудовищные вещи.

Пожар, смерть девочки – все это стало похоже на сон за время их путешествия, их ужас притупился и стал сюрреалистичным от однообразия следующих дней: езда, ходьба, непрекращающийся вой ветра, хруст камней под ногами, песок, хвоя, грязь, гипнотическая пелена зеленого и желтого, в которой они растворились под бесконечным небом.

Но теперь он был дома, он больше не скитался по дикой глуши. И воспоминание о девочке, которая оставила сердце у него в руке, неожиданно стало таким же реальным, как в тот момент, когда она умерла.

– Заходи внутрь. – Брианна внимательно оглядывала его с беспокойством. – Тебе нужно что-нибудь горячее, Роджер.

– Я в порядке, – ответил он, но последовал за ней без возражений.

Роджер сел за стол и, пока она ставила чайник для чая, рассказал ей обо всем, что случилось. Он сжимал голову руками и смотрел вниз – на растресканную столешницу, с ее знакомыми пятнами и шрамами от ожогов.

– Я продолжал думать, что должно быть что-то... какой-то способ. Но его не было. Даже когда я... накрыл рукой ее лицо... Я был уверен, что все это происходит не на самом деле. Но в то же время... – Он выпрямился и уставился на свои ладони. В то же время это был самый реальный опыт в его жизни. Думать об этом было непереносимо, если не считать самого поверхностного упоминания, но он знал, что никогда не забудет ни одной, даже самой крошечной детали. Внезапно его горло снова сжалось.

Брианна тревожно вглядывалась в его лицо и заметила, как он касается неровного шрама от веревки на горле.

– Ты можешь дышать? – спросила она обеспокоенно.

Роджер покачал головой, хотя это была неправда – он как-то дышал, но ему казалось, будто горло раздавила какая-то огромная рука: гортань и трахея словно превратились в кровавую кашу.

Он приподнял руку, показывая, что он будет в порядке, хотя и сомневался в этом сам. Бри обошла его сзади, отняла его руку от горла и осторожно положила пальцы на шрам.

– Все будет хорошо, – сказала она тихо. – Просто дыши. Не думай. Дыши.

Ее пальцы были холодными, а руки пахли грязью. У него в глазах стояла мокрая пелена. Он моргнул, чтобы увидеть комнату, очаг и свечу, посуду и ткацкий станок, чтобы убедиться, где находится. Капля теплой жидкости скатилась по щеке.

Роджер пытался сказать, что он в порядке, что он не плачет, но она только прижалась ближе, положив одну руку ему на грудь, другая по-прежнему касалась болезненного комка в горле. Ее грудь, прижатая к его спине, была мягкой, и он скорее чувствовал, чем слышал, едва заметные и вовсе не мелодичные звуки, что она издавала, когда тревожилась или пыталась сосредоточиться.

Наконец спазм начал проходить, и чувство удушья покинуло его. Грудь облегченно поднялась – нормальное дыхание вернулось к нему, и она отпустила Роджера.

– Что... это... ты такое копаешь? – спросил он лишь с небольшим усилием, потом обернулся на нее и улыбнулся, что потребовало намного больше труда. – Я... му, чтобы... беге... мотов коптить?

Призрачная улыбка осветила ее лицо, но глаза были по-прежнему темными от тревоги.

– Нет. Это сурковая печь для обжига.

Пару секунд он пытался придумать какое-нибудь остроумное замечание о том, что такая яма великовата для того, чтобы убивать нечто настолько маленькое, как сурок, но не нашел в себе сил.

– О, – сказал он вместо этого.

Брианна подала ему чашку чая с кошачьей мятой, он поднял ее ближе к лицу, позволяя ароматному пару согреть нос и холодные щеки.

Жена налила еще одну чашку себе и села напротив.

– Я рада, что ты дома, – сказала она мягко.

– Да, я тоже. – Роджер сделал маленький глоток, чай все еще был обжигающим. – Печь для обжига? – Он рассказал ей об О'Брайенах – должен был рассказать, – но обсуждать это он не хотел. Не сейчас. Казалось, она почувствовала его настроение и не стала давить.

– Угу. Для воды. – Должно быть, он выглядел растерянным, потому что ее улыбка стала шире. – Я ведь говорила тебе, что буду использовать грязь, разве нет? К тому же это была твоя идея.

– Моя? – Сейчас его почти ничего не могло удивить, но он что-то не припоминал никаких блестящих задумок насчет воды.

Проблема с водой касалась ее транспортировки. Видит бог, воды было много – она бежала в ручьях, шумела в водопадах, капала с уступов, била из-под земли, сочила в мшистых расщелинах между скал... Но заставить ее течь туда, куда нужно, требовало знаний и инструментов.

– Мистер Уэмисс рассказал фрау Берриш – это его дама сердца, их свела фрау Уте, – над чем я работаю, и оказалось, что мужской хор в Салеме занят тем же, так что...

– Хор? – Роджер сделал еще один осторожный глоток, чай уже немного остыл. – Но почему хор...

– Они просто называют это так. У них есть мужской хор, женский хор, хор для женатых пар. Они не только поют вместе, это своего рода общественные группы – каждый хор делает

что-то для общины. Ну так вот, – Брианна махнула рукой, – они пытаются провести воду в город и столкнулись с той же проблемой – нет металла для труб.

– Помнишь, ты напомнил мне о глиняной посуде, которую делают в Салеме? Так вот, они пытались делать трубы из бревен, но это очень тяжело и отнимает много времени, потому что нужно сверлом удалять сердцевину, к тому же по-прежнему требуются железные скобы, чтобы соединять их друг с другом. А спустя некоторое время дерево начинает подгнивать. Потом им пришла та же идея, что и тебе, – почему бы не делать трубы из обожженной глины?

Она оживилась, говоря об этом. Нос уже не был розовым от холода, щеки загорелись румянцем, а глаза увлеченно блестели. Брианна много жестикулировала, когда говорила, – переняла это от матери, подумал он, повеселев.

– ... так что мы оставили детей с мамой и миссис Баг, и мы с Марсали поехали в Салем...

– Марсали? Но она же не может ехать верхом? – Марсали была глубоко беременна, настолько глубоко, что ему было немного страшно даже просто находиться с ней рядом, – казалось, она может начать рожать в любую минуту.

– До срока еще месяц. К тому же мы не поехали верхом, мы взяли повозку и заодно выменяли мед, сидр и вяленую говядину на сыр, одеяла и – видишь мой новый чайник? – Она с гордостью показала на небольшую самодельную вещицу, покрытую темно-красной глазурью и украшенную волнистыми желтыми узорами в центре. Это был один из самых уродливых предметов, которые Роджеру вообще встречались, и его вид вдруг заставил глаза увлажниться – мужчина ощутил чистую радость от возвращения домой.

– Тебе не нравится? – спросила она, чуть нахмурясь.

– Нет, он отличный, – хрипло ответил Роджер. Он пошарил в кармане в поисках платка и высморкался, чтобы скрыть минутную слабость. – Мне очень нравится. Так что ты там говорила... Марсали?

– Я говорила про трубы. Но есть кое-что и о Марсали. – Складка между ее бровей прорезалась глубже. – Боюсь, Фергус не очень хорошо себя ведет.

– Не очень? Что он натворил? Завел безумную интрижку с миссис Кромби?

На это предположение Брианна отреагировала быстрым испепеляющим взглядом.

– Во-первых, он все время где-то пропадает, оставляя бедную Марсали приглядывать за детьми и делать всю работу.

– Абсолютно нормально для этого времени, – отозвался он. – Большинство мужчин так поступают. Твой отец, я, разве ты не замечала?

– Замечала, – ответила она, недобро поглядывая в сторону Роджера. – Но я имела в виду, что большинство мужчин делают всю тяжелую работу – распахивают, сеют, а женщинам достаются домашние хлопоты – готовка, шитье, вязание, стирка, заготовки – вот это все. И Марсали все это делает, но еще занимается детьми, работает в поле и на пивоварне. А когда Фергус дома, он почти всегда угрюм и много пьет.

На вкус Роджера, это тоже выглядело как нормальное поведение для отца трех неумных отпрысков и мужа очень беременной женщины, но он промолчал.

– Я бы не назвал Фергуса бездельником, – заметил он спокойно. Бри покачала головой, по-прежнему хмурясь, и плеснула еще чаю ему в чашку.

– Нет, он, конечно, не лентяй. Ему трудно с одной рукой, с какими-то делами он просто не справляется, но он даже не помогает ей с детьми или с уборкой, пока Марсали занята всем тем, чего он не может. Папа и Йен помогают ему распахивать землю, но... И потом, он пропадает целыми днями – иногда перехватывает какую-то работенку, переводит путешественникам, но по большей части просто пропадает где-то. И... – Она замялась, бросив на него быстрый взгляд, словно раздумывая, стоит ли продолжать дальше.

– И? – сказал Роджер выжидающе. Чай делал свое дело, боль в горле почти пропала.

Брианна вперила взор в столешницу, чертя на дубовых досках невидимые узоры указательным пальцем.

– Она ничего не говорила... но думаю, он ее бьет. – Роджер почувствовал внезапную тяжесть где-то в области сердца. Его первым побуждением было не думая отместить такое предположение, но он слишком много видел, пока жил с преподобным. Слишком много было семей, с виду нормальных и респектабельных, где жены смеялись над своей собственной «неуклюжестью», отвечая на вопросы про синяки под глазами, сломанные носы и вывихнутые запястья. Слишком много мужчин, пытаясь справиться с ответственностью за материальное благополучие семьи, обращались к бутылке.

– Черт. – Роджер внезапно почувствовал себя измотанным. Он потер лоб, под которым уже копилась головная боль. – Почему ты так считаешь? – спросил он прямо. – Видела следы?

Бри печально кивнула, по-прежнему не глядя на него, хотя палец на столешнице замер.

– На руке. – Она обхватила предплечье ладошкой, демонстрируя положение отметин. – Маленькие круглые синяки, как будто следы от пальцев. Я увидела, когда она доставала бочонок с медовыми сотами из повозки и ее рукав сполз вниз.

Он кивнул, страстно желая, чтобы в его кружке оказалось что-нибудь покрепче чая.

– Думаешь, мне стоит с ним поговорить?

Она подняла взгляд на Роджера, выражение ее лица смягчилось, хотя в глазах по-прежнему горела тревога.

– Знаешь, большинство мужчин не вызвались бы это сделать.

– Ну, вообще-то я не так представляю себе веселье, – признал он. – Но нельзя позволить этому продолжаться в надежде, что проблема разрешится сама собой. Кто-то должен сказать об этом.

Хотя одному Богу известно, что именно и как. Он уже сожалел о своем предложении, пытаясь придумать, что, ради всего святого, он может сказать. «Привет, Фергус, старина. Слышал, ты поколачиваешь жену. Будь хорошим мальчиком и перестань это делать, ладно?»

Он допил остатки чая и встал, оглядывая полки в поисках виски.

– Закончилось, – сказала Брианна, угадывая его желание. – Мистер Уэмисс поймал простуду.

Роджер со вздохом опустил пустую бутылку. Брианна осторожно коснулась его руки.

– Нас пригласили в большой дом на ужин. Можем прийти пораньше.

Это было утешительное предложение. У Джейми точно имелась бутылка отличного односолодового виски, припрятанная где-нибудь в закромах.

– Да, хорошо. – Он взял с крючка плащ Брианны и набросил ей на плечи. – Эй. Думаешь, стоит рассказать о Фергусе твоему отцу? Или лучше повернуть это одному? – У него появилась внезапная и совсем неблагородная надежда на то, что Джейми сочтет это своим долгом и обо всем позаботится.

Кажется, именно этого и боялась Брианна: она активно замахала головой, одновременно потряхивая наполовину просохшими волосами.

– Нет! Папа сломает ему шею. А мертвый Фергус Марсали точно не поможет.

– Мххм. – Роджер принял неизбежное и открыл дверь перед женой. Большой белый дом сиял, возвышаясь над ними на вершине холма, безмятежный в вечернем свете. За ним виднелся нечеткий, но надежный силуэт большой красной ели. Ему всегда казалось, что дерево охраняет и оберегает дом, и в его нынешнем неустойчивом душевном состоянии эта мысль была утешением.

Они совершили небольшую экскурсию, чтобы он смог отдать должное яме и услышать все о механизме работы сурковой печи. Он оставил попытки понять все детали, уловив только то, что целью было хорошенько ее разогреть – объяснения Брианны он при этом находил умиротворяющими.

– ...кирпичи для дымохода, – говорила Брианна, указывая на дальний конец восьмифутовой ямы, которая пока что напоминала место для очень большого гроба. Однако она сделала все очень точно и аккуратно: края были ровной прямоугольной формы, как будто она использовала какой-то инструмент, а стены – удивительно гладкими. Так он и сказал ей, а она улыбнулась, заправив рыжий локон за ухо.

– Она должна быть гораздо глубже, – добавила она, – может, еще фута три. Но земля здесь хороша для копания – она мягкая и не слишком осыпается. Надеюсь, я смогу закончить до первого снега, но не уверена. – Она потерла костяшкой пальца кожу над верхней губой, с сомнением шурясь на яму. – Мне нужно расчесать и скрутить еще довольно много шерсти, чтобы сшить теплую одежду для тебя и Джемми, мне придется собирать и готовить впрок всю следующую неделю или около того, и...

– Я вырою ее для тебя.

Она встала на цыпочки и поцеловала его под ухом, он засмеялся в ответ, внезапно почувствовав себя лучше.

– Не на эту зиму, конечно, но со временем мне, быть может, удастся как-то провести тепло от печи под основание нашего дома. Ты знаешь, что такое римский гипокауст?⁶⁵ – спросила она, удовлетворенно беря его под руку.

– Знаю. – Он повернулся, чтобы посмотреть на свое жилище, – простой полый фундамент из плитняка, на котором возведены бревенчатые стены. Намек на центральное отопление в сырой горной хижине рассмешил его, но, по сути, в этом не было ничего невозможного. – Что ты хочешь сделать? Подведешь трубы с горячим воздухом под основание?

– Да. Если считать, что мне удастся сделать хорошие трубы. Скоро узнаем, так ли это. Что думаешь?

Он перевел взгляд с будущего проекта жены вверх по холму на большой дом. Даже на таком расстоянии рядом с ним была видна куча грязи – свидетельство буровых способностей белой свиноматки.

– Думаю, ты рискуешь привлечь к нам внимание этой белой содомитки, если устроишь уютное теплое гнездышко под нашим домом.

– Содомитки? – спросила Брианна иронически. – Такое физически возможно?

– Это метафора для ее внутренней сути, – уточнил Роджер. – И потом, ты видела, что она пыталась сделать с майором Макдональдом.

– Эта свинья сильно не любит майора Макдональда, – подтвердила Бри не задумываясь. – Интересно, почему?

– Спроси свою маму, она его тоже не жалуется.

– Ах, это... – Она резко замолкла, поджала губы и задумчиво посмотрела на большой дом. В окне медицинского кабинета Клэр промелькнула тень, кто-то был внутри. – Вот что я тебе скажу. Ты найди папу и пропусти с ним стаканчик, и пока вы будете этим заняты, я расскажу маме про Марсали и Фергуса. Она может что-нибудь подсказать.

– Не уверен, что это вопрос медицинского порядка, – заявил он. – Но погрузить Германа в сон для начала было бы неплохой идеей.

Глава 27

Солодовня

Ветер доносил до меня сладковатый прокисший запах влажного зерна, пока я поднималась вверх по тропинке. Он не был похож ни на пьянящую остроту суслу из пивных дрожжей,

⁶⁵ Созданная в Римской империи система обогрева, когда теплый воздух проходил по специальным каналам под полом и в стенах.

ни на запах солода, напоминающий жареные кофейные зерна, ни даже на вонь от перегонки – но все же отчетливо указывал на виски. Производство uisgebaugh было делом пахучим, именно поэтому солодовню поставили почти в миле от большого дома. Но даже на таком расстоянии, когда ветер дул в сторону Риджа и готовили сусло, я иногда улавливала специфический острый запах спиртного через открытое окно кабинета.

У виски был особый цикл изготовления, и каждый житель Риджа как бы подсознательно синхронизировался с этим ритмом, даже если не работал на солодовне. Именно поэтому я, не спрашивая, знала, что сейчас ячмень замочили для проращивания, а значит, Марсали там, помешивает и переворачивает зерно перед тем, как разожгут огонь для сушки.

Зерну нужно позволить прорасти, чтобы добиться максимальной сладости, но ни в коем случае не позволить пустить ростки – иначе сусло получится горьким и негодным для перегонки. После того как ячмень начнет прорастать, должно пройти не более суток, я почувствовала влажный плодородный запах поднимающегося зерна еще вчера, когда бродила по лесу. Самое время.

Это было, пожалуй, лучшее место, чтобы поговорить с Марсали наедине. Только в солодовне ее не окружал многоголосый детский хор. Мне часто казалось, что она ценила уединенность этого труда много больше, чем долю виски, которую отдавал ей Джейми за работу с зерном, – хотя и виски было ценным вознаграждением.

Брианна рассказала мне, что Роджер благородно вызвался поговорить с Фергусом, но я подумала, что сначала лучше пообщаться с Марсали, просто чтобы понять, что к чему.

«И что же мне сказать? – размышляла я. – Прямолинейно спросить: «Бьет ли тебя Фергус?» Я до сих пор не могла поверить в это, несмотря – или, может, именно из-за собственных живых воспоминаний о приемных покоях, заполненных печальными последствиями домашних ссор.

Не то чтобы мне казалось, что Фергус не способен на насилие – он видел и испытал его в достаточной мере с самого раннего возраста, к тому же парень рос среди горцев в самой гуще якобитского восстания, а потом перенес все тяготы его провала. Такая судьба вряд ли вселила в него глубокое почтение к христианским добродетелям. С другой стороны, к его воспитанию приложила руку Дженни Мюррей.

Я пыталась, но не могла представить себе мужчину, который, прожив с сестрой Джейми больше недели, поднял бы руку на женщину. К тому же по собственным наблюдениям я знала, что Фергус был заботливым отцом, и обычно они с Марсали хорошо понимали друг друга, так что казалось...

Сверху послышался шум. Прежде чем я успела поднять голову, что-то огромное, ломая ветки, упало передо мной в водопаде пыли и сухой хвои. Я отпрянула назад и инстинктивно приподняла перед собой корзину, защищаясь. Но почти сразу поняла, что на меня никто не покушался. Передо мной на тропинке растянулся Герман с выпученными глазами, падение выбило из него дух, и теперь он судорожно пытался вдохнуть.

– Какого черта? – начала я довольно резко. Но потом я заметила, что он что-то прижимает к груди – покинутое гнездо с кучкой зеленоватых яиц, которые он каким-то чудом умудрился не разбить при падении.

– Для... тапан, – выпалил он не без труда, улыбаясь мне во весь рот.

– Очень мило, – сказала я. Иметь дело с мальчишками приходилось слишком часто, причем всех возрастов, включая взрослых мальчишек, чтобы понимать тщетность любых нотаций в таких ситуациях. И поскольку Герман не разбил яйца и не переломал себе ноги, я просто взяла гнездо у него из рук и держала, пока он хватал ртом воздух, а мое сердцебиение возвращалось к нормальному ритму.

Придя в себя, он поднялся на ноги, не обращая никакого внимания на грязь, смолу и сосновые иголки, покрывавшие его с головы до ног.

– Маман в солодовне, – сказал он, забирая свое сокровище. – Ты пойдешь со мной, grandmère?

– Да. А где твои сестры? – спросила я подозрительно. – Разве тебе не положено за ними приглядывать?

– Non, – ответил он беззаботно. – Они дома, где женщины и должны быть.

– Вот как? И кто тебе такое сказал?

– Не помню. – Полностью забыв о падении, он скакал передо мной, напевая песенку, примерное содержание которой сводилось к следующим строчкам: «Na tuit, na tuit, na tuit, Germain».

Марсали действительно была в солодовне, ее чепец, плащ и платье свисали с ветки пожелтевшей хурмы, рядом дымился горшочек с горячими углями, готовый к использованию.

Ток для соложения⁶⁶ теперь был укрыт стенами, составлявшими постройку, в которую можно было складывать влажное зерно для проращивания, а затем сушить и поджаривать на низком огне под полом. Старые угли и пепел уже выгребли наружу, а под основание сарая, стоящего на сваях, уложили свежие дубовые дрова, но пока не подождли. Но внутри было тепло и без того, я чувствовала это даже стоя в нескольких футах от входа. Пока зерно прорастало, оно отдавало столько жара, что постройка, казалось, светила изнутри.

Оттуда раздавалось ритмичное шуршание – Марсали переворачивала ячмень деревянной лопатой, чтобы равномерно распределить зерно по поверхности перед тем, как разжигать огонь. Дверь сарая была открыта, но окон там, конечно, не было – издали я видела толькодвигающуюся внутри тень.

Шуршание зерна заглушило наши шаги, и Марсали испуганно оглянулась, когда я своим телом заслонила дверной проем, лишив ее света.

– Матушка Клэр!

– Здравствуй, – сказала я радостно. – Герман сказал, ты здесь. Я подумала, просто...

– Маман! Смотри, смотри, что у меня есть. – Герман протиснулся мимо меня с детским упрямством, протягивая свою добычу. Марсали улыбнулась и заправила влажную прядь волос за ухо.

– О, неужели? Ничего себе! Пойдем-ка вынесем его на свет, чтобы я смогла разглядеть получше.

Она вышла наружу, с удовольствием вдыхая прохладный воздух. На ней была одна сорочка, муслин так промок от пота, что мне были видны не только темные ареолы на ее груди, но даже пуговица выдающегося вперед пупка, там, где влажная ткань прилипла к выпирающей округлости живота.

Марсали села и, вытянув ноги с босыми ступнями, еще раз с удовлетворением вздохнула. Ноги были немного опухшими, а под белой кожей виднелись расширенные голубые вены.

– Ох, как же хорошо посидеть! Ну, милый, покажи мне, что там у тебя.

Я использовала возможность обойти ее вокруг, пока Герман показывал свой трофей, и проверить, есть ли синяки или какие-нибудь другие повреждения.

Она была худой, если не считать живота, но Марсали всегда была такой. Ее руки и ноги были тоненькими, но мускулистыми. Под глазами залегли темные пятна усталости, но она все-таки растила троих детей, и это если не считать беременности, из-за которой она наверняка плохо спала. Лицо выглядело влажным и румяным, довольно здоровым.

Пара синяков виднелась на голени, но я не стала обращать на них внимания: беременные женщины легко набивали синяки, к тому же, если брать во внимание жизнь в деревянной хижине и дикую горную глушь, едва ли нашлось бы хоть несколько человек на Ридже, кто не

⁶⁶ При проращивании зерно рассыпали на бетонном или каменном полу, так называемом току для соложения, чтобы оно не нагревалось и чтобы его было удобно переворачивать.

ушибался по несколько раз на дню. Или я просто искала оправдания, не желая признать вероятность предложенного Брианной сценария?

– Одно мне, – объяснял Герман, касаясь яиц по очереди, – одно для Джоан, одно для Фелисити и одно для monsieur L’Oeuf. – Он показал на шар ее живота.

– О, какой милый мальчик, – сказала Марсали, притягивая его ближе и целуя в перепачканный лоб. – Ты мой маленький птенчик!

Сияющая улыбка мальчика сменилась гримасой подозрения, когда мать прижалась к нему выступающим животом. Он осторожно потрогал его.

– А когда яйцо вылупится внутри, что вы будете делать со скорлупой? – спросил он. – Можно я ее возьму?

Марсали порозовела, сдерживая смех.

– Слава богу, люди не вылупляются из яиц, – сказала она.

– Ты уверена, маман? – Он с сомнением оглядел ее живот, а потом осторожно потыкал его. – На ощупь как яйцо.

– Да, но это не так. Просто мы с папой зовем так малыша до того, как он родится. Ты тоже однажды был monsieur L’Oeuf.

– Правда? – Германа это открытие прямо-таки огорошило.

– Да, как и твои сестры.

Мальчик нахмурился, взъерошенная светлая челка свесилась на нос.

– Нет, они были mademoiselles L’Oeufs.

– Oui, certainement, – сказала Марсали, смеясь. – Этот тоже может оказаться mademoiselle, просто monsieur легче сказать. Вот, гляди-ка. – Она откинулась назад и крепко прижала руку к животу сбоку, потом взяла руку Германа и приложила ее к этому месту. Даже с того места, где я стояла, я смогла увидеть, как изнутри натянулась ее кожа, – ребенок изо всех сил пинался в ответ на толчок.

Герман отдернул руку, изумленный, затем с замороженным видом положил ее назад и нажал.

– Привет! – сказал он громко, опуская лицо ближе к материнскому животу. – Comment ça va там, monsieur L’Oeuf.

– Он в порядке, – заверила его мать. – Или она. Но малыши сначала не умеют говорить. Ты это знаешь. Фелисити пока что не говорит ничего, кроме «мама».

– О да. – Потеряв интерес к своему будущему родственнику, он наклонился, чтобы поднять какой-то особенно привлекательный камень.

Марсали подняла голову, шурясь на солнце.

– Тебе пора домой, Герман. Мирабель скоро нужно будет доить, а я тут пока еще занята. Иди-ка и помоги папе, хорошо?

Мирабель была козой и сравнительно новым приобретением в хозяйстве, чтобы пока еще вызывать интерес Германа, который тут же оживился.

– Oui, Maman. Au’voir, Grandmère!

Он прицелился и бросил камешек в сарай, промахнулся, развернулся и помчался в сторону тропы.

– Герман! – закричала ему вслед Марсали. – Na tuit!

– Что это значит? – с любопытством спросила я. – Это гэльский или французский?

– Гэльский, – ответила она с улыбкой. – Это значит «не упади». – Она покачала головой в притворном негодовании. – Этот мальчонка не может пропустить ни одного дерева.

Герман оставил гнездо с яйцами, она бережно поставила его на землю, и я увидела побледневшие желтоватые пятнышки на внутренней стороне ее предплечья – именно такие, как Брианна их описала.

– А как там Фергус? – спросила я как бы между прочим.

– Он в порядке, – ответила Марсали, сразу напрягаясь.

– Правда? – Я мельком посмотрела на ее предплечье, а потом в глаза. Марсали вспыхнула и быстро убрала руку, пряча отметины.

– Да, он в порядке! – сказала она. – Он не очень-то справляется с дойкой пока, но скоро приуровнится. Конечно, ему неудобно с одной рукой, но он...

Я присела на бревно рядом с ней и, взяв ее за запястье, повернула руку.

– Брианна мне рассказала. Фергус это сделал?

– О! – Она казалась пристыженной и вырвала запястье, прижимая руку к животу, чтобы спрятать синяки. – Ай. Да, это он.

– Хочешь, чтобы я поговорила с Джейми об этом?

К ее лицу прилила краска, и она резко выпрямилась от испуга.

– Господи, нет! Он сломает Фергусу шею! Да Фергус и не виноват, если говорить начистоту.

– Конечно, виноват, – твердо заявила я. Я видела слишком много избитых женщин в Бостонской больнице, которые упорно утверждали, что в случившемся не виноваты их мужья и парни. Надо признать, частенько и женщины как-то провоцировали насилие, но все же...

– Но он правда не виноват! – настаивала Марсали. Густой румянец не исчез с ее лица, скорее даже усилился. – Я... Он... То есть он схватил меня за руку, но только потому, что я... эмм... ну, в общем, я пыталась врезать ему поленом. – Она посмотрела в сторону, пламенно рдея.

– О, – сбитая с толку, я потерла нос. – Понятно. И почему же ты пыталась это сделать? Он... напал на тебя?

Она вздохнула, понурилась плечи.

– Нет. Что ж, это случилось потому, что Джоан пролила молоко, а он начал кричать, и она заплакала и... – Марсали немного нервно пожала плечами. – Наверное, меня просто беспутал.

– Но ведь обычно Фергус не кричит на детей, да?

– О да, это совсем ему несвойственно! – выпалила она. – Он едва ли когда-либо... в общем, раньше так не было, но со всеми этими... но я не могу его винить, особенно в этот раз. Это заняло у него кучу времени – подоить козу, – и все насмарку. Думаю, я бы тоже кричала.

Она вперила взор в землю, избегая моего взгляда, и теребила край нижней рубашки, раз за разом проводя большим пальцем по шву.

– Маленькие дети могут быть испытанием, – согласилась я, в красках припоминая случай с участием двухлетней Брианны, телефонного звонка, который меня отвлек, большой миски спагетти с тефтелями и открытого портфеля Фрэнка. Обычно Фрэнк демонстрировал ангельское терпение с Бри и не меньшее со мной, но в тот раз его гневные крики заставили задрожать даже оконные стекла. Я вспомнила, что вообще-то в ответной ярости, граничащей с истерией, я швырнула в мужа тефтелей, и Бри повторила за мной, хотя делала это не из мстительности, а потому, что такой ход показался ей забавным. Если бы я стояла у плиты, я, наверное, бросила бы в него полную кастрюлю. Я потерла пальцем под носом, не зная, смеяться от этих воспоминаний или сожалеть о содеянном. Мне так и не удалось вывести те пятна с ковра.

Мне было ужасно жаль, что я не могу поделиться этим эпизодом с Марсали, которая понятия не имела не только о портфелях и спагетти, но и о Фрэнке. Она все еще смотрела в землю, шевеля сухие дубовые листочки пальцем ноги.

– Это все моя вина, правда, – сказала она и закусила губу.

– Не твоя, – я утешительно сжала ее руку. – Здесь нет ничьей вины: всякое случается, люди расстраиваются... но в конце концов все встает на свои места.

«Ведь так и случилось, – подумала я, – хоть и самым неожиданным образом».

Она кивнула, но лицо ее было по-прежнему омрачено, а губа закушена.

– Да, просто... – начала она, но оборвала предложение.

Я терпеливо ждала, стараясь на нее не давить. Ей хотелось, даже было необходимо, выговориться. А мне нужно было ее выслушать, прежде чем решить, стоит ли говорить об этом Джейми. Между ней и Фергусом явно что-то происходило.

– Я... как раз думала об этом, пока переворачивала зерно. Я бы этого не сделала, ни за что не сделала, но его крики так меня заделали... Я почувствовала, будто все повторяется...

– Что повторяется? – спросила я, когда убедилась, что ей пока нечего добавить.

– Я пролила молоко, – сказала она торопливо. – Когда я была ребенком. Я хотела есть и потянулась за крынкой, и все пролилось.

– Ммм?

– Да. И он закричал, – она сильнее ссутулила плечи, как будто от воспоминания об ударе.

– Кто закричал?

– Точно не знаю. Может быть, это был мой отец, Хью, но мог быть и Саймон, второй мамин муж. Не помню, кто именно, только помню, что я так испугалась, что обмочилась, и от этого он разозлился сильнее. – Румянец вспыхнул на ее лице с новой силой, а пальцы на ногах поджались от стыда. – Мама плакала, потому что это была вся наша еда – молоко да немного хлеба. И теперь молоко пропало. Он кричал, что не может выносить этого шума, потому что мы с Джоан тоже голосили... и потом он дал мне пощечину, а мама тут же ринулась на него. Он так сильно толкнул ее, что она упала на очаг и разбила лицо. Я видела, как у нее из носа течет кровь.

Она всхлипнула и утерла нос костяшками пальцев, часто моргая и по-прежнему глядя на листья под ногами.

– Тогда он вышел, хлопнув дверью, и мы с Джоан кинулись к маме с диким воем, потому что думали, что она умерла... Но она встала на четвереньки и сказала нам, что все в порядке, что все будет хорошо. Ее качало, чепец сполз с головы, а из носа на пол текли струйки кровавых соплей... Я и забыла об этом. Но когда Фергус стал кричать на бедную малышку Джоан... это было как будто он вдруг стал Саймоном. Или, может, Хью. Им, кто бы он ни был. – Марсали закрыла глаза и глубоко вздохнула, наклоняясь вперед и обхватывая свою драгоценную ношу.

Я потянулась к ней и откинула мокрые пряди с ее лица, с круглых бровей.

– Ты скучаешь по маме, да? – тихо спросила я. Впервые я почувствовала симпатию к ее матери, Лаогере, как и к самой Марсали.

– О да, – просто ответила девушка. – Ужасно скучаю. – Она снова вздохнула, прикрыв глаза, и прижалась щекой к моей руке. Я обняла Марсали, притянув к себе ее голову, и молчаливо стала гладить по волосам.

Дело было за полдень, тени стали длинными и холодными в гуще дубовой рощи. Жар солодовни оставил Марсали, и она поежилась от опускающейся вечерней прохлады, по ее тонким рукам побежали мурашки.

– Вот, – сказала я, поднимаясь и набрасывая свой плащ ей на плечи. – Надень-ка, ты же не хочешь простудиться.

– О нет, я в порядке. – Она выпрямилась, откинув назад волосы, и вытерла лицо тыльной стороной ладони. – Нужно еще чуть-чуть закончить здесь, а потом идти домой и готовить ужин...

– Я все сделаю, – сказала я твердо и поправила на ней плащ. – А ты отдохни немного.

Воздух внутри крохотной постройки был такой густой, что опьянял – полный насыщенного мускуса от прорастающего зерна и острого пыльного запаха ячменной шелухи. Тепло было приятным после уличной прохлады, но уже через короткое время кожа под одеждой стала влажной, и я, стянув платье через голову, повесила его на гвоздь у двери.

Марсали была права: работы осталось немного. Пока я занята делом, я немного согреюсь, а потом сразу доведу девочку до дома. Я приготовлю ужин, чтобы дать ей отдохнуть, – и

пока буду этим заниматься, быть может, мне удастся перекинуться парой слов с Фергусом и выяснить, что за кошка между ними пробежала.

Вообще-то Фергус мог бы приготовить ужин, подумала я и нахмурилась, втыкая лопату в сероватые кучи липкого зерна. Но ему это, конечно, и в голову не придет, этому маленькому французскому бездельнику. Дойка козы – это самое большое, на что он был способен из «женской работы».

Потом я подумала о Джоан и Фелисити и сразу потеплела к Фергусу. Трехлетняя Джоан и полуторагодовалая Фелисити... Кто бы ни был третьим в их компании, он заслуживал моего безусловного сочувствия, независимо от того, чем занимались эти двое.

Джоан внешне походила на хорошенького каштанового королька, и сама по себе была относительно послушным и мирным ребенком. Фелисити же была вылитый отец – темноволосая, с тонкой костью, попеременно то неотразимо обаятельная, то демонстрирующая буйный темперамент во всей красе. Вместе... Джейми обычно звал их адскими котятками. И если они находились дома, не было ничего удивительного в том, что Герман скакал по лесам, а Марсали находила отдушину в тяжелой работе.

«Тяжелая» – буквальный определение», – подумала я, втыкая лопату в зерно и переворачивая его. Прорастающий ячмень был тяжелым грузом, полная чаша лопаты весила несколько фунтов. Потревоженное зерно выглядело неоднородным, испещренное темными пятнами от влаги из низлежащих слоев. Неперевернутый ячмень был, очевидно, бледнее даже в уходящем вечернем свете. Такого оставалось всего пара горок в дальнем углу. Я с энтузиазмом взялась за него, попутно осознавая, что изо всех сил пытаюсь не думать о том, что рассказала мне Марсали. Я не хотела, чтоб Лаогера мне нравилась, – и она мне не нравилась. Но и симпатии к ней я не хотела ощущать, а это было уже труднее.

Очевидно, жизнь обходилась с ней сурово. Но всем шотландским горцам пришлось несладко в те времена, думала я, с пытением откидывая в сторону очередную порцию зерна. Быть матерью везде было непросто, но, кажется, она с этим неплохо справилась. Я чихнула от ячменной пыли, вытерла нос рукавом и вернулась к работе. В конце концов, не то чтобы она пыталась украсть у меня Джейми, убеждала я себя, склоняясь к сочувствию и благородной объективности. На самом деле совсем наоборот, по крайней мере с ее точки зрения.

Край лопаты заскрипел по полу – дело сделано. Я скинула остатки зерна в сторону, а после лезвием подвинула только что перевернутый ячмень в пустой угол и разровняла высокие кучки. Джейми рассказал мне о причинах этого брака – и я верила ему. Но факт оставался фактом: простое упоминание ее имени вызывало в моем сознании поток разрозненных картинок – начиная с той, где Джейми страстно целует ее в укромном уголке замка Леох, и заканчивая фантазиями о том, как в темноте их супружеского ложа он задирает ночную рубашку Лаогеры и кладет горячие от нетерпения ладони ей на бедра. Эти мысли заставляли меня сердито фыркать, а виски пульсировать от внезапно прилившей крови.

Возможно, подумалось мне, я вовсе не из великодушных и благородных людей. Временами я скорее даже напоминаю ограниченную и озлобленную персону.

Приступ самобичевания был прерван голосами и шумом снаружи. Я выглянула из солодовни, жмурясь от лучей опускающегося вечернего солнца. Было сложно разглядеть их лица и даже наверняка сказать, сколько их всего. Некоторые были верхом, другие без лошадей – черные силуэты на фоне заходящего солнца. Я уловила движение краем глаза: Марсали поднялась на ноги и пятлилась к сараю.

– Кто вы, сэръ? – спросила она, высоко подняв подбородок.

– Мучимые жаждой странники, мистрис, – ответила одна из темных фигур, выезжая вперед. – В поисках гостеприимства.

Слова его были учтивыми, а вот голос нет. Я вышла наружу, все еще крепко сжимая лопату.

– Добро пожаловать, – сказала я, вовсе не пытаюсь казаться гостеприимной. – Стойте где стоите, джентльмены. Мы с удовольствием предложим вам выпить. Марсали, не принесешь бочонок?

Мы держали тут небольшой бочонок свежего виски как раз для подобных okazji. Кровь шумела у меня в ушах, и я так крепко схватилась за древко лопаты, что чувствовала каждую ее шероховатость. Было более чем странно встретить одновременно так много незнакомцев в горах. Время от времени нам попадались группы охотников чероки – но эти мужчины были не индейцами.

– Не беспокойтесь, мистрис, – сказал другой мужчина, спешиваясь. – Я ей помогу. Думаю, нам понадобится больше одного бочонка.

Выговор у него был английский и странно знакомый: не приобретенный акцент, но подчеркнута правильная дикция.

– У нас готов только один бочонок, – сказала я, медленно двигаясь в сторону и не отрывая от говорящего глаз. Он был низкорослым и худощавым и двигался резкими короткими рывками, как марионетка.

Он приближался ко мне, как и остальные. Марсали дошла до поленицы и копалась за кучами дубовых бревен и ветками гикори. Я слышала ее тяжелое прерывистое дыхание. Бочонок был спрятан среди дров, а рядом с ним, я знала, лежит топор.

– Марсали, – сказала я, – стой там. Сейчас я тебе помогу.

Топор был оружием получше, чем лопата. Но две женщины против... сколько там мужчин? Десять... дюжина? Больше? Я моргнула – глаза слезились от ярких солнечных лучей – и увидела еще нескольких выходящими из леса. Этих я смогла рассмотреть получше: один ослабил на меня, и я заставила себя не отводить взгляда. Улыбка его стала шире.

Низкорослый был все ближе. Я посмотрела на него, и меня озарила вспышка смутного узнавания. Кто, черт побери, он такой? Я знала его, видела прежде, но никакого имени не возникало в ответ на впалые щеки и низко нависающие брови. От него несло застарелым потом, ввевшейся в кожу грязью и высохшей мочой, не только от него, от них всех. Ветер разносил эту вонь, резкую и навязчивую, какая бывает от диких лис или куниц. Мужчина увидел, что я узнала его, на секунду губы его сжались и тут же расслабились.

– Миссис Фрэйзер, – сказал он, и все мои мрачные предчувствия стали реальнее под взглядом маленьких умных глаз.

– Кажется, у вас передо мной есть преимущество, сэр, – сказала я, стараясь принять самый храбрый вид, на который была способна. – Мы раньше встречались?

Он не ответил на это. Угол его рта потянулся вверх в ухмылке, но его внимание отвлекли двое мужчин, которые бросились вперед, чтобы забрать бочонок, который Марсали выкатила из тайника. Один из них уже схватил топор, на который я имела виды, и готов был проломить крышку, когда тощий закричал на него.

– Оставь его!

Мужчина оглянулся на него, недоуменно приоткрыв рот.

– Я сказал, оставь! – зашипел тощий, когда он озадаченно перевел взгляд с топора на бочонок и обратно. – Мы заберем его с собой, еще не хватало, чтоб вы сейчас напилась как свиньи!

Повернувшись ко мне и, словно продолжая прерванную беседу, он спросил:

– А где остальное?

– Это все, что есть, – ответила Марсали, прежде чем я успела открыть рот. Она опасливо хмурилась, глядя на него, но была очень зла. – Возьмите его и проваливайте.

Внимание худого мужчины первый раз переключилось на нее, но он лишь мельком окинул ее взглядом и вернулся ко мне.

– Не пытайтесь меня обмануть, миссис Фрэзер. Мне отлично известно, что есть еще, и я его получу.

– Нет. А ну-ка отдай это мне, ты, болван! – Марсали ловко выхватила топор у мужчины рядом с ней и зашипела на худого. – Так вы платите за гостеприимство, а? Грабежом? Ну так берите то, за чем пришли, и отправляйтесь восвояси!

У меня не осталось выбора, кроме как подхватить ее инициативу, хотя в голове у меня звенел сигнал тревоги каждый раз, когда я смотрела на худого мужчину.

– Это правда, – сказала я. – Смотрите сами. – Я указала на солодовню: котлы и цистерны стояли рядом, закрытые и очевидно пустые. – Мы только начинаем солодить. Новая партия виски будет готова еще не скоро.

Нисколько не изменившись в лице, он сделал шаг вперед и с силой вlepил мне пощечину.

Удар был недостаточно сильный, чтобы сбить меня с ног, но голова резко мотнулась в сторону, а на глазах выступили слезы. Мной овладел скорее шок, чем боль, хотя во рту появился отчетливый привкус крови и я чувствовала, как начинает распухать губа. Марсали издала громкий крик удивления и ярости, и я услышала, как мужчины начали с любопытством переговариваться. Они дружно двинулись вперед, окружая нас.

Я прижала к кровоточащей губе тыльную сторону ладони, отстраненно отметив, что она дрожит. Мозг как будто отделился от тела на безопасное расстояние и теперь стремительно перебирал разные предположения, как колоду игральных карт.

Кто эти люди? Насколько они опасны? На что они готовы? Солнце уже садится – сколько времени пройдет, прежде чем хватятся нас с Марсали и пойдут искать? Будет это Фергус или Джейми? Но даже Джейми, если он придет один...

У меня не было никаких сомнений в том, что это именно те, кто спалил хижину Тиджа О'Брайена и устраивали нападения за линией соглашения. Значит, жестокие, но их главная цель – грабеж.

Во рту стоял привкус меди – металлический дух крови и страха. В этих расчетах я провела не более секунды и, когда отняла руку от лица, уже решила, что лучше будет отдать им то, за чем они пришли, и надеяться, что они просто уйдут вместе с виски. Однако мне не дали возможности высказаться: худошавый схватил меня за запястье и сильно выкрутил его. Я почувствовала, как кости сдвинулись и хрустнули, причинив мне чудовищную боль. Не в силах издать ни одного звука, кроме судорожного резкого выдоха, я упала на колени среди сухой листвы.

Марсали закричала и рванулась вперед, внезапно, как потревоженная змея. Она высоко занесла топор и со всей силы вонзила его в плечо стоящего рядом мужчины. Потом Марсали вытащила его, и теплая кровь оросила мое лицо, она брызгала из раны, как дождь, поливающий листву.

Девушка завизжала тонким высоким голосом, раненый тоже закричал в испуге, и вдруг вся поляна пришла в движение. Мужчины с ревом бросились вперед, как внезапный прибой. Я наклонилась вперед и, обхватив худошавого за колени, двинула ему головой в промежность. Он задохнулся, охнув от боли, и упал на меня, придавив к земле. Я выползла из-под распростертого тела, думая только о том, что мне нужно добраться до Марсали, встать между ней и ими, но они облепили ее плотной стеной. Надрывный крик прорезал воздух, заглушаемый ударами кулаков и глухим стуком тел о деревянные стены солодовни. Котелок с углями был в зоне досягаемости. Я схватила его, не чувствуя обжигающего прикосновения раскаленной глины, и швырнула в кучу мужчин. Они заорали и рассыпались в стороны. Я увидела Марсали, прижатую к стене: голова ее лежала на плече, глаза закатились так, что видны были одни белки, ноги широко раскинуты в стороны, а ночнушка разорвана, обнажая тяжелые груди, лежащие на круглом животе.

Потом кто-то ударил меня по голове, и я полетела вбок, раскидывая листья. Я распростерлась на земле, оглушенная, неспособная ни встать, ни двинуться, ни думать, ни говорить. На меня опустилась полная безмятежность, и зрение стало сужаться – казалось, очень медленно, по спирали, закрывается огромная радужка. На земле, буквально в нескольких дюймах от моего носа, лежало гнездо – переплетенные тонкие веточки аккуратно собраны вместе, в образованной ими чаше четыре зеленоватых яйца, круглые и хрупкие – идеальной формы. Потом каблук опустился прямо на яйца, и я погрузилась во тьму.

Меня пробудил запах дыма. Я была без сознания какие-то секунды: кучка сухой травы перед моим лицом только начала заниматься. Раскаленный уголек мерцал на подстилке из золы, усеянной искрами. Высохшие травинки вспыхнули, как нити накаливания в лампе, и в тот самый момент, когда чьи-то руки схватили меня за плечо, поднимая вверх, комок объяло пламя.

Я не вполне пришла в себя, но пыталась колотить своего похитителя. Он подтолкнул меня к одной из лошадей, приподнял и бесцеремонно перекинул через седло с такой силой, что я на секунду потеряла способность дышать. Мне едва хватило сил и времени, чтобы схватиться за кожаный ремень стремени, как кто-то хлопнул кобылу по крупу, и она припустила рысцой, попутно причиняя мне массу неудобств. От головокружения и тряски все, что я видела, казалось разрозненным, фрагментарным, как осколки разбитого зеркала. Но мне удалось мельком разглядеть Марсали: она лежала как тряпичная кукла среди дюжины маленьких костров, а разбросанные вокруг угли продолжали тлеть, разжигая огромное пламя.

Я издала придушенный звук, пытаясь позвать ее, но мой крик затерялся в звяканье сбруи и голосах мужчин, которые тревожно обсуждали что-то совсем рядом.

– Ты совсем сбрендил, Ходж? Тебе не нужна эта женщина, верни ее!

– Не буду, – голос низкорослого звучал резко, но уверенно. – Она приведет нас к виски.

– Виски нам мертвым уже не пригодится, Ходж! Это жена Джейми Фрэзера, черт тебя побери!

– Я знаю, кто она такая. Давай двигай!

– Но он... Ты не знаешь этого человека, Ходж! Я видел его однажды...

– Избавь меня от своих воспоминаний. Двигай, я сказал!

Последнее было прервано внезапным жестким тычком и удивленным вскриком боли. Рукоятка пистолета, поняла я, удар по лицу. Я сглотнула, прислушиваясь к влажным всхлипам человека со сломанным носом. В мои волосы больно вцепилась рука и потянула вверх. Сверху на меня смотрел низкорослый, задумчиво сузив глаза. По всей видимости, он просто хотел убедиться, что я жива, потому что ничего не сказал и безразлично отпустил мою голову, как если бы я была шишкой, которую он подобрал по пути.

Кто-то вел лошадь, на которой я лежала, в поводу, и еще несколько мужчин шли пешком. Я слышала, как они переговариваются, время от времени переходя на бег, как хрипят и грохочут, будто свиньи в подлеске, чтобы успеть за лошадьми, которые уже начали подъем.

Я не могла нормально дышать, мне удавалось делать только короткие судорожные вдохи, меня немилосердно трясло на седле, но мне некогда было думать о физическом дискомфорте. Марсали мертва? Было похоже на то, но я не видела крови и цеплялась за эту маленькую деталь, пытаясь найти в ней хотя бы временное утешение.

Если она не была мертва тогда, она может умереть позже. От полученных травм, шокового состояния, внезапного выкидыша... Боже, боже, бедный monsieur L'Oeuf... В отчаянии я крепко вцепилась в кожаные ремни стремени. Кто может ее обнаружить и когда?

До ужина оставалось чуть больше часа, когда я дошла до солодовни. Сколько времени сейчас? Я смутно видела мелькающую внизу землю, но мои волосы растрепались и падали на лицо всякий раз, как я пыталась поднять голову. В воздухе разливалась вечерняя прохлада, свет казался неподвижным, солнце все еще висело где-то около линии горизонта. Уже через

несколько минут начнет смеркаться. И что потом? Когда они начнут поиски? Фергус заметит отсутствие Марсали, когда поймет, что она не вернулась приготовить ужин. Но пойдет ли он искать ее сам с девочками на руках? Нет, он пошлет Германа. Эта логическая цепочка заставила сердце подскочить и застрять прямо в горле. Для пятилетнего мальчика найти свою маму...

Я по-прежнему чувствовала дым. Я несколько раз втянула в себя воздух, надеясь, что вообразила запах. Но поверх пыли и лошадиного пота, седельной кожи и сока раздавленной зелени я ясно чувствовала вонь пожара. Поляну или солодовню, или и то и другое, теперь уже всерьез охватило пламя. Кто-нибудь увидит дым и придет. Но успеет ли вовремя?

Я крепко зажмурила глаза, стараясь не думать, ища любой повод отвлечься, только чтобы не видеть в своем воображении картину, которая могла разворачиваться у меня за спиной.

Поблизости по-прежнему слышались голоса. Снова мужчина, которого они звали Ходжем. Должно быть, я ехала на его лошади – он шел впереди, возле ее головы. Кто-то еще яростно спорил с ним, но пользы от этого было не больше, чем в прошлый раз.

– Раздели их, – говорил он резко. – Подели людей на две группы, ты поведешь одну, другие пойдут со мной. Встретимся снова через три дня в Браунсвиле.

Проклятье. Он ожидал погоню и хотел сбить их со следа, разделившись. Я судорожно стала думать, что можно уронить по пути: наверняка должно быть что-то, что поможет ему понять, в какую сторону меня увели. Но из одежды на мне была только нижняя рубашка, корсет и чулки, ботинки я потеряла, когда меня тащили к лошади. Чулки казались единственным вариантом, однако в этот раз я особенно туго закрепила подвязки, и они были вне зоны досягаемости.

Вокруг стоял шум от движения мужчин и лошадей: компания разделялась, они перекрикивались и махали друг другу. Ходж прищпорил лошадь, и мы стали двигаться быстрее. Когда мы проезжали мимо какого-то куста, мои свободно висящие волосы всерьез зацепились за ветку, а затем оторвались с неприятным болезненным «пиииин» – ветка дернулась и отрисетила мне по скуле, чуть не угодив прямо в глаз. Я выкрикнула нечто очень грубое, и кто-то, надо думать, Ходж, предостерегающе хлопнул меня по заднице. Сквозь стиснутые зубы я процедила еще более грубое оскорбление. Моим единственным утешением была мысль о том, что выследить банду, которая оставляет столько следов в виде переломанных веток, следов копыт и перевернутых камней, будет совсем не сложно.

Я видела, как Джейми преследуют создания всех видов – крохотные и незаметные, крупные и тяжелые, видела, как он смотрит на древесную кору, на сломанные ветки, проверяя, нет ли на первой царапин и не запутались ли в кустах предательские клочки... волос.

С той стороны, где висела моя голова, никого не было. Я стала торопливо выдергивать волоски. Три, четыре, пять – будет ли этого достаточно? Я вытянула руку и провела ей по кусту падуба, длинные курчавые волосы заколыхались от движения лошади, но остались висеть на зазубренных листьях.

Я провернула это еще четыре раза. Он наверняка увидит хотя бы одну из моих «хлебных крошек» и будет знать, каким путем идти, если только не двинется по ложному следу. Больше я не могла сделать ничего, кроме как помолиться, – так я и поступила, я стала истово читать молитвы, в первую очередь прося за Марсали и несчастного *monsieur L'Oeuf*, которые нуждались в помощи гораздо больше меня.

Мы шли в гору еще довольно много времени. Темнота опустилась задолго до того, как отряд достиг вершины хребта. Я была почти без сознания, кровь стучала в висках, а корсет и подвязки так впивались в кожу, что каждый китовый ус ощущался как свежее клеймо на теле.

У меня хватило сил только на то, чтобы сползти с лошади и мешком свалиться на землю. Голова кружилась, я хватала ртом воздух, растирая распухшие от долгого висения запястья.

Мужчины встали в круг и тихо переговаривались, но они были слишком близко, чтобы мне удалось удрать в густые кусты папоротника. Один стоял всего в нескольких футах и не сводил с меня глаз. Я обернулась назад одновременно в надежде и страхе увидеть зарево пожара внизу. Огонь привлек бы чье-то внимание, этот кто-то узнал бы, что произошло, и к этому времени уже должен был поднять тревогу и организовать погоню. И все же... Марсали. Неужели они с ребенком уже мертвы?

Я слотнула, напряженно всматриваясь в темноту, столько же чтобы сдержать подступающие слезы, сколько и надеясь разглядеть что-нибудь. Однако вокруг густо росли деревья, и я не видела ничего, кроме чернильных оттенков тьмы.

Света не было: луна еще не поднялась, а звезды по-прежнему лишь бледно мерцали. Глаза уже привыкли к темноте, и, хотя кошкой я не была, все же могла примерно прикинуть количество похитителей. Они ругались, то и дело поглядывая на меня. Может, дюжина человек... А сколько было сначала? Двадцать? Тридцать?

Я сжала дрожащие пальцы. Запястья были все в синяках, но не это меня тревожило.

Мне было ясно, а значит, было, скорее всего, ясно и им, что идти к складу виски сейчас нельзя, даже если мне удастся его найти в ночи. Выжила Марсали или нет, мое горло сжалось от этой мысли, Джейми поймет, что целью пришельцев было виски, и выставит охрану.

Если бы все не пошло наперекосяк, мужчины бы просто заставили меня вывести их к складу и исчезли, надеясь скрыться до того, как кража будет обнаружена. Оставили бы они нас с Марсали в живых, зная, что мы можем поднять тревогу и описать их? Может, да, а может, и нет. Но в хаосе, последовавшем за нападением Марсали, первоначальный план развалился. И что теперь?

Мужчины начали выходить из круга, хотя споры продолжались. Ко мне приближались шаги.

– Говорю тебе, так не пойдет, – горячо настаивал какой-то мужчина. По гнусавому голосу я поняла, что это джентльмен со сломанным носом, – очевидно, недавняя травма его не усмирила. – Убей ее сейчас. Оставь здесь. Ее никто не успеет найти до того, как звери растащат кости.

– Да ну? Если ее никто не найдет, они подумают, что она все еще у нас, так ведь?

– Но если Фрэзер нагонит нас, а ее нет, кого он сможет обвинить...

Четверо или пятеро окружили меня. Я с трудом поднялась на ноги, рефлекторно схватив первый предмет, который напоминал оружие и, увы, оказался всего лишь небольшим камнем.

– Как далеко мы от виски? – требовательно спросил Ходж. Он снял шляпу, и в темноте его глаза мерцали, как у крысы.

– Я не знаю, – ответила я, стараясь держать в руках себя и камень. Губа по-прежнему была распухшей от его оплеухи, и мне приходилось тщательно выговаривать слова. – Я не знаю, где мы.

Это было правдой, хотя я могла примерно предположить. Мы ехали несколько часов, преимущественно вверх, вокруг нас стояли пихты – я чувствовала острый и чистый запах смолы. Мы остановились где-то на верхних склонах, вероятно, недалеко от небольшого перевала.

– Убей ее, – потребовал кто-то. – Она не принесет нам ничего хорошего, и если Фрэзер найдет ее у нас...

– Закрой свой вонючий рот! – Ходж развернулся к говорящему так резко, что мужчина, много крупнее его, невольно отступил назад. Избавившись от этого недоразумения, Ходж обернулся назад и схватил меня за руку.

– Не надо играть со мной дурочку, женщина. Ты скажешь мне, что я хочу знать. – Он не стал утруждать себя фразой «или...», вместо этого что-то холодное скользнуло по моей груди, а за ним последовал жаркий росчерк пореза, рана расцвела кровью.

– Иисус твою Рузвельт Христос! – выдала я скорее от удивления, чем от боли, и выдернула руку из его цепких пальцев. – Я уже сказала, я даже не знаю, где мы, идиот! Как, по-твоему, я могу показать дорогу?

Он ошарашенно хлопнул глазами и рефлекторно поднял нож, как будто ожидал, что я могу напасть. Осознав, что у меня нет такого намерения, он набычился.

– Я скажу тебе, что знаю, – сказала я и отстраненно похвалила себя за то, как ровно и спокойно звучал мой голос. – Склад виски примерно в полумиле от солодовни, строго на северо-запад. Он в хорошо спрятанной пещере. Я могу привести вас туда, если мы начнем с места, откуда вы меня забрали. Это все, что я могу вам сказать по части направления.

Это тоже было правдой. Я с легкостью могла найти место, но раздавать указания? «Идите сквозь прогалину в кустах, пока не увидите дубовую рожицу, где Брианна пристрелила опоссума, возьмите правее, в сторону квадратного камня, вокруг которого растет ужомник...» Мысль о том, что я им была нужна только в качестве гида, и это единственная причина, по которой я пока была жива, пришла мне в голову в последнюю очередь.

Порез был совсем незначительный: кровотечение оставалось слабым. Но ноги и руки были ледяными, а перед глазами носились белые мушки. В вертикальном положении меня удерживало только убеждение в том, что уж если умирать, то стоя.

– Говорю тебе, Ходж, ты не хочешь иметь с ней никаких дел, никаких. – К группе возле меня присоединился крупный мужчина. Он наклонился к плечу Ходжа и кивнул на меня. В темноте они все казались черными, но в его голосе звучал заметный африканский акцент – бывший раб или, возможно, работороговец. – Эта женщина, я слышал о ней. Она колдунья, я знаю таких. Они как змеи, эти колдуньи. Не прикасайся к ней, слышишь? Она проклянет тебя!

Я сумела разразиться недобрым смехом в ответ на его ремарку, и мужчина, стоявший ко мне ближе всего, сделал шаг назад. Я слегка удивилась – откуда это взялось? Но дышать стало легче, а мушки перед глазами исчезли. Высокий мужчина выпрямил шею, заметив темную полосу крови на моей рубашке.

– Ты пролил ее кровь? Черт тебя побери, Ходж, теперь нам конец! – В его голосе звучала неприкрытая тревога, он отпрянул назад, совершив в мою сторону какой-то жест одной рукой.

Не сознавая, что именно заставило меня это сделать, я уронила камень, провела правой рукой по порезу и одним быстрым движением прижала пальцы к щеке худощавого мужчины. Я снова недобро рассмеялась.

– Значит, проклятие? Ну и как тебе такое? Тронешь меня еще раз, умрешь в следующие двадцать четыре часа.

Пятна крови темнели на бледном овале его лица. Он был так близко, что я чувствовала его кислое дыхание и видела, как в нем закипает ярость. «Какого черта ты делаешь, Бичем?» – подумала я, удивленная своим поведением. Ходж занес руку, чтобы ударить меня, но крупный мужчина перехватил его запястье с испуганным вскриком.

– Не смей этого делать! Ты всех нас погубишь!

– Да я убью тебя прямо сейчас, тварь!

Ходж по-прежнему сжимал нож в другой руке, он неловко воткнул его в крупного мужчину, хрипя от ярости. Здоровяк ахнул от неожиданности, но сильно ранен не был, в ответ он скрутил запястье Ходжа, и тот завизжал от боли, как кролик, угодивший в лапы к лисице. Тут же включились остальные, крича и толкаясь, хватаясь за оружие. Я развернулась и побежала, но не успела сделать и пары шагов, как кто-то схватил меня и крепко прижал к себе.

– Никуда вы не пойдете, леди, – сказал он, тяжело дыша мне в ухо.

Пойти я уже не могла. Он был не выше меня, но куда сильнее. Я попыталась вырваться, но он обхватил меня обеими руками и сжал крепче. Сердце у меня колотилось от злости и страха, я замерла, чтобы не давать ему повода меня наказать. Он был возбужден, сердце у него тоже колотилось, и я чувствовала запах свежего пота поверх воня старой одежды и невымытого тела.

Мне было не видно, что происходит, но, кажется, теперь они больше ругались, чем дрались. Мой захватчик неловко переступил с ноги на ногу и прочистил горло.

– Хм... откуда вы, мэм? – спросил он неожиданно вежливо.

– Что? – переспросила я, совершенно сбита с толку. – Откуда я? Ээ... ммм... Англия. Окфордшир. А потом Бостон.

– О? Я тоже с севера.

Я сдержала автоматическое желание ответить «приятно познакомиться», поскольку знакомиться мне было совсем неприятно, и разговор затух.

Драка закончилась так же неожиданно, как началась. После ритуального рычания и ругательств большинство мужчин отступили под натиском гневных реплик Ходжа, который орал, что он здесь главный и они, так их разэтак, будут делать, что он говорит, или им придется взять на себя последствия.

– Он не пустослов, – пробормотал мой охранник, все еще крепко прижимая меня к вонючей груди. – Уж поверьте мне, леди, вам вовсе не хочется перебежать ему дорогу.

– Мхм, – промычала я, хотя предполагала, что совет был искренний. Я надеялась, что ссора будет длинной и шумной, что могло бы увеличить шансы Джейми нагнать нас.

– И откуда взялся этот Ходж, раз уж мы говорим о корнях? – спросила я. Он по-прежнему казался мне до ужаса знакомым, я была уверена, что видела его где-то – но где?

– Ходжепил? Хмм... Из Англии, я думаю, – ответил сжимающий меня молодой человек. Его голос звучал удивленно. – Разве не слышно?

Ходж? Ходжепил? Я точно слышала это имя раньше, но...

Вокруг слышались возня и приглушенные перепалки, но уже скоро, слишком скоро, мы снова были в пути. В этот раз, благодарение Господу, мне позволили ехать верхом, хотя мои руки были привязаны к седлу передо мной. Мы двигались очень медленно. Перед нами было подобие тропинки, но даже в слабом свете поднимающейся луны идти было трудно. Ходжепил больше не вел лошадь, на которой я сидела, – его сменил молодой мужчина, который говорил со мной, он тянул и понукал все более непокорную кобылу. Я то и дело выхватывала его силуэт из темноты: высокий и стройный, с густыми буйными волосами, которые свисали на плечи и напоминали львиную гриву.

Угроза скорой смерти на время отступила, но желудок по-прежнему был как будто скручен в узел, а мышцы спины напряжены. Ходжепил пока что стоял на своем, но среди мужчин не было согласия. Тот самый, который хотел убить меня и оставить мой труп на разорение скунсам и ласкам, легко мог положить конец спорам, напав на меня под покровом ночи.

Я слышала голос Ходжепила, резкий и менторский, где-то впереди. Видимо, он двигался туда и обратно вдоль колонны, запугивая, прикрикивая и шпыняя, как пастушья собака, которая пытается заставить стадо двигаться.

И они двигались, хотя даже мне было ясно, что лошади сильно устали. Та, на которой ехала я, спотыкалась и раздраженно мотала головой. Бог знает, откуда явились мародеры и как долго они были в пути до того, как пришли к солодовне. Люди тоже шли все медленнее, незаметно, по мере того как адреналин от побега и драки испарялся, на них опускалась усталость, словно ночной туман. Я чувствовала, как сама проваливаюсь в забытие, и боролась со сном, пытаясь контролировать ситуацию.

Стояла ранняя осень, но на мне были только рубашка и корсет, к тому же мы были довольно высоко, а здесь воздух с наступлением темноты остывал быстрее. Я непрестанно дрожала, и порез на груди обжигал болью каждый раз, когда крошечные мышцы сокращались под кожей. Рана была несерьезной, но что, если туда попадет инфекция? Я надеялась только, что я проживу достаточно долго, чтобы это могло стать проблемой.

Как я ни старалась, я не могла удержаться от мыслей о Марсали и от предположений медицинского характера – я рассмотрела все, начиная от сотрясения мозга с внутричерепным

отеком и заканчивая ожогами легких. Я могла бы кое-что сделать, например неотложное кесарево сечение, если бы я была там. Никто другой не сможет. Я крепко вцепилась в край седла, натянув веревку. Я должна быть там!

Но я не была и могла никак не оказаться.

Споры и бормотание утихали по мере того, как темнота леса опускалась на нас, но тягостное чувство тревоги висело над отрядом. Я предполагала, что частично причина была в опасениях и страхе погони, но гораздо больше всех беспокоили внутренние разногласия. Драка не была закончена, всего лишь отложена на неопределенный срок. Ощущение конфликта висело в воздухе. И я была предметом этого конфликта. У меня не было возможности проследить за спором, и поэтому я не была уверена, кто из них каких взглядов придерживался. Однако расклад был примерно ясен: часть людей под предводительством Ходжа считали, что я нужна им живой, по крайней мере до того, как они найдут виски. Другая же часть была за то, чтобы резать концы, а значит, и мою глотку. И меньшинство в лице джентльмена с африканским акцентом выступало за то, чтобы освободить меня, – чем быстрее, тем лучше.

Разумеется, мне стоило работать с этим джентльменом и попытаться обратить его убеждения себе на пользу. Как? Я неплохо начала, прокляв Ходжепила, и до сих пор была очень удивлена своим импульсом. Проклинать их всех, на мой взгляд, было бы не очень мудро – испортило бы эффект.

Я заерзала в седле, которое начало довольно неприятно натирать. Это было не первый раз, когда мужчины испытывали по отношению ко мне суеверный страх. Чужие предрассудки могут быть хорошим оружием, но и очень опасным в использовании. Если я всерьез напугаю их, они убьют меня не мешкая.

Мы пересекли перевал. Редкие деревья росли здесь между скалами, и, когда мы выехали на дальнюю сторону горы, моему взору открылось бескрайнее, сияющее мириадами звезд небо.

Должно быть, я восхищенно выдохнула, потому что ведущий мою лошадь молодой человек вдруг остановился, подняв голову вверх.

– О! – тихо сказал он. Секунду он глядел, но затем мимо нас прошла другая лошадь, и ее толчок вернул его с небес на землю. Наездник обернулся на меня, недобро глядя в темноте.

– Есть такие звезды там, откуда вы родом?

– Нет, – ответила я, все еще под впечатлением от безмолвной панорамы, развернувшейся над нашими головами. – Не такие яркие.

– Не такие, – сказал он, качая головой, и потянул поводья. Это показалось мне странным замечанием, но я не знала, что с ним делать. Я могла бы продолжить разговор, видит бог, мне нужны были все союзники, каких я смогу заполучить, но тут впереди послышался крик: очевидно, мы разбивали лагерь. Меня отвязали и сняли с лошади. Ходжепил пробрался сквозь толпу и схватил меня за плечо.

– Попробуй только сбежать, и крупно об этом пожалеешь, женщина. – Он сжал ладонь, вонзая ногти поглубже в мою кожу. – Ты мне нужна живая, но не обязательно целиком.

По-прежнему держа меня за плечо, он поднял нож и прижал лезвие к моим губам, ткнул острым концом в основание носа, а потом наклонился так близко, что я почувствовала влажную теплоту его зловонного дыхания на лице.

– Единственное, чего я отрезать не стану, это твой язык, – прошептал он. Лезвие неторопливо скользнуло вниз к подбородку, вдоль шеи, обвело силуэт груди. – Понимаешь, о чем я?

Он подождал, пока я не кивнула, затем отпустил меня и исчез в темноте. Если его целью было лишить меня самообладания, он прекрасно с этим справился. Несмотря на прохладу, меня пробил пот и я мелко дрожала. Надо мной нависла высокая фигура, она взяла меня за руку и вложила что-то мне в ладонь.

– Меня зовут Тэббе, – прошептал он. – Запомните – Тэббе. Запомните, что я был добр к вам. Скажите духам, чтобы не трогали Тэббе, потому что он был к вам добр.

Я снова кивнула, на этот раз немного ошарашенно, и осталась одна с куском хлеба в руке. Торопливо поедая его, я заметила, что он уже довольно черствый, но когда-то был хорошей ржаной буханкой, какие пекут немки из Салема. Они ограбили какой-то дом в округе или просто купили хлеб? Лошадиное седло бросили на землю подле меня: с передней луки свисала фляга с водой, и я опустила на колени, чтобы попить. Хлеб и вода, по вкусу напоминавшие парусину и дерево, показались мне самой вкусной едой в жизни. Я и прежде замечала, что близость смерти заметно улучшает аппетит. И все же я надеялась на что-то более основательное в качестве последней трапезы.

Ходжепил вернулся спустя несколько минут с веревкой. Он не стал утруждать себя дальнейшими угрозами, явно чувствуя, что донес до меня все, что хотел. Он просто связал мою руку со стопой и толкнул на землю. Никто не говорил со мной, но какой-то человек милосердно набросил на меня одеяло.

Лагерь разбили очень быстро. Огонь не разжигали и не готовили ужин: видимо, мужчины подкрепились примерно тем же, что и я, а потом рассеялись по лесу, оставив лошадей чуть в стороне.

Я дождалась, пока все утихло, взяла одеяло в зубы и аккуратно поползла в сторону от того места, где меня оставили. Как червяк, я добралась до другого дерева в дюжине ярдов от меня. У меня не было намерения сбежать таким образом, но, если под покровом ночи кто-нибудь из бандитов решит на меня напасть, я не собиралась давать им преимущество, лежа там как жертвенное животное. Если кто-нибудь придет к тому месту, где я лежала, у меня будет достаточно времени, чтобы позвать на помощь.

У меня не было и тени сомнения, что Джейми придет за мной. Моей задачей было выжить до его появления.

Задыхаясь и потев, облепленная сухой листвой и с разодранными в хлам чулками, я свернулась под большим грабом, укутавшись в одеяло. Таким образом, хорошо скрытая от посторонних глаз, я попыталась развязать узлы на запястьях зубами. Однако завязывал их Ходжепил и сделал это с армейским старанием. Я вгрызалась в веревку, как суслик, но безрезультатно.

Армия. Это слово внезапно помогло мне вспомнить, кто он такой и где я видела его прежде. Арвин Ходжепил! Он был клерком на королевском складе в Кросс-Крике. Я мельком видела его три года назад, когда мы с Джейми привезли мертвую девушку к сержанту гарни-зона, расположившегося там.

Сержант Мурчисон был мертв, и я думала, что Ходжепил тоже погиб в пожаре, который уничтожил склад и все его содержимое. Значит, дезертир. Либо ему удалось выбраться со склада до того, как он запылал, либо его просто там не было, когда все случилось. В любом случае он оказался достаточно умен, чтобы использовать шанс и по-тихому покинуть армию Его Величества, позволив им считать себя погибшим.

Чем он занимался с той поры, было ясно – бродил по округе, занимаясь грабежами, убийствами и собирая по пути шайку таких же, как он сам.

Хотя сейчас выяснялось, что не такие уж они и одинаковые. Пока что Ходж был самопровозглашенным лидером банды, но было понятно, что долго в этой роли он не продержится. Он не привык командовать, не знал, как управлять людьми, кроме как при помощи угроз. Я повидала много военных командиров на своем веку, хороших и плохих, и знала разницу.

Даже сейчас я слышала, как где-то вдалеке он спорит с кем-то на повышенных тонах. Я видела таких раньше – жестоких людей, которые на время могли подчинить окружающих своей воле, пользуясь вспышками неконтролируемой ярости. Они редко оставались на одной позиции долго, и я сомневалась, что Ходжепилу удастся доказать обратное.

Он не продержится дольше того времени, что понадобится Джейми, чтобы найти нас. Эта мысль успокоила меня, как глоток хорошего виски. Он наверняка уже в пути.

Я сжалась, как младенец в материнской утробе, под одеялом, мелко дрожа. Джейми понадобится свет, чтобы выслеживать нас ночью, факелы. Это сделает его и весь отряд видимым, а значит, поставит их под угрозу, если они подойдут близко к лагерю. Сам же лагерь будет незаметен для чужого глаза: огня не разжигали, а люди и лошади были раскиданы по лесу. Я знала, что Ходж выставил дозорных: слышала, как они бродят туда-сюда и приглушенно переговариваются.

Но Джейми ведь не дурак, говорила я себе, стараясь отогнать картины засады и кровопролития. По свежести лошадиного помета он поймет, насколько они близко, и, разумеется, не пойдет напрямик к лагерю с горящими факелами. Если он уже прошел так далеко, то...

Я замерла от звука осторожных шагов. Они раздавались с места, где я лежала до этого, и я полностью скрылась под одеялом, словно полевка, заметившая ласку. Шаги покружили невдалеке, кто-то ходил по сухой листве и сосновым иголкам, ища меня. Я задержала дыхание, хотя меня явно не могли услышать из моего укрытия – ветер шумел в кронах над лагерем.

Я напрягла глаза, вглядываясь в темноту, но не смогла рассмотреть ничего, кроме смутной тени,двигающейся среди древесных стволов в дюжине ярдов от меня. Внезапно меня посетила мысль, а не может ли это быть Джейми? Если он подобрался достаточно близко к лагерю, то, скорее всего, он потихоньку пробрался бы сюда, пока еще темно, чтобы найти меня.

Я нервно вдохнула, натянув веревки. Мне хотелось позвать его, но я не рискнула. Если это Джейми, то крик привлечет к нему внимание бандитов. Я слышала дозорных, а значит, и они услышат меня.

Но если это не Джейми, а один из моих похитителей, который хочет по-тихому меня прикончить...

Я медленно выдохнула, каждая мышца моего тела была напряжена и дрожала. Было совсем не жарко, но я вся покрылась потом. Я чувствовала запах собственного тела – страх, смешанный с холодными запахами земли и леса.

Тень исчезла, шаги стихли, сердце колотилось, как молот под ребрами. Слезы, которые я сдерживала вот уже много часов, горячо брызнули из глаз, и я зарыдала, безмолвно вздрагивая.

Темнота ночи вокруг меня была непроницаема и дышала угрозой. Над головой настороженно и ярко сияли звезды, в какой-то момент я уснула.

Глава 28

Проклятия

Я проснулась незадолго до рассвета, грязная, вся в поту и с пульсирующей болью в висках. Мужчины уже были на ногах и ворчали по поводу отсутствия кофе и завтрака.

Ходжепил остановился возле меня, глядя вниз недобро сощуренными глазами. Он посмотрел на дерево, где оставил меня ночью, а потом на глубокий след, который я оставила в опавшей листве, когда ползла к своему нынешнему укрытию. Губы у него были слишком тонкие, чтобы что-то выразить, но нижняя челюсть сморщилась от недовольства. Он вытащил нож из-за пояса, и я почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Однако он лишь опустил на колени и разрезал веревки, вместо того чтобы отрезать мне палец в соответствии с выражением лица.

– Мы отправляемся через пять минут, – сказал он и исчез. Я дрожала, от страха меня подташнивало, а мышцы так затекли, что я едва могла стоять. Все же я сумела подняться на ноги и дойти до маленького ручья неподалеку.

Воздух был влажный и я озябла в своей пропитанной потом рубашке, но холодная вода, которой я помыла руки и ополоснула лицо, немного помогла унять пульсирующую боль за правым глазом. Времени хватило ровно на то, чтобы совершить нехитрый туалет, я сняла с себя

лохмотья чулок и провела мокрыми пальцами по волосам, потом явился Ходж конвоировать меня к лошади.

Я снова ехала верхом, на этот раз, слава богу, меня не стали связывать, но и поводья держать не позволили. Мою лошадь вел один из бандитов. Мы вышли из леса, и я наконец-то смогла рассмотреть своих похитителей. Они шагали нестройной колонной, кашляя, плюясь и облегчаясь на деревья, не стесняясь моего присутствия. Я насчитала еще двенадцать человек, кроме Ходжепила, – чертова дюжина.

Было несложно найти мужчину по имени Тэббе – кроме необычайно высокого роста, он оказался мулатом. Я заметила еще одного человека смешанных кровей, похоже, индейской и африканской, но он был низким и коренастым. Тэббе не смотрел в мою сторону, он шел нахмурившись, с опущенной головой. Это меня обескуражило. Я не знала, что произошло между мужчинами ночью, но, очевидно, Тэббе уже не был так настойчив, как вчера. Его запястье было обвязано платком в бурых пятнах, быть может, его появление имело отношение к этой перемене.

Парня, который вел мою лошадь вчера, тоже было легко опознать по длинным взлохмаченным волосам. Он тоже не подходил близко и избегал смотреть на меня. К моему удивлению, он оказался индейцем, не чероки, может, тускарора? Ни по его речи, ни по прическе я не могла такого предположить. Он тоже был явным полукровкой.

Остальные были белыми, но вся компания тем не менее выглядела разношерстной. Среди мужчин шагали трое мальчишек-подростков с едва проклюнувшейся бородой, потрепанные и долговязые. Они глазели на меня, приоткрыв рот и тыкая друг друга в ребра. Я посмотрела на одного из них и не отводила глаз до тех пор, пока не встретила с ним взглядом, – паренек покраснел до кончиков жидких усов и отвернулся.

К счастью, моя рубашка была с рукавами и скрывала все, начиная с шеи и заканчивая серединой голени, но я все же чувствовала себя выставленной на всеобщее обозрение. Ткань промокла и противно прилипла к изгибам моей груди. Я жалела, что не смогла оставить при себе одеяло.

Мужчины окружали меня со всех сторон, нагружали лошадей, и у меня появилось четкое, неприятное ощущение, будто я стала яблочком в центре мишени. Я надеялась только на то, что в своем потрепанном состоянии выгляжу достаточно старой и непривлекательной, отталкивающей для них. Мои волосы были распущены, спутаны и стояли вокруг головы, как ведьмин мох, чувствовала я себя при этом чем-то вроде помятого бумажного пакета.

Я старалась держаться прямо в седле и недобро зыркала на всякого, кто поглядывал в мою сторону. Один мужчина нерешительно посмотрел на голую ногу, что-то прикидывая в уме, но сразу же сморщился от отвращения, когда встретился со мной глазами. Это происшествие подарило мне чувство мрачного удовлетворения, которое почти мгновенно сменилось шоком.

Лошади начали двигаться, и когда моя послушно последовала за мужчиной впереди, я увидела двоих, стоящих под большим дубом. Я знала обоих.

Харли Бобл завязывал ремни на вьючном седле и хмурился, говоря что-то второму, более крупному мужчине. Харли был когда-то поимщиком воров, а теперь, видно, и сам стал вором. Этот гадкий персонаж вряд ли будет ко мне расположен после случившегося некоторое время назад собрания. Я была совсем не рада встрече, но совсем не удивлена обнаружить его в такой компании. А вот его компаньон заставил мой желудок сжаться, а кожу задергаться, как у лошади, которую облепили мухи.

Мистер Лайонел Браун из Браунсвила.

Он поднял глаза, заметил меня и спешно отвернулся, ссутулив плечи. Должно быть, он понял, что я заметила его, потому что почти сразу развернулся, на лице его застыло выражение утомленности и пренебрежения. Нос распух и выглядел как большая темно-красная шишка

даже в сероватом утреннем свете. Какую-то секунду он смотрел на меня, затем кивнул, как бы нехотя признавая наше знакомство, и снова повернулся ко мне спиной.

Я осторожно оглянулась назад, когда мы снова оказались в тени деревьев, но не смогла его увидеть. Что он здесь делал? Мне сразу не удалось узнать его голос, но явно именно он спорил с Ходжепиллом о том, насколько разумно забирать меня с собой. Ничего удивительного! Он был не единственным, кого тревожило наше знакомство.

Лайонел Браун и его брат Ричард были торговцами, основателями и патриархами Браунсвиля, крошечного поселения среди холмов в сорока милях от Риджа. Одно дело, когда в окрестностях разбойничает отребье вроде Бобла или Ходжепила, поджигая и грабя дома, и совсем другое, когда Брауны из Браунсвиля поддерживают их в этих бесчинствах. Теперь последнее, чего мог бы желать мистер Лайонел Браун, – это чтобы я добралась до Джейми с информацией о том, чем он занимается.

Я была склонна думать, что он предпримет определенные шаги, чтобы у меня этого не получилось. Уже поднималось солнце, и воздух стал теплее, но я вся похолодела, будто провалилась в колодец.

Солнечные лучи проникали сквозь кроны, золотя остатки ночного тумана, что окутывал деревья, серебря края влажных листьев. Среди ветвей заливались птицы, фазан пританцовывал в столпе света, безучастный к проходящим мимо людям и лошадям. Было еще слишком рано для мошек и комаров, легкий утренний бриз ласкал лицо. Один из тех моментов, где только человек вызывает отторжение.

Утро прошло довольно спокойно, но я чувствовала накопившееся между мужчинами напряжение, хотя я сама едва ли была напряжена меньше. Джейми Фрэзер, где же ты? Я без устали вглядывалась в лес вокруг. Любой далекий шорох, скрип ветки мог предшествовать спасению, нервы были истрепаны от постоянного ожидания.

Где? Когда? Как? У меня не было ни поводьев, ни оружия. Если точнее, когда начнется атака на отряд, лучшей и единственной стратегией будет спрыгнуть с лошади и бежать. Пока мы ехали, я присматривалась к каждому кусту гамамелиса, к каждой еловой рощице, прокладывая воображаемый путь, планируя, как буду петлять в подлеске между валунами.

Я готовилась не только к атаке Джейми и его людей: я не видела Лайонела Брауна, но знала, что он близко. Мышцы между лопатками сжались в твердый комок, предчувствуя нож. Я искала глазами возможное оружие: камни подходящего размера, ветки, которые можно поднять с земли. Если я побегу... Когда я побегу, я никому не позволю себя остановить. Но мы шли вперед, двигаясь так быстро, как того позволяли лошади, мужчины постоянно оборачивались через плечо, держа руки на кобуре. Я же была вынуждена отказываться от каждого нового потенциального орудия, когда оно оказывалось позади и вне моей досягаемости.

К моему неудовольствию, мы благополучно достигли ущелья к полудню. Я однажды была здесь вместе с Джейми. Здесь с гранитной скалы в шестьдесят футов высотой низвергался бурлящий поток, он искрился десятками радуг и ревел, как трубы архангела Михаила. Водопад обрамляли заросли красного аронника и дикого индиго, желтые тополя нависали над рекой за широкой и кипучей водной чашей, да так густо, что отблески от воды едва можно было различить среди буйной зелени. Ходжепил, конечно, не оценил местные красоты.

– Слезай, – раздался грубый голос под моим локтем, и, посмотрев вниз, я увидела Тэббе. – Мы будем переправлять лошадей. Ты пойдешь со мной.

– Я возьму ее.

Сердце мое подлетело куда-то к горлу от гнусавого обертона, какой придает голосу разбитый нос. Это был Лайонел Браун, пробирающийся сквозь густую сеть лиан и пристально глядящий на меня.

– Не ты. – Тэббе повернулся к Брауну, сжав кулаки.

– Не ты, – твердо повторила я. – Я иду с ним. – С этими словами я соскользнула с лошади и быстро спряталась за угрожающей фигурой мулата, выглядывая на Брауна из-за крупной руки.

Я не питала иллюзий относительно намерений Брауна. Он не рискнет убивать меня на глазах у Ходжепила, но может, осуществляя свою затею, при возможности с легкостью меня утопить и сказать потом, что это был несчастный случай. Река здесь была довольно мелкая, но быстрая, я слышала, как свистит вода у каменистых берегов.

Браун глянул сначала направо, потом налево, размышляя, стоит ли рисковать, но Тэббе набылчился, и враг отступил. Он фыркнул, сплюнул в сторону и поплелся назад, ломая ветки. Лучшего шанса мне не представится. Не дожидаясь, пока шаги Брауна стихнут, я схватила здоровяка за локоть и сжала его руку что есть сил.

– Спасибо, – прошептала я. – За то, что вы сделали прошлой ночью. Вам очень досталось?

Он посмотрел на меня сверху вниз с явным опасением на лице. Мое прикосновение его, судя по всему, смутило. Я чувствовала, как напряглась его рука, пока он решал, оттолкнуть меня или нет.

– Нет, – сказал он наконец. – Я в порядке. – На секунду он замаялся, но потом неуверенно улыбнулся.

Было ясно, что за план появился у Ходжепила. Лошадей вели по одной вдоль узкой оленьей тропы, которая обрамляла крутой берег. Мы были почти в миле от водопада, но воздух все еще полнился его ревом. Стенки ущелья круто спускались к воде почти на пятьдесят футов вниз, а противоположный берег был таким же резким и заросшим.

Густые кусты скрывали кромку воды, но я видела, как здесь разливается река, становясь медленнее и мельче. Если нет опасных течений, лошадей можно аккуратно отвести вниз по течению и выбраться на сушу в каком-нибудь случайном месте на противоположном берегу.

С усилием я заставила себя прекратить оглядываться через плечо, проверяя, не подошла ли неумолимая погоня. Сердце испуганно билось. Если Джейми поблизости, то он выждет, чтобы напасть на отряд в воде, когда люди наиболее уязвимы. Но даже если его здесь нет, переходить реку – дело непростое. Если уж и пытаться сбежать...

– Ты не должен с ними идти, – просто сказала я Тэббе. – Иначе тоже умрешь.

Рука под моими пальцами судорожно дернулась. Он посмотрел на меня раскрытыми от удивления глазами. Белок глаз был болезненно желтым, а радужка будто расколота, нарушена, это придавало его глазам странное, неясное выражение.

– Ты знаешь, я сказала ему правду. – Я кивнула на Ходжепила, чья фигура маячила чуть вдалеке. – Он умрет. И все, кто с ним. Но тебе не нужно умирать.

Он что-то забормотал себе под нос и прижал кулак к груди. Там что-то висело на шнурке, выглядывая из-под рубашки. Я не знала, был ли это крест или какой-то языческий амулет, но, казалось, он отвечал на мои слова положительно.

Из-за близости к реке воздух был влажным, он пах водой и зеленью.

– Вода – мой друг, – продолжала я, пытаюсь окружить себя мистической аурой, подходящей для колдуньи. Я была плохим лжецом, но сейчас лгала ради спасения собственной жизни. – Когда зайдем в воду, отпусти меня. Водяной конь поднимется со дна и унесет меня с собой.

Глаза его не могли расширяться больше. Очевидно, он слышал о келпи или о чем-то похожем. Даже на таком расстоянии от потока в его реве можно было разобрать голоса, если хорошенько прислушаться.

– Я никуда не пойду с водяным конем, – убежденно сказал он. – Я про них знаю. Они утягивают вниз, топят тебя и поедают.

– Меня он не съест, – заверила я его. – Тебе не придется к нему приближаться. Просто стой смиренно, когда окажемся в воде. Держись от меня чуть в стороне.

Если он так и поступит, то я уйду под воду и буду грести изо всех сил еще до того, как он успеет произнести «Джек Робинсон». Я готова была биться об заклад, что большинство бандитов плавать не умеют: в горах мало кто мог этим похвастаться. Я напрягла мышцы на ногах, готовясь к броску, боль и напряжение таяли в наплыве адреналина. Половина мужчин с лошадьми уже спустились с берега, я подумала, что смогу задержать Тэббе, пока все они не окажутся в воде. Даже если он не станет потворствовать побегу и я просто выскользну, он вряд ли попытается поймать меня.

Он неохотно потянул меня за руку, и я резко остановилась.

– Ой! Погоди-ка, я наступила на колючку.

Я задрала одну ногу, глядя на пятку. Благодаря грязи и прилипшей смоле никто не смог бы сказать наверняка, наступила ли я на колючий сорняк, ежевичный шип или даже гвоздь от подковы.

– Мы должны идти, женщина.

Я не знала, была ли причина в моей близости, реве воды или мыслях о водяном коне, но что-то тревожило Тэббе так, что он весь покрылся потом. Его запах сменился с обычного мускуса, на что-то более острое и резкое.

– Секунду, – сказала я, изображая, что вытаскиваю что-то из ноги. – Почти закончила.

– Оставь это. Я перенесу тебя.

Тэббе тяжело дышал, глядя туда и обратно от меня к краю ущелья, где оленья тропа терялась в зарослях, как будто опасаясь возвращения Ходжепила.

Но не он выскочил из кустов. Это был Лайонел Браун с искаженным злой решительностью лицом, за ним стояли двое молодых парней, таких же решительных.

– Я возьму ее, – заявил он без всяких экивоков, схватив мою руку.

– Нет. – Тэббе рефлексивно схватил меня за другую и потянул.

Последовало не слишком изящное перетягивание каната: мистер Браун и Тэббе по очереди дергали меня. Но прежде чем они разорвали меня на две части, Тэббе, к счастью, поменял тактику. Отпустив руку, он перехватил меня за талию и одной ногой пнул мистера Брауна.

В результате мы с Тэббе упали назад беспорядочной кучей, а Браун потерял равновесие, хотя я и не сразу это поняла. Все, что я услышала, это громкий крик и звуки неуверенных шагов, за которыми последовал грохот потревоженных камней, летящих по крутому склону.

Отделившись от Тэббе, я обнаружила оставшихся мужчин вокруг красноречивой вмятины в кустах, окаймляющих ущелье. Один или два торопливо тащили веревки, раздавались противоречивые команды, из которых я сделала вывод, что мистер Браун действительно свалился в ущелье, но мертвым пока не считался.

Я быстро сменила направление, намереваясь нырнуть в густые заросли, но вместо этого натолкнулась на пару поношенных ботинок, принадлежащих Ходжепилу. Он схватил меня за волосы и дернул, заставив вскрикнуть от боли и рефлексивно отразить нападение. Я попала как раз в солнечное сплетение. Он охнул и раскрыл рот, пытаясь вдохнуть, но не ослабил железную хватку.

Кидая на меня гневные взгляды, он отпустил мои волосы и толкнул меня коленом к краю ущелья. Один из молодых парней цеплялся за кусты, осторожно переставляя ноги вниз по склону, пытаясь найти опору, одна веревка обхватывала его талию, другая висела кольцом на плече.

– Чертова шлюха! – орал Ходжепил, наклоняясь над примятыми кустами и впиваясь пальцами мне в руку. – Что ты сделала, стерва?

Он скакал по краю ущелья, как Румпельштильцхен, потрясая кулаком и выкрикивая бес-связные проклятия то в мою сторону, то своему покалеченному сообщнику. Тем временем началась спасательная операция. Тэббе отошел на безопасное расстояние и принял обиженный вид.

Наконец громко стонущего Брауна подняли и уложили на траву. Те мужчины, что еще не успели войти в воду, собрались вокруг, возбужденные и вспотевшие.

– Ты попробуешь излечить его, колдунья? – спросил Тэббе, скептически глядя на меня. Не знаю, усомнился ли он в моих способностях или в моем намерении действительно помочь Брауну, но я немного неуверенно кивнула и шагнула вперед.

– Думаю, да.

Клятва есть клятва, хотя я задумалась, попадал ли сам Гиппократ в подобную ситуацию. Возможно, попадал: у древних греков кровь была горячая.

Мужчины охотно расступились передо мной, было ясно, что, как только они вытащили Брауна из ущелья, они совсем растерялись и понятия не имели, что с ним делать дальше.

Я совершила беглый осмотр. Кроме многочисленных порезов и ушибов и толстого слоя грязи и пыли, мистер Лайонел получил по крайней мере два перелома ноги, сломал запястье и, скорее всего, пару ребер. Лишь один перелом ноги был открытым, но довольно неприятным: острый край бедренной кости проткнул кожу и бриджи, вокруг расплывалось красное пятно.

К сожалению, он не задел бедренную артерию. Случись это, он был бы уже мертв. Хотя мистер Браун, похоже, и так уже не представлял для меня опасности – это хорошие новости.

В отсутствие каких-либо медикаментов и элементарной аптечки, если не считать пары грязных шейных платков, еловой ветки и виски из бочонка, я была довольно ограничена в своих возможностях. Мне удалось, с немалыми усилиями и большими количеством виски, вправить кость и наложить шину. Браун при этом не испустил дух от болевого шока, что было в сложившихся обстоятельствах немалым достижением.

Работа была трудная, и я что-то бормотала себе под нос, я даже не заметила, что делаю это, пока не увидела Тэббе, сидящего на корточках с другой стороны от Брауна и с интересом меня рассматривающего.

– О, ты проклинаешь его, – сказал он одобрительно. – Да, это хорошая идея.

Глаза мистера Брауна расширились и поползли на лоб. Он был едва в сознании от боли и серьезно пьян, но не так пьян, чтобы пропустить это мимо ушей.

– Заставь ее прекратить! – загомосил он хрипло. – Сюда, Ходжепил, заставь ее остановиться! Пусть заберет все обратно!

– А в чем дело? Что ты сказала, женщина?

Ходжепил немного успокоился, но от криков Брауна его враждебность тут же вернулась. Он наклонился вниз и схватил меня за запястье, как раз когда я начала прощупывать искалеченный торс Брауна. Это было то самое запястье, что он так немилосердно выкручивал накануне, острая боль вспыхнула в предплечье.

– Если вам так нужно знать, я, кажется, сказала: «Иисус твою Рузвельт Христос», – огрызнулась я. – А ну пусти!

– Это то же самое, что она сказала, когда проклинала тебя! Уйди от меня! Не позволяй ей ко мне прикасаться!

В панике Браун попытался отползти от меня – очень плохая идея для человека со свежими переломами. Он побледнел как полотно под слоями грязи, и глаза его закатились.

– Смотрите! Он мертв! – воскликнул один из наблюдателей. – Она это сделала! Она его и правда прокляла!

Это заявление вызвало бурную реакцию – Тэббе и его сторонники праздновали свою правоту, я протестовала, друзья и родственники Брауна встревоженно загомосили, один из них склонился к нему и прижал ухо к груди.

– Он жив! – воскликнул мужчина. – Дядя Лайонел! Ты в порядке?

Лайонел Браун громко застонал и открыл глаза, вызвав тем самым новую волну самых разных реакций. Молодой человек, который звал его дядей, достал из-за пояса большой нож и

ткнул им в меня. Его глаза были открыты так широко, что по всему диаметру радужки были видны белки.

– Назад! – орал он. – Не смей к нему притрагиваться!

Я подняла руки ладонями вверх, демонстрируя капитуляцию.

– Ладно! – зло выпалила я. – Не буду!

На самом деле я почти ничего не могла больше сделать для Брауна. Нужно было следить, чтобы он находился в сухом тепле и много пил, но что-то мне подсказывало, что Ходжепил вряд ли последует моим рекомендациям.

Он и не собирался. Лишь иступленно орал, подавляя начавшийся было бунт, а потом скомандовал пересекать ущелье, и быстро.

– Тогда положите его на носилки, – нетерпеливо ответил он на протесты племянника Брауна. – Что касается тебя... – Он повернулся, сверкая на меня глазами. – Никаких выкрутасов, ясно?

– Убей ее, – захрипел лежащий Браун. – Убей прямо сейчас.

– Убить ее? Черта с два, приятель. – Глаза Ходжепила злобно заблестели. – Что от живой, что от мертвой, мне от нее вреда не будет, но за живую можно будет поторговаться. В любом случае я буду держать ее в узде.

Ходжепил никогда не убирал нож далеко. Он мгновенно вынул его и схватил мою руку. Не успела я опомниться, как нож вошел в мою кожу у основания указательного пальца.

– Ты ведь помнишь, что я тебе говорил? – процедил он сквозь зубы, его лицо расслабилось в предвкушении. – Ты не нужна мне целой.

Я помнила. Горло пересохло от страха, я вся похолодела. Кожа горела возле пореза, боль, как молния, побежала по нервным окончаниям. Желание отдернуть руку было так сильно, что мышцы сводило судорогой.

Я живо представила кровотокащий обрубок, шок от перелома, разрезанную плоть, ужас невосполнимой потери. Но позади Ходжепила на ноги поднялся Тэббе. Его странный затуманенный взгляд зачарованно остановился на мне с выражением священного ужаса. Я видела, как сжимается его кулак, как двигается его горло, и почувствовала, как ко мне возвращаются силы. Если я хотела сохранить его защиту, мне нужно было укрепить его веру.

Я перевела глаза на Ходжепила и заставила себя придвинуться ближе. Моя кожа от страха дрожала и подергивалась, кровь шумела в ушах громче, чем водопад, но я открыла глаза пошире. Колдовские глаза, как говорили иные. Очень медленно я подняла вторую руку, все еще обгавленную кровью Брауна, и поднесла измазанные пальцы к лицу Ходжепила.

– Я помню, – сказала я хриплым шепотом. – А ты помнишь, что я сказала?

Он бы сделал это. Я видела, как решимость сверкнула в его глазах, но прежде чем он успел прижать лезвие посильнее, молодой индеец с взлохмаченными волосами бросился вперед и перехватил его руку с воплем ужаса. Ходжепил отвлекся и ослабил хватку, так что я смогла выдернуть руку.

В то же мгновение Тэббе и еще двое мужчин рванулись вперед, руки на ножах и рукоятках пистолетов.

Худое лицо Ходжепила было искажено гневом, но внезапная жажда крови уже утихла. Он опустил нож, угроза отступила.

Я открыла рот, чтобы сказать что-нибудь, что поможет сильнее раскачать ситуацию, но меня опередил тревожный крик племянника Брауна.

– Не давайте ей говорить! Она проклянет нас всех!

– Седьмое пекло! – сказал Ходжепил, чья ярость перешла в обычное раздражение.

Я использовала несколько шейных платков, когда вправляла Брауну кость. Ходжепил остановился, поднял один из них с земли, скатал его в шар и сделал шаг в мою сторону.

– Открывай рот, – сказал он резко и, схватив мою челюсть одной рукой, заставил меня открыть рот и засунул туда грязную тряпку. Он кинул взгляд на Тэббе, который уже дернулся вперед.

– Я не убью ее. Но она больше ни слова не скажет. Ни ему, – он кивнул на Брауна, потом на Тэббе, – ни тебе. Ни мне. – Он обернулся на меня, и, к своему удивлению, я увидела опасение в его глазах. – Никому.

Тэббе выглядел неуверенным, но Ходжепил уже завязывал собственный шейный платок вокруг моей головы, закрепляя кляп.

– Ни слова, – повторил Ходжепил, оглядывая всю компанию. – А теперь в путь!

* * *

Мы пересекли реку. Удивительно, но Лайонел Браун выжил. Однако процесс затянулся, и солнце уже заходило за горизонт, когда мы разбили лагерь в двух милях от ущелья на дальней стороне. Все промокли, поэтому огонь развели без всяких обсуждений. Недоверие и разногласия между мужчинами никуда не делись, но притупились водой и усталостью. Они были слишком измотаны для споров.

Руки мне связали довольно свободно, а ноги трогать не стали. Я дошла до поваленного ствола у огня и опустилась вниз, совершенно опустошенная. Я вымокла и замерзла, мышцы дрожали от перенапряжения – от реки меня заставили идти пешком. Я впервые начала сомневаться в том, найдет ли меня Джейми. Хоть когда-нибудь.

Возможно, он пошел за второй группой бандитов. Возможно, он нашел их и атаковал, был убит или ранен. Я закрыла глаза, но открыла их снова, чтобы избежать тревожных видений. Меня по-прежнему беспокоила судьба Марсали. Что ж, либо они нашли ее вовремя, либо нет. В любом случае ее судьба уже решена.

Костер был хорош – хоть что-то. Замерзшие, промокшие и голодные мужчины принесли много хвороста. Тихий низкорослый негр следил за огнем, а пара подростков рылась в тюках с едой. Над костром повесили котелок с водой и куском солонины, молодой индеец с львиной гривой насыпал в миску кукурузной муки и положил шматок топленого жира.

Еще немного сала плавилось на сковороде. Пахло просто фантастически. Слюна наполнила рот и тут же впиталась в кусок ткани, служивший мне кляпом. Но, несмотря на дискомфорт, запах пищи меня взбодрил. Мой корсет немного разошелся за последние сутки, проведенные в дороге, но теперь снова туго обхватывал меня по мере того, как высыхали и сжимались шнурки на спине. Кожа чесалась под тканью, но тонкие косточки из китового уса давали мне чувство поддержки, в котором я нуждалась сейчас более всего.

Двое племянников мистера Брауна, Аарон и Мозес, теперь я знала их имена, медленно проковыляли в лагерь, между ними покачивались самодельные носилки. Они с облегчением опустили их возле огня, вызвав громкий вскрик содержимого.

Мистер Браун пережил переправу, но она не принесла ему ничего хорошего. Конечно, я сказала им, что ему нужно пить много жидкости. Мысль растревожила меня, несмотря на усталость, и я стала издавать приглушенное фырканье из-под кляпа.

Один из подростков услышал меня и участливо потянулся к узлу за моей головой, но почти сразу уронил руку, потому что на него рывкнул Ходжепил:

– Оставь ее!

– Но... Разве ей не нужно поесть, Ходж? – Мальчик кинул на меня обеспокоенный взгляд.

– Нет, пока еще нет. – Ходжепил уселся передо мной на корточки, оглядывая меня с ног до головы. – Усвоила урок?

Я не двинулась с места. Просто сидела и смотрела на него, вкладывая во взгляд столько презрения, сколько возможно. Порез на пальце горел, ладони начали потеть, но я смотрела не

отрываясь. Он попытался ответить мне тем же, но у него не вышло – глаза у него бегали. Это его разозлило, впалые скулы залились краской.

– Прекрати пялиться на меня!

Я медленно моргнула один раз и продолжила смотреть, изображая легкое удивление при общем безразличии. Он выглядел довольно изможденным, наш мистер Ходжепил. Под глазами темные круги, резкие морщины, обрамляющие рот, будто вырезаны из дерева. Рубаха возле подмышек влажная от свежего пота. Постоянное запугивание, должно быть, отнимает много сил.

Вдруг он поднялся, схватил меня за руку и потянул за собой.

– Ты будешь сидеть там, где у тебя не выйдет пялиться, сука, – пробормотал он и конвоировал меня мимо костра, подталкивая в спину. Чуть в стороне от лагеря он нашел подходящее дерево. Он освободил мои руки и заново связал, затянув веревочную петлю вокруг моей талии и зафиксировав в ней кисти. Затем он толчком усадил меня на землю, соорудил грубый аркан со скользящим узлом и набросил мне на шею, привязав свободный конец к дереву.

– Это чтобы ты не сбежала, – сказал он, туго затягивая грубую пеньковую веревку на моей шее. – Не хочу, чтобы ты заблудилась. Вдруг тебя съест медведь, что тогда, а?

К нему вернулось чувство юмора, он от души рассмеялся и все еще хихикал, уходя. Но потом Ходж обернулся через плечо, а я прямо сидела на земле, глядя на него, и веселье внезапно покинуло мужчину. Он повернулся и быстро пошел к лагерю, его плечи были напряжены до предела.

Несмотря на голод, жажду и неудобства, я чувствовала глубокое, хотя, может, и временное, облегчение. Если, строго говоря, я и не была одна, меня по крайней мере не было видно, и даже такая кроха уединения казалась блаженством. Я сидела примерно в двадцати ярдах от костра, вне зоны видимости мужчин. Когда я привалилась к стволу дерева, все мышцы лица и тела мгновенно опали, расслабились, и я ощутила, как меня сотрясает дрожь, хотя было не холодно.

Скоро. Джейми точно скоро найдет меня. Если только... Я отбросила все сомнения, как будто они были смертельно опасным скорпионом. Так же, как все мысли о Марсали или о том, что может случиться, если или когда – нет, когда – Джейми найдет нас. Я не знала, как он это сделает, но сделает обязательно. Просто найдет, и все.

Солнце почти село, под деревьями тени скапливались в лужицы темноты, и свет медленно мерк в воздухе, делая цвета смутными, а лес вокруг двумерным, плоским. Где-то рядом бежала вода, слышался крик случайной птицы в кронах. Вечер становился прохладным, и все вокруг утихало, уступая стрекоту сверчков. Я уловила движение в стороне и разглядела кролика, серого в сумерках. Он сидел на задних лапках под кустом в нескольких футах от меня и подергивал носом. От обыденности этого наблюдения глаза у меня защипало. Я сморгнула слезы, и кролик исчез.

Эта сцена вернула мне самообладание. Я провела несколько экспериментов, проверяя возможности моих новых пут. Ноги были свободны – прекрасно. Я могла приподняться на полусогнутых, не очень изящно, и проковылять по-утиному вокруг дерева. Что еще лучше – на дальнем конце можно было облегчиться в одиночестве.

К сожалению, мне не удавалось встать во весь рост или дотянуться до узла, который опоясывал ствол. Веревка то соскальзывала, то цеплялась за кору, и узел обескураживающе оставался на противоположной стороне ствола, который составлял около трех футов в диаметре.

В моем распоряжении было около двух футов веревки между стволом и петлей на шее: достаточно, чтобы лечь или повернуться со стороны на сторону. Ходжепил явно был неплохо знаком со способами удержания пленников. Я подумала о доме О'Брайенов и двух телах, найденных там. Двое старших детей пропали. Меня снова сотрясла дрожь.

Где они были? Проданы индейским племенам как рабы? Оказались в портовом борделе? Или на корабле, плывущем к сахарным плантациям Вест-Индии?

Я не питала иллюзий в отношении собственной ценности и понимала, что подобная безрадостно-экзотическая участь ждет и меня. Я была слишком стара, слишком непокорна и, увы, слишком известна. Нет, моя единственная ценность для Ходжепила состояла в знании о складе виски. Как только он сможет его унюхать, он перережет мне глотку без лишних сантиментов.

Запах жареного мяса разлился в воздухе, наполняя рот слюной, – долгожданное облегчение, несмотря на урчание в желудке: от кляпа немилосердно пересыхало во рту.

Я ощутила, как подступила тревога и судорожно напряглись мышцы. Мне не хотелось думать о кляпе. Или о веревках на шее и запястьях. Было слишком легко поддаться панике в этом состоянии и измотать себя в бесплодной борьбе. Нужно было беречь силы. Я не знала, когда и при каких обстоятельствах они мне понадобятся, но точно понадобятся. Лишь бы поскорее, взмолилась я мысленно. Пусть будет поскорее.

Мужчины принялись за еду, дневные распри забылись за долгожданным ужином. Они были слишком далеко, чтобы я могла услышать, о чем они говорят, вечерний бриз доносил до меня лишь случайные слова и предложения. Я повернула голову, позволив ветру смахнуть волосы с лица, и заметила длинную узкую полоску неба над далеким ущельем – она светилась глубокой неземной синевой, будто хрупкий слой атмосферы истончился и сквозь него проглядывала космическая тьма.

Одна за другой зажигались звезды, и я забылась, наблюдая за ними, считая их: одна, другая, третья... Я касалась их, будто бусин на четках, называла их имена, те, что знала, утешаясь этими звуками как заклинаниями, хотя понятия не имела, имеют ли они отношения к небесным телам, на которые я смотрю. Альфа Центавра, Денеб, Бетельгейзе, Плеяды, Сириус, Орион...

Мне удалось успокоить себя до такой степени, что я задремала, но скоро проснулась, густая темнота уже опустилась на лес. Сквозь кусты пробивались неверные отблески пламени, окрашивая розовым мои голые ноги. Я вздрогнула и потянулась, пытаюсь расслабить онемевшие мышцы спины. Ходжепил, похоже, счел, что он уже в полной безопасности, раз позволил разжечь такой большой костер.

Ветер донес до меня громкий стон – Лайонел Браун. Я поморщилась, но помочь ему в своем нынешнем состоянии ничем не могла. Послышались шаги и голоса, кто-то подошел к нему.

- ...горячий, как ствол пистолета... – сказал кто-то слегка обеспокоенно.
- ...привести женщину?
- Нет, – раздался уверенный голос. Ходжепил. Я вздохнула.
- ...воды. Этому делу никак не поможешь...

В надежде узнать, что происходит у костра, я вслушивалась так внимательно, что не сразу заметила шорохи в ближайших кустах. Это были не медведи: только они производят столько шума, но не хихикают при этом. Хихиканье было сдавленным, приглушенным, то и дело прерывающимся. Еще слышался шепот, но разобрать слов мне не удалось. Над кустом висела атмосфера подростковых проказ, так что я почти сразу догадалась, что это кто-то из юных членов банды.

– ...что ж, тогда давай! – уловила я чей-то раздраженный шепот, сопровождаемый треском: кого-то с силой припечатали к дереву. Еще один треск – возмездие.

Еще шорохи. Шепот, шепот, хихиканье, фыркание. Я выпрямилась, пытаюсь сообразить, что, черт возьми, они задумали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.